

Седжал | качели
Бадани | судьбы

РОЗА ВЕТРОВ

МОЖЕТ ЛИ ЦЕНА ИСТИННОЙ
ЛЮБВИ ОКАЗАТЬСЯ
СЛИШКОМ ВЫСОКА?

Седжал Бадани
КАЧЕЛИ
СУДЬБЫ

АРКАДИЯ

2000 год, Нью-Йорк. Даже у самых успешных людей случаются трудные периоды в жизни. Джайя, популярная журналистка, мечтает о материнстве, но, будучи не в состоянии выносить ребенка, очень страдает. Не вытерпев гнетущей атмосферы в доме, от нее уходит любимый муж. С каждым днем молодая женщина все больше погружается в пучину отчаяния. Но неожиданно качели судьбы качнулись в другую сторону, и вот Джайя, покинув Америку, летит в Индию, на родину своих предков. Очарованная экзотическими запахами, яркими цветами и ослепительным солнцем, девушка решает задержаться в этой стране подольше, чтобы до конца выяснить историю своей семьи, хранимую матерью за семью печатями. Из уст «неприкасаемого» Рави Джайя узнает трагические подробности роковых отношений и мучительной смерти своей бабушки Амиши, необыкновенной женщины, умевшей красиво мечтать и страстно любить. Тайны прошлого помогают Джайе многое понять, примириться с собой и вновь обрести гармонию и надежду на счастье.

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labirint.ru

16+

Знак информационной продукции

ISBN 978-5-907338-05-0

9 785907 338050 >

ПОЗА БЕТРОВ

СЕДЖАЛ БАДАНИ
КАЧЕЛИ
СУДЬБЫ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
Б15

Sejal Badani
THE STORYTELLER'S SECRET

Перевела с английского
Ольга Полей

Художник
Ирина Бабушкина

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Печатается с разрешения *Amazon Publishing, www.apub.com*.
Издательство выражает благодарность литературному агентству
Synopsis за содействие в приобретении прав

Бадани С.

Б15 Качели судьбы : [роман] / Седжал Бадани; [пер. с англ. О. Полей]. — СПб. : Аркадия, 2021. — 416 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-907338-05-0

Перед нами — судьбы трех индийских женщин, бабушки, дочери и внучки, каждая из которых несет свой «крест». Можно ли быть примерной матерью, заботливой женой и при этом всем сердцем любить другого мужчину? И каково это — ежедневно сражаться с призраками прошлого и всю жизнь терзаться от нанесенных в детстве обид? Или, отчаявшись после нескольких неудач, навсегда потерять веру в собственные силы?

Индийская писательница Седжал Бадани вновь очаровывает читателя захватывающей семейной сагой, где смех и слезы, любовь и ненависть, смерть и рождение соседствуют друг с другом.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

© Sejal Badani, 2018
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2021

ISBN 978-5-907338-05-0

*Бени Кнауэр,
я навеки благодарна тебе за дружбу,
советы, поддержку и за то,
что ты всегда верила в эту историю.
Ты без преувеличения уникальная личность.
Спасибо тебе, самая дорогая моя подруга.*

ПРОЛОГ

Лето 2000 года

У двадцати процентов женщин случаются выкидыши. Восемьдесят процентов из этих двадцати теряют ребенка в первые двенадцать недель беременности. Если вы старше тридцати, вероятность выкидыша для вас равна по меньшей мере двенадцати процентам, и с каждым годом эта цифра растет.

Такие статистические данные и многие другие я могу привести по памяти, так как изучала их без конца с тех самых пор, как мы только начали свои попытки, а это было больше пяти лет назад. За долгие годы я провела бесчисленное количество часов в библиотеке и в Интернете, надеясь найти информацию о каком-нибудь новом исследовании или лекарстве, которые повысят мои шансы доносить плод и родить здорового малыша. И раз за разом подтверждалось одно и то же: на одного рожденного младенца приходится множество тех, кому не суждено пройти стадию внутриутробного развития; на каждую женщину, качающую на руках дитя, найдется та, что с тоской мечтает услышать детский плач, чтобы было кого утешать; на каждую пару, благополучно ожидающуюся прибавления семейства, имеются те, кому никогда не стать родителями.

Я не свожу глаз с зажатой в руке распечатки эхограммы. Переворачиваю ее другой стороной, затем вверх

ногами. Я уже наизусть помню рисунок черно-белых волнистых линий вокруг единственного портрета моего ребенка, которым мне приходится довольствоваться. Мысленно я расцвечиваю изображение недостающими красками и воображаю, что жидкость, в которой он (или она) плавает, — чистая, теплая, как в ванночке. Мне уже кажется, что колеса пригородного поезда вместо привычного скрежета теперь издают совсем другие звуки, похожие на симфонию, убаюкивающую мое дитя. Страх, пронизывающий каждую клеточку моего тела, не в силах пробиться к матке. Мой малыш живет в мире счастья и радости, его ждет безоблачное будущее.

— Джайя. — Дверь кабинета приоткрывается — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы моя стажерка Элизабет могла просунуть голову. — Звонок от Патрика. — С недоумевающим видом она смотрит на мой телефон с двумя мигающими огоньками. — Я вам звонила, но никто не отвечал.

— Прошу прощения, заработалась над статьей, сейчас отвечу, — киваю я.

Элизабет бросает взгляд на черный экран моего монитора, но ни о чем не спрашивает. Если честно, я не слышала ни телефонного звонка, ни стука в дверь. Дождавшись, когда она удалится, беру трубку:

— Патрик?

— Привет, детка.

Голос мужа знаком мне, как мой собственный. Мы ведь начали встречаться еще в колледже, а поженились восемь лет назад, и за это время я отлично изучила все его интонации и их значение. По торопливому приветствию догадываюсь, что Патрик не отрывает взгляда от экрана компьютера, а трубку прижимает к уху плечом. Дело к вечеру, следовательно, он наверняка допивает пятую чашку кофе. В юридической школе муж пытался бросить эту привычку, и ему это даже удалось. Однако уже

в первый год работы в крупнейшей адвокатской фирме Нью-Йорка его ежедневная доза увеличилась до шести, а когда и до восьми чашек в день.

— Хочешь, возьмем сегодня китайской еды навynos? — спрашивает он.

Фоном я слышу, как Патрик барабанит по клавишам, а потом шуршит бумагами.

— А можно обойтись бургерами с жареной картошкой. Опять, — добавляет он с шутливым намеком.

Если мы сегодня поужинаем бургерами, это будет уже четвертый раз за неделю: с начала беременности, то есть уже четырнадцать недель подряд, мне ужасно хочется питаться только ими и ничем другим. В прошлый раз меня всю беременность тянуло на итальянскую еду, а в позапрошлый вообще аппетита не было, потому что беспрестанно тошнило.

— Патрик. — Мои пальцы сжимаются, крепко сжимая снимок. Другой рукой я до боли прижимаю к уху трубку. — У меня... — Я умолкаю, не зная, как это говорить.

Он прекращает печатать и тяжело вздыхает.

— Джайя...

Я слышу в его голосе тоскливую нотку, и дыхание у меня перехватывает. Больше ничего не нужно говорить — он уже все понял.

— Ты звонила врачу?

— Нет еще, — шепотом отвечаю я.

— Когда началось кровотечение? — Голос у него уже другой — так он говорит, когда выступает в суде.

А мой голос слабеет и наконец становится еле слышным. Это наш с Патриком танец — за эти годы нам волей-неволей пришлось его разучить. С каждым па я все хуже держусь на ногах, зато муж делается сильнее.

Никогда не думала, что стану такой. Но ведь жизнь редко соответствует нашим ожиданиям, это я уже поняла.

Вот Патрик — исключение из этого правила. У него все всегда идет по плану. Прирожденный адвокат, он весь оживает, когда произносит речи перед скучающими судьями и колеблющимися присяжными. Классически представительная внешность, солидный голос и острый ум уже помогли ему выиграть столько дел, что по итогам голосования он стал одним из самых молодых партнеров в истории своей юридической фирмы. Именно этого он и ждал, это и планировал сразу после окончания юридической школы.

А я выбрала журналистику. При моей любви к письменному слову в сочетании с одержимостью фактами и цифрами это была для меня идеальная профессия. Мама тогда еще разочарованно спросила — почему не медицина?..

— Два часа назад, — признаюсь я и жду ответа, чтобы понять по его манере, кто он сейчас — адвокат, просто мужчина или безутешный отец,

— Я буду ждать тебя у врача, — говорит Патрик, и голос у него резкий. — Там увидимся.

Значит, все еще адвокат. Такой настрой поможет ему всецело сосредоточиться на медицинских аспектах и принять как факт то, чего я принять не в состоянии. Я с завистью думаю о том, какой он сильный, и отчаянно пытаюсь справиться с силами, но ничего не выходит, и я вешаю трубку, прежде чем мы успеваем что-то еще сказать друг другу.

Не желая расставаться со снимком, заталкиваю его в карман брюк, чтобы не потерять. Затем провожу рукой по животу в надежде, что оттуда последует знак, что все в порядке. И тогда отпадет необходимость бежать к доктору и с тревогой ждать ее вердикта. Я убеждаю себя, что мое дитя спокойно сидит в матке и, когда придет время, благополучно появится на свет. Жду, жду... но знака нет — никакого, даже слабого намека, и тогда

я выключаю компьютер и задвигаю кресло под стол. Щелкаю выключателем — кабинет погружается в темноту — и выхожу за дверь.

***

Я через силу открываю глаза после наркоза. Часто моргаю и теперь уже ясно вижу Патрика с врачом-акушером, тихо беседующих в углу.

— Ей не менее недели будет необходим постельный режим, — говорит врач Патрику. — Ничего тяжелого не поднимать, не перенапрягаться.

— Когда можно будет попытаться снова? — с трудом выговариваю я, преодолевая слабость.

Они разом оборачиваются — в изумлении от того, что я так быстро пришла в себя.

— Сколько месяцев ждать?

Они переглядываются, и мне становится ясно, что этот вопрос уже обсуждался.

— Дорогая, давай сначала позаботимся о тебе. — Патрик подходит ко мне и гладит по голове.

— Пожалуйста, скажите когда? — Слова вылетают у меня изо рта с жалобным звоном, словно осколки стекла.

После предыдущей беременности мы ждали полгода. Патрик склонялся к тому, чтобы подождать еще, но мне не терпелось взять на руки любимое дитя. Каждая беременность — это растянутые на месяцы ЭКО-процедуры, уколы, лекарства и подробно расписанный календарь овуляции. После всего этого каждый выкидыш становился горьким разочарованием, которое нужно было как-то пережить, хотя оно никак не хотело укладываться в голову.

— Во время выскабливания произошла перфорация матки. — Врач бросает взгляд на цветную диаграмму, висящую на стене, и только потом смотрит мне в глаза. — Это редко, но случается.

— Вам удалось зашить разрыв? — Горло перехватывает от горя, мне не хватает воздуха.

— Да. Шов небольшой. Все должно полностью зажить без осложнений. — Она говорит о моем будущем так, словно я какой-нибудь научный проект: короткими рублеными фразами, без всяких эмоций.

— Что это означает для нас? — спрашиваю я.

— Что вам придется подождать с зачатием по меньшей мере год, — произносит она безапелляционным тоном, против которого все во мне восстает. — Мы будем контролировать, как идет процесс восстановления, но в большинстве случаев рекомендуется именно такой срок.

— Должен же быть какой-то другой выход! — Отчаяние охватывает меня, словно петлей, и эта петля затягивается так туго, что все тело немеет. После трех выкидышей и штормового прилива эмоций я ищу, за какую бы соломинку ухватиться, и не нахожу. — Может быть, есть какие-нибудь средства, ускоряющие процесс?

— Джайя... — Патрик проводит рукой по волосам и, тяжело вздохнув, произносит: — Давай поговорим об этом после, хорошо?

Прежде чем я успеваю ответить, Патрик быстрым шепотом что-то говорит доктору. Она кивает и выходит из палаты. Я гляжу ей вслед и комкаю в пальцах больничную простыню, но больше ничем не выдаю своего безысходного горя.

— Как ты себя чувствуешь? — Патрик опускает поручень кровати и садится рядом со мной.

Боль обжигает живот и поясницу. После каждого выкидыша нам называли кучу причин, почему мой организм отказывается донашивать ребенка, но никто ни разу не сказал, что с этим делать.

— Это же простое выскабливание. — Я высчитываю в уме, сколько времени теперь пройдет от начала нового

цикла ЭКО до собственно беременности, и в отчаянии решаюсь на новый план. — Нам нужно найти другого врача. Может быть, целый год ждать не придется.

— Дорогая... — Патрик ждет, когда наши взгляды встретятся, и только тогда договаривает: — Давай пока думать о твоём выздоровлении. Остальное успеется.

— Нет! Я наведу справки о разных врачах и выберу самого лучшего. — Я почти не слушаю его: в голове у меня бурлят все новые и новые идеи. Планы помогают отвлечься от реальности. — Наверняка папа кого-нибудь знает.

— Я против обращения к другому доктору, — медленно произносит Патрик.

— Почему?! — В волнении я привстаю на кровати.

— Потому что не знаю, хочу ли этого...

ДЖАЙЯ

2000 год, три месяца спустя

1

Когда мне было пять лет, я стала выпрашивать у мамы собачку. Все равно какой породы, без разницы — большую или маленькую. Просто хотелось иметь родное существо, чтобы было кого любить и крепко-крепко обнимать. И мама сделала мне сюрприз: через три дня после моей последней просьбы щенок уже сидел, привязанный за поводок, и ждал меня. Лучший в мире щенок! Я таскала его с собой повсюду и каждую ночь засыпала с ним в обнимку. Через несколько месяцев песик выскочил со двора и пропал. Я сидела на кровати и плакала часами напролет, а мама стояла в дверях моей комнаты и молча смотрела на меня. Наконец, совсем обессилив от горя, я уснула. Только наутро я поняла, что мама заходила ночью — укрыть меня одеялом и погасить свет. О моей утрате она не проронила ни слова.

***

Я гляжу, как бьется о камни вода. Где-то вдалеке раздается гудок — это подает сигнал корабль, идущий по Гудзону. Поплотнее закутываюсь в куртку. Вес, набранный за время беременности, ушел, и вместе с ним исчез согревающий слой, которого мне сейчас так не хватает.

Холод пробирается под шерстяную ткань, и меня колотит дрожь.

Я снимаю темные очки и запрокидываю лицо вверх, к солнцу, выглядывающему из-за туч. Еще только октябрь, но температура заметно упала, словно предупреждая: скоро зима. Я не боюсь ни холода, ни снега. Это законный повод закутаться в несколько слоев одежды и спрятаться от всего мира. Еще недавно я не думала, что собственное общество станет для меня предпочтительнее любого другого, но кто же знал, что жизнь так повернется.

Я засовываю ладони под себя и откидываюсь на спинку скамьи. Сажу, слушаю сигналы автомобилей и оглушительные судовые гудки и радуюсь передышке: эти звуки заглушают неумолкаемое эхо печали в голове.

— Прости, я опоздал.

— Все в порядке, — говорю я, не оборачиваясь, хотя мы оба знаем, что это ложь. Все совсем не в порядке и неизвестно, будет ли в порядке хоть когда-нибудь. — Как дела на работе?

— Все в порядке.

Вот, значит, что нам теперь осталось — повторять друг за другом, как попугаи. Патрик усаживается рядом со мной на скамью. Ветер треплет у него надо лбом темные волосы. Шея обмотана шарфом, купленным мной две зимы назад. Я быстро приспособилась подбирать ему вещи. Знаю и его любимую марку обуви, и какие фасоны галстуков и костюмов ему нравятся. За то время, что прошло от ухаживания до брака, мы узнали друг друга так, как никто другой не смог бы. Но все эти годы, что мы провели бок о бок, не научили нас справляться с горем.

— Хорошо. — Я отворачиваюсь и снова смотрю на воду: может быть, ответы на мои вопросы скрываются где-то там, в глубине? — Это хорошо.

Он накрывает мою ладонь своей, и наши пальцы сами собой сплетаются. Мои глаза неуверенно встречаются с его глазами. После выскабливания прошло три месяца. Все это время мы почти не разговаривали друг с другом.

— Помнишь наш первый день на первом курсе? — Он не ждет моего ответа. — Как ты вошла — волосы стянуты в пучок и из них торчит карандаш. На тебе еще были рваные джинсы и футболка с надписью: «Если с первого раза не вышло, значит, парашютный спорт не для тебя».

— Ага, обожала эту дурацкую футболку. — Я ее выбросила, когда мы съехались с Патриком, сразу после колледжа. Она к тому времени уже продырявилась под мышкой, и стрелка пошла до самого плеча. — А вот тебя парашютизм как-то не увлек.

— Это было моей ошибкой — дать тебе выбрать место второго свидания. — Его пальцы сжимаются крепче.

Я не могу удержаться от ответного пожатия, радуясь теплу ладони Патрика.

— Если бы я знал...

— Неужели отказался бы? — Я напряженно смотрю ему в глаза и жду ответа. Я знала, что он нервничал в тот день, но ведь все-таки надел костюм для прыжков и выскочил из самолета без единого слова протеста.

— А если бы отказался, ты больше не пошла бы со мной на свидание? — спрашивает он.

— Я ужасно любила прыжки с парашютом, — признаюсь я. В первый раз я прыгнула на спор на первом курсе колледжа. Меня с моей всегдашней застегнутостью на все пуговицы привел в восторг такой отрыв от привычной действительности. Прыжки стали для меня наркотиком, природным источником кайфа. — Если бы ты отказался, это могло сильно испортить дело.

— Тогда я рад, что не отказался, — усмехается муж.

Я киваю, слыша в его словах и то, чего он не договаривает: что он не жалеет о годах, проведенных вместе.

— Ты уже давно не прыгала, — напоминает он.

Да, давно. С тех пор, как мы стали пытаться родить ребенка. После первого выкидыша Патрик просил, даже умолял меня поговорить, но я ответила, что говорить тут не о чем. Все мои мысли были только о том, как снова забеременеть, — это наверняка залечит все раны. Но каждая последующая неудача только больше и больше отдаляла нас друг от друга.

— Тебе бы снова этим заняться, — мягко говорит он. — Ты ведь так любила...

— Иногда одной любви мало, правда?

Мы оба знаем, что я говорю не о прыжках с парашютом. Он выпускает мои пальцы, и, хотя мне отчаянно хочется сжать его руку еще крепче, я не удерживаю его.

— Ты уже нашел квартиру?

Наш разрыв проходил поэтапно. После выскабливания Патрик стал спать в гостевой спальне. По выходным начал проводить время с друзьями или уезжать к родным во Флориду. Я спросила в открытую: мы что же, разводимся? Когда он ответил, что подыскивает себе отдельное жилье, еще один кусок моей души, и так уже державшейся на честном слове, оборвался, но я ничего не сказала.

— Да. — Ответ звучит так тихо, что я едва слышу. — В двух кварталах от тебя. С одной спальней. Субаренда на полгода, пока не подыщу что-нибудь постоянное.

Мне отчаянно хочется верить, что это из-за меня он решил поселиться поблизости, но логическое полушарие мозга говорит: так просто удобнее. От нашей нынешней квартиры можно пешком дойти до его работы и до всех наших излюбленных местечек. Интересно, буду ли я иногда встречать его в местном ресторанчике или в кафе, где бублики подают прямо из печи и владелец

уже знает, какие мы с ним любим. Патрик предпочитает слабо прожаренные с густым слоем сливочного сыра, а я...

— Джайя?

По его тону я понимаю, что он окликает меня уже не в первый раз.

— Извини. — Я потираю висок, надеясь, что это поможет собраться. — Задумалась на минутку. — И отворачиваюсь: не хочу, чтобы Патрик заметил то, что я хочу скрыть, — такие выпадения из реальности случаются все чаще и чаще. — О чем ты говорил?

— Ты родителям сказала? — Поколебавшись, добавляет: — Про нас.

— Сказала. — Я растираю одеревеневшую шею и поворачиваюсь к нему. — Звонила им на прошлой неделе. — Мысленно прокручиваю тот разговор в голове, глядя на медленно проплывающий мимо корабль. — Папа спросил, как я держусь, а мама промолчала.

— Джайя... — начинает Патрик, но я жестом прерываю его.

— Я съезжу туда в выходной. Все им объясню.

— Хочешь, я поеду с тобой? — Он пристально смотрит мне в глаза. — Помогу рассказать, чтобы они всё поняли.

Для моего отца Патрик был сыном, о котором тот всегда мечтал. Мама была с ним приветлива и, кажется, довольна нашим союзом, но держала с Патриком такую же дистанцию, как и со всеми остальными.

— Это ничего не изменит. — Да, он пытается облегчить мою ношу, но мы оба знаем: мамину отчужденность никакими силами не преодолеть. — Мама так и так откажется об этом говорить.

Губы у него сжимаются крепче, и я знаю: он сдерживается, чтобы не сказать то, что просится на язык. Трещина между нами пролегла и начала расти именно

тогда, когда мы стали пытаться завести ребенка. Патрик все глубже уходил в себя, а я после стольких лет ЭКО и проблем с вынашиванием стала нетерпеливой и раздражительной. Наши разговоры сводились к тому, какие новые шаги нам необходимо предпринять для зачатия. Потом, когда мы наконец дождались первой беременности, все стало по-прежнему, словно и не было месяцев разлада. Мы вместе радовались и мечтали о прибавлении в семействе. Однако через двенадцать недель случился выкидыш, и я была совершенно убита, а он будто перегорел внутренне. Горе затопило меня с головой, не оставив в душе места ни для Патрика, ни для нашего брака. Вот тогда-то и начался замкнутый круг, по которому мы потом прошли еще через два выкидыша.

Патрик встает и туже заматывает шею шарфом, словно перекрывая последний клапан для кислорода, которым мы когда-то дышали вместе.

— Я найду за оставшимися вещами в воскресенье.

— Хорошо, буду дома. — У него пока еще есть свой ключ, но я киваю Патрику, словно гостю, который напрашивается на визит.

— Значит, увидимся.

Мне отчаянно хочется сказать «не уходи», но я не могу выговорить ни слова. Во рту пересыхает, и ни одна связанная фраза не идет на ум. Глаза щиплет, но слез нет. Я смотрю ему вслед, пока он не исчезает из виду. Только тогда отворачиваюсь и опять долго гляжу на бегущий Гудзон. Когда сгущается темнота и огни города начинают манить к себе, я пускаюсь в долгий путь домой.

2

В семь лет мне захотелось научиться кататься на велосипеде. Мама купила велосипед с дополнительными поддерживающими колесиками, но я их открутила. Ноги

едва доставали до педалей. День за днем я садилась в седло и день за днем падала. Наконец упала так, что на лице пришлось накладывать швы. После этого мама отобрала у меня велосипед и заперла в гараж. Я пыталась спорить, но она заявила, что мне придется или оставить эту затею вовсе, или сначала подрасти. Я не послушалась и тайком выкатила велосипед из гаража. На следующий день, пытаюсь скатиться с холма, сломала руку и разбила губу. Мама тут же отдала велосипед соседям.

Когда я возмущенно спросила почему, она ответила: «Джайя, если что-то идет тебе во вред, иногда лучше всего с этим расстаться».

***

Я стою переддомом своего детства в широко раскинувшемся районе у самой городской окраины. Верчу в пальцах ключ, раздумывая, вставить ли его в скважину или позвонить в звонок. Наконец опускаю ключ в карман и дважды нажимаю на кнопку.

— Солнышко!

— Привет, папа, — бормочу я ему в плечо и чувствую, как по всему телу пробегает вибрация от его радостного смеха.

По дому плывут запахи лука и чеснока, смешанные с ароматом специй.

— Мама весь день готовит, да?

— Ей только повод дай. — Он приобнимает меня за плечи и ведет на кухню. — Все твое любимое приготовила. — Чуть поколебавшись, спрашивает: — Как ты, детка?

Из благодарности за его чуткость я улыбаюсь, но правды не говорю.

— Нормально, пап.

Все мое детство папа провел на работе, и даже когда был дома, ответственность за мое воспитание и ведение

хозяйства препоручал маме. Она сама прокладывала курс отношений «мать — дочь» и жестко скрепила его в том виде, в каком он существует сейчас: два чужих человека, связанных лишь узами крови.

Мама выходит из кухни в нелепом фартуке, возвещающем, что «шеф-повар всегда прав». Как и папа, она притягивает меня к себе и обнимает, но ее объятие короче, и руки едва касаются меня.

— Как раз к ужину. — Мама бросает взгляд в коридор, а затем опять на меня. — А где же твои чемоданы? Я думала, ты останешься у нас на выходные.

Волосы у нее зачесаны наверх и сколоты заколкой. Темно-зеленые глаза резко выделяются на оливковом лице. Все детство я завидовала маминой природной красоте. В тесном соседском кружке ее внешность была предметом открытого восхищения. Она же в ответ на комплименты лишь пожимала плечами и всегда одевалась предельно просто и почти не красилась.

— Только на одну ночь. — Я киваю на свою объемистую сумку: — Кое-какую одежду сюда затолкала. — Мне хочется поскорее сменить тему, поэтому я приподнимаю крышку кастрюли на плите и вдыхаю аромат. — Пахнет восхитительно!

Мама долго молчит, а затем говорит так тихо, что мне приходится изо всех сил напрягать слух:

— Тебе нужно быть с семьей. Особенно теперь, когда Патрик тебя бросил...

— Патрик меня не бросал. — Мой голос звучит резко, чем мне хотелось бы. — Мы вместе решили, что нам лучше расстаться.

Я лгу. Это было не решение. Это были годы моих слез, годы, когда он уходил все дальше и дальше, пока совсем не перестал меня слышать.

— Из-за того, что ты не можешь иметь детей? — неожиданно спрашивает мама и стискивает пальцы в замок.

Мои родители приехали сюда из Индии, как только поженились. Я, их единственный ребенок, родилась уже после того, как папа окончил медицинский факультет и упрочил свою карьеру. «Ты стала для нас таким огромным счастьем, — говорил мне, маленькой, папа всякий раз, когда я спрашивала, почему у меня нет ни братьев, ни сестер. — Если бы мы получили еще больше счастья, это было бы несправедливо по отношению к другим семьям».

Но у меня редко возникало ощущение, что я для мамы — счастье. Скорее уж я была для нее сплошным разочарованием: достаточно вспомнить, как она поджала губы, когда я в пятом классе проиграла в последнем раунде орфографического турнира; каким каменным стало ее лицо, когда я уступила одно очко на отборочном соревновании по чирлидингу и не попала в команду; да чего стоил ее отсутствующий взгляд сейчас, когда она вслух рассуждала о моей неспособности выносить ребенка.

— Да. Все из-за детей.

Мама вскидывает голову, но молчит. Я сглатываю комок: сейчас мне отчаянно необходима поддержка, но я давно знаю, что от мамы ее ждать бессмысленно.

— Лена, — папа бросает многозначительный взгляд на маму и ободряюще похлопывает меня по спине, — Джайя еще не успела в дом войти. Давай-ка сядем, поужинаем вместе и дадим дочке перевести дух.

Он достает тарелки и ложки и накрывает стол на троих. Мы с мамой обе смотрим на него, окаменев как статуи. Он приносит два блюда с едой и выдвигает два стула. Мама занимает место во главе стола, а мы с папой садимся по обе стороны от нее.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает папа.

Врач всегда врач.

— Хорошо, — лгу я. — Организм восстанавливается.

Я не привыкла откровенничать с родителями, поэтому и сейчас правды не говорю: о том, что короткие затмения в сознании по-прежнему преследуют меня, или что боли после выскабливания стали ежедневным напоминанием об утрате.

— Где же ты будешь жить? — Еда на маминой тарелке остается нетронутой. Мама сидит стиснув перед собой руки и качает головой, словно в скорби.

— Патрик нашел себе новую квартиру. — Я ограничиваюсь одними фактами без эмоций. — Субаренда на полгода. С одной спальней. В том же районе.

— И ты осталась в прежней квартире одна? — Она бросает быстрый взгляд на отца, а затем на меня, прежде чем объявить: — Джайя, ты переезжаешь к нам!

Все тело у меня каменеет от одной мысли о том, чтобы снова законопатить себя в аккуратную коробочку, где прошло мое детство под неодобрительным маминым взглядом.

— У меня все в порядке, мама, — говорю я, пресекая ее дальнейшие рассуждения.

По давнему опыту я ожидаю, что мама сменит тему. Не могу представить, что ей действительно хочется жить со мной вместе — наверняка ее такая перспектива радует не больше, чем меня саму.

— Ничего у тебя не в порядке, — возражает она, к моему изумлению. — Обо всем остальном можешь лгать и себе, и нам, но уж это, будь добра, признай. Ничего у тебя не в порядке.

Темнота потихоньку подступает все ближе.

— Я не хочу об этом говорить! — бросаю я, отчаянно желая прекратить этот разговор. — Во всяком случае, с тобой.

Меня и без того выбили из колен все эти неудачные беременности, и заводить с ней споры я не могу — просто нет сил.

Она встает и аккуратно задвигает стул на место. Не говоря больше ни слова, выходит из кухни и поднимается по лестнице наверх, в свою комнату. В наступившей тишине меня охватывает стыд.

— Прости. — В животе у меня урчит от голода, но я не обращаю внимания. Делаю глубокий вдох, чтобы укротить эмоции, грозящие вырваться наружу. Поднимаю глаза и встречаю папин огорченный взгляд. — Я не думала, что придется это обсуждать.

— Твоя мать любит тебя.

Я с трудом сдерживаю усмешку.

— По-маминому, любовь — это возить ребенка в школу и пичкать едой.

Не успеваю я договорить, как чувствую укол совести. При всей маминой отчужденности, всякий раз, когда она давала мне что-то — мое любимое кушанье, идеально приготовленное, выглаженные костюмы, свое присутствие в общей толпе на любом школьном мероприятии, — я сама убеждала себя, что это и есть любовь. Мама была рядом физически, в любом смысле, какой только может существовать в материальной реальности. Но вот неосязаемой душевной связи между нами почему-то никогда не было.

— Теперь ей уже поздно на что-то претендовать, — добавляю я.

— Твоя мать делала все, что могла, — медленно произносит отец.

— Я знаю, пап. — Чувствуя, что это самый безопасный способ закончить разговор, достаю пластиковые контейнеры: — Давай уберем еду в холодильник.

— Джайя... — Он дожидается, когда я повернусь к нему. — Ей сейчас очень больно.

Меня обжигает гневом. Мне тоже больно, но мама всегда была для отца на первом месте.

— Мама получила вести из Индии, — поясняет он. — Она сейчас сама не своя.

— Из Индии? Что за вести?

Мама никогда не рассказывала о своем детстве, проведенном в Индии, и мы ни разу там не бывали. Мне очень хотелось узнать о маминной родине, и подростком я не раз приставала с расспросами, но мама всегда отвечала только одно: «Надо думать о будущем, Джайя, а не о прошлом». Папины родители умерли еще до моего рождения, и у него, единственного ребенка в семье, почти не осталось родственников, к которым можно было бы поехать. Я смутно помню, как несколько раз к нам приезжали мамы братья — из Англии и из Австралии.

— Папа?.. — снова подаю я голос.

Он бросает тревожный взгляд на лестницу. Потом делает мне знак, и мы удаляемся в его кабинет, обитый панелями вишневого дерева: мама провела там много часов, доводя интерьер до совершенства. Багеты в кабинете резные, дубовые, паркет из твердого мореного дерева покрыт египетским ковром. Антикварная настольная лампа ярко освещает комнату.

Видя, с каким удовольствием мама отделявает кабинет отца, я попросила ее помочь сделать перестановку в моей комнате. Мне было десять лет, и я отчаянно хотела найти для нас хоть какой-нибудь способ стать ближе друг к другу. Мама обдумала все возможные варианты и выложила передо мной дюжину образцов краски для стен и интерьеров из журналов. И вышла, предоставив мне самой выбирать. Приняв это как отказ, я отмела все ее варианты: выкрасила стены в черный цвет и подобрала в тон мебель. Готический период растянулся на целый год, но мама ни разу не возразила против этого.

Папа достает из ящика стола измятое письмо. Перечитывает устало, с какой-то непонятной тревогой на лице. До сих пор, что бы ни случилось, он всегда был полон жизни и энергии, в отличие от сдержанной

и осмотрительной мамы. Он — сама легкость, в противоположность ее тяжести. И при всем при этом они были неразлучны.

— Твоя мать выбросила письмо и ничего мне не сказала. Я нашел его в мусорной корзине. — Дрожащими руками он протягивает письмо мне. — Ее брат написал ей и попросил приехать. Ее отец, твой дедушка... Дипак... он заболел.

«Дорогая Лена,

Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии, сестренка. Я пишу тебе, потому что наш отец тяжело болен. Рави, слуга, которого мы знаем с детства, опасается, что земные дни отца сочтены. Рави говорит, что отец хочет тебе что-то передать. Я никогда не стал бы просить тебя приехать туда, где тебе пришлось пережить столько боли, но долг брата велит сообщить о болезни отца. Мы с Самиром и Джемем попрощались с ним много лет назад, когда уезжали из Индии. Что бы ты ни решила, знай — мы любим тебя и готовы поддержать во всем.

Твой брат Пареш».

Я не спросила, а сказала с уверенностью:

— Она не поедет.

— Нет, не поедет. — Папа откидывается на спинку, кожаное кресло поскрипывает под его весом. — Что бы я ни говорил, это не заставит ее передумать. — Он потирает глаза большим и указательным пальцами. — Но я вижу, что это мучает ее. Боюсь, она будет жалеть о своем решении до конца жизни.

***

Я лежу в своей детской кровати и смотрю, как лунные лучи пробиваются сквозь окно и бегают по потолку. Часы издают негромкий писк: три часа ночи. Измученная, я мечтаю заснуть, но сон не идет. Я ворочаюсь с боку на бок. Приподнимаюсь на локтях, колочу по подушке кулаком, пока она не становится совсем плоской, и снова пытаюсь заснуть. Когда мне это опять не удастся, скидываю подушку на пол и в конце концов засыпаю на голой простыне.

Я подсказываю, уловив снизу какой-то звук. Прислушиваюсь к шагам, а затем слышу, как открывается дверца холодильника. Вспомнив, что папа любит перекусить среди ночи, накидываю халат и спускаюсь вниз. Узкая полоска света из-под кухонной двери подсказывает, куда идти. Я распахиваю вращающуюся деревянную дверь и вижу маму: она сидит за кухонным столом, уронив голову на руки. При моем появлении резко выпрямляется, и мы выжидательно смотрим друг на друга.

— Я думала, это папа вышел чего-нибудь куснуть, — бормочу я и механически делаю шаг назад.

— Захотелось выпить стакан молока, — говорит мама, но стакана что-то нигде не видно. — Хочешь чего-нибудь? — Она встает и, не дожидаясь ответа, достает кастрюльку и молоко, чтобы разогреть. Пока оно греется, мама открывает коробку с печеньем и ставит на стол. — Ты так похудела после всего этого... с ребенком...

— Со мной все в порядке. — Я неуверенно смотрю в пустоту между нами.

— Я вот заспалась утром. — Она сцепляет пальцы в замок и смотрит в пол. — Это всегда сбивает мне режим сна. — Секунда в секунду, когда молоко уже готово вот-вот убежать, мама снимает кастрюлю с плиты, наливает молоко в две кружки и ставит их на стол рядом

с печеньем. Я все стою, и она говорит полушепотом: — Пей, пока не остыло.

Я сажусь за стол, и только после того, как откусываю печенье, мама садится тоже. В плане заботы она идеал: успевает подумать обо всех моих нуждах, словно хорошо вышколенная служанка. В тишине я сама слышу, как жую печенье и плотаю молоко. Мама пристально следит за каждым моим движением. Молчание затягивается, и наконец я говорю:

— Папа рассказал мне о твоём отце. — И, немного помолчав, добавляю: — Ты могла бы и сама сказать.

— Это неважно. — Лицо у нее каменеет, а все тело как будто сжимается.

— Он же твой отец. — Потрясенная, я силюсь понять эту почти незнакомую женщину. — Как же неважно?

— Забудь об этом, Джайя.

Она говорит тем самым голосом, знакомым мне с детства, не оставляющим места для споров и возражений. У меня сразу напрягается спина, и волосы на затылке встают дыбом.

— Он умирает, а ты даже не хочешь съездить домой?

Глаза у нее угрожающе щурятся, но я так устала, что мне уже все равно:

— Почему?

— Поменьше рассуждай о вещах, о которых ничего не знаешь, — отвечает она.

— Так расскажи. — В детстве я с завистью слушала рассказы других детей о бабушках и дедушках, приезжающих в гости. Умоляла свозить меня к дедушке и к маминной мачехе, о которых ничего не знала. Ответом на мои просьбы и мольбы всегда было твердое «нет», а затем — молчание. Теперь, когда не осталось надежды на собственную семью и детей, я цепляюсь за ту родню, которая у меня еще есть. — Почему ты никогда о нем не говорила? Почему мы не ездили в гости?

— Тебя это не касается.

— Касается. — Я чувствую, как меня обступает клубящаяся темнота. Моргаю, чтобы сфокусировать зрение, но еще несколько секунд, и все вокруг делается черным. Я закрываю глаза и глубоко дышу, а когда открываю, мама сидит упершись взглядом в стол и опустив голову. Я провожу по лицу ладонью, чтобы прийти в себя. — Он ведь и мой родственник тоже. За что ты его ненавидишь?

— Ты не поймешь. — Она говорит негромко, слова произносит медленно, размеренно. — Прекратим этот разговор, пожалуйста. — Мама поднимается, чтобы уйти.

— Ты со мной двух слов не сказала, пока я была маленькой.

Она вздрагивает и медленно поднимает на меня глаза.

— Мы никогда не бывали в гостях у твоих братьев. А теперь ты бросаешь своего отца? — Я уже чувствую потребность уколоть ее побольнее, хотя бы для того, чтобы отвлечься от собственной боли. — Что ты за человек?!

Она отшатывается, словно от пощечины. Глаза у нее наполняются слезами, и меня охватывает раскаяние.

— Мама... — шепчу я, но она жестом обрывает меня.

— Моя мачеха вынудила меня дать слово, что после свадьбы я никогда не вернусь в Индию. — Нижняя губа у нее вздрагивает. — И отец ее поддержал.

— Неужели родной отец мог так поступить?! — Я до глубины души потрясена этим откровением.

— Он понимал, что так будет лучше. — Она поднимает тонкую руку и подпирает голову. Затем глубоко вздыхает и смотрит мне в глаза.

— Мама... — Я припоминаю то небольшое, что мне известно, силясь понять, почему отец мог потребовать от нее такое обещание, но никакого приемлемого объяснения не находится. Мама делает шаг к двери, но я остававливаю ее: — Пожалуйста, скажи, почему?

Слишком долго мои вопросы оставались без ответов. Я до сих пор была в полнейшем неведении по поводу того, почему мой организм не желает вынашивать детей. Я потеряла любимого человека без всякой причины. Я никогда не понимала, почему мать, когда она была мне так нужна, держала меня на расстоянии, словно боялась подойти ближе.

Теперь я молю об одной только крупице правды. Как журналистке мне непременно нужно докопаться до сути — почему ее отец мог потребовать такое обещание? Как дочери мне необходимо понять, почему моя мать на это согласилась. Но мелькнувшая на миг надежда пропадает так же быстро, как и появилась. Очевидно, сегодняшний день ничем не будет отличаться от всех прочих. Еще до того, как мама успевает отрицательно покачать головой, я уже почувствовала, что она не станет отвечать.

— Это обещание — цена, которую мне пришлось заплатить за свое рождение. Вот все, что тебе нужно знать.

И она усталым голосом желает мне спокойной ночи.

3

Я сижу на диване в гостиной и растираю шею: она затекла от того, что я уснула головой на подлокотнике. Часы ползут, ночи сменяются днями. С мамой я не разговариваю уже два дня после той ночи и не жду, что она заговорит со мной сама.

Пытаясь оттереть сырное пятно от футболки, я нечаянно поддаю ногой пустую банку из-под диетической газировки. Сгребаю мусор и выбрасываю в ведро. Уже с пустыми руками возвращаюсь, чтобы убрать оставшееся, и тут у меня подгибаются ноги. Я успеваю схватиться за кухонный стол, чтобы не упасть. В считанные секунды все вокруг заволакивает чернотой. Перед глазами встают лица детей, которых я так и не смогла родить. Силы

оставляют меня, я сползаю по стенке и в конце концов сажусь на пол.

Такие состояния стали повторяться довольно часто. Я никак не могу понять, что происходит со временем каждый раз, когда горе накрывает меня с головой и мир вокруг перестает существовать. Придя в себя, замечаю, что время стояло на месте, но по лицам окружающих вижу, что останавливалось оно только для меня.

Все это начало меня пугать, и недавно я записалась к врачу. Тот провел все возможные исследования и признал меня здоровой. Я только посмеялась над этим вердиктом, мысленно поинтересовавшись, какими методами диагностируют разбитое сердце.

Последняя беременность была самой долгой. Мы не хотели узнавать пол ребенка, чтобы не сглазить. Но на двенадцатой неделе я не удержалась — зашла после работы в детский магазин и купила гендерно нейтральных одежек и игрушек, чтобы детская не стояла пустой. Еще пару недель я обставляла ее, пока она не стала идеальной.

Я делаю глубокие вдохи, дожидаясь, когда рассеется туман. Обхватываю живот руками и утыкаюсь подбородком в колени. Тупо смотрю перед собой, не пытаюсь собраться с мыслями — они текут куда им вздумается, пока внутри у меня не образовывается пустота. Больше там ничего нет — ни мыслей, ни детских лиц, ни лица Патрика. Ни одной мысли о письме бабушки, которого я никогда не видела, и даже о мамином неизменном молчании на протяжении всей моей жизни.

— Джайя?

Я резко поднимаю голову и вижу Патрика, который стоит в дверях кухни с озабоченно нахмуренными бровями. Он склоняется надо мной, и мы смотрим друг на друга, глаза в глаза. На пальце у него болтается ключ от нашей квартиры.

— С тобой все хорошо?

— Да, конечно. — Меня злит, что он застал меня в таком беспомощном положении. Я вскакиваю и торопливо выхожу мимо него в гостиную. — Я не заметила, как ты вошел.

— Я тебе кричал. — Он хочет взять меня за руку, но я не решаюсь коснуться его и отодвигаюсь подальше. — А ты, значит, ничего не слышала?

Я вцепляюсь обеими руками в диванную спинку и неслышно молю небо послать мне сил. Окидываю взглядом комнату и вижу ее его глазами. На столе — свернутые трубкой газеты и тут же, рядом, стопки грязной посуды. Совсем не похоже на дом женщины, которой всегда был необходим идеальный порядок, чтобы жизнь могла идти своим чередом.

— Я собрала все твои вещи, какие смогла. — Не один час ушел у меня на то, чтобы разделить пополам память о нашей совместной жизни. — Если что-то забыла, сам заberi. — Мне не терпится поскорее остаться одной, и я добавляю: — Я схожу за кофе, пока ты тут будешь укладываться.

— Я думал, мы поговорим... — Он стоит как чужой в доме, который мы когда-то обживали вместе. Дождается, когда я взгляну на него, и тихо произносит: — Мы со Стейси начали встречаться.

Я ошеломленно прокручиваю его слова в голове, вначале не сомневаясь, что ослышалась. Словно издалека до меня доносится звук открываемой и закрываемой двери на лестничной площадке. За окном раздаются гудки разъезжающихся автомобилей. Все звуки делаются громче обычного, словно стараются заглушить эти слова.

— Джайя?

Несколько шагов, и вот он стоит передо мной. Я вглядываюсь в его лицо, знакомое мне как свое собственное, и вижу совершенно чужого человека. Все то время, пока

мы шаг за шагом отдалялись друг от друга, мне и в голову не приходило, что он уходит не просто так, а к кому-то. Тем более — к моей же подруге, которую я знаю еще с колледжа. Злясь на собственную наивность и на его предательство, я на миг отвожу взгляд, а затем снова смотрю ему прямо в глаза. Мне чудится, что в этих глазах отражается моя боль, но тут же я упрекаю себя за глупую наивность.

— Я не хотел, чтобы ты услышала это от кого-то другого.

Я молчу, и он поясняет:

— Мы с ней зашли немного выпить после работы, и там были репортеры из твоей газеты. Они видели нас вместе.

Чернота, поселившаяся в дальнем уголке моего сознания, начинает расползаться, угрожая новым провалом во времени. Я не могу допустить, чтобы Патрик видел меня такой уязвимой, и стараюсь держаться.

— Так вот почему она не отвечала на мои звонки. — Я с трудом выдавливаю слова из перехваченного горла. В душе нарастает тупая боль, а тело словно окаменело. — Неловко сообщать подруге, что спишь с ее мужем.

— Это не так. — Он поеживается, затем проводит рукой по волосам — этот жест у него всегда выдает волнение.

В его голосе слышатся боль и раскаяние, но мне все равно — я слишком зла.

— Мы просто разговариваем.

— Разговариваете? — в замешательстве переспрашиваю я. — О чем?

Он молчит, и я повторяю:

— О чем?

— О жизни. О наших надеждах. — Он осторожно подбирает слова, словно я — одна из присяжных, которым ему нужно склонить на свою сторону.

По опыту лет, прожитых вместе, я догадываюсь, что он что-то недоговаривает. С неожиданным испугом спрашиваю.

— Вы говорите о наших... — Я умолкаю, не выговорив последнего слова: «детях».

— Да. — Он читает мои мысли.

У меня перехватывает дыхание, колени подгибаются. За все то время, что мы были вместе, мы никогда не обсуждали эту тему с друзьями: для меня это было настолько свято, что я не могла говорить об этом ни с кем другим.

— Ты любишь ее? — Кислота поднимается вверх из желудка, я чувствую ее вкус во рту.

— Нет, — тихо отвечает он. — Нет, конечно.

— Зная Стейси, я уверена, что она рассчитывает на ответное чувство. — Я вцепляюсь в дверную ручку за спиной, надеясь хоть так удержаться на ногах. Лучше всего было бы сейчас уйти, но ноги не слушаются. — Стейси хочет замуж. — Я лихорадочно отыскиваю в памяти подробности. — Белый штатетник, двое-трое детишек. Она не раз говорила, что у нее часики тикают. — Будничным тоном, словно разговор идет о том, как прошел день, я замечаю: — Она-то наверняка сможет выносить. Дело было только за тем, чтобы найти подходящего партнера.

Лицо у Патрика вытягивается, и впервые после выкидышей я вижу в нем печаль. Может быть, так обычно и заканчиваются браки — спокойной беседой о той, кто заменит бывшую жену.

Я могла бы еще многое рассказать ему: о тревогах Стейси по поводу карьеры, о ее неврозе, о парне, с которым у нее была любовь в колледже и который ее бросил, когда она уехала работать в Нью-Йорк, — но оставляю это при себе. Со временем сам узнает. Так ведь всегда бывает, когда строишь отношения. Сначала видишь только хорошее, а затем постепенно открываются глаза

на плохое, пока перед тобой не предстанет полная картина.

— Почему? — Это уже самоистязание, но мне нужно знать. — Если у тебя нет к ней чувств, то...

Патрик мнется, и я уже не сомневаюсь, что ответа не будет, но он говорит:

— Потому что она меня слушает. Потому что она разговаривает...

Меня пронзает мучительной болью. Я опускаю голову, но уже поздно. Он все видит и протягивает руку:

— Джайя...

Но я отступаю в сторону.

Когда мы встретились, мне открылся новый мир. Впервые я почувствовала, что такое безусловная любовь и принятие. В Патрике я нашла счастье, в существование которого не верила. Я была уверена, что попала в сказку, но нет — он не рыцарь в сверкающих доспехах, да и я — не принцесса. Мы просто два человека, чья любовь ушла из света в тень.

— Ты должен быть с той, кто сделает тебя счастливым. — С болью в разбитом сердце я отпускаю его. Шепчу, вкладывая в эти слова всю былую любовь к нему: — Ты этого заслуживаешь.

Я долго сражаюсь с замками, пока наконец мне не удастся рывком распахнуть дверь, и слышу, как Патрик окликает меня, но это уже не имеет значения. Больше мне не идти на его зов.

4

— Пожалуйста! Тебе нельзя туда! — Мама складывает ладони перед собой, словно для молитвы.

Решение отправиться в Индию пришло само собой. Несколько дней подряд после разговора с Патриком я снова и снова слышала его слова: «Она разговаривает».

Они звучали у меня в ушах, где бы я ни была. Я так долго блуждала без дороги, что твердо уверилась в спасительность побега. Выкидыши отняли у меня ощущение своего «я». В отчаянном желании иметь ребенка я растеряла все остальное где-то по пути, в том числе и саму себя.

Когда я пришла к начальнице просить отпуск, она предложила мне доступ в блог своей подруги, чтобы писать туда, пока я буду в отъезде. Обрадовавшись, что можно будет продолжать писать, я с благодарностью согласилась.

Окончательно утвердив свои планы, я поехала к родителям, чтобы оповестить их. Мамины глаза наполнились слезами, и она стала умолять меня не ездить. Ее мольбы несколько поколебали мою решимость, но горе было сильнее, и я не могла уступить.

— Скажи мне, пожалуйста, чего ты боишься, — попросила я наконец.

— Я прошу тебя не ехать. — Она была настроена решительно и не собиралась со мной откровенничать. — Этого достаточно.

— Прости. — Мы обе не выдавали своих секретов. Я не сказала, что уже не знаю, кто же я такая. Что осталась без корней и меня несет ветром неизвестно куда. Что, уезжая в Индию, я бегу от реальности в надежде спасти свой рассудок. — Я должна ехать. Ради себя самой.

Мама поникла головой, и в наступившей тишине я прошептала:

— Ради тебя.

Она резко вскинула голову. Протянув руку, я на какую-то секунду сжала ее ладонь, а потом ушла.

***

Сидя в самолете, я разглаживаю в руках скомканное дядино письмо. Перечитываю еще раз, а затем убираю

в сумку. Кладу руку на свой бесплодный живот и выглядываю в маленький овальный иллюминатор. Самолет катит по взлетной полосе аэропорта в центральной Индии. Я накидываю поверх футболки легкую курточку, а потом подхватываю сумку с компьютером и рюкзак.

Рядом усталые родители успокаивают своих малышей. Когда мать берет младшего на руки, чтобы унять его плач, меня пронзает мучительная зависть. Я дышу в V-образный вырез футболки и сваливаю вину за внезапный приступ тошноты на запахи грязных подгузников и карри, которыми насквозь пропитан весь салон.

Наконец слышится шарканье ног. Мимо торчащих у выхода стюардесс я вслед за другими пассажирами выхожу в удушливую жару гигантского терминала. Влажный воздух забивает легкие, одежда липнет к телу, будто вторая кожа. Пассажиры толкают меня и не извиняются, спеша к багажной ленте или к пересадочному рейсу. Под потолком над головой перекрещиваются огромные стальные трубы и выются одинокие ласточки.

Гул голосов заполняет огромное открытое пространство. Еще шаг вглубь терминала — и меня встречают нищие: они спят, привалившись к грязным стенам. Сигаретный дым висит в воздухе, смешиваясь с запахом пота. Вымотанные путешественники торопливо шагают по грязному обшарпанному полу к своим пунктам назначения. Носильщики в оранжевых куртках и белых штанах толкают перед собой тележки с чемоданами. По громкой связи повторяются имена каких-то пассажиров, сотрудники аэропорта помогают улетающим найти выход на посадку.

Я останавливаюсь и оглядываюсь вокруг. Я видела Индию на фотографиях, но ничто не подготовило меня к тому, как выглядит в реальности родина моих родителей и до какой степени она не похожа на мою. Не зная, куда идти, я разглядываю висящие под самым потолком указатели, а вокруг снует стайка ребятишек.

— Купить, мэм, сахиб. Смотрить, красиво. — Худыми ручонками они протягивают свои товары с таким видом, словно это бог весть какие сокровища. Все дети тощенькие, в потрепанной одежде. На словах они неумно расхваливают достоинства своих дешевых безделушек, а глаза смотрят умоляюще.

Живя в Нью-Йорке, я привыкла к попрошайкам. Там я веду себя как все: отрицательно качаю головой и прохожу мимо. Но с детьми мне до сих пор сталкиваться не приходилось. При виде этих маленьких нищих, среди которых есть малыши, едва научившиеся ходить, у меня комок подступает к горлу. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть, как реагируют остальные, но, кажется, никого не удивляет эта картина. Боль, прочно поселившаяся в моем сердце, скручивается в тугой комок.

Наконец я снова обретаю голос и протягиваю несколько купюр:

— Да. Спасибо.

С вытаращенными глазами они забирают деньги и бросаются наутек. Я провожаю их глазами и вижу, как они снуют от одного пассажира к другому, пока не теряются в толпе.

Я бросаю приобретенные пластиковые бусы в сумку и иду к багажной ленте, глядя на указатели. С каждым шагом углубляясь все дальше и дальше в сердце Индии, я обшариваю глазами окружающие лица. Ни одно из них мне не знакомо, и все же я знаю, что в этом городе, где мне никогда не приходилось бывать, я — отражение каждого из них.

***

Я выкатываю чемоданы за дверь, а потом — к знаку с надписью «Транспорт». Небо над головой подернуто дымкой плотного смога. Солнце скрывается за облаком, но это почти не спасает от удушающей жары. Большой

самолет поднимается над терминалом и взмывает высоко в небо. На первый взгляд все это похоже на любой другой из больших городов, где мне приходилось бывать. Автомобили выстроились в ряд, ожидая пассажиров. Полицейские в ярко-оранжевых жилетах свистят им, чтобы не загораживали проезд.

Я вижу такси и становлюсь в очередь. Какое-то семейство вклинивается передо мной, а пассажир из бизнес-класса терпеливо ждет сзади. Когда подходит моя очередь, водитель берет мои чемоданы и начинает загружать в тесное багажное отделение авторикши. Он высокий и молодой. Из-под длинных усов торчит сигарета.

Он спрашивает адрес, и я повторяю название деревни, которое затвердила наизусть. Мой дедушка и сейчас живет в том же доме, где выросла мама. В этой деревне мама родилась, а я до сих пор ни разу даже не слышала о ней. Когда отец написал моему дяде Парешу, что я еду туда, тот помог мне уточнить некоторые детали.

Водитель вливается в хаотичный поток транспорта, и я неотрывно смотрю в открытое окно: мне не хочется упустить ни единой подробности моего нового мира. Глазами туристки я радостно наблюдаю, как остаются позади современные здания и шоссе, ведущее от аэропорта, как асфальт сменяется гравием, а потом и просто землей. Оживленная суeta аэропорта продолжается на улицах: люди вокруг так и снуют. Я недоверчиво вглядываюсь, а потом раздражаюсь удивленным смехом: в толпу врезаются свободно прогуливающиеся коровы и требуют посторониться.

— У вас в стране что, коров нет? — Это водитель проследил за моим взглядом.

— Есть, но по улицам они так свободно не бродят, — отвечаю я. — А у вас все время так?

Я знаю, что коровы здесь — священные животные, но мне и в голову не приходило, что они могут разгуливать по улицам без присмотра.

— Ну да. И свиньи тоже, и собаки, и другие животные, если им вздумается пройтись. — Он перехватывает мой взгляд в зеркало заднего вида. — Вы здесь по религиозным делам? — На шее у него висит золотой крестик.

Когда я была маленькой, мы почти никогда не бывали на религиозных мероприятиях. Однажды я спросила у мамы почему, и в редкий момент откровенности она призналась, что перестала верить в Бога еще в детстве.

— Нет, не по религиозным, — мотаю головой я.

— Тогда почему именно в эту деревню? В Мадхья Прадеш много других, покрупнее. Вам бы там больше понравилось.

Мы лавируем по центру города и выезжаем на двухполосную дорогу, окруженную высушенными солнцем полями. Вдалеке пасутся овцы. Худые, костлявые женщины в сари, подвязанных между ног и замотанных на поясе, несут на головах ведра с водой. На бедрах у них висят ревущие младенцы, прикрытые от полуденного солнца только slingами. Маленький грузовичок проносится мимо, волоча за собой тележку с продуктами.

Я жадно вбираю в себя впечатления, замороженная картинками, которые до сих пор видела только в кино. Все, к чему я привыкла с детства, резко контрастирует с ужасающей бедностью вокруг.

— Это нужно моей матери, — тихо говорю я, а потом добавляю честно: — И мне.

Остаток пути я смотрю в открытое окно, погруженная в свои мысли.

***

Почти через сорок пять минут пути, проехав мимо тянувшихся на много миль заброшенных полей без всякой растительности, мы въезжаем в деревню. Большие ветхие дома торчат тут и там среди маленьких домишек. Как и возле аэропорта, на улицах толпы людей. Водитель

лавирует по узким немощным улочкам, а жители деревни между тем сбиваются в кучки и glareют на нас. Девочка в брюках и тунике застенчиво машет мне рукой и тут же убегает.

Мы выезжаем на очередную немощеную улицу. Здесь дома стоят подальше друг от друга, их разделяют довольно большие участки земли. В конце длинной улицы, перед добротным бетонным домом, водитель останавливается. Бунгало белое, кое-где видны проплешины облупившейся краски. Бетонная лестница ведет на крыльцо, где бесцельно раскачивается на сухом ветру пустой гамак. Широкую ухоженную лужайку украшают цветы в горшках. До соседнего дома почти четверть акра. Такое современное жилище странно смотрится на деревенской улице.

Водитель выгружает мой багаж. При виде щедрых чашевых глаза у него округляются, и он склоняется в благодарственном поклоне. Я смотрю ему вслед, пока машина не превращается в маленькую точку вдалеке. С глубоким вздохом берусь за свои чемоданы и медленно поднимаюсь по ступенькам к двери дома, который моя мать считала своим до восемнадцати лет, пока не вышла замуж. Я стучу, но ответа нет.

— Добрый день! — подаю я голос, вначале тихо, а потом погромче.

Тишину нарушает только собачий лай где-то в отдалении. Никаких животных поблизости не видно, и я думаю — может, мне почудился этот звук? Снова стучу и наконец отхожу от двери, начиная сомневаться, стоило ли пускаться в это путешествие, оставив так далеко позади все знакомое и привычное.

— Яха каун хе?¹ — слышится откуда-то хриплый голос.

---

¹ Кто здесь? (хинди) — Прим. перев.

— Здравствуйте!

На этот раз мне уж точно не почудилось! Я сбегаю с крыльца навстречу голосу.

— Амиша? — произносит он.

Спустившись с крыльца, я сворачиваю за угол и едва не налетаю на старика. Спина у него слегка сгорбленная, волосы на голове темно-серебристые. Традиционная длинная льняная рубашка доходит до колен, ниже видны такие же просторные штаны. На ногах — стоптанные кожаные сандалии. Рядом виляет хвостом большой пес, метис лабрадора.

— Намасте. — Как ни мало я знакома с индийскими обычаями, я знаю, что нужно сложить ладони вместе и слегка поклониться. Не зная, говорит ли он толком по-английски, я указываю рукой на дом и медленно произношу: — Моя мама, Лена, выросла в этом доме.

Глаза у него сощуриваются и устремляются на меня.

— Я только что приехала из Америки. Мы получили сообщение о том, что мой дедушка Дипак заболел.

Резкий вздох, вырвавшийся у старика, заставляет меня умолкнуть. Он протягивает руку, но она тут же падает, не дотронувшись до меня. Слезы наворачиваются ему на глаза и сбегают по морщинистым щекам.

— Приехала... — шепчет старик по-английски, неловко выговаривая слова и не в силах сдержать эмоций. Он дрожит всем телом, и слезы текут по его лицу все быстрее. — Все-таки приехала.

Ничего не понимая, я оглядываюсь на дверь, а затем снова на старика.

— Так вы мой дедушка? Дипак?

Он качает головой.

— Я — Рави, слуга в доме вашего дедушки. — Он умолкает и тяжело вздыхает.

Я чувствую, как внутри меня что-то обрывается.

— Мне очень жаль...

Следующие его слова лишают меня дара речи:

— Но вы опоздали. Мы развеяли прах Дипака два дня назад.

5

— «В ослепление бывают лишь люди, чье незнанием знание скрыто. — Впустив меня в мамин родной дом, Рави зажигает масляные лампы одну за другой. — Но кто Атмана видит, Партха, тот незнание свое уничтожил: его знание, словно солнце, это Высшее здесь освещает».

— Прекрасно. Я никогда раньше этого не слышала. — Мне не терпится расспросить Рави о дедушкиной смерти, но я оттягиваю расспросы: жду, когда он будет готов.

— Это из «Гиты». Некоторые называют эту книгу поэмой. — Он указывает на лампы. — Их зажигают в дни торжеств или скорби.

— А мои дяди... они приезжали? — спрашиваю я, хотя в письме Пареша было сказано, что они не поедут.

Я читаю ответ на лице Рави раньше, чем он успевает его произнести.

— Ни один.

— Мне очень жаль... — Я и сама чувствую, что это пустые слова. — Моя мать... она сказала, что не может. — Все-таки он посторонний человек, и я не могу рассказывать ему все.

— Ваш дедушка знал, что так будет, но все-таки надеялся. Думаю, это и не давало ему уйти из мира живых, пока его тело не смирилось с тем, с чем не мог смириться разум.

Пока он зажигает лампы, я брожу по маленькой комнатке, осторожно провожу рукой по старинной мебели. В углу стоит украшенный искусной резьбой стул из темного мрамора, а рядом — погребальная урна,

расписанная позолотой. Стены выкрашены в теплый цвет слоновой кости, пол покрыт дорогим ковром. Пес Рави преданно следует за ним, пока старик не зажигает последнюю лампу.

— Как его зовут? — спрашиваю я.

— Я зову его Роки. Ему, похоже, нравится это имя, так что он не возражает. — Рави отвечает улыбкой на мою улыбку и жестом приглашает меня к большим раджастанским качелям в центре комнаты, украшенным драгоценными камнями. — Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо. — Я, усталая с дороги, усаживаюсь на мягкое бархатное сиденье. — Вы хорошо говорите по-английски.

— Я вырос в те времена, когда англичане заставляли нас учить их язык. Тогда это казалось бесполезной тратой времени, но теперь... — указывает он на меня, — я им благодарен.

— Как умер дед? — спрашиваю я наконец.

Я не скорблю об этом человеке, которого никогда не знала, но после долгой череды потерь кажется несправедливым, что меня постигла еще одна. И теперь, с его смертью, мне уже никогда не найти ответ, который я ищу.

— Тихо. — Рави треплет Роки по голове, пес одобрительно тявкает и укладывается рядом.

— Мне жаль, что я опоздала.

— Может быть, еще и не опоздали.

Я хочу спросить, что он имеет в виду, но тут он берет с дивана большую подушку, кладет на пол и усаживается сверху. Мне становится совестно, что он сидит на полу, когда я устроилась на мягком сиденье, и я поспешно вскакиваю.

— Нет, садитесь сюда, пожалуйста.

— Ваша бабушка Амиша всегда говорила мне: «Рави, чем ближе ты к земле, тем лучше слышишь ее секреты». А потом смеялась, забиралась на это самое сиденье, где

сейчас сидите вы, и добавляла: «Так ты уж, пожалуйста, рассказывай мне все, что узнаешь». — Он делает мне знак занять мое место, а сам устраивается на своей подушке.

— Вы знали мою бабушку? — Об этой женщине почти никогда никто не говорил. Она умерла молодой, и при ее упоминании сразу ощущалась какая-то тревога, словно темная туча набегала. Когда мои дяди, приезжая в гости, вспоминали о ней, они говорили приглушенными голосами и не касались почти никаких подробностей. На мамино лицо падала тень, и они тут же меняли тему. Вскоре о ней совсем перестали говорить. — Я знаю, что она умерла много лет назад.

— Это так, хотя иногда кажется, что это было вчера. — Рави выуживает из кармана рубахи очки и протирает стекла подолом. — Мой внук уверяет, что эта штука лучше, чем глаза, которые служат мне восемьдесят с лишним лет. — Он надевает очки и моргает, стараясь сфокусировать зрение. — И когда я вдруг начинаю видеть ясно, то боюсь, что он в чем-то прав.

— Какая она была? — Он ведь окликнул ее недавно, словно живую. — Амиша.

— Лицо у нее было доброе, а сердце храброе. Когда я услышал вас, то подумал, что это ее голос сюда ветром принесло. — Он закрывает глаза. — Я был уверен, что она стоит у меня за спиной, но вы закричали снова, и я понял, что ошибся. — Он открывает глаза и подмигивает мне. — Вот и пошел сюда — побоялся, как бы вы голос не сорвали.

— Я ее только на фотографии видела, — признаюсь я.

Эту фотографию я нашла, когда была маленькой. Она хранилась в коробке из-под ботинок под старыми рецептами и вырезанными купонами. Женщина на фото словно искала что-то глазами вдалеке, прикрывая их ладонью

от вспышки. Когда я спросила маму, кто это, она без единого слова отняла у меня фотографию и вышла из комнаты. Больше я никогда не видела этого снимка.

— Ваша бабушка считала, что фотографии скрывают правду о человеке, показывают только мираж. — Помолчав, он добавляет: — Наверняка у нее были бы другие мысли, если бы она знала, что ее будут помнить только по фотографии.

Роки ворчит на пролетающую за пыльным окном птичку. Мы смотрим, как он выскакивает в открытую дверь.

— Как поживает ваша матушка?

В этом вопросе слышится какое-то непонятное мне волнение. Не желая слишком открываться незнакомцу, я даю тот ответ, которого он, по всей видимости, и ждет:

— Хорошо.

Лицо Рави вспыхивает радостью.

— Ваша бабушка была бы счастлива это услышать.

— Вы были ее другом? — с любопытством спрашиваю я.

— Я был слугой в ее доме, но у вашей бабушки было доброе сердце, и она называла меня другом. — Голос у него срывается, словно от невыносимой муки.

Он отводит глаза, чтобы не встречаться с моим пристальным взглядом. Сглатывает несколько раз и сжимает пальцы в кулак. От его лица словно разом отливает вся кровь, и оно делается белым, как у призрака.

— Все хорошо?

Он что-то скрывает, я уверена, но, когда я пытаюсь поймать его взгляд, на его лицо падает маска.

— Да, — шепотом отвечает он. Старается совладать со своими эмоциями, и его голос вновь крепнет. — Это был один из множества ее талантов — она умела видеть в человеке то, что важнее его положения, и принимать его таким, какой он есть. — Все тело у него напрягается, и он пристыженно опускает голову. — Я — далит. — Он

произносит это слово так, словно просит об отмене приговора.

— Неприкасаемый?

Он кивает и продолжает говорить с печалью в голосе:

— В индийской кастовой системе на нас часто даже не смотрят как на людей. То и дело бьют и оскорбляют из-за любого пустяка.

Я сдерживаюсь, чтобы не охнуть: журналистская работа приучила меня слушать, не выдавая своих чувств.

— Многие из нас, часто и зачатые-то по оплошности, умирают еще детьми.

Когда-то на уроках истории, из текстов и фотографий в учебнике, я узнала о том, как кастовая система предопределяла жизнь поколений индийцев. Каждому человеку заранее отводилось определенное место, и его человеческая ценность всецело зависела от происхождения. Неприкасаемые принадлежали к низшему рангу, и их часто считали отребьем.

Возмущенная этой непостижимой для меня системой, я пристала с расспросами сначала к учительнице, а потом к отцу. Отец дал мне единственный ответ, на какой был способен: история, по его словам, уже не раз доказывала, как трудно изменить убеждения людей, в которые они твердо верят. Я возмущалась этой несправедливостью, зная о ней только в теории. Теперь, услышав слова Рави, устыдилась своей наивности: до сих пор я не понимала до конца, какая реальность стоит за этими обычаями.

— Мне очень жаль. — Я и сама чувствую, как слабо это звучит.

— Напрасно, — отвечает он, к моему удивлению. — Если бы я не был отверженным, никому не нужным отбросом общества, я бы не встретил вашу бабушку. — Стоит ему вспомнить о ней, как лицо его смягчается. — Ради этого я согласился бы родиться неприкасаемым сто раз подряд. — Он видит в моих глазах сострадание

и улыбается. — Ваша бабушка была передовой женщиной. Сделавшись хозяйкой дома, она и моих родных взяла к себе на работу. Она стала для нас спасительницей. — Он говорит о ней с почтением, с теплотой, которая тут же сменяется холодком, когда речь заходит о дедушке.

Я отмечаю про себя этот контраст и гадаю, в чем может быть причина такого отношения. Но я не успеваю расспросить о подробностях: Рави встает со своей подушки и знаком приглашает меня идти за ним:

— Пойдемте, покажу вам ее дворец.

***

Рави устраивает мне экскурсию по остальной части дома, не забыв с гордостью подчеркнуть, что это один из первых домов, куда было проведено электричество — роскошь, которая для меня всегда была чем-то само собой разумеющимся. По американским меркам этот дом едва дотягивает до коттеджа. На каждом шагу я пытаюсь вообразить, как моя мама играла в этих коридорах, обедала на этой кухне, спала под этой крышей. Думаю о том, что она чувствовала в ночь перед своей свадьбой, горевала ли, покидая дом своего детства. Пытаюсь нарисовать себе мысленную картину и никак не могу представить, каково ей было, когда ее отец запретил возвращаться домой после свадьбы.

В последней комнате Рави демонстрирует мне кровать — тонкий матрас на пружинной сетке — с таким видом, словно это какое-нибудь королевское ложе. Протягивает мне связку ржавых ключей и обещает зайти завтра утром. У меня, правда, забронирован отель в соседнем городке, но я рада, что останусь в доме маминого детства и смогу хоть одним глазком увидеть ту часть ее, которую она не желает открывать кому бы то ни было.

Усталость понемногу берет свое, я ложусь на кровать и разглядываю сквозь москитную сетку четыре голые

стены, но мысли о матери не дают покоя, и я ворочаюсь в постели всю ночь. Устремив неподвижный взгляд в темноту, жду, когда же мне откроется тайна ее детства. Минуты текут, превращаясь в часы, и я засыпаю, так и не дождавшись ответов на свои вопросы.

При первом же проблеске рассвета начинает голосить петух. Я высовываю одну руку из-под одеяла и безуспешно пытаюсь нашарить будильник, пока не соображаю, что этот звук издает живая птица. С жалобным стоном накрываю голову тощей подушкой, но петух не умолкает.

Коротко постучав, в комнату входит Рави.

— Что, не радует вас пение наших птичек? — Петух все орет где-то вдалеке — видно, задался целью разбудить даже мертвых. Рави держит на одной руке поднос с чашкой и тарелкой. Ногой открывает дверь, чтобы впустить Роки. — Я услышал ваши стоны из гостиной. Спросил бы, одеты ли вы, но я ведь почти слепой, так что это, пожалуй, неважно.

— Я так устала, что не стала переодеваться. — Вылезаю из-под mosquito-сетки и беру поднос. Вдыхаю ароматы еды. — Вы не должны были мне ничего принести, но пахнет изумительно. Спасибо.

— Вы ее внучка, — говорит Рави, словно это все объясняет. — Чай и гатия — хороший завтрак.

Возле чашки с чаем, покрытым какой-то пенкой, лежат желтые витые полоски жареного теста.

— Никогда раньше не пробовала. — Я не без опаски отпиваю глоток. От густого отвара свежего имбиря с молоком во рту разливается тепло. — Очень вкусно, — почти мычу я с одобрением.

— За молоко можете сказать спасибо нашей козе.

Я вопросительно приподнимаю бровь, и Рави улыбается:

— В поле, за домом. Это она рано утром дала для вас молока.

Я бросаю любопытный взгляд на пенистую смесь и отпиваю еще глоток.

— Мне уже не терпится с ней познакомиться.

— Ваша бабушка считала, что только так и нужно начинать свое утро. — Рави кладет ладонь на спинку старого каменного стула, стоящего у такого же стола. — Доедайте свой завтрак, и я покажу вам, где принять душ. Вы же не хотите перепугать козу, когда пойдете с ней знакомиться, — подтрунивает он. — А потом поговорим.

Я провожаю его взглядом и откусываю маленький кусочек. Петух наконец-то умолкает. В тишине я воображаю, как рассказывала бы Патрику обо всем, что успела повидать.

Когда мы с ним только познакомились, я была тихой и замкнутой — повадка, перенятая от матери. Патрик помог мне раскрыться: он всегда с интересом слушал, когда я говорила. Ему я рассказывала все — и хорошее и плохое, — пока не осталось одно плохое.

Ураганом надежды и боли нас безжалостно швыряло из стороны в сторону. Делиться своей печалью означало воскрешать в памяти прошлое не только для себя, но и для человека, который и сам пережил это. У меня не хватило бы сил вынести еще и его горе в придачу к своему, и безопаснее казалось перестать делиться.

Воспоминания обступают меня со всех сторон — воспоминания о тех днях, когда наш брак еще был сильнее обстоятельств. Я прокручиваю в голове прошедшие годы, словно обрывки фильма, пока не дохожу до того дня, когда Патрик рассказал мне о Стейси. При этом воспоминания боль накатывает снова.

Я отодвигаю тарелку с едой и подхожу к окну — с улицы доносятся голоса детей, затевающих какую-то игру. Я вытираю пыль с рамы и дергаю щеколду, пока она не подается. Распахиваю окно и с любопытством смотрю на ребятишек — они гоняют по вытоптанному

клочку земли почти спущенный мяч. Вокруг тянутся поля, кое-где беспорядочно засеянные, и дома, почти такие же, как этот. Негромкие голоса детей сменяются заливистым смехом.

Я поспешно захлопываю окно и задвигаю щеколду. Делаю глубокие вдохи, прижавшись спиной к стене. Я была так уверена, что должна сюда поехать, а теперь спрашиваю себя, о чем я думала. Я здесь одна, здесь нет ничего моего, и никому до меня нет дела.

***

— Это и есть душ? — спрашиваю я, разглядывая допотопное устройство «душевой».

Красные глиняные кирпичи, составленные друг на друга рядами, образуют подобие стен. Ветви дерева с крупными широкими листьями заменяют крышу. В центре этой душевой на открытом воздухе — маленькое сливное отверстие. Расстояние от угла до угла — едва-едва, чтобы поместиться одному человеку.

— А вот ваши три ведра воды. — Рави показывает на два ведра в углу. — Это чтобы намылиться, только осторожно, вода горячая. — В третьем ведре, объясняет он, вода чуть теплая, ею можно ополоснуться. Затем он протягивает мне маленький кусочек мыла. — Это сандаловое дерево. Полезно для кожи и волос. — Рави делает шаг, чтобы уйти, но останавливается. — Чуть не забыл. Гекконы² могут забежать из любопытства, так вы поглядывайте.

— Кто-кто? Гекконы?

— Да. — Он приставляет ладонь козырьком к глазам и осматривает дерево над душевой. — У нас их тут много, а когда кто-то купается, они всякий страх теряют. — Видя

---

² Небольшие ящерицы. — *Прим. ред.*

мое изумление, он улыбается. — Бывало, и на эту старую голову падали — может, принимали за гнездо. Ну, умывайтесь на здоровье.

Я наскоро моюсь, стараясь следить, как бы сюда и впрямь не забрела какая-нибудь рептилия. Намыливаю руки, затем живот, проводя куском мыла по едва заметным растяжкам, оставшимся после беременности. Раньше я никогда не думала, что из-за одного лопнувшего рельса может произойти крушение поезда. А теперь кажется, что глупо было об этом не думать.

Голову я не мою с мылом — просто поливаю теплой водой, чтобы расслабить напряженные мышцы шеи. Закончив, вытираюсь тонким полотенцем, натягиваю легкое платье в цветочек и завязываю мокрые волосы в хвост.

— Я забронировала перед отъездом отель в соседнем городке. — Лениво раскачиваясь в гамаке, привязанном на крыльце, я потягиваю шербет, который Рави приготовил мне из свежавыжатых лимонов. Кубики льда уже начинают подтаивать на жарком солнце.

Рави что-то вырезает ножом из коротко обломанной веточки. Строгает ее кончиком лезвия, пока она не покрывается с обеих сторон тоненькими щетинками. Закончив, протягивает палочку мне:

— Зубы чистить.

Я верчу деревянную палочку в руках и разглядываю со всех сторон. Длинной и толщиной она как соломинка, а щетинки похожи на метелки. Не хватало еще это в рот совать.

— Спасибо, но у меня есть с собой зубная щетка. Хочу отдать палочку обратно, но он не берет.

— Это гораздо лучше. Вот увидите.

Я снова протягиваю палочку ему, и тогда он говорит:

— Своими руками вырезал специально для вас, а ведь я почти слепой.

Чтобы не обижать его, я забираю палочку и кладу рядом. Губы Рави чуть изгибаются в улыбке, и я понимаю, что он меня перехитрил.

— Как лучше всего вызвать рикшу? — спрашиваю я, надеясь добраться до отеля к полудню.

— Это ни к чему. — Он берет еще одну веточку и снова принимается за работу. — Вы здесь дома.

— Но не могу же я навязываться.

— Это был ее дом, а теперь — ваш, и будет вашим, сколько пожелаете. — Сдавленный голос Рави делается совсем тихим.

Он поворачивает ко мне голову и хочет что-то сказать, но тут словно замечает что-то у меня за спиной. Я оборачиваюсь, но там ничего нет — стена и стена.

— Рави? — Я вижу, как у него опускаются уголки рта. Глаза наполняются грустью. — Все хорошо?

— Иногда я вижу ее как живую, — тихо говорит он. — Стоит на крыльце, посмеивается надо мной, будто я по хозяйству что-то не так сделал. По правде сказать, многое ей самой делать полагалось, да ей все не до того было: писала. Когда рассказывала свои истории, у нее глаза загорались как-то по-особенному. Она вся оживала. — Рави показывает: — Рассказывает, а сама вот так руками машет во все стороны. Бывает, тебе и некогда слушать, а она все равно заставит. — Он качает головой и словно возвращается из прошлого в настоящее. — И стоило вам ехать в такую даль, чтобы слушать, как старик глупости бормочет.

— Она была писательницей? — Я вдруг ощущаю связь с бабушкой, какой у меня никогда не было с матерью. А я-то все время гадала, откуда у меня такая любовь к письменному слову.

— Да. — Пальцы у Рави сжимаются в кулак. — Она была молодая, казалось, что смерти ее не одолеть. Писала и писала, часы и дни напролет. В этих сказках она

находила счастье. — Он почесывает ладонь большим пальцем, закрывает глаза и качает головой. — Прошу прощения. В мои годы уже, видно, прошлое делается важней настоящего.

— А у вас сохранилось что-нибудь из того, что она написала? — Я вспоминаю о письме, которое привело меня сюда. — Мой дядя говорит — дедушка хотел что-то передать моей матери. Это он про ее истории, да?

Затаив дыхание, я жду, что он ответит утвердительно. Отдаст мне то, что осталось от женщины, которую я никогда не увижу. Но он качает головой, и я стараюсь подавить разочарование.

— Ни одной не осталось. — Он выпускает из рук нож. Тот со стуком падает у его ног и скатывается на нижнюю ступеньку. Заслышав стук, Роки гавкает. — Она всё отдала. А потом поклялась, что никогда больше не будет писать.

— Почему?

— Это было ее сокровище — все, что она могла отдать.

Он говорит загадками и ничего не объясняет.

— Так вы знаете, что дедушка хотел передать моей маме?

— Да. — Его лицо затуманивается, теплота сменяется отчужденностью. — Знаю. Но если хотите, чтобы я вам сказал, сначала послушайте историю.

— Историю?

— Ту, что ваша бабушка повторяла мне несколько раз во всех подробностях в последние месяцы перед своей смертью. Это история о ней, о вашем дедушке и о вашей матери. — Он тяжело вздыхает, и его глаза наполняются болью. — История, которую мне до сих пор приходилось хранить в тайне.

— Почему до сих пор? — спрашиваю я, ничего не понимая.

— Потому что теперь ваш дедушка умер. — Он медленно, тщательно подбирая слова. Всем своим скрюченным телом откидывается назад, точно хочет отстраниться от того, о чем рассказывает.

— Он заставил маму пообещать, что она никогда не вернется в Индию, — говорю я и внимательно слежу за его реакцией.

Глаза у Рави широко распахиваются от изумления, а затем он удрученно опускает взгляд.

— Она сказала — это цена, которую ей пришлось заплатить за свое рождение.

— Я не знал... — Рави так и застывает весь, и губы у него сжимаются от гнева. — Хотя для нее самой лучше было не возвращаться туда, где ей пришлось пережить столько боли, но не ему было требовать от нее такого обещания.

— Что за боль? — тихо спрашиваю я.

В тоске, звучащей в его словах, я слышу какое-то предостережение. Инстинкт велит бежать, не слушать, не касаться маминых тайн. Но израненная часть моей души жаждет чем угодно заглушить неуходящую боль и требует правды.

— Эта история ответит на все ваши вопросы, — медленно произносит Рави. — Но если вы хотите узнать ее, вы должны остаться здесь.

Я вспоминаю, что оставила дома — одни обломки рухнувшей жизни.

— Я остаюсь.

На его лице отражается облегчение.

— Хорошо. Это был ее дом и дом вашей матери. Он ваш по праву.

Рави встает и жестом зовет меня за собой. Мы медленно проходим мимо каких-то сараев, торчащих среди почти таких же бунгало, как дедушкино. Грунтовая дорога сменяется асфальтовой. Где-то большие участки

земли засеяны, а где-то она так и осталась бурой и бесплодной. Выгоревшие листья на деревьях не шелохнутся в сухом воздухе. На нижних ветках висят плоды, кое-где поклеванные птицами. Мы проходим мимо заброшенной мельницы, и здесь деревня обретает более современный вид: магазинчики, открытый рынок, где толпятся покупатели.

Рави всю дорогу молчит, только пару раз что-то тихонько говорит Роки, который преданно следует за ним по пятам. Я тащусь позади — беспокойство во мне борется с нетерпеливым желанием наконец-то услышать мамину историю. В надежде пригасить и то и другое я стараюсь приглядываться и прислушиваться к происходящему вокруг, а деревенские жители в ответ смотрят на меня настороженно, как на чужачку, — я ведь чужачка и есть.

Рави ведет меня к заброшенному приземистому кирпичному зданию, стоящему на отшибе от других. К нему прилепился еще коттедж, похожий на него, но поменьше. Рави отпирает ключом ворота и делает мне знак идти за ним. Во дворе он сразу же бросает взгляд на меня, ожидая реакции. Едва шагнув за ворота, я останавливаюсь и удивленно оглядываюсь.

— Сад? — В полном восторге от такой красоты я брожу между рядами самых разнообразных благоухающих цветов. Нагибаюсь к ветке дерева и вдыхаю аромат белого цветка с черной серединкой, окаймленной желтым. — Бесподобно!

— Серая ольха, кажется, — говорит Рави. — Ваша бабушка учила меня без устали. И теперь, через столько лет, разум все еще не решается забыть.

Я показываю на цветник возле ольхи.

— Красная кассия начинает цвести.

— Вы знаете наши цветы, — говорит Рави, а я вдыхаю душистый аромат розовых бутонов.

— Мама любила работать в саду, а я иногда ей помогала. — Это были редкие случаи, когда она позволяла мне что-то делать вместе с ней. Мы работали молча, бок о бок: сажали и подрезали цветы и кустарники. — Это восхитительно. — Я показываю на ряды цветов и других растений. Некоторые из них еще только набирают бутоны. Пока мы шли по пыльной деревне, мне и в голову не могло прийти, что здесь можно увидеть такой сад.

— Когда-то это был сад вашей бабушки, — говорит Рави. — Идемте.

Он ведет меня к скамье под буком. Покрытые густой листвой ветки нависают над нами, заслоняя от безжалостного солнца.

— Садитесь, и я расскажу вам ее историю.

АМИША

*Индия под британским управлением,
1930–1940 годы*

6

Амиша хихикнула при виде торжественной процессии коров с колокольчиками на шеях. Ее мать повесила по колокольчику на каждую корову, а хвосты украсила лианами каранды с белыми цветами. Десять коров были условленным приданым, и Амишины родители отобрали для дочери самых лучших.

— Коровы запляшут под музыку, — пропела Амиша прямо в звездную ночь.

Ее веселье было заразительным. Она грациозно покачивалась под ритм барабанов у входа в шамиану. Двойная крыша свадебного шатра сверкала в лунном свете, отражавшемся от разноцветного лоскутного хлопкового полотна. Костер за тонкими вуалевыми стенами-занавесками, вокруг которого Амиша с Дипаком сегодня обошли семь раз, уже едва тлел: только несколько угольков еще не погасли.

Амиша широко улыбнулась новоиспеченному мужу, увидев, что он смотрит на нее. Дипак, стоявший в нескольких шагах, улыбнулся ей в ответ и тут же сконфузился, когда его мать, Чара, громко упрекнула:

— Не полагается так открыто смотреть на невесту.

Гулянье продолжалось всю ночь и выплеснулось на улицы. Женщины были одеты в искусно украшенные свадебные сари, мужчины — в модные сальвар камиз: вышитые рубашки до колен и узкие брюки. Досыта наевшись овощей с карри, они танцевали под песни кочевых цыган.

Когда звезды стали меркнуть, уступая место рассветным лучам, братья и родители Амиши начали собираться в дальний путь домой. Сейчас они уйдут и навсегда распрощаются с Амишей. До сих пор она была их девочкой, а теперь, хотя ей всего пятнадцать, считается взрослой женщиной.

Ужас охватил ее при мысли, что сейчас ее оставят здесь одну. Гости разобрали уснувших на земле детей и усадили в открытую повозку. Мужчины поведут в поводу двух волов, тянущих деревянную коробку на колесах, а женщины пойдут сзади. Идти им до дома полдня, но такой уж у них путь. Как положено по традиции, они благополучно передали одну из своих дочерей в другую семью.

— Мамочка!

Мать распахнула руки, и Амиша бросилась к ней в объятия. Уткнулась лицом в материнскую грудь, и все ее худенькое тело затряслось от рыданий.

Отец положил руку Амише на плечо, она повернулась к нему и тут же оказалась в его объятиях.

— Здесь теперь твой дом. Дари счастье своему мужу, — проговорил он срывающимся голосом, — и своей новой семье.

Теперь они, пожалуй, увидятся только через несколько месяцев, может быть, даже лет. Хоть их и разделяют всего две деревни, все же путь слишком тяжелый и утомительный.

Чара обняла все еще плачущую Амишу за плечи. Кивнула Амишиным родителям, давая понять, что им пора.

По заведенному брачному ритуалу их дочь передана в новую семью. Теперь она будет жить с Дипаком и его многочисленными родственниками в их доме. С этого дня Амиша должна считать Чару своей матерью, и отныне и навсегда жизнь девушки ей самой больше не принадлежит.

***

— Ты — красавица. — Дипак закрыл за собой дверь в спальню.

Сквозь тонкую дверь Амиша слышала, как Чара отдает указания слугам — стелить постель на полу. Две младшие сестры Дипака и его родители будут теперь спать в маленькой комнатке, смежной с гостиной. Дипак как единственный сын получил спальню в свое распоряжение.

Амиша поборол волнение и, подняв украшенную драгоценными камнями голову, встретила с ним взглядом. Они стояли рядом и изучающе смотрели друг на друга. О свадьбе условливались их родители, а сами они сегодня встретились впервые. Дипак провел пальцем по жемчужно-бриллиантовому кулону на Амишином лбу.

Утром мать и старшие кузины искусно вплели ей в волосы золотую цепочку, на которой держалось это украшение. В уши вдели золотые кольца, а на шею повесили два длинных ожерелья. Амишина тетя надела ей на руку несколько десятков таких же золотых браслетов, закрывших все запястье и часть кисти.

«Береги их, — сказала тетя. — Это подарок от твоей семьи».

— Красивые вещи из кого угодно сделают красавицу, — скромно ответила Амиша новоиспеченному мужу.

— А красивая женщина украшает собой все, что на ней надето, — в тон ей отозвался Дипак.

Амиша пристально глядела на него, теребя пальцами подол своего розового сари. В свои девятнадцать он был на четыре года старше ее, но беспокойно переминался с ноги на ногу, как мальчишка. Он был красив, но главное — Амиша заметила в его глазах доброту, и это ее обрадовало.

Дипак взял со стола и протянул Амише бархатную коробочку. Девушка медленно открыла ее и увидела мангалсутру — золотое ожерелье с черными ониксами. Это был традиционный, освященный временем подарок мужа молодой жене в брачную ночь. Он символизировал их неразрывную связь на всю жизнь.

— Это слишком. — Колье было простое, но Амиша сразу увидела, насколько оно дорогое: сверкающее золото чистейшей пробы и блестящие камни отменного качества.

Оно не было похоже ни на одну мангалсутру, какие Амише случалось видеть на других женщинах из ее деревни. Она сжала ожерелье в маленькой ладони, мысленно дав себе обещание никогда его не снимать.

— Я ездил за ним в город, в магазин. — Дипак приподнял ее волосы, чтобы застегнуть замочек. — Жаль, у меня нет ничего более достойного такого необыкновенного сокровища. — Бросив на Амишу смущенный взгляд, он добавил: — Я никогда не видел, чтобы женщина танцевала для мужа на свадьбе. Ты не похожа на других.

Запинаясь, Амиша стала оправдываться:

— Я очень люблю танцевать. Я не хотела тебя обидеть.

— А я и не обиделся.

— Жила-была однажды птица, которая хотела летать сама по себе, без других птиц, — тихо заговорила Амиша, когда Дипак стал снимать с нее украшения одно за другим — только мангалсутру оставил. С помощью этой притчи ей легче всего было поведать молодому

мужчине о своих чувствах — о страхе и неуверенности, смешанных с радостью от того, что родители выбрали ей такого мужа.

— Отчего же так? — Дипак взглянул ей в глаза.

— Она боялась, что если будет летать со всеми, то никогда не найдет своего места. — Взгляд Амиши стал блуждающим: она мысленно рисовала себе траекторию птичьего полета. — Она полетела одна и летела много миль, много дней. И вот наконец прилетела туда, куда хотела, и решила, что она очень храбрая и необыкновенная птица. Но огляделась и увидела, что другие птицы уже несколько дней как прилетели туда тоже.

Дипак начал снимать кольца, украшавшие ее пальцы. Амиша ощутила первую дрожь радостного волнения, когда их пальцы соприкоснулись.

— Оказалось, что никакая она не особенная. И я такая же.

— Глупая птица, — ответил, к ее изумлению, Дипак.

— Эта птица хотела найти свое место... — начала было она, но Дипак ее перебил:

— Ее путь был определен заранее. Зря она старалась быть не как все, только время потеряла.

Это замечание охладило Амишу и пригасило ее возбуждение. Она тут же мысленно укорила себя. В ушах прозвучало предостережение матери: «Держи свои истории при себе». Дипак молча продолжал раздевать ее. Медленно разматывал сари, пока она не осталась в одной нижней юбке и рубашке. Вдохнул запах розовой воды и ладана, а затем аккуратно сложил сари на полу.

— Спасибо. — Амиша уже выбросила сказку из головы: теперь она внимательно следила за ним.

— За что? — Дипак вопросительно приподнял брови.

— За то, что обошелся с ним бережно. — Амиша постаралась забыть о том, с каким пренебрежением Дипак

отозвался о ее притче, и сделать все, чтобы сблизиться с мужем. Показала на сари и призналась: — Это все, что у меня осталось на память о доме.

— Теперь твой дом здесь, — сказал Дипак, и голос у него прозвучал резковато. Кажется, он заметил, что Амишу удивил его тон, и извиняющимся жестом погладил ее по щеке. — Я рад, что мы стали мужем и женой. Надеюсь, ты тоже будешь рада.

— Я рада. — Ошеломленная его признанием, Амиша заговорила мягче. — Верю, ты будешь так же нежен со мной, как с моими вещами.

Хоть мать и кузина и объяснили ей во всех подробностях, что ее ждет в брачную ночь, она все же волновалась. До сих пор ее не касался ни один мужчина, и она беспокоилась, сумеет ли ему угодить.

— Мне страшно. — Дипак привлек ее к себе и поцеловал в лоб.

— Ты же мужчина. — Амиша чувствовала, как он напряженно дрожит всем телом, и видела его тревогу. Для нее это был первый раз, и она знала, что для него тоже. Тронутая его волнением, она добавила: — Это я должна бояться.

— Я не хочу сделать тебе больно. — Он прижался лбом к ее лбу и провел рукой по ее волосам.

Амиша сглотнула, чтобы унять волнение. Родители дочери всегда старались подыскать ей наиболее подходящую партию. О юноше судили по положению его родителей в обществе и по тому, что говорит об их семье молва. После того, как дело было решено, оставалось только надеяться, что молодой человек из этой семьи имеет какие-то моральные устои и будет обращаться с их дочерью бережно.

Амиша начала расстегивать на Дипаке пуговицы, он отстранился и расстегнул сам, а затем снял тунику. Все еще полуодетая, Амиша протянула ему руку. Удивленный,

он взял ее на руки и в несколько шагов перенес на кровать.

— Новая, — с гордостью сказал он. — К нашей свадьбе купили.

Он тоже лег и приподнялся над Амишей на локтях. Нерешительно коснулся губами ее губ. Амиша разомкнула их, как учили мама и тетки. Дипак медленно потянул ее юбку вверх и закрыл глаза. Не зная, что делать, она смотрела на него и наконец тоже закрыла глаза. Когда он вошел в нее, она отвернулась, молча принимая его, как свой новый дом.

Когда все было кончено, Дипак улегся на живот и уснул. Амиша дождалась, когда он захрапит, а затем медленно встала с кровати. Тихонько оделась, долго искала листок бумаги и карандаш и наконец нашла. Села на пол в дальнем углу и начала писать.

В какой-то момент Амиша почувствовала, что Дипак проснулся и смотрит, как она царапает карандашом по бумаге. Она подняла глаза, и их взгляды встретились. В глазах мужа Амиша увидела недоумение, а затем пренебрежение. Не сказав молодой жене ни слова, Дипак вновь заснул в свете тускнеющей луны. Амиша стала писать дальше, ища утешения в своем единственном источнике — в словах, которые рождались в ней.

***

Амиша не сразу очнулась от сна и увидела, что Чара стоит над ней. Взгляд девушки метнулся к пустому месту на кровати рядом.

— Пора за работу! — объявила Чара. — Одевайся поживее да снимай белье с кровати, стирать надо.

— Сейчас, матушка.

Амиша сложила белье в плетеную корзину и поставила ее на голову. По пути на крыльцо она прошла мимо Дипака и его отца: они завтракали, сидя по-турецки на полу.

Дипак бросил на жену мимолежный взгляд, но ничего не сказал.

— Смотри, чтобы пятен от крови на простыне не осталось, — велела Чара. Дорогое сари свободно облегло ее плотную фигуру. Проворными пальцами она убрала волосы в тугий узел, а затем скрестила полные руки на массивной груди. Украшения на ней позвякивали в такт движениям. Большая красная бинди на лбу занимала все пространство между бровями. — Это простыни для всей семьи, не только для того, чтобы ты на них с моим сыном нежилась.

— Конечно, матушка. — Амиша подпустила в голос нотку притворного подобострастия.

Глаза Чары сузились:

— Твое счастье, что ты попала в этот дом, дочка. Сжалились мы над тобой, позволили сыну взять тебя в жены, хоть это и не подобает нашему положению.

Семья Дипака владела мельницей, которая кормила всю деревню. Дом у них был почти целиком бетонный, а не из глины и кирпича, как тот, где выросла Амиша. В тот вечер, когда условились о помолвке, мать тоже говорила, что Амиша счастливица, и уверяла, что ей улыбнулись боги.

— Ваш сын такой же добрый, как и вы, матушка, — ответила Амиша Чаре. Конечно, мало кому удастся подружиться со свекровью, но она надеялась хотя бы на обычную любезность. — Мне очень посчастливилось, что этой ночью он так великодушно пожалел меня. Дважды.

Чара угрожающе шагнула к ней:

— Как ты смеешь так со мной разговаривать?!

Амиша прикусила язык и почувствовала медный привкус крови во рту.

— Простите.

Мама ведь предупреждала ее, чтобы не вздумала огрызаться. Амиша поскорее сбежала с крыльца и бросилась к реке.

На реке она стала оттирать простыни мыльным камнем. Когда вода с них побежала чистая, сложила белье в корзину и отправилась домой. Она выбрала длинную дорогу, чтобы в первый раз пройти по деревне. Остановилась поглядеть, как резвятся ребятишки, пока их матери беседуют между собой. Деревенские жители несли с базара полные корзины овощей и новую одежду.

Издаലെка Амиша заметила группу британских офицеров, идущих через площадь. От отца она знала, что в соседней деревне есть Канцелярия британских властей. В родной деревне Амише случалось видеть, как офицеры бьют индийцев за малейшие проступки. При приближении британцев она опустила голову и подождала, пока они пройдут. Потом выдохнула, подхватила корзину и побежала домой.

— Долго же ты ходила, дочка моя новая. — Чара стояла на верхней ступеньке крыльца, загораживая Амише проход.

Жаркое солнце палило Амишу со всех сторон, пока Чара подробно расписывала ее обязанности по дому:

— Будешь готовить еду на всю семью, белье в речке стирать и держать дом в чистоте. — Чара бросила взгляд на дверь. — А Дипак станет на мельнице работать. Твое счастье будет, если сможешь повидаться с ним хоть изредка.

— Да, матушка. — Амиша понимала, что в иерархии новой семьи ее место невысоко. Она должна подчиняться, во-первых, старшим, а во-вторых, мужу. — Спасибо вам.

Амиша прошла мимо Чары на заднее крыльцо, где развесила простыни на просушку. Затем принялась за уборку. Ночью она рухнула на кровать и изо всех сил старалась прогнать сон. Дипак пришел в спальню через несколько часов. Не сказав ей ни слова, лег и уснул. Под

звуки его храпа Амиша смотрела в окно, где ночное небо уже сменялось утренним.

7

Прислонившись к стене на крыльце, Амиша с лихорадочной поспешностью записывала диалог мангуста с лягушкой. Забытая метла валялась у ног. Лягушка доказывала, что она — вовсе не такое уж изысканное угощение и недостойна внимания столь благородного животного, как мангуст.

Амиша убрала с лица выбившиеся пряди волос и начала записывать ответ мангуста. Но тут заметила вдалеке Чару с подругой — они возвращались из храма. Девушка поспешно спрятала блокнот, зачерпнула ладонью воды и плеснула в лицо: пусть выглядит так, будто она вспотела. Схватила метлу и принялась мести.

— Амиша, мы будем пить шербет в доме. — Чара обмахивалась шелковым веером, вручную расписанным видами заката. — Поторопись. Мы же не хотим, чтобы наша гостья упала в обморок от жары. — Проходя мимо, Чара бросила изящный веер Амише, чтобы та его убрала.

На кухне Амиша налила два стакана мангового сока и выложила на блюдо сласти. В гостиной женщины усьелись на диван. Амиша подала им угощение и повернулась, чтобы уйти.

— Пойду, закончу уборку на крыльце.

— Неужели в таком почтенном доме у невестки даже нет своего слуги или служанки? — Подруга Чары поглядела на сласти и выбрала халву — уваренную со сладким молоком морковь, посыпанную молотым орехом. Взглянув на лоб Амиши, с которого капала вода, она недовольно прищелкнула языком.

— Слуги? — Амиша остановилась и удивленно уставилась на свекровь. — О чем это тетя говорит, матушка?

— Я еще не успела подыскать кого-нибудь подходящего. — Чара даже не взглянула на Амишу, всецело занятая своим напитком. — Мне до сих пор приходится многое делать по дому самой, чтобы дать Амише отдохнуть.

Подруга Чары отхлебнула большой глоток сока и обратилась напрямую к девушке:

— Ты уже больше месяца здесь живешь. Тебе давно пора обзавестись прислугой.

Нанять слугу стоило всего несколько центов в месяц, так что обычно их держали сразу по трое-четверо. В доме Амишиных родителей тоже было двое слуг. А здесь работала всего одна служанка, и Амише приходилось выбиваться из сил, чтобы все успеть.

Она перехватила взгляд Чары и не отвела глаз.

— Вы ведь хотели мне это сказать, правда?

— Ну да, конечно, — вынуждена была согласиться свекровь, раз уж ее приперли к стенке. Если она откажет Амише в помощи, это будет расценено как откровенная жестокость. А если между Чарой и Амишей выйдет какой-то раздор, дамы их круга скорее пожалеют Амишу и встанут на ее сторону. У соседок это был излюбленный вид досуга — обсуждать чужие дела. — Можешь подыскать себе в прислуги кого хочешь, или я сама кого-нибудь найму. — Явно желая закончить этот разговор, она добавила: — Только уж если будешь выбирать, так делай это с умом. Твоей служанке все твои тайны будут известны.

***

Размахивая на ходу корзинкой с едой, Амиша подходила к мельнице. Носить обед Дипаку и свекру было самым радостным из ее ежедневных дел. Не считая стирки на реке, это была единственная возможность хоть ненадолго выбраться из дома.

Подолом сари она вытерла пот со лба. Жара достигла рекордных отметок, и конца ей пока не предвиделось. На мельнице Амиша увидела управляющего в накрахмаленной коричневой хлопчатобумажной рубашке и таких же штанах. Он беседовал с каким-то подростком. Амиша встала у стены, чтобы переждать их разговор. Она уже стала сочинять про себя новую сказку, но тут управляющий закричал.

— Рави, сколько раз тебе повторять?! — Управляющий замахнулся на мальчика деревянной линейкой. — Убирайся, пока я сам тебя не вышвырнул!

— Пожалуйста, господин. — Изможденного вида темнокожий паренек не дрогнул. — Я буду мести полы по ночам. Чистить уборные. Я все буду делать, господин. Мне нужно заработать хоть монету. — Рави упал на колени и умоляюще сложил перед собой руки.

— Монету? — прошипел управляющий ему в лицо. — Неприкасаемый — на мельнице?! — Его смех эхом отскочил от стен, и у Амиши по спине побежали мурашки. — Ты рожден из грязи, ты не стоишь того, чтобы платить тебе монету.

На вид мальчику было лет двенадцать-тринадцать, но по голодным, измученным глазам можно было дать гораздо больше. Даже на расстоянии чувствовалось, как он напуган. Амиша хотела отвернуться, но что-то в мальчишке привлекло ее внимание — может быть, то, с какой стойкостью тот переносил унижения.

— Вы правы, господин, — согласно кивнул Рави. — Я могу чистить уборные, пока мельница закрыта, чтобы никого не оскорбить своим видом. Я буду работать за малую плату, господин. Пожалуйста.

— Вон отсюда! — Управляющий толкнул Рави так, что тот упал. Неуклюже приподнялся и снова встал на колени. — Позволить тебе здесь работать — значит осквернить еду.

Амиша пыталась разглядеть в лице управляющего хоть тень сострадания, но напрасно.

— Убейся, пока я тебя не поколотил.

Амиша шагнула к ним, чтобы внимание управляющего переключилось на нее. Едва он заметил невестку хозяйна, как ярость тут же сменилась почтительностью.

— Я сейчас же передам это сахибу.

— Спасибо. — Краем глаза Амиша видела, с каким подавленным видом Рави выходит за дверь. — Кто это? — спросила она.

— Неприкасаемый, — сплюнул управляющий. — Не понимает, когда ему говорят «нет». — Он с отвращением покачал головой. — Каждую неделю приходит, упрашивает взять его на работу. — Он понюхал еду. — Пахнет вкусно. Дипак-сахиб останется доволен. — И ушел, забрав еду.

Амиша выбежала за дверь и стала искать паренька глазами, прикрыв их ладонью от солнца. Заметила его одинокую фигурку вдалеке и побежала вдогонку, окликая его по имени.

Рави остановился и уставился на нее. Когда она наконец подбежала ближе, он сложил ладони перед собой и почтительно поклонился.

— Да, шримати? — отозвался он. Это было традиционное вежливое обращение к замужней женщине.

Амиша уперла руки в бедра и опустила голову, стараясь отдышаться. Она хватала ртом сухой воздух: кислорода не хватало.

— С вами все хорошо, шримати? — Ростом он был выше ее, и ему пришлось присесть, чтобы заглянуть ей в лицо. Она не сразу ответила, и тогда он бросил взгляд на мельницу и снова на нее, словно прикидывая расстояние. — Сколько вы там бежали-то, шримати.

Амиша прищурилась и сердито взглянула на него. Увидев это, он отступил на шаг.

— Попробовал бы сам побегать в такой одежде, — проворчала она. — Все равно что овцу на плечах тащить — греет, как шерстяное одеяло. — Все еще задыхаясь, она спросила: — Почему ты хочешь работать именно на мельнице?

Он словно бы смутился, но ответил:

— Я готов работать где угодно, шримати. Мельница — не первое место, откуда меня вышвырнули.

Амиша вспомнила распоряжение свекрови: найти слугу, которому можно доверять. Рави не из их деревни, а значит, не из тех, кто привычно встанет на сторону Чары. Она прикусила губу. Ладони у нее вспотели, сердце колотилось. План еще только родился у нее в голове, но она уже боялась, что навлекает на себя гнев Чары.

— Говоришь, где угодно будешь работать?

— А вы кто? — В его голосе проскользнула нотка досады.

Он все озибался вокруг. Амиша понимала: боится, как бы его не побили. Такое случалось на ее глазах, когда неприкасаемый заговаривал с женщиной высшей касты.

— Я невестка владельца мельницы, — быстро ответила она. Это прозвучало без гордости: положение в обществе мало для нее значило. Увидев, как округлились глаза мальчишки, Амиша прибавила: — Иди ко мне работать.

Она боялась, что если промедлит еще немного, то найдет предлог, чтобы отказаться от этого плана.

— Нехорошо так насмехаться. — Рави отвернулся с почти неприкрытым возмущением на лице.

— Я не смеюсь, и тебе смеяться нечему. — Стремление этого парня вырваться за границы дозволенного задело какую-то струну в душе Амиши, и она почувствовала, что лучшего товарища ей не найти. — Хочешь, соглашайся, хочешь, нет. Только думай скорее, чтобы мне знать, искать ли кого-то еще.

— Я — неприкасаемый. — Рави поковырял землю босой ногой и пристыженно отвел глаза. — Чтоб вы знали.

— А я — женщина. — Это сознание висело над ней вечной тенью. Она взглянула на солнце. — Вот мы и определили наши роли.

— Вы — дочь владельца мельницы, — возразил Рави. — А мои родители, братья и сестры — бродяги. Такая наша судьба — попрошайничать. — Борясь с гневом, он на миг умолк, а затем пробормотал: — Как бы я ни старался это изменить.

— Не дочь, а сноха, — поправила Амиша. — Нам обоим обстоятельства диктуют, как жить. — Их глаза встретились, и Амиша не отвела взгляд. — Свекровь обращается со мной не лучше, чем со служанкой.

— А мне позволят быть слугой в вашем доме? — Кажется, Рави оставил надежду победить ее в словесной игре.

Говорить правду Амише не хотелось, и она ответила уклончиво:

— Давай-ка я расскажу тебе историю о красивом певце.

— Лучше не надо, — отозвался Рави.

Она сделала вид, что не услышала.

— Этот певец хотел попасть в труппу странствующих музыкантов, прославившихся своими мелодиями и своей необычайной красотой. Но его не приняли, и он воззвал к небесам, считая, что с ним поступили несправедливо. — Амиша рассказывала, оживленно помогая себе жестами. — Один старик предложил юноше флейту за ломоть хлеба. «Я дам тебе то, что ты ищешь», — сказал старик. Молодой человек с радостью обменялся с ним: уж теперь-то его наверняка примут в труппу! Но, когда он уже собирался уходить, старик предупредил его: «Если отвергнешь музыку, потеряешь все».

— Шримати, ваша история очень занимательна, но к чему она ведет? — Рави обвел рукой вокруг. — Меня ждут всякие роскошные места, откуда меня сегодня еще не выгоняли.

Амиша приподняла бровь, но продолжала рассказывать:

— Молодой человек пришел и стал играть перед трупой, но его не замечали. И вдруг над холмами раздалось пение. Голос был мелодичный и великолепно сочетался со звуком флейты. Все остановились и стали слушать. И тогда из леса вышла женщина с лицом тролля и телом великанши.

Рави, уже охваченный любопытством, теперь слушал внимательно.

— Но ее голос... вот тут боги ей улыбнулись. Однако молодой человек счел ниже своего достоинства выступать с ней вместе. Как его и предупреждали, после этого он разучился играть и горько затосковал.

— Вот дурак, — сказал Рави.

— В отчаянии он пришел умолять ту женщину о прощении. Они стали выступать вместе, и их слава затмила славу странствующей труппы, — закончила Амиша и довольнo улыбнулась.

Рави пожал плечами, не сводя с нее глаз.

— И какой же смысл в этой истории?

— Смысл в том, что мы не должны судить друг друга, — объяснила Амиша, обескураженная тем, что ее не поняли. — Давай-ка заключим с тобой уговор. Я не буду судить тебя, а ты меня.

— Шримати... — начал было Рави, но Амиша перебила:

— Мне нужен слуга. — Предупреждая его возражения, она добавила: — Глупо искать кого-то более подходящего по мнению других, когда ты вот он, тут, и готов

усердно работать. — Она подмигнула ему. — Заодно и с управляющего собьем спесь, а?

Амиша видела, как отчаянная надежда борется в мальчишке со страхом. Он настороженно взглянул на нее и наконец кивнул в знак согласия.

— Я вас совсем не знаю, но вы предложили мне такое, чего никто никогда не предлагал. — Он опустился на колени у ее ног и сложил перед собой ладони в благодарственном жесте. — Спасибо вам, шримати. Я на всю жизнь в долгу перед вами за этот подарок и обещаю выплачивать долг.

Амиша попятилась назад и знаком велела ему подняться.

— Я буду тебе платить деньги, но ты не моя собственность. Мы почти одногодки, и ты будешь работать вместе со мной. Матушка говорит, что ты станешь хранителем моих тайн, но у меня никаких тайн все равно нет, так что мне важнее, чтобы ты слушал мои истории. Согласен?

Ничего не понимая, он рассеянно кивнул:

— Согласен.

— Отлично. — Она облегченно вздохнула. — И не падай больше к моим ногам. Для этого есть другие люди, поважнее. Боюсь, я в их число не вхожу.

***

Амиша заглянула за перегородку, отделяющую кухню от обеденного пространства. Чара разливала суп с чечевицей и белым рисом для Дипака и своего мужа. Амиша грызла ноготь, мысленно обдумывая, как бы ей преподнести новость.

— Амиша! — Громовой голос Чары перекрыл звон горшков и кастрюль (служанка все еще была занята готовкой). — Неси наан³.

---

³ Пшеничная лепешка. — *Прим. ред.*

Амише ужасно не хотелось выходить из своего укрытия. Наняв Рави на службу, она теперь опасалась последствий.

— Амиша, ты что, оглохла?! — снова крикнула Чара.

— Иду, матушка.

Бросив еще один быстрый взгляд, Амиша увидела, что Чара подает Дипаку и его отцу вареную окру⁴. Это был их ежедневный ритуал: Чара подает еду, а Амиша приносит теплый наан, приготовленный отдельно на маленьком костре. С коротким благодарственным кивком Амиша взяла у служанки стальное блюдо и, набрав в грудь воздуха, призвала на помощь всю свою храбрость.

— Я нашла слугу. — Войдя, Амиша неподвижным взглядом уставилась в одну точку на стене. — Он приступит к работе с завтрашнего дня.

— Слугу? — Дипак перестал есть и поднял на нее глаза.

Они редко разговаривали, когда он бывал дома. Иногда ночью он молча овладевал ею — они оба хотели иметь ребенка, — а потом сразу же засыпал. Вначале Амиша еще надеялась на что-то большее, но вскоре смирилась с такими отношениями, обычными для большинства семей. Продолжать надеяться было глупо.

— Да. — Амиша выдержала его взгляд и сумела набраться решимости. — Матушка сказала, что мне нужен слуга.

— И кто же он? — Чара почти не слушала: она продолжала хлопотать у стола.

— Его зовут Рави, он искал работу на мельнице, — торопливо проговорила Амиша. — Там для него ничего не нашлось, вот я и предложила ему.

— Рави? — Чара бросила взгляд на мужа. — Знаешь такого?

---

⁴ Овощная культура. — *Прим. ред.*

Отец Дипака ответил не сразу. Прищурившись, он смотрел на Амишу долгим изучающим взглядом. Почувствовав на себе этот взгляд, Амиша отвела глаза. Обычно дома они почти не разговаривали друг с другом. Все вопросы улаживали Дипак и Чара.

— Неприкасаемый, — наконец проговорил свекр.

Амиша услышала, как охнула Чара, и тут же увидела, как стальное блюдо с едой летит ей в голову. Она инстинктивно пригнулась, и блюдо врезалось в стену. Еда разлетелась по полу.

— И ты посмела притащить неприкасаемого ко мне в дом?! — завопила Чара.

— Я думала, он может работать на заднем дворе, — заикаясь, пробормотала Амиша. — В дом он входить не будет.

— Идиотка! — Чара презрительно махнула рукой. — Стыд и позор для меня иметь такую невестку. Считай, что твоему браку с моим сыном — конец.

Амиша отшатнулась в ужасе и, зажав рот рукой, едва сдержала горестный вскрик. Она пыталась и не могла найти слова, которыми можно было бы исправить то, что произошло. Слова не находились, и ей оставалось только стоять и смотреть, как ее будущее рушится прямо на глазах.

— Амиша, зачем ты его наняла? — спросил Дипак, в упор глядя на жену.

Та робко ответила:

— Он из очень бедной семьи, и ему нужны деньги. Он искал работу повсюду. Мне казалось, что нам нетрудно ему помочь.

— Ты знала, кто он? — спросил Дипак.

— Он мне сказал. — Вне себя от страха, Амиша теребила подол своей блузы. — Я думала, нам не будет вреда, если мы проявим человечность. — В детстве Амиша никогда не кидала камни в неприкасаемых, когда

они ходили по домам, выпрашивая еду. Для многих детей это была любимая забава, но ей она казалась слишком жестокой. — Махатма Ганди говорит, что они хариджаны — дети бога.

— Когда это ты успеваешь Ганди читать? — недовольно бросила Чара. — Так вот почему у тебя вечно работа стоит!

— Мама. — Дипак поднял руку, прося тишины. Бросил быстрый взгляд на отца и увидел то, чего искал: поддержку. Помолчал, раздумывая, а затем объявил свое решение:

— Он не будет прикасаться к еде.

— Не будет, — поспешно согласилась Амиша.

Она затаила дыхание, ожидая его вердикта. Когда в их брачную ночь Дипак проявил к ней открытую нежность, это был первый и последний раз. После Амиша несколько раз пыталась как-то сблизиться с ним, но он только кивал головой и тут же засыпал.

— Он будет помогать тебе по дому, но держаться подалеже от всех остальных, — продолжал Дипак.

— Конечно, — закивала Амиша.

— Значит, браку не конец, — вынес решение Дипак. От облегчения у Амиши едва не подломились ноги.

Глядя на Чару, Дипак проговорил:

— Ты велела Амише найти слугу, она и нашла. Я уверен, с ним будут обращаться не лучше, чем с другими нашими слугами. — Он перевел пристальный взгляд на Амишу и строго произнес: — Мы не станем оспаривать твое решение в этот раз, но в будущем выбирай умнее.

— Да. — Амиша сдержала слезы благодарности. Дипак спас ее. Сейчас она готова была согласиться на что угодно и пообещала: — Буду.

Чара в ярости вылетела из дома, по пути крикнув служанке, чтобы убрала комнаты до ее возвращения. Из-под

опущенных ресниц Амиша смотрела на мужа. В первый раз со дня свадьбы она почувствовала, что в ней шевельнулась искренняя нежность к нему. Вернувшись на кухню, она вознесла про себя благодарственную молитву богам за то, что выбрали ей в мужья такого человека.

8

Амиша ерзала на дорогом стуле с гнутой спинкой, который Дипак купил несколько месяцев назад — на нем он теперь работал с бумагами. Роскошный стул и такой же письменный стол были вырезаны из кости и расписаны тонким узором, повторявшим узор павлиньих перьев. Дела у Дипака шли в гору, и он с гордостью преподнес новую мебель жене и матери.

Амиша зачеркнула не понравившиеся два слова и заменила другими. Последняя строчка стиха оказалась самой трудной. Не одну неделю девушка билась над тем, чтобы перенести на бумагу то, что так красиво и убедительно звучало в голове. В стихах говорилось о проливном дожде и о величественной красоте разлившихся рек. Наконец оставшись довольна своим творением, Амиша отложила перо и бумагу. Так бывало всегда, с каждой новой сказкой или стихотворением. Слова приходили в самый неподходящий момент и не давали покоя, пока их не запишешь.

— Шримати. — Коротко постучав, вошел Рави со склоненной головой. — Ваша свекровь скоро будет здесь.

За тот год, что Рави работал у них, Чара успела нанять еще одного слугу. Слуги помыкали Рави и заставляли его делать работу за них. Он исполнял все безропотно, явно радуясь уже тому, что честно зарабатывает на жизнь. Чара поначалу вовсе отказывалась говорить с Рави, да и теперь едва замечала его присутствие. После того,

как Амиша наняла его, свекровь третировала ее еще несколько недель и в наказание прибавила работы.

Амиша вскочила со стула, придерживая ладонями огромный живот.

— Прости, малыш, — извинилась она перед еще не родившимся первенцем. — Рави, а я ведь еще и не начинала готовить ужин. Она мне сейчас все волосы выдирает.

Рави вздрогнул при ее резком движении.

— Я мало понимаю в женских делах, но мне кажется, ребенок сегодня не в настроении скакать.

Амиша погладила живот обеими руками. Когда ее начало каждый день тошнить, у нее появилась надежда, что она носит ребенка. Задержка месячных укрепила эти подозрения. Не считая приступов внезапной слабости в первое время, беременность протекала сравнительно легко. К удивлению Амиши, неожиданная радость вынашивания младенца обострила ее страсть к сочинительству. Истории всплывали в голове одна за другой, она едва успевала их записывать.

— Ты зря так беспокоишься, друг мой. — Амиша ласково погладила свой живот. — Он у меня крепкий малый. А вот за матушкино здоровье мне тревожно. Ты же видел, как она рвет и мечет, чуть что не по ней. В такие годы это может кончиться разрывом сердца.

— Ужин готов, — проговорил Рави.

— Что? — Амиша непонимающе уставилась на него.

— Мы закончили уборку пораньше, вот я и взялся приготовить ужин, — пояснил парень.

Рави в последнее время стал брать на себя все больше и больше ее обязанностей. Когда Амиша была еще на раннем сроке беременности, она как-то застала его за стиркой — он принялся за дело раньше, чем у нее самой дошли руки. Частенько он задерживался, чтобы убрать в доме, пока она дремала, сидя на стуле. А недавно

стал украдкой помогать на кухне в те дни, когда Чара обедала у знакомых. Амиша, помня обещание, данное Дипаку, ощущала уколы тревоги. Однако еда у Рави выходила вкуснее, чем у нее. Даже другие слуги, которые вначале прогоняли его от себя, теперь с готовностью принимали его помощь.

— Еще один слуга помогал, и мы постарались, чтобы все нааны подгорели, в точности, как у вас — так она ни о чем не догадается.

Больше он ничего не сказал, но на губах у него играла улыбка.

— А цветная капуста и карри с картошкой? — Именно эти блюда затребовала сегодня Чара.

— Все готово — пересолено и приправ не хватает, в точности как у вас...

Последние слова заглушил неудержимый хохот Амиши. Рави стоял рядом и улыбался.

— Спасибо тебе. Спасибо! — воскликнула Амиша. — Я никак не могла оторваться, и время пролетело незаметно. — Амише хотелось обнять его, но она понимала, что этого делать нельзя. В детстве мама то и дело бранила ее за то, что она обнимается со всеми гостями и родственниками. В конце концов бесконечные строгие выговоры отучили ее от этой привычки. И теперь она только сжала рукой худое плечо Рави. — Ты снова спас мне жизнь, друг мой.

Амиша сложила бумажный листок вдвое. Достала из-под кровати металлическую шкатулку и положила его сверху, на кипу других стихов и сказок. Аккуратно закрыла шкатулку и снова задвинула под кровать, так, чтобы ее не было видно.

— А это про что? — Рави придержал перед ней дверь и вышел на кухню следом.

— Про дождь, после которого так чудесно разлились реки. — Она говорила тихонько, чтобы никто

не подслушал. Один только Рави знал, что она пишет стихи.

— В наводнениях люди гибнут, — прозаически заметил Рави.

— Да, Рави. — Амиша тяжело вздохнула — она часто так вздыхала при нем. — Но стихия уносит всю грязь и мусор, чтобы могла пробиться новая поросль.

— Хм. — Рави задумался. — Вы уже дописали?

— Я-то более или менее довольна, но лучше уж пусть лежит под кроватью. — Она шутливо толкнула его плечом. — Если кто-нибудь прочитает мою чепуху, ты, чего доброго, начнешь стыдиться моего общества. — В окно она заметила Чару, поднимающуюся на крыльцо. — А теперь идем подавать ужин дикому зверю, то есть матушке.

9

Амиша в традиционных белых одеждах готовилась встречать очередного соболезнующего, а по всему дому разносился плач ее третьего сына. Она родила всего две недели назад, и сейчас ее тело тут же откликнулось на призыв: к груди прилило молоко. Дипак, словно не слыша криков сына, продолжал беседу с гостями.

Чара умерла тихо, во сне, и Амиша искренне горевала о ее смерти. За прошедшие годы между ними сложились непростые, но прочные отношения. С рождением каждого внука Чара становилась все мягче.

«Вот теперь ты доказала, что чего-то стоишь», — заявила Чара, радуясь третьему внуку.

Амиша, лежа в постели без сил, смотрела, как све-кровь держит на руках новорожденного.

«Три внука стоят той цены, которую мы заплатили, когда приняли тебя в наш дом. — Чара качала малыша, а повитуха прикладывала влажную тряпку к голове

Амиши. — Счастливица ты — сын-то тебя никогда не бросит».

«Дочь была бы мне так же дорога», — слабым голосом проговорила Амиша.

«Не говори глупостей. — Свекровь уткнулась носом в головку малыша, успокаивающе воркуя над ним. — Дочь, которая у тебя родится, никогда не будет по-настоящему твоей».

Амиша стояла рядом с Чарой, когда две дочери той выходили замуж. Девушка вспомнила свою собственную свадьбу и в порыве сочувствия обняла Чару за плечи. Когда Чара бросилась к ней в объятия и зарыдала, они перешагнули какой-то невидимый порог и стали едины в своей печали.

Чара не раз повторяла: дочерняя любовь скоротечна. Живя в родительском доме, девочка готовится к тому дню, когда покинет этот дом навсегда и перейдет в другую. Мать видит в дочери отражение себя, какой она была когда-то — всегда чужой в любом доме, где бы ни жила. Только когда сын вырастет и женится, мать может наконец занять свое место в мире. Теперь она может смотреть на входящую в дом сноху как на чужачку, а сама наконец-то становится хозяйкой.

Вынырнув из воспоминаний, Амиша смотрела, как гости собираются в долгий путь к месту кремации. Амиша с новорожденным сыном в церемонии не участвовали: по учению браминов⁵, зрелище смерти может повредить младенцу, он затоскует и захочет вернуться домой, на небеса.

Когда удалился последний гость, Амиша бросилась в дальнюю комнату, где ее младшенький уже наплакался и уснул. Почти тут же следом за ней вошел Дипак.

---

⁵ Священники, духовные наставники в семьях большинства каст высшего или среднего статуса в Индии. — *Прим. ред.*

Амиша взяла его руку и положила на головку младенца. Двое старших сыновей с серьезным видом стояли рядом.

— Одна жизнь ушла, — сказала Амиша, болея душой за мужа, — зато пришла другая. Сегодня ты сожжешь ее тело, но не душу. Она навсегда останется с тобой и со своими дочерьми. — Она обняла обоих старших мальчиков одной рукой. — Пусть сыновья придадут тебе сил.

Дипак привлек ее к себе и стиснул в объятиях. Удивленная, Амиша обхватила мужа за талию и, прильнув к нему, с наслаждением почувствовала прикосновение его рук. Это был первый раз на памяти Амиши, когда муж обнял ее. Они были женаты уже много лет, а он все еще оставался для нее словно незнакомцем. Разговоры их в основном сводились к домашним делам. Только на сыновьях и держалась их непрочная связь.

Через несколько секунд Дипак отстранился, и Амиша тут же выпустила его из объятий. Молча смотрела, как он притягивает к себе старших сыновей.

Они втроем вышли к отцу Дипака, ждавшему на пороге, и двинулись вслед за похоронной процессией к месту кремации.

Амиша стояла одна среди голых стен и мысленно прощалась с женщиной, заменившей ей мать и столько лет распоряжавшейся ее жизнью. Она склонила голову перед статуэткой Вишну, хранителя мироздания, и поблагодарила за своих троих сыновей и за то, что они придали ее жизни смысл. Но сердце ее жаждало большего — близости с родственной душой, и тогда она мысленно попросила о рождении дочери.

***

Дипак сидел по-турецки на полу между двумя сыновьями: они обедали. Амиша, потягивая за веревку, качала спящего Пареша в самодельном гамаке. Со дня смерти Чары прошло полгода. За это время и отец Дипака тоже

ушел в загробную жизнь следом за женой. Дипак остался единственным распорядителем семейного дохода, а Амиша — хозяйкой в доме.

Хотя в дом недавно провели электричество, еду по-прежнему готовили на костре.

— Рави, — сказала Амиша, когда слуга вышел из кухни с горкой теплого белого хлеба на блюде, — иди поешь, и другие пусть поедят, пока еда не остыла.

После смерти Чары Амиша сделала Рави старшим над всеми слугами в доме. Теперь он распоряжался остальными и распределял обязанности. Последней в дом была нанята Бина, двоюродная сестра Рави. Она родилась с заячьей губой и не была удачлива ни в попрошайничестве, ни в попытках найти мужа. Когда Рави спросил Амишу, нельзя ли дать Бине какую-нибудь временную работу, Амиша вместо этого предложила ей постоянное место служанки. Дипак сделал пристройку к дому, и работы по уборке прибавилось.

— Я решил расширить свое дело, — объявил Дипак за обедом. — И уже поговорил с одним фермером в Индоре.

При упоминании о городке, находившемся в часе езды от них, Амиша подняла на мужа изумленный взгляд.

— Далековато, да, — проговорил Дипак, видя ее реакцию. — Но у этого человека много прогрессивных идей, и он готов стать партнером.

Дипак всегда был немногословным и сдержанным со всеми, включая жену. Амиша считала — это из-за того, что он единственный сын, и к тому же старший в семье. Его долг — продолжить отцовское дело — был ясен с рождения. Мысли о колледже или о любых других вариантах, кроме мельницы, отменялись. Здесь был его дом, его наследие, и Амиша знала, что для него это свято. Поэтому огонек радостного возбуждения в его глазах оказался для нее полной неожиданностью.

— А как же британские власти? — спросила она.

В Индоре британцев было больше. Дипаку придется получить разрешение, чтобы заключить свою сделку.

— Это дело уже улажено, — без промедления ответил муж.

— Похоже, ты уже все решил. — Амиша подумала, каково ему будет без конца ездить в Индор и обратно.

Дорога там глухая, безлюдная. Слухи о разбойниках, нападавших по ночам на повозки, ходили повсюду. А если она не захочет, чтобы Дипак отправлялся в путь так поздно, ему придется ночевать в городе и возвращаться днем. В его отсутствие Амиша останется детям и за мать, и за отца. Бремя его решения ляжет на ее плечи.

— Так будет лучше для семьи. — Дипак бросил взгляд на мальчиков. — В будущем это для них окупится.

Окончив разговор, Дипак стал молча доедать свой ужин, а Амиша смотрела на него.

10

— Рави! — Амиша искала его глазами, стоя на крыльце. Позвала еще раз, громче и настойчивее: — Рави!

— Сейчас сюда сбегутся все Рави со всей деревни, и из соседней тоже. — Рави показался из-за угла с корзиной белья в руке. — И что вы им скажете?

— Что мой Рави не отвечал, когда я его звала, поэтому должен теперь просить прощения у них у всех. — Она выхватила у него корзину и потащила его за собой на крыльцо. — У меня такие новости, ты не поверишь!

— Конечно, не поверю, пока вы не расскажете. — Он снова взял у нее корзину и принялся разбирать белье.

— Знаешь английскую школу? — Новое здание за деревней строилось уже несколько месяцев. Почти каждый день Амиша с любопытством останавливалась поглядеть, как оно растет. До сих пор она никогда не видела таких

домов. — Сегодня я подслушала, как английский учитель говорил чьему-то отцу, что туда будут принимать всех. — Амиша стала помогать Рави раскладывать вещи для просушки. — Они хотят нас просвещать. Здесь, в нашей деревушке, они будут учить писать по-английски.

Дипак уже несколько месяцев был в отъезде. За это время Амиша всерьез стала читать местные газеты — новости о полыхающей в мире войне. Ее изумило, что те же самые британцы, которые оккупировали ее страну, теперь сражаются бок о бок с американцами, чтобы спасти мир от человека по имени Гитлер. Она читала подробные репортажи о страданиях и лишениях и знала, какой дорогой ценой доставались союзникам их немногочисленные победы.

На званных обедах Амиша внимательно прислушивалась к разговорам, когда речь заходила о том, сколько индийских полков и батальонов сражаются под командованием британских офицеров. Мужчины не сходились во мнениях о том, правильно ли посылать индийских солдат на войну. Многие друзья Дипака открыто поддерживали британские власти, других же возмущало пренебрежение правами и мнением самих индийцев.

Но ни война, ни все более частые восстания мятежников в городах, выступавших за освобождение Индии, никак не отразились на жизни семьи. Их тихой деревушкой в штате, подчиненном британцам в рамках дочернего альянса — Агентства Центральной Индии, управлял чиновник местной администрации по имени Викрам. Один из первых богачей в округе, Викрам имел тесные связи с британскими властями.

— Господин Викрам одобрил строительство школы. — Амиша полагала, что он хотел таким образом показать себя в хорошем свете перед имперскими властями. — Может быть, надеется, что нас там будут учить жить как они.

— Кто же будет туда ходить? — спросил Рави.

Амиша ткнула себя пальцем в грудь, и он не скрыл удивления:

— Вы?..

— Они же не будут возражать, если взрослая женщина тоже захочет учиться? — Она видела, как изумился Рави, и внезапно поняла: как глупо, что она не подумала об этом. — Как ты думаешь, у меня что-нибудь получится?

Богатые семьи в деревне нередко посылали дочерей в начальную школу, а в больших городах некоторые девушки могли даже поступать в университеты. Амишу, однако, забрали из школы уже после начальных классов — нужно было помогать дома по хозяйству.

Она так страстно хотела учиться, что стала брать тайком учебники брата и читать при свечке, когда все уснут. Тогда-то она и начала писать свои истории. Писала по ночам и в промежутках между хлопотами по хозяйству. Но когда братья стали приносить домой книги, написанные по-английски, Амиша совсем упала духом. Сколько она ни старалась, ей никак не удавалось разобрать буквы и сложить их в слова.

— Вы, шримати, сделали так, что я, неприкасаемый, работаю в доме богача. Есть ли на свете то, что вам не под силу? — Рави перестал складывать одежду и посмотрел на нее. — Но почему английский, шримати? Вы никогда раньше об этом не заговаривали.

— Газеты стали печатать по-английски, и я не могу... я пыталась научиться сама, но ничего не вышло. — Смутившись, она постаралась скрыть разочарование этой неудачей и перевела разговор на будущее. — Представь, как мои мальчики увидят, что их мать умеет писать по-английски. — Эта мысль привела ее в восторг, и она добавила: — Тогда я смогу помогать им с уроками. — Мысленно она вознесла молитву богам, надеясь, что они

исполнят ее желание. — Может быть, когда-нибудь они даже захотят прочесть те глупые истории, которые я буду писать по-английски.

Временами тяга к сочинительству становилась сильнее ее. Закончив очередную историю, Амиша чувствовала удовлетворение и гордость. Перечитывала и сама удивлялась, как эти слова пришли ей на ум. Каждый раз Амиша была уверена, что на этом и делу конец. Но проходило несколько дней, и все новые и новые истории начинали тесниться в голове, наперебой требуя внимания. То мужчина отправлялся на поиски сокровища, то младенец рождался на свет — так или иначе, сказка начиналась. И, как только Амише удавалось выкроить свободное время, путь героя приходил к своему завершению.

— Тогда идите и учитесь, — сказал Рави.

Амиша в изумлении уставилась на него.

— Ты ничего не хочешь сказать о том, сколько преград мне придется преодолеть? Не хочешь перечислить все доводы против? Надо бы пощупать тебе голову, не горячая ли, — пошутила она.

— Я ничем не болен, шримати, — заверил Рави. — Расскажите британским властям то, что сейчас рассказали мне. Ни один учитель, если у него есть сердце, вам не откажет.

***

Лунный свет пробивался в спальню сквозь окно. Сыновья наконец заснули после битвы подушками с папой. Так они выразили свой восторг по поводу его возвращения после недельного отсутствия. Уложив детей, Амиша вернулась в спальню к Дипаку и, разогрев тигровый бальзам, начала массировать мужу ступни.

— В этом году у нас будет много денег, — сказал Дипак. — Можешь сказать браминам, что мы устроим

угощение для богов на дивали⁶. — Он застонал, и она стала разминать сильнее.

Во время новогодних праздников богатейшие жители деревни всегда раздавали еду уличным попрошайкам. Амиша с Дипаком вместе с другими обеспеченными семьями с удовольствием оплачивали сотни обедов для нуждающихся. Перед раздачей священник благословлял пищу — это была сложная церемония, в конце которой он просил о хорошей карме для благотворителей в наступающем году.

— Лакшми тебе улыбнулась, — сказала Амиша. Лакшми была богиней богатства и процветания. — Твоя удача — благословение для всей семьи. — Амиша старалась унять свое волнение. Сто раз она мысленно репетировала разговор с мужем о школе, а теперь, когда дошло до дела, заколебалась. Наконец, кое-как набравшись храбрости, она проговорила: — Мне нужно поговорить с тобой о моих сочинениях.

Всего дважды за все время их брака Амиша заговаривала с мужем об этом. Несмело начинала рассказывать, как много значат для нее ее истории, но он тут же перебивал — заверял, что она прекрасная женщина и замечательная мать, и прекращал разговор.

— Это подождет. — Он убрал ногу с Амишиных колен и уложил жену на кровать. Она открыла было рот, но он нежно прижался губами к ее губам. Ловкими пальцами расстегнул на ней рубашку и снял лифчик, а затем поднял нижнюю юбку выше талии.

— Пожалуйста... — Амиша знала, что ее тело плодотворно. Другие женщины в деревне жаловались, как долго им не удастся забеременеть, а для Амиши это всегда

---

⁶ Праздник, своеобразный индийский Новый год. Проводится в конце сезона дождей. — *Прим. ред.*

было легче легкого. — Я не хочу... — Она противилась его нетерпеливой страсти, пытаясь найти нужные слова, чтобы донести до него свои мысли.

— Что? — Дипак уставился на нее.

Мысли о школе занимали Амишу целиком. Кажется, только вчера она просила о дочери, но теперь, когда появилась надежда пойти учиться, ей хотелось повременить с родами. Она сглотнула и сказала:

— Мое тело еще не готово к новому ребенку.

— Что, задают тебе хлопот мои мальчишки? — усмехнулся в темноте Дипак.

Не дожидаясь ответа, он возобновил свои ласки. Когда он вошел в нее, Амиша отвернула голову и стала молиться — больше ей ничего не оставалось. Она уговаривала свое тело не принимать семя мужа, умоляла отторгнуть его. Ощущая его плоть внутри себя, она смотрела через окно на небо, мысленно взывая к душе будущего ребенка и прося ее выбрать другую женщину: «Найди мать, которая будет тебе рада».

Дипак весь затрясся, и Амиша закрыла глаза. Картины новой школы вспыхивали перед ней и тут же гасли. Глупо было даже надеяться. Она почувствовала, как муж напрягся, и приготовилась смириться с тем, что мечта останется мечтой. За несколько секунд до оргазма Дипак оторвался от нее, схватил простыню и выдохнул, изливая семя в скомканную ткань.

— Зачем ты?.. — в изумлении спросила Амиша. Она высвободилась из-под него, бросила грязную простыню в угол и стала поправлять на себе одежду.

— Ты уже подарила мне троих сыновей, — ответил он. — Когда будешь готова к еще одному ребенку, скажи мне. Глядишь, я еще буду тогда на что-то способен.

Дипак обхватил руками подушку и закрыл глаза. Через несколько минут он уже крепко спал.

11

Наутро Амиша проводила Дипака до станции, а затем направилась к школе. Остановилась перед ней и стала слушать, как индийцы распевают песни, завершая отделку.

— Амиша! — К ней подошла Суджата, подруга из деревни. В руках у нее были сумки с продуктами.

Амиша дружески обняла ее. Только что они провели вместе выходные: Амиша помогала Суджате ухаживать за больным свекром.

— Как он?

— Лучше, — ответила Суджата. — Еще раз спасибо тебе за помощь.

Амиша только отмахнулась:

— Хорошо, что поправляется.

Суджата мимоходом бросила взгляд на школу.

— Англичане надеются, что если мы будем у них учиться, то сами англичанами станем?

Амиша поморщилась. Не желая ввязываться в спор, ответила дипломатично:

— Может, они хотят нам чем-то отплатить. — От других жителей деревни Амиша слышала, что классы быстро заполняются. — Дети, которые будут ходить в школу, потом смогут поступить в университет в Англии. У них будет возможность добиться чего-то большего.

— А мой муж говорит — белые хотят нас одной рукой колотить, а другой обращать в свою веру, — повторила Суджата обычные рассуждения противников школы. — Ты-то хоть не попалась на их удочку?

— Нет. — Амиша и сама видела, как чиновники наказывают индийцев палками за любой проступок. — Не попалась.

Краем глаза она заметила, что к строителям подходит британский офицер. Сказал им что-то такое, от чего те

захотали, а затем снова отошел и стал издали наблюдать за отделкой.

Суджата попрощалась и ушла, а Амиша осталась стоять одна: она все никак не могла набраться храбрости, чтобы войти в школу и спросить, нельзя ли ей записаться. Эта идея казалась совершенно блестящей, когда она обсуждала ее с Рави. Теперь же она мысленно изумлялась — и как ей такое в голову пришло? Даже если для нее и найдется местечко в классе, Дипак ведь может и не дать своего согласия.

— Если бы я не был в курсе дела, то подумал бы, что вы тут инспектор, за работами наблюдаете.

Амиша испуганно обернулась и увидела, что рядом с ней стоит высокий британский офицер. Инстинктивно она отступила на два шага назад и склонила голову в вежливом приветствии:

— Намасте.

Правая рука у офицера была в гипсе, поэтому он не мог сложить ладони вместе и только отвесил легкий поклон.

— Вы ранены, — вырвалось у Амиши. — На войне, да? — Она вздрогнула и опустила глаза, испугавшись, что заговорила слишком смело. — Простите. Я не хотела...

— Ничего. — Он подождал, пока она взглянет на него, и показал свой гипс. — Было бы приятно похвастать боевым ранением, но, к сожалению, я просто упал с дерева. — И он печально признался: — Мы с приятелями немного подурачились с парашютами.

— В нашей деревушке не так много деревьев. — Амиша старалась говорить негромко, чтобы не привлекать внимания.

Явно радуясь тому, что она решила поддержать разговор, офицер сообщил словно бы по секрету:

— Это было под Лондоном. — И добавил с недовольной гримасой: — Приятели до сих пор надо мной подтрунивают.

Амиша окинула взглядом безлюдную улицу. Убедившись, что никто за ними не наблюдает, она наконец ответила на его вопрос:

— Я не инспектор.

Он громко рассмеялся.

— Это хорошо, иначе я остался бы без работы.

— Так это ваша школа? — Про себя Амиша удивлялась, зачем он тратит время на разговоры с индианкой. — Вы учитель, да?

— Официально школа принадлежит ее величеству, а я не более чем ее покорный слуга. — В точности как она сама только что, он украдкой огляделся вокруг.

Амишу тронуло, что он заботится о ее репутации.

— Я директор школы. Сам-то не преподаю, но учителя у нас очень хорошие. У вас есть дети?

— Да, трое сыновей. — Ее взгляд снова устремился на школу. Здание было кирпичное, на каменном фундаменте. Рабочие забрались на крышу и укладывали последние кусочки черепицы. — Но я не за них пришла просить.

— Вот как?

— Я... — Амиша не решалась назвать себя писательницей, но ведь она сочиняла с тех самых пор, как научилась складывать буквы в слова. — Я пишу. — Амиша взглянула на небо и тяжело сглотнула. Она помнила реакцию Дипака на ее работу и поспешила сама принизить ее: — Пустяки всякие. Неважно. — Она украдкой бросила на него взгляд, не сомневаясь, что встретит насмешку. Увидев вместо этого интерес, растерялась. — Но я пишу на хинди, и...

— Хотите выучить английский, — договорил он за нее.

— Да. — Приободрившись, она решилась наконец взглянуть ему в глаза прямо. Это был первый человек, который понял ее без объяснений. — Я пыталась, но этот язык мне никак не дается.

Внезапно смутившись, Амиша накинута край сари на плечи. С утра она причесала волосы так, чтобы они падали на плечи волнами. Оливковую кожу лица оставила чистой, без макияжа, но перед выходом из дома вдела в уши маленькие золотые сережки-кольца.

— Тогда я непременно приберегу для вас местечко, — пообещал он. — В английском классе.

— Что?! — Амиша не могла поверить, что все оказалось так просто. — А как же документы, плата? Я ведь уже взрослая.

— Король и королева поддерживают всех, кто хочет учиться.

Это было обычное для британцев оправдание оккупации — они, мол, помогают спасти бедных и бесправных. Но сейчас Амише было не до их истинных целей и отговорок. Ее мысли были заняты только одним: выпавшей ей удачей.

— Спасибо вам. — Амиша выдохнула и только теперь поняла, как долго задерживала дыхание. И тут же рассмеялась от счастья и неожиданной радости.

Офицер приподнял бровь, тоже, кажется, сдерживая улыбку. Ничуть не смутившись, ощущая в себе небывалую прежде силу, Амиша произнесла:

— Я даже не знаю, как вас зовут.

— Стивен. — Он помолчал и прибавил: — Я — лейтенант.

— А вы давно в Индии? — Она знала, что ей пора домой, но не могла заставить себя уйти. Не хотелось прерывать этот разговор.

Он отвел глаза и ответил:

— Почти полгода.

Амиша хотела было посочувствовать ему, рассказать, что не может даже представить, каково это — так надолго расстаться со своими детьми, но тут он спросил:

— А вас как зовут?

— Амиша.

— И все? — переспросил он. — А фамилия?

Сама не понимая почему, она не ответила, только про-
бормотала:

— Пусть пока будут просто — Амиша и Стивен.

Как все женщины и дети, Амиша носила второе имя
и фамилию мужа.

Лейтенант помолчал, словно размышляя над ее отве-
том, и согласился:

— Хорошо. Пусть будут Амиша и Стивен. Вы в этой
деревне живете?

— Да. — За разговором она на минуту забыла
о своей жизни и своих обязанностях. Дом был непода-
леку, но сейчас, когда она стояла возле школы и гово-
рила об учебе, ей казалось, что она перенеслась в ка-
кой-то другой мир. — Мой муж... то есть его семья, —
поправились Амиша, — владеет мельницей.

У лейтенанта широко распахнулись глаза.

— Так это ваша семья снабжает мукой всю дерев-
ню? — Очевидно, слегка удивленный этой новостью, он
добавил: — Викрам с большим уважением отзывался
о вашем семейном предприятии и о вашем муже.

— Это очень великодушно с его стороны.

Слова лейтенанта послужили суровым напоминани-
ем о том, где ее место. Она оглянулась в сторону своего
дома:

— Мне пора идти.

— Конечно. — Они и так стояли в нескольких ша-
гах друг от друга, но теперь он отступил еще на два
шага назад. — Увидимся в классе в первый день за-
нятий?

— Да, — согласно кивнула она, еще не зная, что
из этого выйдет. — В классе.

В ответ Стивен коротко кивнул и отошел. Амиша ви-
дела, как он, уже зайдя на территорию школы, еще раз

оглянулся на нее, но все ее мысли уже были заняты школой и новым, неизведанным будущим.

12

— Одну тетрадку, — уговаривала Амиша среднего сына и тянула к себе тетрадь, которую тот держал в руках. Она уже искала тетради в ящике стола, но там не оказалось никаких школьных принадлежностей. — Нужно делиться.

— Хм... — Джей закусил губу, взвешивая в своей шестилетней голове варианты действий. — Это моя тетрадка.

— Это я купила ее тебе на рынке. — Амиша снова потянула тетрадь к себе.

— Но ты же хочешь, чтобы я хорошо учился в школе. — Он отскочил и спрятал тетрадь за спину.

— В школе тебя могли бы уже научить, что нужно уважать маму. А не слушаться — это неуважение. — Она зловеще зашевелила пальцами и сделала два угрожающих шага к сыну.

— Они и учат уважать, потому-то я и ношу домой хорошие отметки. Для тебя.

Амиша шагнула ближе, и мальчик шмыгнул за диван, а когда она поймала его и принялась щекотать, завопил в притворном ужасе.

— Я тебе тетрадь, а ты мне четыре шоколадки! — едва выговорил он сквозь смех.

— Две. Не то у тебя зубы шоколадными станут, — ответила Амиша, довольная и немного удивленная тем, что он уже выучился так ловко торговаться.

Амиша часто клала сыновьям в мешочки для завтрака по кусочку молочного шоколада. Джей, не в пример брату, был сладкоежкой и каждый раз пытался выпросить еще.

Сын согласился и протянул ей тетрадь. Поцеловав его в лоб, она встала:

— Спасибо, бета⁷.

— А зачем тебе тетрадь? — Джей стал застегивать пуговицы на жилетике. У них с Самиром (тот уже убежал вместе с друзьями) была одинаковая школьная форма: короткие коричневые брючки, рубашка и жилет. — Это же школьная тетрадка.

— Потому что... — Амише хотелось внушить сыновьям, что женщины равны с мужчинами. Но ведь они сами видели, что девочки постарше в школу почти не ходят. — Она мне нужна для работы.

— Какой работы, мама? — Он перестал возиться с пуговицами и устался на нее.

— Джей. — Амиша опустила на колени и взяла его маленькую ладошку в свою. — Мужчины и женщины созданы одинаково. — Она старалась подбирать слова так, чтобы он понял. — У тебя две руки и две ноги. И у меня тоже. — Она взмахнула руками, и Джей рассмеялся. — У тебя два глаза, нос и рот. И у меня тоже. — Она широко раскрыла рот и стала тянуть: «А-а-а!», пока он не зажал ей рот ладонью. — У тебя есть сердце — и у меня есть сердце. — Она поцеловала пальцы мальчика и приложила детскую ладонь к его рубашке. — У тебя есть мозг — и у меня есть мозг, — проговорила она, легонько стукнувшись с ним лбами. — Мы не отличаемся друг от друга. — Она сделала паузу, чтобы проверить, понял он или нет.

— Значит, ты можешь делать все-все? Как папа? — наивно спросил он.

— Думаю, да. — Она разгладила у него на лбу недоуменные морщинки. — Вот я и хочу попробовать — посмотреть, смогу или нет.

— А почему же не сможешь?

---

⁷ Сынок (*хинди*). — *Прим. перев.*

— Не знаю. — Она прижалась подбородком к макушке сына и ласково потрепала его по жестким черным волосам.

Лицо мальчика было миниатюрной копией Амишиного, только глаза отцовские. Тут же ей в голову пришла притча, которой можно было объяснить все доходчивее.

— Вот однажды жила-была девочка, которой хотелось играть с мальчиками в мяч, а они не принимали ее в игру. — Она помолчала, чтобы убедиться, внимательно ли он слушает, и продолжала: — И тогда она пришла домой и остригла себе волосы.

— Это еще зачем?

— Чтобы выдать себя за мальчика.

Джей встал, взял мяч и начал хлопать им об пол.

— И стала играть, и только благодаря ей они выиграли матч.

— А они так и не узнали? — Мяч упрыгал в сторону, а Джей уставился на мать.

— Узнали, — ответила Амиша. — И запретили ей играть. Но следующий матч эта команда никак не могла выиграть, и вот тогда-то стало ясно, что нужно менять правила.

— Но, мама, девочки же на самом деле не умеют играть, — заметил Джей. Все это было еще сложновато для его детского ума.

— Нет, не умеют, но ведь если им не разрешать, мы так никогда и не узнаем, на что они способны. — Она нажала ему пальцем на нос, чтобы развеселить. — Мне очень посчастливилось иметь троих умных сыновей. — Она перекинула ремень школьной сумки через детское плечо. — Может быть, кто-то из вас поможет изменить наш мир. Как ты думаешь?

— Я думаю, что ты лучше всех, потому что ты моя мамочка. — Он расцеловал ее в обе щеки, а затем крепко обнял.

Амиша прижала его к себе и не выпускала, пока он не начал вырываться. Одной рукой придерживая сумку, другой он выхватил у нее только что отданную тетрадь.

— А мою тетрадку ты все равно не получишь! — И он со смехом выскочил за дверь.

Амиша глядела ему вслед и думала: уж не знак ли это, что учеба не для нее? Но тут открылась задняя дверь, и вошел Рави.

— Ваша сумка, шримати. — Рави протянул ей новенькую школьную сумку — почти такую же, как у мальчиков. — Вам уже пора идти, не то опоздаете.

— Что?! — Амиша изумленно смотрела на сумку. Рави сегодня ушел рано утром — сказал, что ему нужно зайти на рынок. Амиша решила, что за овощами. — Сумка?

— Для школы. — Он распахнул сумку и показал Амише, что внутри. — Тут и тетрадки, и карандаши. Целую рупию отдал плотнику, чтобы он их сразу заточил. — Он показал два ластика: — А это на случай, если где ошибку сделаете. — Он перевернул сумку и показал швы. — Не первый сорт, конечно, но все нужное поместится, а что еще от нее требуется? — Рави наконец поднял глаза и увидел, что она смахивает слезы. — Что случилось? С маленьким что-нибудь?

— Нет. С Парешем все в порядке. — Она постаралась овладеть собой и прошептала: — Спасибо тебе.

— Я что-то не так сделал? — спросил он, настороженно глядя на нее.

— Да разве ты можешь что-то сделать не так, — проговорила Амиша. Ее переполняли эмоции. — Все хорошо, — заверила она, видя, что Рави все еще смотрит на нее с недоверием. Она почувствовала себя глупо и рассмеялась, чтобы скрыть смущение. — Все просто замечательно.

— Тогда пора, — проговорил он, указывая на дверь.

— А дети?

Дети и дом — это было все, что она знала. Она вспомнила разговор с Джеем и заколебалась — а вправе ли она желать чего-то большего?

— Ничего с ними не случится, — заверил ее Рави. — Я заберу их из школы, и они перевернут дом вверх дном, как всегда. А Бина приготовит им ужин.

Она все еще не могла решиться, и он пожал плечами:

— Вы правы. Дети не должны видеть, что их мать замахивается так высоко. Вдруг это ранит их на всю жизнь. — Он взял корзину с грязным бельем и протянул ей. — Вперед — река ждет, пора за стирку!

В глубокой задумчивости Амиша проговорила:

— Рави, я ведь так и не успела поговорить об этом с Дипаком. — Дипака уже несколько недель не было дома. — Ему это может не понравиться.

— Ну тогда ждите. — Он отмахнулся от ее планов, как от чего-то пустякового. — Подумаешь, всего-то пара дней... или недель?

Его слова произвели желаемый эффект.

— А я смогу? — Амиша смотрела на него, и сама до конца не осознавала, как важно для нее его мнение.

— По-моему, вы должны, — просто ответил Рави. — Каково вам будет потом, если вы этого не сделаете?

Она отдала ему обратно корзину и взяла школьную сумку.

— Я пошла. Видишь, уже иду. — Амиша шагнула за порог и побежала, и солнце указывало ей путь.

***

Амиша бежала в школу, и сумка хлопала по облегающему сари. Вдоль всей улицы стояли лужи после вчерашнего дождя. Стайка поросят с радостным визгом отыскивала съестное в куче мусора, выброшенного из деревенских домов.

Амиша махала рукой встречным женщинам, но старалась держаться подальше, чтобы ее не перехватили и не задержали разговорами. Уже подходя к школе, она увидела Стивена: тот ждал у парадного входа. Она замедлила шаг, и их глаза встретились. Он вежливо кивнул, но Амиша готова была поклясться, что заметила на его лице улыбку облегчения.

— А я уже беспокоился, не передумали ли вы. — Стивен распахнул перед ней дверь.

— Прошу прощения. — Разволновавшись из-за того, что заставила его ждать, Амиша пустилась в объяснения: — Мой сын Джей собирался в школу, а у меня не было тетрадки для занятий, а он... ну, в общем, он, негодник, не захотел делиться, зато мой друг Рави, он такой заботливый, так вот, он сходил на рынок и...

— Вы не опоздали, — успокоил ее Стивен. Глядя ей прямо в глаза, он спросил: — Готовы к уроку?

— Да. — Амиша постаралась произнести это уверенным тоном, надеясь убедить его.

— Замечательно. — Стивен жестом пригласил Амишу следовать за ним. — Я вас провожу.

— А повязку-то сняли, — пробормотала Амиша, шагая рядом с ним по узкому коридору. Она старалась держаться чуть поодаль, чтобы им случайно не коснуться друг друга. — Зажила рука?

— Как новенькая. — Он закатал рукав и согнул локоть. Бледная кожа была сухой и сморщенной. — Все еще похожа на сучок с того самого дерева, с которого я сорвался. — Он рассмеялся, остановился и взглянул ей в глаза. — Я рад, что вы пришли. А то уж начал было сомневаться.

Амиша откликнулась не сразу. Утаить правду значило солгать, а сказать — все равно что признать поражение.

— Я чуть не осталась дома. — Она пробежала глазами по разноцветным рисункам на стенах. Похожи на те,

что рисуют ее сыновья. — Боялась, как бы мои желания не помешали мне выполнять свои обязанности.

— Не помешают? — Он сунул руку в карман брюк цвета хаки и покачался взад-вперед, с носка на пятку. Не сводя с Амиши глаз, откинул растопыренными пальцами пряди волос, упавшие на лоб.

— На мое счастье, со мной всегда рядом люди, которые меня поддерживают. — Она подумала о Рави и тут же вновь с тревогой вспомнила о Дипаке, но отогнала от себя беспокойные мысли. — Иначе бы я не пришла.

— Значит, вам повезло. Истинная доброта в людях — редкость, и, когда она все же встречается, я считаю, ею нужно дорожить.

— Да. — Амиша взглядела в его лицо и не увидела ни тени неискренности. — Я полностью согласна.

— Выходит, между нами уже нашлось что-то общее.

Он снова двинулся по коридору, и Амиша поспешила за ним. Она заметила, что он старается шагать нешироко — словно понимает, как сковывает сари ее движения. Они свернули за угол и остановились на пороге перед открытой дверью. В воздухе носился запах моющих средств и мела.

— Вот мы и пришли.

Амиша уставилась на сидящих в классе учеников. В основном это были юноши, но среди них затесалось и несколько девушек-подростков. Она вновь ощутила неуверенность.

— Это же дети, — прошептала она.

— Подростки, — отозвался Стивен. — Я просмотрел списки учеников всех классов. Этот подходит лучше всего.

— Я рядом с ними — старуха.

Амише было едва за двадцать, но ее уже тяготило бремя прожитых лет. Она часто ощущала себя то ребенком,

которому самому приходится растить детей, то стареющей женщиной, не нашедшей своего места в жизни. А эти девочки с «конскими хвостиками» на головах смиренно сидят за партами, такие невинные и полные надежд...

— Нисколько, — заспорил было Стив, но Амиша перебила его.

— Я не смогу. — В каждом ее слове звенела печаль.

Она в последний раз окинула взглядом класс, и ее пронзило горькое чувство разочарования. Все дети были одеты в школьную форму на западный манер — ни дать ни взять англичане, если не считать смуглой кожи. А она-то — в сари и по возрасту чуть ли не в матери им годится.

— Я взрослая женщина, а пришла за наукой вместе с детишками. — Правила не для всех одинаковы. У нее не было ни единого шанса на победу в этой игре. Она тоскливо покачала головой. — Не знаю, о чем я только думала...

— Вы хотели учиться, — ответил Стивен.

Амиша едва слышала его. Она отвернулась — и от класса, и от радостного возбуждения, владевшего ею всего минуту назад.

— Мне нужно идти. — Она плохо помнила дорогу, но быстро зашагала назад по коридору, ища глазами табличку, указывающую на выход.

Стивен вместе с ней свернул за угол и шел следом до самой двери в дальнем конце здания.

— Амиша, погодите, — окликнул он, поравнявшись.

Она не стала его слушать. Распахнула дверь и застыла, увидев открывшуюся перед ней картину. Среди густых зеленых кустов тянулись пышные цветники. Высокие деревья отбрасывали тень, маня в укрытие от палящего солнца. Водопады струились по каменным пирамидкам,

предназначенным для медитации, а в маленьком прудике отражались солнечные лучи. Обеденные столики были намеренно расставлены по краям, в уединении за высокими кустарниками. Окруженные бордюрами дорожки извивались среди цветов и деревьев, увлекая за собой вглубь этого великолепного сада.

— Сад? — Она никак не ожидала увидеть столько красоты сразу. — Да тут все цвета радуги!

Цветы покачивались под легким ветерком, напоминая Амише о надеждах и мечтах — обо всем, что было у нее отнято.

— Да. — Стивен почти не смотрел вокруг: все его внимание было сосредоточено на молодой женщине. — Амиша...

— Это счастье, что вы можете смотреть на такую красоту, когда захотите, — прошептала она. В их деревушке людям было не до садов. Амиша вдохнула сухой, пыльный воздух. — Я никогда не видела ничего подобного... — Она умолкла: в горле теснились слова, которые невозможно было произнести вслух.

— Не уходите, — попросил Стивен. — Мы что-нибудь придумаем.

— Эта школа не для меня, — пробормотала Амиша. Ей хотелось, чтобы он понял. Она чуть улыбнулась ему. — Глупо, что я сразу не подумала об этом.

— Для вас. — Он шагнул чуть ближе. — Школа для всех, кто хочет учиться.

— Зачем вы меня уговариваете?! — Голос у нее взлетел вверх. — Вам-то что до этого? — Она снова вздохнула, пытаясь справиться с эмоциями, но не смогла скрыть сожаления. Ее привела сюда надежда, а теперь приходилось признать, как глупо это было.

— Потому что вы хотите учиться, а это достойное стремление. — Он схватил низко свисающую ветку

и переломил пополам. Заговорил тише: — И неважно, старше вы других или моложе.

— Важно. — Она спорила с ним — в первый раз в жизни спорила с мужчиной! — Неразумно было соглашаться на это.

Амиша хотела пройти мимо лейтенанта к выходу, но следующие его слова ее остановили.

— Я видел, как вы приходили к школе раз за разом. — Его рука крепче стиснула сломанную ветку. — Вы напомнили мне моего брата.

Амиша изумленно повернулась к нему. Она никогда не видела его у школы и думала, что ее визиты проходят незамеченными.

— Вашего брата? — непонимающе переспросила она. — Чем же?

— Вы стояли перед этим зданием и смотрели, как растут стены, — ответил Стивен. — Издалека было видно, как от вас веет надеждой. — Он перевел взгляд куда-то вдаль и признался: — Он тоже всегда стремился к чему-то большему и верил, что люди должны иметь возможность осуществить свои мечты. Сводил меня с ума этими разговорами. — Стивен рассмеялся, словно пытаясь хоть как-то смягчить боль воспоминаний.

— Стремился?.. — повторила Амиша, заметив, что он говорит в прошедшем времени.

— Брат погиб на войне. — Лицо мужчины затвердело, будто превратилось в маску, за которой уже нельзя было разглядеть эмоций. — Я подумал, что смогу помочь вам. В память о нем.

— Я сожалею о вашей утрате, — проговорила Амиша, ощущая между ними какую-то странную связь. — И благодарна вам за попытку. — Она перевела взгляд на цветущие клумбы. — Но боюсь, есть вещи невозможные. — Она быстро смахнула одинокую слезу, тщетно надеясь, что он ничего не заметит.

13

Амиша медленно брела домой, и школьная сумка хлопала ее по бедру. Она старалась не плакать, понимая, что слезами горю не поможешь. Ей уже по опыту было известно, что жизнь часто преподносит разочарования — без извинений и объяснений. Может быть, думала Амиша, она сама виновата? Сама возжелала большего и тем самым напросилась на неудачу.

Она вошла в дом и увидела, что Рави обнимает всхлипывающего Джея. Перепуганная, Амиша бросилась к ним, схватила сына и, посадив к себе на колени, заметила, что на его ладони горит ярко-красный рубец.

— Что случилось?

— Я рассказал учителю твою историю, — ответил Джей.

Амиша вытерла ему слезы.

— А он сказал, что неприлично такое рассказывать, и ударил меня линейкой по руке, а потом выгнал из класса и отправил домой. — Сынишка поднял на нее полные слез глаза. — Почему это неприлично, мама?

Ужасное чувство вины охватило Амишу.

— Не знаю, бета. — Она крепко прижала ребенка к себе. Слезы, которых она не хотела ронять из-за своей неудачи, теперь хлынули ручьем от боли за сынишку. Она укачивала его, пока он не успокоился и не начал дремать у нее на руках. — Хочешь спать?

— А можно сначала шоколадку? — Обида была уже забыта, и во все еще красных от слез глазенках вспыхнул огонек надежды.

— Можно. — Амиша не могла ему отказать. Только предупредила: — Одна шоколадка, а потом спать. — С болью в сердце она смотрела, как Бина уводит мальчика на кухню. Когда он уже не мог ее услышать, она сказала Рави:

— Это все из-за меня. Это я рассказала ему такую историю.

— Нет. — Рави крепче сжал в руке чашку с мазью из куркумы, которой смазывал ладошку Джея. — Это же просто история.

— Дурак ты, вот и все. — Горечь поражения осела глубоко в душе. Все внутри сжималось при мысли о том, что пришлось пережить ее сыну. — Оба мы с тобой дураки.

Из кухни донесся смех Джея, но и это не принесло облегчения.

— Почему вы дома, шримати? — Рави пристально смотрел на Амишину сумку. — Мы ждали вас только через несколько часов. — Амиша не отвечала, и он снова спросил: — Что случилось?

— Говорю же тебе, Рави, мы с тобой оба дураки. — Амиша бросила сумку в ящик стола и, не проронив больше ни слова, вышла в кухню вслед за сыном.

***

Полная луна, первая в этом месяце, выглянула из-за туч. Легенды гласили, что боги не оставят без внимания просьбу, высказанную в этот день. Убедившись, что Пареш под присмотром Рави, а старшие мальчики играют с друзьями, Амиша отправилась в деревенский храм. После того как Джея наказали в школе, она подолгу лежала ночами без сна. Вид ярко-красного рубца преследовал ее. Только когда она наконец поняла, что делать, на душе стало немного спокойнее.

Когда она подошла к храму, оттуда как раз выходили люди. Брамины только что закончили вечернюю пуджу⁸

---

⁸ Один из главных обрядов поклонения и почитания в индуизме. — *Прим. ред.*

перед полнолунием. В воздухе густо пахло розовым ладаном и кокосовой водой. Скинув туфли, Амиша поднялась по мраморным ступеням в открытый храм.

— Амиша. — Священник в оранжевом лунги⁹, с белым платком на обнаженном торсе, прервался, чтобы поприветствовать ее. — Давно мы тебя здесь не видели.

— Да. — Она сочла за лучшее умолчать о настоящей причине своего долгого отсутствия — о том, что предпочитала молиться перед маленьким алтарем у себя дома, а не в храме. — Я могла бы придумать какое-нибудь оправдание, но, боюсь, вас оно все равно не убедит, так что... — молодая женщина сдержала улыбку, видя, что священник не заметил иронии в ее словах.

— Если ты не хочешь уважить богов, почему же они будут уважать твои желания? — По его строгому лицу было ясно, что он ждет серьезного объяснения, а не остроумных отговорок.

Вместо ответа Амиша протянула ему стальное блюдо с фруктами и орехами, которые собрала для приношения богам. Затем она потянулась к колоколу, висящему под крышей. Ударила язычком по металлическим стенкам раз, другой, третий — за каждого из своих троих сыновей — и стала слушать, как звон разносится по храму. Говорили, что, пока звучит колокол, разум и тело успевают очиститься от всех посторонних мыслей.

Амиша опустилась на колени перед старинной бронзовой статуей бога Шивы.

— Защити и охраняй моих детей. — Почтительно склонив голову, она тихо проговорила: — Ты подарил их мне, но не забывай, что они прежде всего — твои дети и находятся под твоей защитой. — И она осыпала статую бога разрушения и преображения розовыми лепестками.

---

⁹ Полотно, обернутое вокруг тела. — *Прим. ред.*

Затем молодая женщина перешла к такой же бронзовой статуе богини Парвати, жены Шивы, повелительницы энергии мироздания. В детстве Амиша часто просила маму рассказать ей историю Парвати еще разок.

«Парвати взошла на вершину горы Кайлаш, где Шива предавался непрерывной медитации, — начинала рассказывать мама. — Она хотела воздать должное его величию. — Девочка слушала не перебивая, как замороженная, хотя и знала эту историю наизусть. — Она вызвала у него уважение своей воздержанностью и твердостью в вере, он предложил ей стать его женой, и теперь они вместе оберегают нас...»

— У меня есть просьба, — сказала Амиша статуе. То, что боги не поставили ни одной преграды на пути к ее цели, воодушевляло. — Я виновата перед своей семьей. — Амиша оглянулась вокруг, чтобы убедиться, что рядом никого нет. — Моя слабость причинила боль моим близким. — Она глубоко вздохнула, собираясь с мужеством. — Я замахнулась на то, что мне не дозволено.

Рухнувшие надежды и наказание Джея преследовали ее, не давали покоя. Амиша всегда очень радовалась своим историям — ведь они были неотъемлемой частью ее самой. Ей казалось, что они не могут никому принести вреда, и здесь была ее ошибка. Теперь она это поняла.

— Я молю тебя избавить меня от этого недуга. — Амиша молилась о том, чтобы стать как все. — Я должна больше думать о своих обязанностях. — Она понизила голос. — Спасибо тебе за все, чем ты одарила меня. Прошу тебя, научи меня довольствоваться этим. Отними у меня желание иметь большее.

Она уронила голову, словно хотела спрятаться от самой себя и от своей тяги к тому, чему не было места в ее жизни.

14

Через несколько дней после Амишиного похода в храм Джей, кажется, уже совершенно забыл о произошедшем. Для Амиши же это стало постоянным напоминанием о том, чему теперь уже никогда не бывать. Она старалась возвращаться домой по деревне другим путем, в обход школы, и смирилась с тем, что ее мечте выучить английский язык не суждено сбыться.

— Вы расскажете нам сказку, шримати? — Бина сидела на полу и месила тесто для самсы.

— Давненько мы сказок не слышали. — Рави поднял глаза, оторвавшись от чистки картошки, которую должен был скоро подать с горошком и пряностями.

— Кажется, они ко мне больше не приходят, — солгала Амиша. В действительности истории все так же донимали ее, как она ни старалась от них отделаться. Оставалось только надеяться, что Парвати все же откликнется на ее молитвы немного погодя. — Может, это и к лучшему.

— Правда? — По глазам Рави было видно, что он ей не поверил. — Куда-то закатились, как солнце с неба?

— Солнце никуда не закатывается, Рави, — начала объяснять Амиша. — Это мы вращаемся вокруг него. — Она уже хотела начать пересказывать в подробностях все, о чем прочитала в книге, но заметила на его лице усмешку. Он и сам понимал, что никуда ее истории не делись. — Ну, в общем, да, — ответила она, решив не пускаться в объяснения. — Закатились, как солнце. Можешь так и говорить каждому встречному. Все будут восхищаться, какой ты умный.

Рави не успел ответить: раздался стук в дверь.

— Вы ждете сегодня гостей? — спросил Рави, бросив взгляд на стену, отделявшую кухню от остальной части дома.

Старшие мальчики находились в школе, Дипак — в отъезде. В доме было тихо.

— Нет, — ответила Амиша и снова услышала стук. — Должно быть, соседка зашла за ласси¹⁰. — Она торопливо вытерла руки полотенцем, мимоходом потрепала по головке Пареша, занятого игрой со стальными мисками, и вышла в гостиную.

Амиша быстро открыла замок и распахнула дверь. На пороге в полной британской военной форме стоял Стивен. Он сложил ладони вместе и слегка поклонился:

— Намасте.

— Намасте, — откликнулась растерянная Амиша.

Бросив быстрый взгляд ему за спину, она убедилась, что никого из соседей поблизости нет. Офицер из британской администрации у нее на пороге среди бела дня — богатая пища для слухов.

— Что вы здесь делаете? — понизив голос, спросила Амиша.

— Можно войти? — Стивен оглянулся назад — туда же, куда смотрела она.

— Да, конечно. Прошу прощения. — Женщина отступила и сделала приглашающий жест. — Садитесь, пожалуйста. — Она показала на новые качели под красным покрывалом, стоявшие посреди гостиной. — Принести вам чего-нибудь? Чай? Ласси?

— Ничего не нужно. — Лейтенант переминался с ноги на ногу. Высокий, выше Дипака, он едва помещался в гостиной. — Я ведь только на минуту. — Он окинул комнату беглым взглядом. — Ваш муж дома?

— Он в отъезде. — Внезапно встревоженная этим визитом, Амиша постаралась унять беспокойство. — Вы пришли потому, что вам не понравилось, как я разговаривала с вами в школе? — Если ему нужны

---

¹⁰ Традиционный индийский напиток на основе йогурта. — *Прим. ред.*

официальные извинения, она охотно их принесет. Совершенно ни к чему впутывать Дипака. — Я была не в себе. Такая надежда, а потом разочарование. Прошу прощения, что забылась. — Она заломила руки, не зная, какие еще слова подобрать.

— Нет-нет, Амиша, — поспешно проговорил Стивен, кажется почти смущенный ее попыткой оправдаться. — Я совсем не обиделся на вас тогда.

— Тогда зачем вы пришли? — Комок беспокойства под ложечкой стал понемногу рассасываться, но кислотный привкус во рту остался.

В присутствии Стивена ей было не по себе. В своей деревне Амише случалось видеть британских военных, осматривавших окрестности, но Стивен был первым из них, кто вошел к ней в дом.

— Я хочу сделать вам одно предложение касательно школы, — слегка улыбнулся он.

— А-а... — Амиша в замешательстве смолкла. Она думала, что после их последней встречи никогда больше не увидит этого офицера. — Вы очень добрый человек, но из этого ничего не выйдет. — Ей совсем не хотелось вновь соблазниться надеждой, чтобы потом вновь разочаровываться. — Я уже смирилась.

— Послушайте, — сказал он. — Это было нелегко устроить, так окажите мне любезность — выслушайте хотя бы, что я хочу предложить.

Ошеломленная такой фамильярной и прямой манерой обращения, Амиша притихла в ожидании.

— Пару дней в неделю вы будете вести занятия в том самом классе, куда пришли в первый день. Учить детей писать — рассказы или стихи. — Он помолчал, и какое-то время они пристально смотрели друг на друга. — А в качестве платы за эту работу я стану учить вас английскому. — Он выпалил это очень быстро и смолк.

Амиша замерла, не смея поверить.

— Я же не учительница, — еле слышно проговорила она. Это было первое, что пришло ей в голову.

По-видимому немного успокоившись, он улыбнулся.

— Каждый из нас — и ученик, и учитель. — Он провел рукой по волосам, и Амиша вдруг увидела перед собой не важного военного, а просто молодого человека, который старается казаться старше своих лет. — Этому меня научили в университете.

— Вы ведь даже не знаете, что я пишу. — Амиша начала расхаживать по комнате.

— А я посижу в классе и узнаю вместе со всеми. — Его улыбка становилась все шире и шире, пока наконец не заулыбались даже глаза.

— Зачем вам это? — Она искала объяснение его поступкам и не находила. — Вам ведь от этого никакой выгоды.

— Дело в том, — ответил он без промедления, словно готовился заранее, — что я не из тех, кто сдается, и, надеюсь, вы тоже. — По его лицу пробежала тень, но он быстро совладал с собой, и Амиша подумала — должно быть, снова брата вспомнил. — Вы хотите учиться, а я хочу вам помочь.

— Вы будете меня учить? — Пареш на кухне захныкал. Амиша вскочила было, чтобы бежать к нему, но остановилась, услышав, что Бина уже его успокаивает. — Вы, британский офицер?

— Да, буду.

Голос у него был настойчивый, и она никак не могла понять, что за этим кроется.

— Вам это зачем-то нужно?

— Я здесь ненадолго... — Он подошел к окну.

Амиша могла только гадать, что он думает об их заваленных мусором улицах, о деревне, где не встретишь ни одного зеленого деревца.

Плечи у него ссутулились, но он тут же выпрямился и снова повернулся к ней:

— Может быть, если я помогу вам, это будет единственное стоящее дело, которое мне удастся сделать в Индии.

— Я могу вас разочаровать, — пробормотала Амиша. И прибавила то, что вбивали в нее долгие годы: — Все говорят, что у женщин слишком маленький мозг. — Это было всеобщее убеждение, и хотя сама Амиша отказывалась в это верить, но как знать, верит ли он. — Нам ведь он особенно и ни к чему.

— Так позвольте мне помочь вам его развить, — ответил он, и в глазах у него мелькнула лукавая искорка. — Британская администрация здесь именно для того, чтобы цивилизовать и модернизировать. — Он взглянул на нее и, кажется, понял, что ее мучает. — Вы дадите мне почитать что-нибудь из ваших сочинений?

Она беспокойно оглянулась на спальню, где прятала свои истории.

— Они же все на хинди.

— Вот и посмотрим заодно, какая из вас учительница, — пошутил он.

Она живо сбегала в спальню и принесла одно стихотворение. Протянула Стивену листок, а сама встала у него за спиной. Время от времени он показывал пальцем на какое-нибудь слово, и она читала его вслух. Дочитав, он улыбнулся. При виде этой улыбки сердце у Амиши так и подпрыгнуло.

— Превосходно! — воскликнул он.

Амиша закусила губу, чтобы не возликовать.

— Я ходила в храм. — Надежда ожила в ней, но она все еще боролась с собой. — Просила богов отнять у меня тягу писать. — Увидев растерянное лицо Стивена, она постаралась объяснить так, чтобы он понял: — Учитель

сурово наказал моего сына, когда тот пересказал в классе одну из моих историй. Моя опрометчивость причинила ему боль.

— Мне очень жаль, — сказал Стивен.

Амиша видела, что ему действительно жаль, но его следующие слова не оставили места для оправданий и отговорок:

— Но если вы не примете это предложение и откажетесь поделиться с другими своим талантом, — вам некого будет винить, кроме себя.

Эти слова что-то всколыхнули глубоко в душе молодой матери. Впервые в жизни кто-то сказал ей, что она талантлива! Амиша почувствовала укол досады на эту насмешку судьбы. Ее стихи и рассказы были самым ценным, что она могла дать обществу, — а оно неспособно это оценить. Вот почему она стояла на коленях перед богиней, имевшей власть отнять у нее писательский дар, и просила ее об этом. Но теперь, при мысли о том, что она станет опять писать, сердце Амиши затрепетало от радости.

Может быть, ее писательство — не порок, который можно кое-как терпеть, а дар, который нужно беречь и защищать? Ее истории — единственный пропуск туда, где она никогда не бывала. Не станет их — и она навсегда останется привязанной к своей деревушке.

— Я была дуручкой, — призналась она.

— Будете ею, если сейчас не согласитесь, — Стивен словно прочитал ее мысли.

Амиша снова начала мерить шагами комнату, время от времени останавливаясь и глядя то в стену, то в пол. Она искала какой-нибудь другой ответ, кроме того, что просился на язык.

— Да, — сказала она наконец, не придумав ничего иного.

— Да? — повторил Стивен, словно нуждаясь в подтверждении.

Она кивнула и дала обещание, даже не посоветовавшись с Дипаком.

— Я буду учить их, а вы будете учить меня. — Амиша улыбнулась, а затем рассмеялась, не в силах сдержать радость. — Только предупреждаю — если родители этих невинных детишек придут за мной с горящими факелами, я отправлю их напрямиком к вам и погляжу, как вы будете уносить ноги, — пошутила она.

— Что ж, остается надеяться, что вы будете учить их как следует, — отозвался лейтенант с видимым облегчением.

— Я думала, что больше никогда вас не увижу, — помолчав, произнесла Амиша.

— И напрасно, — тихо ответил он и глянул на часы. — До встречи в классе?

— До встречи в классе. — Амиша невольно разулыбалась и пошла проводить его до двери. За какие-то несколько минут он дал ей столько, сколько еще никто никогда не давал. — Спасибо вам, — выдохнула она. Ей хотелось сказать больше, но она не могла подобрать слов.

Он помолчал, стоя на пороге и пристально глядя ей в лицо.

— Пожалуйста, — проговорил наконец очень мягко и закрыл за собой дверь.

Амиша прислонилась к косяку. Она чувствовала, что и он так же стоит с другой стороны и не двигается с места. Долго была тишина, а затем послышались его удаляющиеся шаги.

Рави застал Амишу у двери и вопросительно приподнял бровь.

— Вы что, дверь караулите?

— Я буду учительницей в школе! — Амиша в радостном волнении стиснула пальцы в замок. — А Стивен, британский офицер, будет учить меня английскому.

Рави с улыбкой развернулся и зашагал обратно на кухню.

— Выходит, солнце и впрямь взошло снова.

15

Амиша скинула сандалии и опустилась на колени перед домашним алтарем в дальнем углу. В глубине алтаря стояли миниатюрные металлические статуэтки Шивы и Парвати, а между ними — статуэтка их сына Ганеши.

Женщина медленно набрала в грудь воздуха и подожгла хлопковый фитилек, плавающий в растопленном масле.

— Дипак сегодня возвращается домой. — Она зажгла две ароматические палочки и установила на стальную пластину. Потом повернула пластину против часовой стрелки — традиционный знак уважения. — Укажи мне путь, Парвати, и поделись со мной своей храбростью. А еще — силой и честью. Сегодня я спрошу Дипака, можно ли мне учить детей в школе.

Амиша вновь и вновь прокручивала в голове разговор со Стивеном и его предложение. Еще тогда, когда она пересказывала его Рави, оно казалось чем-то фантастическим.

— Прости меня за то, что просила избавить меня от моих историй, — проговорила она. — Позволь мне следовать зову сердца, ни в чем не обделяя мою семью, которая на меня полагается.

Амиша окинула взглядом дом, отмечая все знаки присутствия в нем детей. У дверей разбросана обувь старших сыновей. На стене в кухне висит рисунок Джея. Игрушки

Пареша валяются по всему дому. Решимость Амиши вновь пошатнулась, и она попросила еще:

— Позволь мне стать сосудом для историй, которым ты хозяйка. Доверь их мне, и я обещаю никогда больше не проявлять к ним неуважения.

Амиша выглянула в окно — там гуляли деревенские женщины с детьми, между делом развлекаясь беседами друг с другом. Слуги тащили белье к реке — стирать. Жизнь шла своим чередом, а Амиша молилась о том, чтобы ее жизненный путь стал иным.

— Пожалуйста, вразуми Дипака, чтобы он тоже зашел этого для меня. Молю тебя, пусть он поймет...

Она звонила в маленький колокольчик, зажатый в руке, пока мелодичный звон не заглушил ее страхи.

***

— Дела идут хорошо. — Дипак, сняв сандалии у двери, уселся на пол ужинать. Глотнул пахты и стал ждать, когда Амиша подаст ему еду. — У моего партнера голова варит. — Он был явно в приподнятом настроении.

— Ты не промахнулся, когда выбрал его.

Амиша была рада, что у Дипака появилась возможность расширить свое дело, пусть и ценой долгих отлучек из дома. Правду сказать, она почти не замечала его отсутствия. Когда он бывал в деревне, то все равно допоздна работал на мельнице. Потом гулял по деревне с другими мужчинами, а дома все свободное время проводил с мальчиками. Вдвоем они бывали совсем немного — в спальне. Но Амиша уже смирилась с тем, что ее семья — такая же, как у всех.

Она молча смотрела, как Дипак доедает свой ужин. Потом протянула ему стакан теплой воды и полотенце, чтобы умыл руки, и чашку с семенами шамбалы — для стимуляции пищеварения. Сама пока составила стопкой

грязные тарелки и собрала остатки еды. Бина потом от-
даст объедки бродящим по улицам коровам.

— Если у тебя найдется время, я хотела бы с тобой
поговорить.

— Пара минут найдется, а потом и в постель пора.
Выкладывай, что там у тебя.

Амиша взглянула на детей — они крепко спали. Па-
реш спокойно лежал на своем месте, а Джей приткнулся
к старшему брату, чтобы было теплее.

— Английская школа. — Амиша про себя произнесла
молитву, призывая на помощь небеса. — Возле рынка.

— Викрам мне говорил...

В последнее время Дипак стал все больше времени
проводить с Викрамом. Когда их благосостояние и вес
в обществе упрочились, Викрам стал частенько пригла-
шать Дипака к себе — покурить сигареты-самокрутки
и выпить свежего лимонада.

— Ее, наверное, уже достроили. — Дипак устроился
на полу полулежа, опираясь на локоть. Тонкая хлопчато-
бумажная рубашка обтягивала его худое тело.

— Достроили. — Амиша стиснула пальцы в за-
мок. — Я ходила туда, и там учат писать по-англий-
ски. — Она помолчала, не зная, как вести разговор
дальше. Она пыталась представить себе, какотреаги-
рует муж, но угадать было нелегко — слишком плохо
она его знала.

— Хочешь записать туда мальчиков? — Кажется, та-
кая перспектива ему не претила, и это пробудило в Ами-
ше осторожную надежду.

— Нет, — быстро проговорила она. — Им и в этой
школе неплохо. Там они будут скучать по друзьям,
по знакомым лицам. — О рубце на ладони Джея Амиша
решила не упоминать. Она считала, что это ее вина. —
Они сами не захотят в другую школу. — В голове у нее
завучал голос Стивена. Его слова в тот день убедили ее,

что она сможет. Теперь она искала в себе силы, чтобы сделать этот шаг. — Я думала о себе.

— Ты хочешь ходить в школу? — удивленно вскинул брови Дипак.

— Директор предложил мне место учительницы. — Амиша проговорила это негромко, в надежде, что Дипак даст согласие, не вдаваясь в детали.

— Амиша! Ты — и вдруг работать?!

— Не за деньги. — Амиша видела, что он озадачен. Она никогда не говорила с Дипаком о своих желаниях и теперь с трудом подбирала слова, чтобы объяснить-ся. — Взамен меня научат писать по-английски.

— Да зачем тебе это? — Уже качая отрицательно головой, Дипак поднялся и стряхнул с рубахи крошки.

— Это именно то, чему я хочу научиться. — Хватаясь за последнюю соломинку, Амиша взмолилась: — Я смогу помогать мальчикам с уроками, когда тебя нет дома! — И в отчаянии добавила: — А то сейчас им приходится оставаться в школе после занятий.

Удивленный такой новостью, Дипак кивнул:

— Извини, сразу не понял. Я наведу справки насчет репетитора.

Считая разговор оконченным, он двинулся к выходу из кухни, но Амиша окликнула его:

— Дипак, я сделаю все, что ты захочешь! Только позволь мне.

Она прислонилась к стене и сложила ладони перед собой. Она знала, что он не поймет. От нее, как от любой другой женщины, ожидалось, что она будет поддерживать сначала отца, затем мужа, а потом сыновей. Их успехи и неудачи определяли ее место в жизни.

— Вечно тебе нужно быть не такой, как все. — Дипак остановился, но так и стоял к ней спиной.

— Что? — У Амиши затряслись руки. Она вцепилась пальцами в складки сари, чтобы унять дрожь.

— На нашей свадьбе ты танцевала даже тогда, когда музыка уже смолкла, — напомнил Дипак. — И руку мне протянула, словно приглашала меня войти в свой дом, а не наоборот.

— Я тогда молодая была, — ответила Амиша, недоумевая, почему он заговорил об этом. Ей самой казалось, что со дня их свадьбы прошла уже целая вечность. — В ту ночь ты, кажется, остался доволен.

Но Амиша понимала, что мужчина, стоящий перед ней, — уже не тот юноша, за которого она когда-то выходила замуж. Время и традиции сделали их теми, кем они были сейчас: чужими людьми, которых связывают только дети.

— А потом ты притащила в дом Рави, — продолжал Дипак, словно не слыша ее. От его смешка у Амиши холодок пробежал по спине. — Я тебе в первый же день сказал, чтобы он не смел прикасаться к еде. А теперь мы оба знаем, чью стряпню едим.

— Он ничем не отличается от нас, — возразила Амиша. — Неприкасаемые рождаются так же, как мы, и так же уходят к богам. — До сих пор они никогда не касались этого вопроса. Амиша опасалась об этом заговаривать, но теперь была рада, что все прояснится. — Он хочет заработать себе на жизнь, и это не преступление.

— Нет. И то, что ты хочешь учиться, тоже не преступление, так?

— Махатма Ганди говорил о женском уме, — напомнила Амиша. — Он сказал, что мы не слабые и с нами не следует обращаться как со слабыми. — Речи Махатмы Ганди печатались во всех газетах и были широко известны. — Сейчас много пишут о женщинах, которые вместе с ним борются против британцев.

— И ты повторяешь его слова как аргумент, чтобы записаться в английскую школу? — Его резкий тон не оставлял сомнений в том, что он думает по этому

поводу. Прежде чем она успела возразить, он добавил: — Мать меня предупреждала о тебе. «Пленный дух» — так она тебя называла. Она была уверена, что ты рано или поздно вырвешься на свободу и ради этого, не задумываясь, переступишь через кого угодно.

— Твоя мать меня совсем не знала. — С каждым словом мужа у Амиши становилось тяжелее на душе. — Она не имела права так говорить. — Амиша поняла, что ее положение безвыходно. Что бы она ни произнесла, Дипак обернет ее слова против нее же. — Ты стал счастливым человеком, когда исполнил свою мечту и начал расширять свое дело. Я надеялась на такое же счастье. — Амиша двинулась прочь из кухни. — Я ничего плохого не хотела.

— А с детьми что будет?

Вновь почувствовав надежду, Амиша остановилась, не оборачиваясь.

— Бина и Рави присмотрят за Парешем. А Самир с Джемем все равно весь день в школе. Это же всего пара часов в неделю.

— А по деревне какие разговоры пойдут, когда ты, моя жена, начнешь ходить в школу?

Амиша повернулась к нему. Им обоим было хорошо известно: одна сплетня — и они будут вычеркнуты из общества. Это означало не только потерю статуса — они могут лишиться еще и средств к существованию. Дипак был доволен своей жизнью и ожидал того же от нее. Дети здоровы, бизнес процветает...

Амиша чувствовала себя совершенно беспомощной. Это несправедливо! Почему ее надежды ставят всю их жизнь под угрозу, а он следует за своей мечтой без опаски? Она еще не успела ничего сказать, а на лице у нее уже отразились печаль и смирение.

— Ладно, — вдруг кивнул он, — только не забывай о своих обязанностях.

На Амишу волной нахлынуло облегчение, хоть она и видела: то, что она посмела просить о чем-то сверх дозволенного, по-прежнему не радует мужа.

— Спасибо. — Она сложила ладони перед собой и улыбнулась ему.

Дипак, не ответив на улыбку, повернулся, чтобы уйти. Амиша сглотнула и все же отважилась спросить:

— Почему же все-таки разрешил?

— Ты тут без меня весь дом на себе тащишь. — Он помолчал и прибавил: — Я тебе благодарен.

Затем Дипак прошел мимо спящих мальчиков в дальний угол, где тускло мерцала масляная лампа. Слегка наклонился, задул пламя, и комната погрузилась в темноту. Потом он ушел в спальню и закрыл за собой дверь.

Амиша молча вышла из кухни. Осторожно переложила Джея поближе к брату, чтобы самой лечь рядом с Парешем на немудрящую постель на полу. Лунные лучи просачивались в комнату сквозь стекло, слегка рассеивая темноту. Под ровное дыхание сыновей Амиша рисовала себе свое будущее. Полная смирения и благодарности, она провалилась в глубокий сон, и радость окутывала ее всю ночь, словно одеялом.

16

Амиша пришла к школе раньше других — стояла, прилонившись к стене, и смотрела, как подходят стайками ученики в школьной форме. Какой-то паренек мельком бросил на нее взгляд, и она робко улыбнулась ему. Учителя разводили детей по классам.

Она вошла в здание, стала искать нужную дверь и наконец нашла. На двери была табличка: «Старший преподаватель», а внизу имя: «Мисс Робертс». Амиша постучала и стала ждать. Голос из кабинета пригласил войти. Там, за маленьким коричневым столом, сидела строгого

вида женщина. Она смотрела на девушку молча, без выражения.

Поздоровавшись и назвав свое имя, Амиша вдруг почувствовала страх.

— Можно мне увидеть лейтенанта Стивена? — неуверенно спросила она.

— Четвертая дверь по коридору. Он сейчас беседует с родителем ученика. — Женщина вышла из-за стола и встала перед Амишей, сложив на груди руки.

На ней были длинная юбка и блузка — на западный манер, однако на правом запястье сверкал золотой браслет, такой же, какие носили многие местные жительницы.

— Так значит, вы пришли учить детей? — строго спросила женщина.

— Директор меня попросил. — Амиша не понимала, чем вызвала недовольство этой дамы.

— А преподавательская лицензия у вас есть?

— Нет. — Внезапно почувствовав себя совершенно беззащитной, Амиша крепко прижала к себе сумку. — Нету.

— Так зачем же вы сюда пришли? — Учительница скрестила ноги в кожаных ботинках. — Что вы можете дать ученикам? У нас престижная начальная школа.

На это у Амиши был только один ответ — ее попросил Стивен. Но ведь женщине это и так уже известно. Ее презрительный взгляд, как полагала Амиша, был отражением взгляда многих англичан, привыкших именно так смотреть на индийцев.

Ощущая себя совсем маленькой рядом с коренастой англичанкой, Амиша выпрямилась и постаралась, насколько могла, собраться с духом.

— Я пришла сюда учить детей, потому что меня об этом попросили. — Мысленно она напомнила себе о своих историях и о том, как много они значат для

нее. — Что касается того, чему я буду учить, то, признаюсь, я сама еще толком не знаю. — Сейчас, стоя лицом к лицу с этой женщиной, она чувствовала себя младше своих лет. — Мне не известно, что скрывается в этих юных сердцах, но я попрошу их написать об этом. И, если сочинения позовут ребят в дальние страны, я подбодрю их, чтобы смело пускались в путь.

Амиша улыбнулась суровой даме.

— А еще я посоветую им в этих странствиях проявлять уважение к людям, которые встретятся на пути, и к тому, что им дорого. Не нам судить, правильно или неправильно живут другие — мы должны пользоваться возможностью чему-то у них научиться. — И, словно не замечая, как изумленно округлились глаза учительницы, прибавила еще: — И никогда не забывать, что если ты протянешь руку в знак уважения, то и тебе ответят тем же.

***

Амиша стояла за учительским столом, а подростки шумно рассаживались по местам. На всех были рубашки с голубыми воротничками. У девочек, кроме того, — светло-коричневые юбки, а у мальчиков — шорты. Усевшись и распрямив спины, ребята достали из сумок листы бумаги и остро заточенные карандаши. Амиша быстро пересчитала их по головам: пять девочек, двенадцать мальчиков.

Стоя наготове с белым мелком в руке, она поприветствовала своих учеников:

— Доброе утро.

Они что-то прогудели в ответ. Амиша написала на доске свое имя на хинди. Мел поскрипывал, и этот звук казался резким в тишине.

— Меня зовут Амиша.

— Мадам? — Паренек с одной из первых парт показал рукой на доску. — Разве у нас сейчас урок хинди?

— Нет. — Амиша поняла свою ошибку и торопливо стерла свое имя ладонью. На доске остался белый меловой отпечаток руки. — Мы будем говорить по-английски, но писать первые несколько заданий будем на хинди. — Стыдясь признаться, что не умеет писать по-английски, она поспешно сменила тему. — Я очень рада, что буду вас учить. — Она обвела класс взглядом. На вид ребятам было от тринадцати до пятнадцати лет. — У меня своих детей трое, — сказала она.

— А они тоже у нас учатся? — робким голоском спросила девочка с задней парты.

— Нет. Они учатся в другой школе. — Амиша придвинула свой стул поближе к ним. — Я очень люблю своих сыновей. И пока их растила, кое-что поняла, — доверительно проговорила она. — Когда я пытаюсь учить их жизни, они меня не слушают. Говорю: «Не гоняйтесь за поросятами, в лужу свалитесь», — они являются домой все в грязи. «Не ешьте столько сладкого, живот заболит!». А они потом стонут: «Ой, мамочка, зачем же я столько сладкого съел?»

Смех ребят несколько приглушил ее волнение.

— И я поняла, что учить надо не так. Тогда я села рядышком с моими старшими сыновьями и призналась им кое в чем.

Ученики подались вперед, словно в ожидании, что им сейчас откроют какую-то тайну.

— «Я только учусь быть вашей мамой, — сказала я, — так же, как вы учитесь быть моими сыновьями».

— Так и сказали? — переспросила другая ученица.

Радуюсь, что ее слова находят отклик у ребят, Амиша кивнула.

— Да. Их это удивило. Кажется, они считали, что я родилась уже готовой мамой. — Она улыбнулась в ответ на общий смех. — И тогда я предложила им уговор: они будут помогать мне стать лучшей мамой, а я помогу им стать хорошими сыновьями. — Амиша встала и начала прохаживаться между рядами парт. — Вот и вам я предлагаю такой же уговор. Я никогда раньше не была учительницей. Если вы поможете мне стать хорошей учительницей, я изо всех сил постараюсь помочь вам научиться хорошо писать сочинения.

Весь класс хором промышал что-то в знак согласия. Довольная Амиша проговорила:

— Вот и замечательно. Спасибо. — Теперь можно было начинать урок, и она спросила: — Как вы думаете, откуда берутся истории?

— Из головы, — сказал один ученик.

— Из других историй, которые мы слышим, — предположил другой.

— Из того, о чем мы мечтаем. — Это был девичий голосок.

Амиша стала искать глазами — кто сказал про мечты? Она заметила девочку на задней парте. Кожа у той была темно-коричневая, черные волосы заплетены в две тугие косички.

— Как тебя зовут, бети¹¹?

— Нима.

— Нима, ты можешь объяснить свой ответ? — Одним взглядом Амиша заставила умолкнуть мальчика, который что-то недовольно забурчал.

Нима ответила не сразу:

— Мы мечтаем о том, чего не знаем. И превращаем эти мечты в истории.

---

¹¹ Дочка (хинди). — Прим. перев.

— Но как же можно писать о том, чего не знаешь? — поддел ее паренек постарше.

Прежде чем Амиша успела что-то сказать, Нима ответила сама:

— Иногда мечта — наше единственное окошко в неизведанное. — Она теребила в пальцах листок бумаги. — Может быть, в какую-то другую жизнь.

Амиша одобрительно кивнула.

— Может быть, тем, у кого нет своей мечты, только и остается, что исполнять чью-то чужую? — Надеясь вовлечь в дискуссию остальных, она спросила: — Кто из вас любит читать рассказы и сказки? — Над всеми партами взметнулись вверх руки, и только два мальчика, как заметила Амиша, скорчили недовольные гримасы. — Отлично. А теперь вопрос поинтереснее: кто из вас любит писать рассказы и сказки?

Половина ребят подняла руки.

— Хорошо. — Накануне Амиша весь вечер обдумывала план урока, пока не выбрала подходящую историю. — Вот послушайте.

Один человек строил дом. Друзья предупреждали его, что такая конструкция будет непрочной, но он не обращал на их советы внимания. Однажды случилось землетрясение, и дом рухнул. Человека и птицу, что жила на дереве возле дома, завалило обломками, и они не могли выбраться...

Амиша оглядела лица учеников и с удовольствием отметила, что они слушают заинтересованно.

— Осталось только одно небольшое отверстие, через которое можно было кое-как дышать. Человеку нужно было решить, кто получит этот воздух... — Она сделала паузу, чтобы убедиться, что ее слушают. — Вот вы и напишите, пожалуйста, о том, что было дальше.

— Но какой же ответ правильный? — спросил мальчик с задней парты.

— Правильного ответа нет, — повернулась к нему Нима, опередив Амишу. — Это история о выборе и о том, как люди делают этот выбор.

— Умница. — Амиша задержалась у парты девочки.

Лицо Нимы было вымыто до блеска, на одном из крыльев носа посверкивал маленький бриллиант. Два таких же бриллиантовых гвоздика украшали уши.

— Ты знаешь, что твое имя означает «свободная»? — тихо спросила Амиша. Девочка кивнула, и Амиша добавила: — Прекрасное имя!

— Благодарю вас, мадам. — Нима опустила ресницы.

Амиша почувствовала неловкость и сменила тему:

— Ты ведь подняла руку, когда я спросила, кто пишет рассказы и сказки?

Девочка кивнула.

— И много историй ты написала?

— Несколько штук.

— Мне бы очень хотелось их почитать. — Прежде чем отойти к другой парте, Амиша шепнула: — Спасибо, что пришла в мой класс.

***

— Кажется, ваш первый урок прошел неплохо, — сказал Стивен.

Они с Амишей вместе шагали по коридору. По молчаливому согласию они вышли через заднюю дверь в сад. В школе еще продолжались уроки, а им нужно было найти местечко, чтобы поговорить.

— Дети улыбались, когда выходили из класса, — добавил он.

— Может быть, от облегчения, что урок наконец закончился, — отшутилась Амиша, но на самом деле очевидная заинтересованность и активность ребят ее порадовали.

Амиша сразу заметила, что цветы, которые в прошлый раз только набирали цвет, теперь распустились. Она провела пальцем по бело-золотым лепесткам, любуясь их красотой. Стивен протянул руку, сорвал цветок и, вдохнув его аромат, протянул ей:

— Понюхайте.

Амиша поднесла цветок к носу, но запаха не почувствовала — он ничем не пах. Не желая показаться глупой, она вежливо кивнула:

— Чудесно.

— Правда? — Он взял у нее цветок и снова понюхал. — А я что-то ничего не чувствую. — И рассмеялся, увидев, как она вытаращила глаза.

— Вы знали, что у него нет запаха?

При виде его ребячливой улыбки она и сама не могла не улыбнуться. Весело спросила:

— Так что же, начнем мой урок?

— Сейчас? — спросил лейтенант, пристально глядя на нее.

— Я все утро смотрела, как учатся дети, и теперь мне не терпится начать учиться самой, — призналась она.

— Может быть, прямо здесь? — Стивен подвел ее к скамье в дальнем углу сада, скрытой за деревьями и рядами цветущих кустов.

— Запах цветов поможет смягчить мои страдания от собственного невежества, — улыбнулась Амиша, усаживаясь на скамью.

Прошедшую ночь она провела почти без сна. Ее тревожила предстоящая роль учительницы, и в то же время охватывало радостное нетерпение при мысли, что она наконец-то тоже начнет учиться. Она искала и не находила ответ на вопрос, зачем такому важному человеку, как Стивен, тратить время на занятия с ней. Когда при первых лучах солнца прокричал петух, Амиша уже лежала с открытыми глазами.

— Вы не должны так говорить о себе. — Стивен уселся поодаль от нее, соблюдая вежливую дистанцию.

— Тогда учите меня получше, и у меня не будет причин так говорить.

Стивен стал писать в маленьком блокнотике заглавные буквы английского алфавита и рассказывать, как они произносятся. Амиша внимательно слушала. Говорить на этом языке она уже умела, а потому произношение давалось ей легко.

— Теперь вы. — Он передал ей блокнот.

Амиша нерешительно взяла ручку и стала вглядываться в буквы, написанные рукой лейтенанта. Она залюбовалась его твердым, уверенным почерком. Все-таки почему он, офицер одной из величайших в мире армий, сидит здесь и тратит время на то, чтобы помочь ей выучить алфавит?

— Зачем это вам? — не удержалась она.

— Не пытайтесь заговорить меня и отвертеться от задания, ничего не выйдет. — Он постучал пальцем по ручке в знак того, что пора начинать.

— Война ведь идет... — В волнении Амиша начала выписывать палочки, образующие букву «А», то и дело сверяясь глазами с буквами Стивена.

Она не раз наблюдала, как учится писать Джей. Теперь, повторяя движения сына, вывела прямую линию, затем еще одну — параллельную. Тут же поняла свою ошибку, перечеркнула и начала все заново. На этот раз она соединила обе линии в верхней точке, и буква «А» получилась.

— ...А я и не заметил, — небрежно отозвался Стивен, внимательно следя за ее каллиграфическими упражнениями.

— Ну, значит, хорошо, что я вам сообщила. — Амиша чувствовала, что он видит каждое движение ее руки.

Она старалась писать аккуратно и точно, быстро переходя от одной буквы к другой. — Может быть, вам еще придется сражаться за своего короля.

— А разве он не ваш король тоже? — Стивен поднял голову и взглянул ей в глаза.

Амиша задумалась над его словами. До сих пор она ни разу не говорила на эти темы ни с одним мужчиной и боялась, как бы не сказать глупость.

— Думаю, он хороший человек и хочет добра. Но Индия не принадлежит ему, он не может ею править, и индийцы не марионетки, чтобы дергать их за ниточки.

— Так вот, значит, что мы, британцы, по-вашему, делаем?!

Амиша слышала речи Ганди о мирном сопротивлении. Она ответила вопросом на вопрос:

— А вы считаете, что одна страна имеет право управлять другой?

Не успели эти слова слететь с языка, как она уже пожалела об этом. Стивен ведь британский военный, и вот он учит ее, тратит свое время — делает для нее то, чего еще никто никогда не делал.

— Я забылась, — смущенно проговорила она. — Учусь у британского лейтенанта, а сама с ним так разговариваю. Простите меня.

— Не надо, — твердо произнес Стивен. — Пожалуйста.

Амиша открыла было рот, но он уже поднялся со скамьи. Она смотрела на него в недоумении.

— Когда мы с вами занимаемся, не бойтесь высказывать свои мысли. — В его голосе звучала досада. — Иначе как же мы будем сотрудничать?

Она почувствовала, как для него это важно, и попыталась объясниться:

— С моей стороны нехорошо было говорить в таком тоне. Мы должны проявлять уважение.

— А разве уважение не нужно сначала заслужить? — просто спросил он.

Не зная, что ответить, Амиша молча разглядывала цветущие клумбы. Впервые в жизни она задумалась о том, почему до сих пор ни разу не задала себе этот вопрос.

ДЖАЙЯ

17

Солнце давно село, в воздухе чувствуется легкий холодок. Рави наклоняется к Роки, чтобы почесать за ухом, и при этом движении в спине у старика что-то хрустит. Пес терпеливо лежал рядом все это время, — пока день клонился к вечеру, а затем и сумерки наступили. Я же, сидя на скамье напротив Рави, слушала как завороженная.

Я ехала в Индию в надежде повидать дедушку и узнать — хоть что-нибудь! — о маме. Но никак не ожидала рассказа о женщине, о которой почти ничего не слышала. До сих пор ее история начиналась и заканчивалась тем, что она умерла, когда моя мама была совсем маленькой. Все остальное словно бы не имело значения.

— Как жаль, что я никогда ее не видела... — У мамы всегда была потребность скрупулезно следовать правилам, все делать идеально, а вот Амиша вырывалась за рамки дозволенного в поисках своего места в жизни. Интересно, какой стала бы мама, если бы росла с ней? — И знает ли мама все это?

В сгущающейся под пальмовыми ветками темноте Рави вытирает со щеки одинокую слезу.

— Нет. Как я уже сказал, я дал обещание вашей бабушке рассказать ее историю, но до сих пор никак не мог

его исполнить. — Он закашливается и с трудом переводит дыхание.

— Вам плохо?

— Амише бы самой все это рассказать, — не отвечая на мой вопрос, произносит он и смотрит вдаль, стиснув на коленях тонкие руки. — Никогда еще мне так не хотелось, чтобы она была рядом. Напомнила бы все подробности, а то в стариковской памяти они уже не держатся.

— Что же было дальше? — Мне совестно его переутомлять, но в то же время не терпится услышать продолжение.

— Я уже старик, бети. — Он растирает руки. — Усталость просочилась в мускулы. Если я не дам своему уму передышки, тело взбунтуется и рассыплется. — Рави поднимает голову и слабо улыбается: — Придется вам тогда носить еду мне в постель, чтобы услышать продолжение. — Он закрывает глаза и откидывается на спинку скамьи.

— Я никогда не слышала никаких рассказов о бабушке, — тихо говорю я. При таких отношениях с матерью я не чувствовала и связи с той далекой страной, откуда она была родом. Индия — страна моих предков, но она не будила во мне никаких воспоминаний, не манила к себе... — Мама никогда о ней не говорила.

— Ваша мама знала только то, что ей захотели рассказать. Из этих рассказов ее история и сложилась.

— И она не знала, что есть другая история? — Я пытаюсь собрать кусочки сложного пазла в цельную картину. — А ее братья знали?

Рави отрицательно качает головой.

— Вы — единственная, кто решился приехать сюда. — Он говорит это спокойно, без злобы. — Амишины сыновья уехали десятки лет назад и никогда не возвращались. А их отец... — немного помолчав, он договаривает: — ...долгие годы ждал их. — Рави бросает

на меня быстрый взгляд. — Со временем он смирился с тем, с чем нам всем рано или поздно приходится смиряться. У тех, кто уехал, были на то причины, и они оказались сильнее зова остаться.

Я припоминаю немного, известное мне: что маму вырастила мачеха, которая не могла иметь своих детей. В восемнадцать лет маму выдали замуж, и она сразу же уехала в Америку. Эти факты папа повторял всякий раз, когда я умоляла рассказать хоть что-нибудь.

Словно почувствовав, как отчаянно мне хочется узнать больше, Рави гладит меня по руке.

— Терпение, бети. Скоро моя история раскроет все тайны. — Он медленно встает и направляется к дому, с привычной ловкостью находя в темноте полузатоптанную тропинку.

***

Когда мне было двенадцать, я спросила маму, нельзя ли устроить у нас вечеринку для моих знакомых девочек и их мам на Хэллоуин. Мама раздумывала так долго, что я уже опасалась отказа. Когда же она наконец согласилась, я была вне себя от радости. Схватила блокнот и уселась рядом с ней на диван — составлять план. Мама молча, не высказывая своих идей, слушала, как я перечисляю, какие нам понадобятся блюда, украшения и музыка.

«А костюмы-то!» — спохватилась я, сообразив, что забыла о самом главном.

Мама повезла меня в магазин, где нашлось два костюма колдуний из «Волшебника страны Оз». Мне пришлось как раз впору тот, что поменьше, — доброй волшебницы Глинды, а мама взяла себе костюм злой ведьмы с Запада. Мне ужасно нравилась ее остроконечная шляпа и длинный подбородок, который шел впридачу к костюму.

В день праздника я встала пораньше, чтобы успеть все приготовить, но, спустившись вниз, увидела, что мама уже украсила дом. Вдоль стен висели ленты, повсюду расползались искусственные паутины с пауками, из саркофагов по углам гостиной выскакивали мумии. Это было потрясающе! Я пришла в восторг и с благодарностью обняла маму. Однако ответа на объятие не последовало, словно закаменев, она поскорее отстранилась, а потом пошла на кухню, бросив на ходу:

«Завтрак готов».

Вечером, когда мы встречали гостей, из колонок во всю мощь гремела музыка. Папа с веселым удивлением смотрел, как в дом стекаются матери с дочками, разодетые в пух и прах. Мама смеялась и охотно участвовала в общем веселье. За все мое детство бывало всего несколько таких редких случаев, когда она, против обыкновения, начинала лучиться счастьем. В восторге от того, что сейчас как раз такой случай, я старалась держаться к ней поближе: мне хотелось разделить ее радость. Дважды она даже приобнимала меня за плечи и прижимала к себе.

«Вы обе прелестно выглядите, — мамина подруга подошла похвалить наши костюмы. — Добрая волшебница и злая ведьма, так?»

«Да! — воскликнула я, уже и не припоминая, когда в последний раз чувствовала себя такой счастливой. Атмосфера праздника захватила меня, и я даже не почувствовала, как скованно застыла рядом мама, не заметила, как пропала ее улыбка. — Сейчас злая ведьма на всех наложит заклятия, а я буду вас спасать!»

«Прошу меня извинить», — вдруг тихо проговорила мама. Она убрала руку с моего плеча и, не сказав больше ни слова, ушла наверх.

Я обиженно и растерянно смотрела ей вслед. Минут через десять мама спустилась снова, но уже без костюма — в джинсах и футболке. Остаток вечера она сидела

погруженная в себя и почти ни с кем не разговаривала. В ту ночь я плакала, пока не уснула, и дала себе клятву больше никогда не иметь с ней никаких дел.

18

Ночью я открыла окно, чтобы впустить в комнату немного прохлады. Теперь уже раннее утро, и в окно влетает теплый ветерок, развевая мне волосы и щекоча прядами лицо. Петух опять кричит при первых лучах рассвета, и я слышу, как просыпается деревня. Лежа в кровати, кладу на живот ладонь, закрываю глаза и представляю себе малышей, которых носила так недолго. Как бы я ни хотела этих детей — их нет и никогда не будет.

Не в силах лежать спокойно, я отодвигаю москитную сетку и рывком поднимаюсь с постели. Вижу в окно, как ребяташки затевают игру, а женщины стайками направляются к реке — кто пить, кто купаться. На головах они несут пустые кувшины, чтобы набрать воды домой.

Мужчины в белых майках стоят на балконах и чистят зубы самодельными щетками. Сплювывают вниз, на улицу, а затем полощут рот и горло водой со свежими листьями мяты. Я с любопытством наблюдаю за этим ритуалом. На столе лежит нетронутая щетка, которую вырезал для меня Рави.

— Что же случилось с тобой здесь, мама? — спрашиваю я вслух. — Что заставило твоего отца взять с тебя такое обещание?

Я пытаюсь представить ее маленькой девочкой, тоскующей по материнской любви. Мне вспоминается мое собственное детство. Как бы отчужденно ни держалась со мной мама, все-таки я всегда знала, что она рядом. Как бы ни повернулась жизнь, родители и дом, где я выросла, всегда оставались неизменными. Что же оторвало маму от ее родного крова?

— Доброе утро. — Коротко постучав, входит Рави, и я, вздрогнув, вынырываю из своей задумчивости. — Вы еще не готовы... — разочарованно тянет он. — Не жалко тратить день на сон?

— По-моему, солнце еще только всходит. — Я киваю на окно, однако старик не уступает:

— Но ведь всходит уже. — Он ставит на стол поднос, а рядом кладет еще одну разлохмаченную ножом палочку. — Я приду, когда вы будете готовы.

— Погодите. — Надеюсь, что его присутствие поможет прогнать навалившуюся с утра слабость, я решительно говорю: — Вы принесли мне чудесный завтрак, и так много всего. Пожалуйста, позавтракайте со мной вместе.

— Нет, — отказывается он без всяких объяснений.

— Вы уже поели? — Не представляю, когда он мог успеть — разве что поднялся еще до рассвета.

— Я дома поем. — И он направляется к открытой двери.

— Вы не хотите завтракать со мной? — Я беру поднос и протягиваю ему обратно. — Тогда и я не буду.

— Голодной останетесь. — Он забирает поднос и идет к выходу.

Мне любопытно, что происходит, и я преграждаю ему путь.

— Вы готовы оставить меня без завтрака, лишь бы не делить его со мной?

— Мне нельзя есть тут, с вами. — Он смотрит куда-то в стену у меня над головой.

— Ну так поедим в гостиной. — Я забираю у него поднос и иду в другую комнату.

— Я не могу есть с вами в этом доме.

— Почему? — Я ничего не понимаю. — Почему вы принесли мне еду, а сами хотите уйти? Есть какая-то причина?

От душистых чашек поднимается такой аромат, что у меня набегают слюна. И тут же, словно по команде, начинает урчать в животе.

— В таком почтенном доме мне полагается есть только на заднем дворе, — объясняет он. — Ведь я — неприкасаемый.

— Знаю. — Я перебираю в уме то небольшое, что мне известно об этом, связываю с тем, что он успел мне рассказать, и пытаюсь найти объяснение его поступкам. Ставлю поднос на стол перед качелями. — Но вы же сказали, что моя бабушка пригласила вас в этот дом и называла другом. С ней-то вы, наверное, ели здесь вместе?

— Она делала для меня исключение. — Рави медленно шагает к двери, собираясь выйти на крыльцо, где играет Роки.

— Тогда я прошу вас сделать такое же исключение для меня.

Он останавливается, а затем поворачивается ко мне.

— Не хочу проявлять неуважение к вашим обычаям, — продолжаю я, — но должна сказать, что это оскорбление памяти моей бабушки — отказать ее внучке в том обществе, которое когда-то радовало саму бабушку.

Рави долго смотрит на меня, взвешивая, с одной стороны, мои слова, с другой — правила, которым привык следовать.

— Пожалуйста. — Я показываю рукой на качели и жду.

На губах Рави появляется улыбка. Он медленно подходит и садится. Я приношу из кухни две тарелки, усаживаюсь в кресло напротив, и мы вместе открываем блюда, стоящие на подносе.

— Пахнет вкусно. — Рави накладывает себе полную тарелку — мне почти ничего не остается. — Попробуйте. — С полным ртом он показывает на мою тарелку: — Пока еще есть что пробовать.

Улыбаясь, я забираю оставшееся, и мы поглощаем завтрак в молчании.

***

После еды я спрашиваю Рави, где здесь можно позвонить по международной связи и получить доступ к Интернету. Он рекомендует кафе в двадцати минутах езды.

Авторикшу то и дело подбрасывает на камнях и каких-то обломках, и я представляю, как Дипак проделывал когда-то тот же самый путь. В Амишиной истории упоминались пустынные дороги, и за прошедшие десятилетия тут мало что изменилось. Немощенная тропа все так же тянется на много миль мимо выжженных солнцем полей, и на ней почти никого не видно.

Водитель останавливается в маленьком городке, где вдоль улиц выстроились современные магазины. Дороги здесь покрыты асфальтом, на углах торчат фонари. В витринах магазинов покупателей встречают роскошно одетые манекены — кто в западных, кто в традиционных нарядах. Автомобиль лавирует в толпе мужчин и женщин в деловых костюмах, школьников и матерей с малышами, идущих по улицам. Из магазина оглушительно гремит какая-то болливудская песня.

Водитель останавливается у дверей кафе.

— Ничуть не хуже, чем в Америке, правда? — с нескрываемой гордостью показывает он на кафе. — Вот отсюда можно позвонить. Без проблем.

За столиками у входа полно молодежи, и все уткнулись в экраны ноутбуков. Я смеюсь: эта картина и впрямь напоминает любую из нью-йоркских кафешек. В самом заведении девушка за стойкой спрашивает на безупречном английском, что я буду заказывать. От деревни до городка всего-то несколько миль, а выглядят они как два разных мира.

Заказав местный чай с соевым молоком, я отыскиваю в задней части зала пустую телефонную будку. Перевожу дыхание и по памяти набираю номер. Там, за океаном, раздается звонок, и моя мать снимает трубку.

— Мама... — говорю я и умолкаю. Загнанные вглубь эмоции всплывают на поверхность и застревают в горле. Я живу в ее доме, ем и сплю в тех комнатах, где она выросла, но сейчас вдруг понимаю, что знаю о ней ничуть не больше, чем знала до сих пор. — Как дела? — Я чувствую себя неуверенно, и слова выходят пустые и формальные.

— Джайя? — Голос у нее грустный. — Это ты? — За столько миль я слышу, как тяжело она вздыхает. — У тебя все в порядке?

— Твой отец умер, — тихо сообщаю я. — Еще до моего приезда.

Наступает оглушительная тишина, а затем резкий вздох.

— Значит, тебя там больше ничего не держит, — шепотом откликается она наконец. Голос у нее становится жестким, и, если бы не долгие паузы между словами, я бы подумала, что ей и правда нет никакого дела до этой смерти. — Пора возвращаться домой.

— Он умер тихо. Его прах развеяли, — произношу я, словно не слыша ее. — Я познакомилась с его слугой, Рави. Он рассказывает мне историю о твоей матери.

— Я его никогда не знала, — говорит она вдруг. И тревожным голосом добавляет: — Не о чем там рассказывать.

— Мама...

— Твоя жизнь здесь, Джайя. Работа, дом, Патрик...

— Он больше не имеет никакого отношения к моей жизни, — перебиваю я.

Я не говорю ей ни о том, что раздавлена тяжестью своих неудавшихся беременностей, ни о том, что никогда

не ожидала такого конца нашего брака. Умалчиваю и о том, что бабушкина история позволила мне отвлечься от своей собственной и впервые за много месяцев немного вздохнуть. Я скрываю от мамы правду, потому что так между нами заведено и по-другому я просто не умею.

— Нашему браку конец. — Прежде чем она успевает вставить слово, я добавляю: — Я не могу ехать домой. Пока не могу. — И, помолчав, говорю умоляюще: — Пожалуйста, не вмешивайся.

В тишине я представляю, что она уйдет к себе и оборвет звонок. Вот сейчас распрямит плечи и вся затвердеет, словно готовясь к разочарованию. За этим последует смирение с неизбежным, а затем — прекращение разговора. К моему удивлению, вместо этого она произносит:

— Твой отец ходит кругами по кухне, ждет, когда можно будет с тобой поговорить. Но у меня разговоров еще примерно на час, так что придется ему подождать.

Я растерянно умолкаю. Вот она, та мама, какой я ее всегда мечтала видеть в детстве. Иногда она вдруг оживала и начинала шутить, да так, что все животики надрывали от смеха. Улыбка часами не сходила с ее губ, но я держалась всеми силами, чтобы не поддаться на этот спектакль. Уж лучше я ее оттолкну, чем она меня.

— Джайя... — В мамином голосе слышится боль.

Я представляю, как она сжимает в руке телефон и с трудом сдерживает слезы.

— ...Я люблю тебя, бети.

Все еще не успев прийти в себя, я молчу. В первый раз на моей памяти она сказала, что любит меня. Молчание длится долго, и наконец мама, не говоря больше ни слова, передает телефон отцу. Он засыпает меня вопросами о деревне и о моих планах. Пока мы разговариваем, в голове у меня эхом продолжает звучать мамино признание. Сколько лет я мечтала услышать эти слова!

А теперь, когда она наконец произнесла их, не нахожу в себе никакого отклика.

Закончив разговор, я открываю компьютер и набираю короткое приветственное письмо редактору блога, куда собираюсь писать. Бегая пальцами по клавиатуре, уже прикидываю, о чем будет мой первый пост. Делаю глубокий вдох и начинаю набирать текст.

«Двадцать четыре часа я провела в пути, оставив дом, чтобы оказаться на родине своей матери. Индия — страна, где я никогда не бывала. Правду сказать, и желания не было. Как говорится — твой дом там, где живет твое сердце. Только когда мое сердце оказалось разбитым, я решилась разорвать ослабевшую связь и отправиться в дальний путь, оставив позади все знакомое и привычное.

Сейчас я живу в маленькой деревушке, где люди находят счастье в игре в футбол на голой земле или в том, чтобы собраться вместе за столом. А еще — в повседневных ритуалах, в историях, которые таятся в проплывающих по небу облаках. Счастье приходит, когда живешь своей жизнью. До сих пор я не знала, что это такое. Я жила так, как принято. Делала все необходимое, чтобы обеспечить себе идеальную жизнь. С каждой ступенькой вверх мое положение становилось прочнее. Я исправно ставила галочки напротив всех пунктов, какие от меня требовались. Моя сила стала зависеть от масштаба

моих достижений. Но, может быть, идеал — это всего лишь иллюзия, а сила — обуза.

В Индии я начала слушать историю женщины, которая чувствовала себя потерянной в своем времени. Она изо всех сил старалась найти себя и в то же время соответствовать ожиданиям окружающих. Не знаю пока, удалось ли ей добиться хотя бы одной из этих целей. Ее история заставила меня задуматься о том, как и почему я делаю в жизни тот или иной выбор. При всей свободе выбора — приняла ли я в своей жизни хоть одно решение самостоятельно или слепо шла по пути, проложенному для меня другими? Когда стремишься к чему-то, всегда есть риск проиграть.

Я приехала в Индию, потому что мой дедушка, которого я ни разу в жизни не видела, лежал при смерти. Но главной причиной было желание сбежать от всего. Я пережила три выкидыша. Теряя детей, теряла себя. Где я только ни искала путь к исцелению, но найти не могла.

Пока мы не приступили к этим попыткам, я считала само собой разумеющимся, что когда-нибудь у меня будут дети. Это была очередная ступенька в моей жизни, идущей по плану. Первый выкидыш я списала на случайность. Сравнила с провалом на экзамене, к которому не подготовилась как следует, и твердо решила, что в следующий раз непременно сдам. Мы попробовали снова,

и я не сомневалась, что теперь-то отнесусь к делу ответственнее и доношу ребенка до срока. Я была уверена, что эти девять месяцев — первые шаги к тому, чтобы доказать, чего я стою как мать. Когда стало ясно, что и вторая беременность вот-вот прервется раньше срока, в душе у меня что-то надломилось. Я оплакивала ребенка, которого носила. Я все время чувствовала, что чего-то не хватает — словно мне отрезали руку или ногу. Куда бы я ни обернулась, перед глазами оказывались дети — напоминание о том, что мне некого держать на руках. Последний выкидыш выпотрошил меня дочиста: от меня просто ничего не осталось.

Из-за этих выкидышей я потеряла семью. Как журналистке, мне случалось писать о больных детях и о том, какое это тяжелое испытание для семьи. Пятьдесят процентов браков заканчиваются разводом. В тех семьях, где растет больной ребенок или ребенок с особыми потребностями, этот процент существенно повышается. А что же сказать о таких, как мы, о тех, у кого никогда не было детей? Каков шанс, что наш брак переживет эти бурные метания от надежды к разочарованию и наконец — к безнадежности? Когда сам уже не в силах стоять на ногах, как же поддержать другого? Мой брак стал еще одной жертвой моего проклятья. Сколько ни изучай научные статьи

*о беременности и родах, сколько ни меч-
тай начать все сначала, сколько ни мо-
лись о спасительном средстве — внутри
будет все та же пустота. И я невольно
думаю — может быть, это цена, ко-
торую мне пришлось заплатить за свои
успехи?»*

Я перечитываю текст. В нем ни словом не упомянуто о матери и ее молчании. Что ж, она сама научила меня хранить секреты. Я так и не решаюсь шагнуть за привычные рамки... Закрываю компьютер, заталкиваю его в сумку, а потом запрокидываю голову и закрываю глаза. Облако тьмы висит надо мной неотступно и тянет к себе, но я стараюсь не допустить очередного провала во времени. Выбрасываю стаканчик с недопитым чаем в мусорное ведро и ловлю рикшу, чтобы ехать обратно, в бабушкин дом.

АМИША

19

— «Прос-той», — читала Амиша вслух слово за словом. — «Слож-ный». — Гордая собой, она остановилась и взглянула на Стивена — тот отмечал каждое прочитанное ею слово. Он молча, с любопытством поднял на нее глаза.

— Что такое?

— Хорошо у меня получается? — вздохнула она, сердясь на его непонятливость.

— Два слова осилили и уже ждете похвал? — Он показал на длинный список еще не прочитанных слов. — Еще не меньше сотни осталось.

— Но два-то я уже прочитала. — Амиша ткнула пальцем в листок бумаги. — И они были трудные... то есть сложные, — не без самодовольства добавила она.

— И вовсе не трудные. — Стивен быстро пробежал глазами список и показал на новое слово. — Вот это прочитайте.

Амиша сосредоточенно прищурилась.

— Не-вы-но-си-ма-я, — запинаясь, прочитала она по слогам.

— Вот именно... такая вы и есть. — С лукавой улыбкой он снова протянул ей список. — Читайте дальше.

— Нет, — сказала Амиша. — Не я одна тут невыносимая. — Она закусила губу, сдерживая улыбку. — Британцы вообще не умеют поощрить человека за старание или это ваша личная особенность?

— Хотите поощрения? — Стивен откинулся назад. — Еще сотня слов ждет вас в моем кабинете. Чтобы выполнить задание, вам нужно читать семь слов в минуту, а вы пока что читаете одно слово за семь минут. Давайте-ка побыстрее.

— Странно, что вы не на фронте. — Амиша взглянула на следующие слова, прикидывая, трудно ли будет их одолеть. — Вот где ваша дотошность пригодилась бы. — Не дав ему времени ответить, она снова начала читать, на этот раз быстрее.

Стивен слушал, и его лицо светилось гордостью. Когда попадалось особенно трудное слово, Амиша разбирала его по буквам и, уже зная язык на слух, догадывалась, как оно произносится.

Вот уже больше месяца они работали вместе. После занятий в школе начинался их частный урок. В первое время раз за разом оказывалось, что они никак не укладываются в отведенные полчаса, и тогда Стив предложил сделать уроки подлиннее и встречаться чаще — три-четыре раза в неделю. Амиша с восторгом согласилась.

— Готово, — просияла она, дойдя до конца. Всякий раз, когда она дочитывала страницу, ее охватывало победное чувство, незнакомое до сих пор.

— Хорошо. — Стивен взял листок у нее из рук. — Пойду, принесу новые страницы.

— Когда мои ученики выполняют какое-нибудь задание, я их тут же хвалю, — с улыбкой намекнула Амиша.

Правду сказать, ей хотелось его поблагодарить. Без него ей бы ни за что не выучиться так читать. Она уже открыла рот, но он ее перебил.

— Это подростки-то? — Он покачал головой. — Я рад слышать, что вы так добры к детям. Да и неудивительно, ведь у вас с ними столько общего — и сердце, и разум, и любовь к комплиментам...

Амиша заметила в его глазах насмешливый огонек. Он нарочно ее дразнил и явно обрадовался, когда она обиженно надула губы.

— Несите свои страницы, пожалуйста. — Да, это игра, поняла Амиша.

До сих пор она никогда не играла с мужчиной. Разве что в детстве поддразнивала братьев и их приятелей. Но этим вольностям конец был положен раньше, чем она успела распротиться с детскими косичками.

— У меня для вас и домашнее задание есть.

— Домашнее задание? — Она встала на ноги, чтобы не смотреть на него снизу вверх. Выработанный годами инстинкт велел ей опустить глаза. Но она не опустила, сама не понимая почему. — Дома у меня времени нет.

— Нет? Ну что ж, тогда свой первый рассказ вы переведете на английский через пару лет. — В его словах явно слышалась подначка.

— Через пару лет?.. — Неуверенность все же пробила сквозь ту защитную стену, что всегда окружала ее в присутствии Стивена.

Амиша попятилась — от него и от его слов. «Через пару лет» — это же все равно что в другой жизни. Истории уже бурлили в ней, нетерпеливо дожидаясь, когда их начнут рассказывать на новом языке.

— Амиша. — В несколько шагов Стивен оказался прямо перед ней. Он заметил, как изменилось ее лицо, и сказал: — У вас все замечательно получается. — Теперь он говорил искренне, без всяких насмешек. — Лучше, чем я мог себе представить. Не успеет ли оглянуться, как ваши истории хлынут на бумагу, и я стану вам не нужен.

— А вы и рады будете от меня отделаться.

Когда Амиша думала о том, как Стивен ей помогает, она каждый раз заново поражалась этому подарку судьбы. Рави, от души радуясь за нее, советовал просто принимать его без лишних вопросов.

— Пообещайте мне только одно. — Стивен смотрел в безоблачное небо у них над головами. — Одну историю, написанную по-английски. В качестве прощального подарка.

До сих пор еще никто не просил почитать ее истории. Она не раз пыталась поговорить с Дипаком о своих сочинениях, но он всякий раз переводил разговор на детей, на домашние дела или на свой бизнес. Вскоре она оставила всякие попытки.

— Зачем?

— Чтобы у меня осталось напоминание о том, какой я замечательный учитель.

Его слова разрядили напряжение. Под смех Амиши Стивен направился в кабинет за дополнительными материалами к уроку.

***

Амиша пришла в школу раньше обычного. Накануне вечером Пареш прихворнул — подхватил какую-то желудочную инфекцию. Дипака дома не было, и Амиша охотно приняла предложение Бины и Рави остаться у нее на ночь. Рави присматривал за старшими, пока Бина на заднем дворе стирала перепачканное рвотой белье.

Утром, когда Амиша уходила, от болезни уже не осталось и следа. Пареш весело играл, посасывая кульфи¹². Амише боязно было оставлять его, но он, сверкнув зу-

---

¹² Своеобразное индийское мороженое с добавлением белого хлеба, кардамона и фисташек. — *Прим. ред.*

бами в улыбке, помахал ей на прощание ладошкой, и она вздохнула с облегчением.

Усевшись за стол в классе, Амиша стала читать сочинения своих учеников. Завязку она предложила им довольно простую: добрая фея обещает человеку исполнить два его любых желания, хоть пустяковых, хоть таких, что изменят всю жизнь. Но взамен фея хочет, чтобы человек отдал ей что-то очень дорогое.

Многие пожелали, чтобы у их родителей прибавилось денег. Другие хотели обменять что-нибудь из одежды на игрушки, а овощи — на шоколадные конфеты. Читая эти истории, Амиша с огорчением подумала, что ребята не до конца поняли смысл задания. Она начала читать очередную работу, и тут в класс вошла Нима.

— Доброе утро, мадам, — сказала она.

Волосы у девочки были стянуты на затылке в «конский хвост». Одежда без единой морщинки — должно быть, выглажена утюгом, разогретым на плите или на костре.

— Рано ты пришла сегодня. — Амиша указала на стопку сочинений. — Я как раз читаю ваши замечательные истории.

— А мою уже прочитали?

Амиша перебрала стопку и нашла работу Нимы в самом низу.

— Сейчас прочитаю.

— Получилось не очень, — извиняющимся тоном проговорила Нима.

— С трудом верится. — Амиша спрятала улыбку, а Нима принялась расхаживать по классу.

История начиналась с того, что юная фея предложила девушке исполнить два ее желания. Девушка, не раздумывая, сказала, чего хочет: сколько угодно книг и сколько угодно времени для чтения. Взмахнув палочкой, фея исполнила желание. Стоило девушке снять с полки книгу, как на ее месте тут же волшебным образом появлялась

другая! Затем фея спросила девушку, что же та даст взамен. И девушка, не колеблясь, отказалась от назначенной свадьбы.

— Это очень большая жертва. — Амиша подняла глаза на Ниму.

— Для феи — да, — отозвалась Нима едва слышным шепотом. — А сама девушка вовсе не хотела этой свадьбы. — Нима стянула резинку, и длинные черные волосы водопадом схлынули ей на плечи. Они блестели от масла, которое в деревне использовали как средство от вшей. — Но ведь всем девушкам полагается мечтать о свадьбе, правда? Вот фея и поверила, что это большая жертва.

— А не рановато ли тебе думать о свадьбе?

Амиша еще помнила, как ее собственный отец пришел домой и сказал, что она просватана. Мать и братья сели праздновать помолвку, а Амиша спряталась в сарае и проплакала несколько часов подряд.

— Мне пятнадцать лет. Свадьба уже назначена. — Нима перевела взгляд на стенные часы, затем на дверь, избегая встречаться с Амишей глазами.

Амиша сама стала женой в пятнадцать лет и знала, что девочку могут выдать замуж в любом возрасте. Бедные семьи, случалось, и новорожденных отдавали за мешок риса. Пятнадцатилетняя в некоторых деревнях считалась уже старовой. И никто, даже британцы, до сих пор ничего не могли поделать с этими обычаями.

— Ты рада, что выходишь замуж? — спросила Амиша.

— Полагается радоваться, правда же? — Нима закусил губу и сердито прищурила глаза.

Амиша почувствовала гордость за эту девочку, не боящуюся открыто выражать свои эмоции.

— И вообще, это просто сказка. — Нима уселась за парту и принялась доставать из сумки карандаши и тетради. — Плохо получилось, я же говорю.

— Нима, твоя история чудесна. — Было время, когда и сама Амиша могла бы написать такую же. Но вместе с замужеством пришли дети, а их-то она не отдала бы ни за какие желания. — И написано замечательно, и впечатление у тебя богатое. Мне очень понравилось.

Нима какое-то время молчала, явно тронутая Амишиними словами, а затем неуверенно проговорила:

— Мой жених хотел образованную жену. Отец говорит, что мне очень повезло.

— Нима... — Амиша колебалась, понимая, что вмешивается не в свое дело. Она ведь была всего лишь учительницей и не хуже других понимала, что у Нимы своя судьба. — Тебе хотелось бы оказаться на месте девушки из твоей истории?

Нима долго молчала и наконец ответила:

— Но ведь это же глупо, правда?

20

— Наваратри, — повторила Амиша, надеясь, что со второго раза у него в голове что-то щелкнет. — Праздник такой, перед самым Дивали.

— От того, что вы будете говорить громче, мне не станет понятнее.

Они сделали перерыв в занятиях, чтобы погулять по саду. День был прекрасный. Пыли, которая обычно кружилась в воздухе, сегодня было почти не видно. Облака заволокли палящее солнце, однако оно все же пробивалось сквозь них и пригревало Амише руки и затылок.

— Танцы. Женщины в самых дорогих украшениях. На щиколотки мы надеваем браслеты с колокольчиками. — Амиша приподняла край сари, чтобы показать ему украшение. — И двадцать—тридцать стеклянных браслетов на руках, такого же цвета, как чанья чоли.

— Вот так, значит, ходите и звените? — усмехнулся Стивен. Но тут же сделался серьезным, увидев, что глаза Амиши предостерегающе сузились. — Чанья чоли? — переспросил он, желая показать, что ждет продолжения рассказа.

— Это наши лучшие наряды. — Она снова бросила на него суровый взгляд. — Блузка с короткими рукавами, такая же шелковая юбка до колен и такого же цвета тонкая накидка. — Родители Амиши смогли подарить ей лишь самую простую чанья чоли, поэтому она сама купила дешевеньких стеклянных бусинок и расшила ими ткань, чтобы выглядела понаряднее. — Женщины делают на лбу бинди с маленькими бриллиантами. — Амиша ткнула пальцем себе между бровей.

— Это знак того, что женщина замужем?

— Да. — Она вспомнила, как семь раз обходила вслед за Дипаком вокруг костра и как он обмакнул большой палец в киноварь и поставил ей точку на лбу. Размер красного кружочка не имел значения, главное, чтобы все видели: эта женщина теперь принадлежит ему. — Знак того, что женщина замужем.

— А у вас ее нет, — заметил Стивен, глядя ей в лицо.

— Нет. — Амиша опустила глаза в землю. Вскоре после замужества она стала рисовать совсем маленькую точку, а потом, после рождения Самира, перестала вовсе. — У меня нет.

— Почему же?

Амиша поколебалась, опасаясь, что ее ответ прозвучит глупо.

— Иногда забываю рисовать. — Она взглянула на Стивена, чтобы оценить его реакцию.

Он улыбнулся ее словам.

Внезапно смутившись, Амиша пожала плечами:

— Молодые девушки носят бинди разных цветов, а вдовы никаких не носят.

— А у замужних, значит, красные? — переспросил Стивен.

Амиша кивнула. Она знала, что Стивен видел бинди на женщинах из деревни.

— А откуда пошла эта традиция?

— Это третий глаз. — Амиша ткнула себе в межбровье. — Бинди говорит о том, что нужно уметь видеть в жизни высший смысл, высшую цель своего развития. В храмах она и сейчас имеет такое значение. Третий глаз смотрит на бога, а бинди означает благочестие, напоминает, что бог должен быть в центре всех наших мыслей. — Она вспомнила Чару и то, как та настаивала, чтобы Амиша рисовала бинди. — Думаю, со временем этот смысл утратился.

— Такое случается чаще, чем вы думаете.

Амиша удивленно взглянула на него, и он добавил:

— Вот сейчас Индия хочет избавиться от британцев, но индийцы забывают, зачем мы сюда пришли. Мы ведь пришли помогать.

Амиша помолчала, обдумывая его слова, а затем задала вопрос:

— Этому вас учили в школе, или вы в это верите?

— И то и другое, — без колебаний ответил он. — А вы во что верите?

Однажды он уже задавал ей похожий вопрос. Амиша вспомнила о бунтах, о которых то и дело писали в новостях, — о борьбе индийцев против британцев. Такие случаи повторялись все чаще, и, следовательно, можно было предположить, что британцам недолго осталось спокойно править Индией. Они установили свое господство еще в 1858 году, но до этого Индия оказала ожесточенное сопротивление во время Великого мятежа, хоть это и не помогло предотвратить колонизацию. Теперь же, под влиянием Ганди, индийцы вновь обрели голос и стали требовать независимости.

Однако Англия не желала удовлетворять эти требования. Индия считалась жемчужиной в короне Британской империи. Эта страна приносила ресурсы и экономические выгоды. Потерять ее было бы ударом для Англии и империи. Британцы продолжали ожесточенно бороться и, стараясь не допустить этого, увеличивали численность чиновников и военных. Они даже сажали Махатму Ганди в тюрьму, и не раз, надеясь этим погасить бунт.

На званых ужинах Амиша внимательно слушала, как Дипак и другие мужчины обсуждали ситуацию в Индии. Но теперь, со Стивеном, ей не хотелось говорить о барьере между их народами. И она вновь перевела разговор на индийские праздники.

— Наваратри, — повторила она. Не мог же он по крайней мере не слышать об этом празднике. — Начало Девяти ночей света.

Он, кажется, догадался, что она хочет сменить тему, и предложил:

— А вы представьте, что я не знаю, и расскажите по порядку.

— Вам правда интересно?

Амише очень хотелось рассказать ему все в подробностях. В этот праздник родственники и друзья танцуют всю ночь. Повсюду царит атмосфера редкого счастья. В Наваратри Амиша всякий раз благодарила небо за то, что родилась индианкой.

— Не рискуй ответить «нет», — отозвался он с серьезной миной.

Они подошли к самому дальнему дереву, и Стивен замедлил шаг. Прислонился к стволу, скрестив ноги в брюках цвета хаки. Рукава его рубашки были закатаны, и Амиша видела, как блестят волоски у него на руках. Она села на траву, не сомневаясь, что он последует ее примеру.

— Это праздник Нового года. Все дома украшают горящими диями. — Маленькие огоньки в глиняных лампах постоянно поддерживают, подливая масло, чтобы они горели круглосуточно. — Девять дней подряд мы танцуем. — Больше всего Амиша любила первый день, когда люди преподносят сласти и цветы в дар богам и богиням. — Начиная с Наваратри и заканчивая Дивали. — Голос у нее зазвенел от радостного волнения. — В небе вспыхивают фейерверки. Все двери и окна увешаны манговыми листьями и цветами. — Амиша подняла с земли упавший, уже полностью раскрывшийся цветок. Вдохнула его аромат и передала Стивену. Тот взял и последовал ее примеру. — Мы дарим близким подарки и сласти, а потом молимся о духовном росте и силе.

— О силе для чего? — В лице у него читалась искренняя заинтересованность.

Амиша постаралась вспомнить все, о чем молилась. В памяти всплыла история Нимы о принесенной жертве.

— Чтобы принять то, что посылает нам жизнь — и хорошее, и дурное.

Стивен посмотрел на небо, а затем его взгляд снова упал на Амишу. Она видела, как он сглотнул комок, и догадалась, что он, наверное, вспомнил о своем брате. Наконец он спросил:

— Кому же вы молитесь?

Такого вопроса Амиша не ожидала.

— Богу Ганеше и его родителям.

Ганеша был известен своей способностью устранять любые препятствия. Вот и она, Амиша, сидит в этом саду и занимается со Стивеном — это доказывает, что ее просьба не осталась без внимания.

— Богу-слону? — уточнил Стивен.

— Да. — Удивленная тем, что ему это известно, Амиша пояснила: — Он сын бога Шивы. Вы знаете эту историю?

Неожиданно для Амиши Стивен кивнул:

— Отец нечаянно отрезал ему голову, а потом поставил голову первого попавшегося на глаза животного.

— А в качестве извинения подарил сыну способность устранять любые препятствия, — закончила Амиша.

— И тем самым прокладывает путь к просвещению. Пожалуй, мне стоит перейти в вашу веру.

Амиша вскинула голову, но тут же заметила лукавую искорку в его глазах.

— Так вы стремитесь к просвещению, лейтенант? — Она шутливо толкнула его локтем, но тут же пожалела о своей развязности и смущенно сложила руки на коленях.

— Кое-кто мог бы сказать, что мне не мешает просветиться. — Стивен улыбался, и это пригласило Амишин стыд. Слово не в силах усидеть на месте, он поднялся и начал расхаживать по саду.

— Деревенский храм охотно примет вас. — Амиша хотела сказать, что в храме все равны, но вспомнила о Рави и Бине и прикусила язык.

— Представитель британских властей в индуистском храме? — Стивен слегка покачал головой. — Нет уж, пожалуй, мое просвещение как началось, так и закончится в этом саду.

Амиша не знала, что на это ответить, и они оба смолкли. Наконец она проговорила:

— А еще в этот праздник чествуют богинь.

Амиша подождала, пока Стивен снова усядется в тени дерева на благопристойном расстоянии от нее.

— Трех самых могущественных: богиню власти и силы, богиню богатства и богиню знаний. Девять дней танцев — по три дня в честь каждой из них. — Она стала выцарапывать палочкой на земле буквы английского алфавита. — А в Англии бывает праздник в честь богинь?

Стивен откинулся назад и оперся на локти.

— В Библии нет никаких богинь... их просто не существует.

— Нет богинь?! — Амиша была потрясена. — Но с кем же тогда живут боги?

— Живут? В смысле — спят?

Амише опалило жаром шею, а затем щеки. Стивен смотрел на нее, и в глазах у него плясали веселые искорки.

— Насколько нам известно, Бог ни с кем не спит, — сказал Стивен. — И к тому же Он только один. В единственном числе.

— О-о-о!.. — выдохнула Амиша, потеряв от изумления дар речи.

— Вы, кажется, удивлены. — Стивен бросил взгляд на часы. До конца уроков оставался еще час. — Вас учили религии в школе?

При упоминании о школе Амиша отодвинулась дальше от его испытующего взгляда.

— Меня забрали из школы после шестого класса: нужно было помогать дома по хозяйству.

— После шестого? — Стивен посчитал в уме. — В одиннадцать лет?

— Да.

Ей нетрудно было представить, о чем он думает. Она — необразованная деревенская девушка, а он — представитель всесильных британских властей. Должно быть, он уже сам удивляется, зачем ему вздумалось тратить на нее время. Ей вдруг стало неловко, недавнее радостное оживление схлынуло. Наверняка ему не терпится уйти, и он только и ищет предлог для этого.

— Вас, должно быть, работа ждет, — произнесла она виновато. — Я и так отняла у вас слишком много времени своей болтовней.

Она уже хотела встать, но рука Стивена легла на ее ладонь. Всего на миг — она даже засомневалась,

не почудилось ли ей. Этот миг был такой короткий, что никто не успел бы ничего заметить. Ни боги, которым поклонялась Амиша, ни случайный взгляд кого-нибудь из школьных работников. Но его хватило, чтобы напомнить Амише, кто такой Стивен: человек, которому она небезразлична — настолько, что он взялся ее учить.

— Мне очень жаль, что у вас было такое детство. Это вас наверняка подкосило.

— Не все было так плохо, — покачала головой Амиша, чувствуя, как сжимается от благодарности за участие горло. — Я стала потихоньку таскать у брата книжки и читать. — Она помолчала, вспоминая те дни. — А вскоре и писать начала.

— Перед человеком с вашими способностями должны быть открыты все пути.

До глубины души взволнованная его словами, Амиша резко встала, чтобы скрыть нахлынувшие чувства. Сделала ему знак рукой, чтобы встал тоже.

— Сейчас я научу вас танцу Наваратри, — сказала она.

— Ой, нет! — Он поднялся, но остался стоять на месте, сложив руки на груди. — Еще нянюшка пыталась выучить меня танцевать. — Всем своим видом он давал понять, что спорить бесполезно. — Танцы не для меня.

— Танцы для всех. — Амиша поискала на земле подходящие веточки с листьями. Отыскала две, протянула Стивену и принялась бродить по саду, пока не нашла еще парочку.

Танцами отмечали все важные события — свадьбы, праздники и так далее. Для Амиши это было время, когда мужчины и женщины веселятся вместе, не думая и не заботясь о предписанных им ролях. Правда, она никогда не видела, чтобы в их праздниках участвовали британцы, но Стивен в этом саду был для нее уже будто и не британец, а сам по себе.

— Вы учите меня английскому, а я вас научу танцевать!

— Так английскому вы сами хотите научиться, — проворчал Стивен. — А я не хочу учиться танцам.

Амиша оставила его недовольство без внимания. Протянула за неровно обломанный кончик его ветки и показала, где стоять. Сама встала напротив, взяла по ветке в каждую руку и дала ему знак сделать то же самое.

— Повторяйте за мной.

Он не сразу подчинился, но она помахивала веткой до тех пор, пока он с тяжким вздохом не начал повторять движения.

— Довольны? — спросил он.

— Да. — Амиша едва сдерживалась от смеха, глядя на него с двумя зелеными ветками в руках. — А теперь протяните ветку вперед и коснитесь моей, вот так. — Амиша показала, а затем повторила то же самое с другой веткой. — Хорошо, — кивнула она. — Заметили, что я умею хвалить?

— За то, что я сумел дотронуться своей веткой до вашей? Непременно отвечу вам такой же любезностью, когда буду учить вас играть с палочками, — сухо отозвался Стивен.

Амиша сделала вид, что не слышала.

— А теперь повторяем это пять раз, а в конце вы делаете полный оборот и становитесь напротив следующего танцора в кругу. Видите? — Амиша закружилась в развевающемся сари. Волосы взметнулись вверх, сари начало разматываться. Она наступила на подол и едва не упала.

— Ого! — Стивен поймал ее в последний момент. Подхватил ладонями под мышки, так, что пальцы коснулись груди. — Все хорошо?

— Да, — с трудом выдавила из себя Амиша. — Спасибо. — Его теплое дыхание скользнуло по ее щеке.

В смущении она шагнула назад, высвобождаясь из его рук. Тепло, пробежавшее по телу от его прикосновения, шло вразрез с теми убеждениями, с которыми она была воспитана. — Простите. Я слишком увлеклась.

— Тут не за что извиняться, — успокоил он. Дождался, когда молодая женщина встретится с ним взглядом, и добавил: — Пожалуй, надо бы мне и правда разучить ваш танец.

21

— Сегодня мы напишем нашу первую историю целиком по-английски. — Амиша записала задание на доске самыми простыми английскими словами, а затем раздала его на листочках всем ученикам.

Накануне вечером Амиша в первый раз помогала Джею с уроками по английскому. Когда все было готово, он забрался к ней на колени и сказал «спасибо». Она проглотила комок в горле и обняла сына в ответ, а затем принялась щекотать. Он убежал со смехом, а Амиша бросила взгляд на свой домашний алтарь и кивнула ему в знак благодарности.

Теперь она, как умела, нарисовала земной шар, раскрасила океаны голубым, а сушу — зеленым.

— Кто мне скажет, откуда мы взялись?

Идея этого задания пришла к Амише после того, как они с Рави и мальчиками поспорили о карме и о том, как мироздание определяет место человека в жизни. Джей наивно спросил, какое же преступление совершил Рави в прошлой жизни, что в этой родился неприкасаемым. Амиша одернула его, но Рави заверил, что не обиделся. Как бы то ни было, никто из них так и не нашел ответа — почему человек рождается в том или ином статусе.

— Бог сотворил? — отозвался один из учеников.

— Эволюция. Мы произошли от обезьян, — заявил другой.

— А нашу жизнь кто творит? — Амиша увидела на лицах ребят недоумение и постаралась растолковать понятнее: — Когда мы рождаемся, тот или то, что нас создало, и дальше решает все за нас? А мы просто марионетки?

Ученики отрицательно качали головами.

— Так как же мы принимаем решения?

— Сердцем?.. — Ответ Нимы прозвучал нерешительно — скорее, как вопрос.

Амиша одобрительно кивнула, чтобы поощрить девочку.

— Инстинктивно, — добавил мальчик с первой парты. — Как чутье подсказывает.

— Душа? — уточнила Амиша.

Мальчик кивнул, и Амиша одобрительно воскликнула:

— Превосходно! Вы все молодцы!

Она убедилась, что ее слушают внимательно, и продолжила:

— Сердце и душа подчиняются чувствам. Они часто не задумываются о добре и зле — только о том, чего им хочется или в чем испытывают нужду. Так что же задает им направление?

— Мозг, — послышался ответ откуда-то с задней парты.

— Верно. Разум подсказывает нам, что создать, что защищать, а что разрушить. А откуда мозг набирается разума? — Амиша обвела класс глазами, ожидая ответа.

Сначала все молчали, поглядывая друг на друга, — догадается ли кто-нибудь? Наконец мальчик с одной из первых парт произнес:

— Когда мы учимся и узнаем что-то новое. От науки.

— Прекрасно. Но даже с помощью мозга, сердца и души — всего ли мы можем добиться, чего хотим? Свободны ли мы в своем выборе?

Класс отрицательно замычал, и она переспросила:

— Что же нам мешает?

— Родители! — выпалил кто-то, и все рассмеялись.

— Британские власти, — прошептала девочка, сидевшая впереди.

— Правила, — сказала Нима.

Радуюсь, что ей удалось пробудить у детей интерес, Амиша заговорила:

— Я хочу, чтобы вы все написали о том, как создали то, что хотели, уничтожили то, от чего хотели избавиться, и защитили то, что для вас важно. И не забудьте объяснить, что говорили вам в каждом случае сердце, душа и разум.

***

Амиша уже убирала класс, когда вошел Стивен. Его взгляд упал на доску:

— Земной шар?

— Это для урока. — Амиша начала стирать рисунок.

— Погодите. — Стивен едва коснулся ее руки, державшей губку, но Амиша тут же сделала шаг назад. Он быстро пробежал глазами написанное.

— Сердце, разум и душа?

Не зная, одобрит ли он ее идею, Амиша ответила:

— Мне показалось, что это стоит обсудить.

Стивен согласно кивнул, и у Амиши возникло чувство, будто она одержала маленькую победу.

— Стоит. — Он сунул руки в карманы брюк. — Хотел бы я в детстве получать в школе такие задания. Был бы сейчас гораздо мудрее. — Он наклонился поближе к доске и стал вслух размышлять, что бы он

такое создал. — Может быть, суперскоростной автомобиль? — и, увидев, что Амиша с усмешкой закатила глаза, улыбнулся.

— Вы сегодня в хорошем настроении, — заметила она. — Должно быть, из-за праздников. У вас ведь в стране сейчас Рождество, да?

— Да.

Стивен подождал, пока она соберет свои вещи. По молчаливому уговору они направились в сад. Молодой человек придержал перед Амишей дверь, а затем вышел следом. Ухватился за толстую ветку и, подтянувшись на руках, сообщил:

— Моя мать приезжает в Индию.

— Замечательно.

Они редко говорили о его семье, но Амиша не сомневалась, что он рад. Однако, когда он хмуро взглянул на нее, она переспросила:

— Или не замечательно?

Он пожал плечами и схватился за другую ветку.

— Моя мать странный человек.

— Нехорошо так говорить. — Амиша смягчила свои слова улыбкой. Протянула руку и сорвала лист с той ветки, на которой он висел. — Она ведь вас родила.

Стивен выпустил ветку и прыгнул на землю.

— Не по своей воле, как мне думается. — Он сел на скамью и подвинулся, оставляя место для нее.

Амиша тоже села. За последние месяцы она уже немало привыкла сидеть рядом со Стивеном, когда больше никого поблизости не было. Как-то незаметно для себя они установили свои собственные правила, действующие в пределах школы. Но всякий раз, расставшись с литей-нантом, Амиша начинала тревожиться о своем поведении. Она думала о Дипаке, о своей семье, и ее охватывало чувство вины. Она обещала себе в следующий раз

держаться на расстоянии и соблюдать все общепринятые приличия.

Но потом они со Стивеном снова оказывались вместе, разговор шел легко и непринужденно, и напускать на себя притворное отчуждение становилось трудно — куда проще и естественнее было оставаться собой.

— Ваша мама была с вами неласкова? — Амиша покатала камешки подошвой сандалии.

Стивен издал невеселый отрывистый смешок.

— Мы с братом были для нее скорее лишней обузой.

— А ваш отец? — Амишу интересовала его жизнь, но любопытствовать было неловко. Все же желание узнать о нем побольше победило, и она решилась спросить: — Вы с ним близки?

— Смотря что под этим понимать, — ответил Стив. Его взгляд скользнул вверх, к небу, а потом встретился с ее взглядом. — Это из-за него я здесь, — обвел он рукой пространство вокруг себя. — Об этой услуге отцу пришлось просить старых университетских товарищей, которые теперь управляют страной.

— Вам здесь плохо... — Амиша знала, что это правда. Он достаточно ясно дал это понять при первой встрече, хотя она надеялась, что их занятия приносят ему такое же удовольствие, как и ей.

— Да нет, не плохо. — Он поймал ее взгляд и долго смотрел ей в глаза, а затем — куда-то вверх, над ее головой. Думая о чем-то своем, пробормотал: — Просто война идет, мои товарищи сражаются.

— А вы почему не на войне?

Стивен вскочил и стал расхаживать перед ней из стороны в сторону. Когда он сглатывал, кадык у него ходил ходуном.

— Я ведь вам говорил, что мой брат погиб? — Он дождался ее кивка и продолжал: — Погиб в бою. Он

воевал в Королевских воздушных силах Великобритании. После этого меня и отправили не на фронт, а в Индию. Отец нашел для меня самую безопасную и при этом почетную должность, какую только смог.

Амиша почувствовала, как слезы защемили веки.

— Ваш брат был старше вас?

— Всего на полтора года. — Мужчина усмехнулся сам над собой и признался: — Я всегда хотел быть таким, как брат, и в то же время ненавидел его. — Он весь ушел в воспоминания — плечи расслабились, лицо смягчилось. — Брат вечно устраивал какие-то сумасшедшие розыгрыши. А я каждый раз попадался.

— Вы его любили.

Это был не вопрос, но Стивен все-таки ответил:

— Любил. И сейчас люблю. — Поддел ногой камешек и проводил взглядом, как тот катится в кусты. — Должно быть, со смертью человека любовь не кончается. — Тяжело вздохнул и добавил: — Не помню, говорил ли я ему когда-нибудь об этом. — Он покачал головой: — А теперь уже поздно.

Амише хотелось его утешить, сказать, что со временем станет легче, но ведь она не знала этого наверняка. Поэтому промолчала, слушая и страдая за него.

— А ваш отец? Как он сейчас?

— Не знаю, — тихо ответил Стивен. — Когда ни позвоню, его все дома нет, так что даже и не спросишь.

— Но он наверняка хороший человек, — уверенно сказала Амиша.

— Почему вы так думаете? — Стивен внимательно посмотрел на нее.

— Потому что вы — очень хороший, — ответила Амиша.

Он смотрел ей прямо в глаза, и она не отвела взгляда. То, что когда-то вызывало неловкость и беспокойство, уже сделалось легким и привычным.

— Была бы его воля, я бы и сюда не поехал. — Он понизил голос и признался: — Но отец решил, что жить среди черномазых — меньшее из двух зол.

Амишу покорило это пренебрежительное прозвище, которое часто употребляли британцы. В замешательстве она переспросила:

— И вы тоже так считаете?

Амиша ждала ответа с надеждой и страхом. Если Стивен признается, что разделяет взгляды своего отца, вряд ли она сможет дальше заниматься с ним.

— Мой брат до войны много путешествовал...

В школе уже закончился урок. Звуки детских голосов и шагов в коридоре долетали в сад даже через закрытую дверь. Стивен помолчал, прислушиваясь, пока шум не стих, и заговорил снова:

— И в Индии, разумеется, тоже побывал. Когда вернулся, то рассказывал мне, что тут все совсем не так, как у нас, и кого-то это может отпугнуть. Но у всех людей на земле в жилах течет одна и та же кровь. Нужно только уметь разглядеть это сквозь различия в цвете кожи и в культурах.

Амиша облегченно кивнула:

— Кажется, ваш брат был мудрым человеком.

— А потом он двинул меня кулаком в живот, как между братьями водится, и заявил, что я трус и вообще не мужчина, раз сижу дома, — с горечью произнес Стивен. — Маленьким сыном назвал.

Амиша услышала в его словах обиду и огорчилась за него.

— А это правда?

Он пожал плечами.

— Вот уж нет. Мы с мамой вовсе не близки. — Он пристально взглянул на Амишу и добавил: — Она все больше сама по себе. Полная противоположность вам, я бы сказал. — Чего-чего, а этого Амиша никак

не ожидала услышать. Стивен ткнул носком сапога в каменную пирамидку. — Уверен, ваши дети всегда знают, что у вас на уме.

— Заботы у меня на уме, — без раздумий бухнула Амиша. — Только и молюсь, чтобы они не свернули себе шеи, когда устраивают кучу-малу.

— Ваши мальчики знают, как вы их любите, — возразил Стивен. — Вы для них готовы на что угодно.

— Я не была бы хорошей матерью, если бы моим детям приходилось сомневаться в моей любви и преданности.

Амиша не хотела жертвовать временем, проводимым с детьми, а потому дожидалась, когда они лягут спать, и только тогда садилась писать английские слова и проверять сочинения. Нередко случалось так, что она и рассвет встречала за этими занятиями.

— Вот в этом и разница между моей матерью и вами, — сказал Стивен. — Вам не все равно, что они думают.

Не зная, что ответить на этот комплимент, Амиша спросила:

— А что вы ей покажете, когда она приедет?

Подумав, он протянул:

— Тадж-Махал, Нью-Дели, Бомбей...

— Обычная британская экскурсия, да? — пошутила Амиша.

— А вы что посоветовали бы?

Амиша сорвала с куста цветок и протянула Стивену.

— Свозите ее в Кашмир. И, может быть, на гору Абу.

— На гору Абу?

— Там опасная извилистая дорога по склону горы. — Амиша показала руками. — Она ведет на вершину, к чудесному храму, вырезанному из мрамора. — Ее семья как-то побывала там на свадьбе. Амиша до сих пор помнила, как поразил ее этот прекрасный вид. — А можно

еще на Дал в Сринагаре. Это дивной красоты озеро, а вокруг цветы — тот, что у вас в руке, сразу померк бы рядом с ними. — Она улыбнулась этому воспоминанию.

— Продолжайте, — тихо попросил Стивен.

— А великолепнее всего Кашмир. — Амиша слышала, что представители британских властей и их жены превратили Кашмир в свой персональный курорт и место развлечений. — Это настоящий рай на земле, лейтенант. Горы среди открытых долин. Мечта художника — пышные зеленые леса и такие виды, что плакать хочется. — Амиша помнила, как побывала там один-единственный раз в жизни. Ее семья еле-еле наскребла денег на это путешествие, и спать им пришлось в доме друзей на полу. А из дверей роскошного британского отеля по соседству гремела музыка. — Даже когда лепестки цветов согреты солнцем, вдали на склонах гор лежат снежные шапки. Но самое главное — это люди. — Она не забыла, как щедро местные жители открывали гостям и двери своих плавучих домов, и сердца.

Стивен молча слушал.

— Там просто дух захватывает. — Амише очень хотелось бы снова поехать туда, но такое путешествие стоило баснословно дорого, да у Дипака и времени не было — он был вечно занят делами. — Отец там сказал мне, что такая совершенная красота и должна быть редкой — только тогда люди будут ее ценить.

Амише было шесть лет, когда отец задумал отправиться в эту поездку со всей семьей. Они с отцом, одинаково чуткие к красоте окружающего мира, стояли тогда рядом на берегу озера и, потрясенные живописностью края, любовались горами, на фоне которых раскинулись цветочные луга.

— Свозите вашу маму туда, лейтенант, и покажите ей красоту природы, способную соперничать с великолепием ваших английских замков.

До сих пор Амиша никому не рассказывала об этом путешествии. Оно слишком много значило для нее — ведь это был единственный раз за все детство, когда отец уделил ей столько времени. Обычно он, как и большинство мужчин, был занят то работой, то Амишиными братьями, а воспитание дочери предоставлял матери.

Рука Стивена сама собой потянулась к ее лицу, чтобы убрать прядь волос, прилипшую к верхней губе. Их глаза встретились, он выждал долю секунды, а затем взял прядь двумя пальцами и завел за ухо.

Амиша закрыла глаза, когда его пальцы коснулись мочки ее уха, медленно скользнули по нежной коже, по золотому кольцу сережки. Она едва не вскрикнула от этого простого и такого интимного жеста. Сердце забилось: ее тут же кольнула совесть за то, что она не отклонила голову. Она убеждала себя, что для Стивена это ничего не значит, но для нее самой это шло вразрез со всеми усвоенными с детства понятиями о хорошем и дурном. Вот только никакая суровость этих правил не могла заставить ее сдвинуться с места.

— Ваш отец был прав, — негромко проговорил Стивен. — Такую красоту редко увидишь.

22

Амиша с Рави подметали крыльцо, когда мимо прошагало несколько военных. Они были в гражданской одежде, но у каждого на бедре привычно висела дубинка.

— Вас что-то беспокоит, шримати? — спросил Рави, не прекращая подметать.

— Почему ты спрашиваешь? — рассеянно отозвалась Амиша. Остановившись, она смотрела на военных.

— Потому что у вас несчастный вид, — ответил Рави. Амиша повернулась к нему, приподняв бровь:

— А тебя так волнует, счастлива я или нет?

— Не то чтобы волнует. — Рави пожал плечами и продолжал подметать. — Но, когда вы мне прибавляете работы, я что-то сам начинаю чувствовать себя несчастным. — Рави только что сгреб мусор в кучку, а Амиша по рассеянности снова размела его по всему крыльцу. — Значит, лучше мне побеспокоиться о вас — для своей же пользы.

Амиша взглянула на рассыпанный мусор и вздрогнула.

— Извини. — Она нагнулась за метлой. — Я думала о лейтенанте, — призналась она.

— Когда он возвращается? — спросил Рави.

— Скоро. — Точную дату Амиша не знала. Подозревала, что знают школьные учителя, но спрашивать у них не решалась. Внешне они примирились с тем, что Амиша работает в их школе, но никакого радушия по-прежнему не проявляли.

— А чем лейтенант отличается от этих? — Рави показал на офицеров.

Те наблюдали за ребяташками, игравшими в крикет. Когда кто-то из игроков отбил трудный мяч, они вместе с ребячьей командой разразились ободряющими криками и аплодисментами.

— Не знаю, как сказать. — Амише нелегко было это объяснить. — Когда мы с ним в саду, я могу говорить, что хочу.

Стивен обращался с ней как с равной. С ним она могла не бояться быть собой и благодаря этому начинала открывать себя настоящую.

— Я чувствую себя счастливой, — сказала она. Может быть, до сих пор ей было не ведомо, что это такое.

Рави слушал, не перебивая. Увидев улыбку на ее лице, улыбнулся в ответ:

— Трудно вам, должно быть, без него.

— Ты говоришь без осуждения, — осторожно заметила Амиша.

— Вы рассказываете истории, сколько я вас знаю. — Он помолчал и негромко добавил: — Я понимаю, что раньше вам некому было их рассказывать. — «Не Дипаку же», — мог бы сказать он, но не сказал. — Меня все осуждали, когда я замахивался на большее, чем мне дозволено. Насмехались, бранили. Только вы одна поняли и приняли. Мне ли вас судить после этого?

Амиша проглотила комок в горле.

— Спасибо. — Она совладала с собой и стала придумывать новую историю, чтобы лучше объяснить свои чувства — и Рави, и самой себе. — Рассказать тебе о... о короле и принце?

— Раз уж вы вдвое прибавили мне работы, самое время меня развлечь. — Рави потянулся за Амишиной метлой, и та с радостью ее отдала. Уселась на стул и стала обдумывать сюжет новой сказки.

— Один король правил в своем королевстве железной рукой и издавал суровые законы, как и все его предки. — Она помолчала, ожидая, когда в голове сложится продолжение. — У короля был единственный сын, принц. Когда принц унаследовал престол, то вспомнил совет отца: править так же, как правил он...

На улице один из офицеров уже включился в игру. Взрывы детского смеха заглушали сказку. Амиша с Рави смотрели на это молча — ни один не высказал своих мыслей вслух.

— Вот только принц был слепой, и язык у него был изуродован, а потому говорил он часто невнятно, — снова начала рассказывать Амиша. — Вот он и задумался — как же он будет править с такими увечьями? — Она закрыла глаза и представила себе принца и его владения. Обстоятельства, которые требовали от него быть не самим собой, а кем-то еще. — Он поведал о своих опасениях близкому другу. И друг сказал: «Иди к людям. Чего

не видишь, пробуй на ощупь. Не распоряжайся, а слушай, что скажут люди».

— Мудрый друг. — Рави отставил метлу и стал слушать дальше.

— И принц сделал все по его совету. Он стал обнимать детей и наткнулся рукой на торчащие кости. Гладил женщин по щекам, и рука у него становилась мокрой от слез. Люди бедствовали и голодали. — Амиша говорила быстро, захлебываясь словами. — В речах родителей слышалась печаль. Они хотели для своих детей лучшей жизни: школ, музыки, цветных карандашей, чтобы рисовать, книжек со стихами, чтобы засыпать под них каждую ночь.

Зачарованный Рави спросил:

— И что же сделал принц?

— Он решил, что будет править не так, как другие короли до него. Благодаря совету друга принц стал править сердцем, и его слабости стали силой. — Амиша думала о своем месте в жизни и о слабостях, неотделимых от нее. — И за это все подданные любили его. — Она бросила беспокойный взгляд в дом, а затем на улицу, где игра уже шла к концу, и наконец призналась: — Лейтенант помог мне поверить в то, что я чего-то стою — такая, какая есть.

С ним она чувствовала себя умной, достойной уважения. Он дал ей шанс, и она поверила, что для нее нет ничего невозможного.

— А когда его нет рядом, я начинаю сомневаться — может быть, это только мираж.

Рави, кажется, понял. Кивнул:

— Ради вас я буду надеяться, что он скоро вернется.

***

Ученики ждали, ерзая на стульях. Нима вызвалась прочитать свое сочинение первой, но вот уже пять минут

стояла и молча смотрела на строчки. Ее пальцы стиснули тонкий листок бумаги так крепко, что Амиша опасалась, как бы он не порвался.

— Бети... — мягко произнесла она.

Нима едва повернула голову, и Амиша спросила:

— Ты хочешь прочитать свое сочинение?

— Да, мадам.

И Нима дрожащим голосом начала читать историю, написанную по заданию учительницы.

«Молодая девушка, только что отданная замуж, шла вместе с мужем домой. Он опирался на палку, а ее молодые ноги так и просились в пляс. Но музыки не было — только ритмичное постукивание палки. После свадьбы прошли один день и одна ночь. Когда ночь спустилась снова, девушка стала просить приюта у луны. Она упала на колени, орошая слезами землю, — землю, принадлежавшую ее мужу.

Тут вдруг вспыхнул яркий свет, и вся ее жизнь предстала перед ней — прежняя и нынешняя, но когда она попыталась разглядеть свое будущее, то ничего не увидела. “Научи меня, как стать той, кем я хочу быть”, — попросила девушка, но ответом ей было молчание. Тогда она собралась с силами и сама приняла решение. “Я хочу посмотреть мир”, — прошептала она. Устремила взгляд на звезды, на небо и представила себе иной мир, незнакомый. Она поблагодарила высшую силу за то, что та сотворила ее. Затем приложила руку к сердцу

и мысленно спросила, чего оно желает. “Быть счастливым”, — услышала девушка. Тогда она положила руку на живот и шепотом задала тот же вопрос своей душе. “Быть свободной”, — услышала она.

Тогда девушка подняла лицо к луне — ее лучи одни только и светились в темноте. Она приложила кончики пальцев ко лбу и в ожидании ответа стала слушать, как пульсирует кровь. Вновь вспыхнул яркий свет, и девушка кивнула. Теперь она знала, как отстоять то, что ей дорого.

Она попрощалась с домом, в котором должна была провести всю жизнь, до конца своих дней. С каждым шагом к самой себе на сердце у нее становилось все легче и легче и в душе крепла уверенность. На самом краю обрыва она взглянула вниз. Пропасть манила ее в свои объятия, и с последним шагом девушка обрела свободу».

После Нимы читали свои истории другие ученики. Одни писали о мировых событиях — о голоде, о войне; другие выбирали темы, более близкие им. Один мальчик написал о добре и зле, представив их в образах сражающихся чудовищ. Но никто не произвел такого сильного впечатления и не вызвал столько вопросов, как Нима.

— Нима... — Амиша дождалась, когда класс опустеет. — Твоя история написана очень сильно.

— Спасибо, — тихо отозвалась девочка, собирая с парты карандаши и изгрызенный ластик и заталкивая их в сумку.

— Ты очень хорошо пишешь. — Амиша старалась быть осторожной и тщательно обдумывала каждое слово. — Тебе нравится учиться в школе?

Нима оглядела пустой класс.

— Мой жених часто приглашает в дом британских офицеров. — Она теребила свои бриллиантовые сережки-гвоздики. Либо не слышала вопроса учительницы, либо намеренно оставила его без ответа. — Он хочет, чтобы я их развлекала, чтобы им со мной не было скучно. Для этого и нужна английская школа.

— А ты сама чего хочешь? — Амиша хотела было взять девочку за руку, но та отдернула ее.

Амишу напугала услышанная история — она не знала, воспринимать ли ее как предостережение или просто у девочки разыгралось воображение.

— Это неважно. — Плечи Нимы поникли, руки сжались в кулаки. — О чем можно мечтать, если твоя судьба уже определена? — Она схватила сумку и распахнула дверь.

— Нима! — окликнула ее Амиша, пытаясь остановить, но напрасно. Нимы уже не было.

ДЖАЙЯ

23

Мой отец тяжелым трудом создал свою процветающую врачебную практику. С самых ранних лет от меня ждали, что я пойду по его стопам и когда-нибудь унаследую дело. Мое врачебное будущее было твердо предопределено уже тогда, когда я еще толком не представляла себе, что это будет для меня значить. А когда я выросла, оказалось, что медицина меня привлекает мало, зато очень привлекает сочинительство.

Когда пришло время поступать в колледж и выбирать специальность, я объявила родителям о своем решении: учиться на журналистку. Я была готова к разочарованию отца, но он, к моему удивлению, сказал, что все понимает. Обрадованная, я уже хотела встать из-за стола, но тут вмешалась мама.

— Медицина — дело решенное, — заявила она.

— Нет, — отрезала я, не собираясь уступать. — Я буду репортером.

— Джайя...

— Это моя жизнь, — перебила я, не дав ей договорить. — И мое право заниматься тем, что делает меня счастливой.

— Счастье заранее не запланируешь, — заметила она. — Ты станешь врачом.

Папа попросил меня выйти из комнаты, чтобы поговорить с мамой наедине. Через полчаса они заявили, что готовы поддержать мое решение.

Я поблагодарила папу и ушла, не сказав маме ни слова. Она тоже больше не говорила ни об этом дне, ни о моем решении.

***

По утрам мы с Рави гуляем по деревне, а вечером, за ужином, он рассказывает историю моей бабушки. Сегодня мы с ним ужинаем в пенджабском ресторане. Блюда пенджабской кухни сильно отличаются от острых жареных овощей, которые обычно готовит мне Рави: все они щедро политы жирными сливками и сливочным маслом. Я жадно глотаю плов с овощами.

— Здесь все такие вежливые и приветливые. — Я машу рукой группе детей, слоняющихся поблизости.

— Вы для них — целое событие. — Рави дочиста подчищает тарелку куском наана. — Мы тут не привыкли к иностранцам.

— Иностранцев-то у нас хватает, — вмешивается владелец ресторана, подливая нам в стаканы манговый ласси. Его усталое лицо и руки покрыты морщинами. На нем просторные белые штаны из хлопка и рубашка с короткими рукавами. Темная кожа почти такого же цвета, как волосы. — А вот чтобы Рави-сахиб привел гостью — это действительно редкость.

— Что, немного находится поклонников его неповторимого шарма? — Я бросаю на Рави лукавый взгляд.

— Ему не до того — приходится заботиться о доме покойного сахиба и прочем его имуществе. — Владелец ставит перед нами блюдо с десертом. — Он нанимает людей для ухода за садом и мельницей. Мельница стоит без дела уже много лет, но ни один паук не посмеет туда заползти, если ему дорога жизнь.

— Вы платите за сохранность имущества? — За то время, что мы ежедневно проводим вместе, я успела выяснить: у Рави нет никаких источников дохода. — Но вам-то самому теперь никто не платит.

— Ваша семья платила мне по-царски, когда я у них работал, — отвечает он, словно это все объясняет. В два приема доедает свой десерт и обмакивает салфетку в стакан с водой, чтобы протереть руки. — Моя обязанность — заботиться о том, что им принадлежит, как они сами заботились обо мне.

Владелец ресторана почтительно склоняет голову перед Рави, а мне говорит:

— Даже после смерти ваших родственников он остается их преданным слугой. Ваша мать может гордиться.

— Вы знали мою маму? — С самого моего приезда никто ни словом не упомянул о ней при мне. Будто она никогда не существовала.

Владелец встречается глазами с Рави, и они словно бы о чем-то молчаливо уговариваются между собой.

— Только внешне, — отвечает ресторатор уклончиво, явно что-то недоговаривая. — Вы с ней похожи как две капли воды. — Он кивает нам обоим и отходит.

— Почему мою маму никто не знает? — спрашиваю я после его ухода. — Она же выросла здесь, а будто чужая всем.

Вместо ответа Рави берет кусочек халвы и протягивает мне. Мухи, снующие в открытом ресторане туда-сюда, слетаются на запах сладостей к нашему столику. Я отгоняю их сложенной салфеткой, но они подбираются все ближе.

— Она жила замкнуто, — говорит он. — В детстве все больше сидела дома.

— Даже в саду не бывала? — спрашиваю я, недоумевая, как это можно не ходить в сад.

— Она ведь не знала, что это за сад. — Как обычно, когда Рави рассказывает, глаза у него делаются

отсутствующими, слова звучат напевно. — Ваш дедушка закрыл школу после смерти вашей бабушки. За эти годы почти все растения в саду погибли. — На лице у него мелькает грусть, и он проводит по нему ладонью. — Только после смерти своей второй жены он снова позволил мне ходить туда.

— И вы снова привели его в цветущий вид.

Его молчание служит мне ответом. Наверняка он с любовью ухаживал за каждым цветком, за каждым кустиком. Я могу только гадать, чем моя бабушка заслужила такую преданность.

— А я и не знала, что эта школа принадлежала дедушке. Как же так вышло?

Рави качает головой, и я понимаю — он ответит мне то же, что всегда: все тайны откроются в свой черед. За то время, что мы знакомы, я уже убедилась: давить на него бесполезно.

— А при жизни бабушки вы были таким же упрямым?

Он улыбается, и тогда я спрашиваю:

— А кому же принадлежит школа теперь, когда дедушка умер?

— Вашей матери.

Я смотрю на него в изумлении.

— Ваши дяди отказались от своих прав на дом и мельницу. А школу ваш дедушка оставил вашей маме, чтобы она делала с ней что пожелает. Сказал, что это ее наследство.

— А мама знает?

Она ни слова не сказала об этом — ни до моего отъезда, ни после, в телефонных разговорах.

— Не знаю. — Рави медленно и явно устало качает головой. — В Управлении по охране собственности сказали, что ответа на письма не получали. — Его плечи безнадежно поникают. — Если никто не заявит свои права через шестьдесят дней после смерти

Дипака, правительство продаст школу тому, кто предложит бóльшую цену. — Он сглатывает. — Память о вашей бабушке — ее наследие — будет утрачена навсегда.

***

Я стою на крыльце и таращусь в ночную тьму. В звездном небе сияет полная луна — вид, которым мне редко приходилось любоваться в Манхэттене с его уличными фонарями. После ужина Рави ушел домой, а я так взволнована, что не могу заснуть.

Я расхаживаю взад-вперед среди голых стен и думаю о том, что рассказал мне старик. Провожу рукой по мебели, воображая те времена, когда этот дом был домом моей мамы и бабушки с бабушкой. Из истории Рави ясно видно, как любила Амиша свой дом и семью. Почему же ее дети отказались от ее наследия?

Я вспоминаю мой собственный, теперь опустевший дом. Покинуть его оказалось легче, чем мне представлялось. Когда мы с Патриком только въехали туда, мы часами обставляли и украшали эту дорогую квартиру, дающую нам законное право гордиться собой и своими карьерными достижениями. Мы вешали и перевешивали картины, двигали мебель, пока каждый предмет не оказался точно на своем месте. Мы хотели непременно сделать все в лучшем виде, чтобы получился идеальный дом — тогда это было ужасно важно для нас. Только когда я начала мечтать, как детские ручонки перевернут там все вверх дном, мне стало ясно: дом делает домом не обстановка и не расположение, а люди, которые в нем живут.

Я беру компьютер и пристраиваю на коленях. Провожу пальцами по клавиатуре, чувствуя, как успокаиваюсь, — такое успокоение приходит, только когда я пишу. Я так устала, что не в силах сейчас пропускать текст через внутреннюю цензуру, и начинаю печатать.

«Свою журналистскую карьеру я начала с бизнес-тематики. Это отвечало моему стремлению подтверждать факты цифрами. Но потом, когда я стала достаточно искушенной, чтобы не верить всему, что слышу, меня перевели на спортивную колонку. Я никогда не была болельщицей, и вообразите мое удивление и ужас, когда я услышала, как мужчины наизусть пересказывают статистику матчей в раздевалках. Они-то ведь думали, что мне так же важно, какова сегодня была скорость подачи по сравнению с двадцатью предыдущими.

Через полгода я стала умолять, чтобы меня перевели в отдел технологий. Редактор предложил мне вместо этого отдел литературы. Книги были для меня своего рода загадкой: слово для меня все, но при этом выдуманные истории никогда не привлекали. Но я постаралась избавиться от предубеждений и поняла, что в художественной литературе тоже можно найти кусочки правды. Вообразите, как взволновало меня известие, что моя бабушка, умершая еще до моего рождения, мечтала писать сказки! Надежда, что когда-нибудь их прочтут и оценят, была для нее спасательным кругом.

“Надежда” — простое слово (то ли дело какая-нибудь “флоксиносинигилификация”!), но при всей простоте звучания смысл его очень глубок. Умом я не готова его принять и как автор

никогда не понимала привлекательности таких эфемерных вещей. И все же это единственное, что помогало держаться моей бабушке и многим другим, таким как она.

Бабушка хотела писать свои рассказы на чужом для нее английском языке. Для меня, ее внучки, с детства имеющей все самое лучшее в жизни, эта мечта кажется такой скромной.

Я избрала писательство своей профессией. Все, что мне кажется важным, я записываю словами на бумаге. Это безопаснее, чем говорить вслух. Водя ручкой по бумаге, следуя своему призванию, я никогда не страшилась последствий. Мне не приходило в голову спрашивать разрешения или задаваться вопросом, позволительно ли мне замахиваться на то, на что другие не претендуют. Всю жизнь я принимала свои мечты как должное. О чем бы я ни мечтала, это всегда казалось осуществимым.

Но вот я услышала историю женщины, жившей каких-то два поколения назад — такой жизнью, какую я не в состоянии ни представить, ни понять, и это меня отрезвило. Теперь мне стыдно за свою наивность и стыдно признаваться, что за толстыми стенками моего кокона я не видела ничего, кроме собственной тени.

Оглядываясь назад, я понимаю: мы все стараемся отгородиться от того, что не в силах понять. Впрочем, это лишь

отговорка. Боль, которую пережила моя бабушка, кажется непостижимой, однако ее сила вдохновляет меня. По сравнению с ней я слаба. Как ни была я когда-то убеждена в собственной силе, теперь приходится смиренно признать, что мне ее очень не хватает.

Как гражданка мира и как женщина я могу только стремиться стать лучше. Что из этого выйдет, пока загадка, но я сделаю первый шаг по этой дороге и посмотрю, куда она меня приведет. Может быть, попутно мне удастся чему-то научиться. Может быть, у меня все-таки еще есть надежда».

Дописав, я уже заново беру руку, чтобы нажать «отправить», но вновь медлю. Боль последних лет стала тайной, которую я никому не доверяла. Я не обращалась к Патрику, когда нуждалась в нем — держала свои мысли при себе, оставляя его наедине со своими. Нам легко было жить вместе, пока мы были сильны, но я оказалась слабой, и все рухнуло.

Теперь, не в силах больше скрывать правду, я перечитываю свой постинг и нажимаю «отправить». Не дав себе времени усомниться в своем решении, захлопываю крышку компьютера и иду спать.

24

Я провожу по волосам расческой с частыми зубцами: проверяю, нет ли вшей. В последние дни я беспрестанно чешусь, и Рави заметил, что я могла их подхватить. Я прочесываю зубцами до самой кожи и замечаю маленькую коричневую букашку. Придавливаю ее зубочисткой

и повторяю процедуру. Еще одна... потом еще две, и дело наконец закончено.

— Гадость какая, — бормочу я.

— Это вы о чем-то конкретном или так, в общем? — спрашивает Рави, выходя ко мне на заднее крыльцо. Заметив расческу, понимающе кивает: — Что, наши маленькие друзья уже зашли поприветствовать вас в Индии?

— Может быть, в том, что вы называете их друзьями, и есть корень вашей проблемы. — Без улыбки я показываю на свою голову. — Можете посоветовать, как от них избавиться?

— Я вам потом ромашковую мазь принесу. Они от нее задыхаются.

— Жду с нетерпением. — Я зачесываю волосы назад и наскоро заплетаю косу. Перед этим я приняла душ и надела легкое платье.

Вчера мы с Рави планировали побывать еще в кое-каких соседних городках. Когда он сказал, что выбирался куда-то из деревни всего несколько раз за всю жизнь, я стала настаивать на том, чтобы поехать вместе. С другой стороны дома доносится стук в главную дверь. Я гляжу на Рави:

— Вы кого-нибудь ждете?

— У меня нет друзей, — просто отвечает он.

— Да-да, потому-то с вами по деревне так просто не пройдешь — каждый встречный останавливает, чтобы поздороваться. — Я закатываю глаза и иду открывать.

На пороге переминается с ноги на ногу девочка лет восьми, не больше. Две косички падают ей на плечи, короткое платьице с пышными рукавами едва прикрывает исцарапанные коленки. На ногах красуются золотистые сандалики, на пальце ноги — плоское кольцо. Загорелые руки унижены пластмассовыми браслетами.

— Привет. — В удивлении я оглядываюсь на Рави — тот пожимает плечами, давая понять, что не знает, зачем явилась гостя. — Я могу тебе чем-то помочь?

— Джайя шримати?

— Да, меня зовут Джайя. А тебя? — Я приглашаю ее в дом, но она жестом зовет меня за собой.

— Вам звонят, шримати. В папин магазин. — Она прыгивает с крыльца и ловко приземляется. — Идемте скорее, пожалуйста. Связь может оборваться.

— Я вас тут подожду, — говорит Рави, когда я бросаю взгляд на него.

Стараясь не отставать от быстрого девочки, я спрашиваю:

— Кто звонит?

— Какой-то мужчина, не из нашей страны. Папа с ним говорил.

Должно быть, отец. Встревоженная, я прибавляю шаг.

— А откуда ты знаешь, что я — это я?

— Все знают. — Она стесняется и почти не смотрит на меня. — Вы из Американских Штатов, да?

— Из Соединенных Штатов. — Я улыбаюсь в ответ на ее любопытство: — Да, оттуда.

— В наш магазин еще ни разу не звонили из Американских Штатов. — Не по годам взрослым тоном она добавляет: — Связь тут не очень. Идемте.

На каблуках за ней не угнаться, и тогда я останавливаюсь и сбрасываю туфли. Шлепаю босыми ногами по земле. Перед отъездом я бы не поверила, если бы мне сказали, что в Индии я буду бегать по деревне босиком. А теперь не могу представить себе ничего другого.

Мы бежим через всю деревню, до самой окраины, и сухой ветер развеивает мои волосы. Подбегаем к ряду магазинчиков под черепичными крышами с открытыми фасадами. Кто-то с любопытством глазееет на нас, остальные не обращают никакого внимания.

— Сюда. — Девочка открывает дверь в магазинчик, на вид более современный, чем другие.

Мы входим, и в лицо ударяет струя холодного воздуха из кондиционера. В роскошно отделанном магазине стоят стеклянные витрины с украшениями из двадцатидвухкратного золота. На прилавке, на вращающихся подставках с замочками, красуются бриллиантовые сережки-гвоздики и кольца.

— Намасте. Я — Санджай, владелец этого магазина. — Мужчина складывает ладони перед собой и слегка кланяется. В отличие от большинства деревенских жителей, он одет в костюмные брюки и белую рубашку. Верхние пуговицы расстегнуты, и на груди видна тонкая цепочка с подвеской в виде символа Ом.

— Намасте. — От горящего ладана в маленьком домашнем алтаре поднимается дымок. — Спасибо, что прислали за мной вашу дочь.

При упоминании о дочери лицо у него светлеет.

— Кабинет там. — Он показывает мне заднюю дверь, ведущую в маленькую комнатку. — Тот джентльмен, который звонил, назвал ваше имя.

Он закрывает дверь, чтобы я могла говорить свободно.

Старомодная комнатка загромождена всякой всячиной: маленький столик, бархатные коробочки для драгоценностей, составленные штабелями на полке, а рядом — открытый ящичек с семенами граната. Я поднимаю тяжелую телефонную трубку и подношу к уху.

— Алло? — Не слыша ответа, повторяю: — Алло? Есть там кто-нибудь?

— Джайя? — сквозь помехи доносится голос Патрика.

Эмоции тут же накрывают меня с головой. С первого дня приезда я гнала от себя мысли о нем. Теперь я сразу вспоминаю, как щекотало шею его теплое дыхание, когда он обнимал меня ночью. Как он ликовал, добыв информацию, важную для исхода его дела; как подсмеивался

надо мной, когда я купала все новые и новые одежды для будущего младенца... Внезапно, словно прокручивая перед глазами вырезанный из фильма эпизод, я вспоминаю, как он нашел меня, свернувшуюся клубочком на полу в ванной, после первого выкидыша. Поднял, отнес на кровать, и там мы прижались друг к другу и долго плакали. Это был первый и последний раз, когда мы переживали наше горе вместе.

— Патрик? — Я стискиваю в руке телефонный провод. — Ты меня слышишь? — В ответ раздается только треск, а затем телефон умолкает. Я разочарованно откидываюсь на спинку кресла, и воспоминания одно за другим всплывают в голове.

После второго выкидыша мне очень хотелось опереться на Патрика — прижаться к нему в надежде, что его сила передастся мне, — но я так и не решилась сделать первый шаг. Патрик был рядом и мужественно переживал собственное горе. Он плакал, а я и плакать не могла. Он изливал свое горе, а мое не оставляло меня ни на минуту. У него был свой способ заживлять раны: уйти с головой в повседневные заботы. И с каждым шагом он все больше отдалялся от меня. В конце концов я осталась одна, далеко позади, и уже не представляла, как нам теперь преодолеть это расстояние.

Но наше прошлое состояло не из одних душевных мук. Раньше, до выкидышей, мы часто, не сговариваясь, шагали в одном направлении и еще в период свиданий научились держаться друг за друга.

Когда мы впервые съехались, между нами тут же разразилась грандиозная ссора: не могли договориться, какой сериал включить вечером. Тогда это казалось катастрофой — как будто мы разошлись не просто в выборе сериала, а вообще во всем. Я боялась, что на этом у нас все и закончится, если не удастся найти компромисс. В тот момент я не помнила, сколько часов мы провели

вместе, обнявшись перед телевизором, хоть у него дома, хоть у меня. Ссора завершилась тем, что Патрик повалил меня на пол и целовал, пока я не успокоилась. В ту ночь мы предавались любви несколько часов подряд.

Захваченная этими воспоминаниями, я думаю — не затем ли звонил Патрик, чтобы сказать, что все еще можно поправить? Что он нашел какую-то тропинку, которая выведет нас обратно к счастью из нашего общего горя? Я беру трубку, чтобы перезвонить. На пальце блестит золотое обручальное кольцо — я ведь его так и не сняла. Набирая номер, кручу кольцо из стороны в сторону. Сколько раз я собиралась его снять, но последние месяцы принесли столько сердечной боли, что я цеплялась хоть за какой-то якорь, пусть и воображаемый.

Телефонная линия соединяет два континента. Я вспоминаю наш последний разговор и признание насчет Стейси. Мне представляется, как он обнимает ее, целует... В горле застревает ком. Едва услышав «алло», я без единого слова вешаю трубку. Закрываю глаза, дожидаясь, пока боль утихнет, и только тогда бреду домой.

АМИША

25

Амиша протираала парты. После урока она всегда убирала класс, чтобы у других учителей не было повода к ней придраться. Она уже дошла до последней парты, когда вдруг услышала, что кто-то подошел сзади.

— С Рождеством! — проговорил Стивен, как только она обернулась. Закрыл дверь и поставил на пол большой мешок.

— Вы вернулись! — Амиша бросилась к нему и остановилась в нескольких дюймах.

— Вернулся. А вы по мне скучали? — лукаво спросил он.

Вид у него был усталый. Обычно безупречно отглаженный костюм измят, узел галстука распустился, под глазами — черные круги.

— Да. — Амишу сейчас не волновали приличия. Ее друг вернулся домой, и она не станет ему врать. — Скучала... очень скучала.

Амиша и вправду отчаянно скучала по нему. Занятия с учениками шли своим чередом, но всякий раз, когда она подходила к школе, ноги словно наливались тяжестью и на душе делалось тоскливо и одиноко. Она скучала по их разговорам, по его обществу. Пока Стивена не было, она пыталась поговорить с Дипаком о некоторых

вещах, которые они раньше обсуждали со Стивеном, но муж только отворачивался: ему было неинтересно.

Теперь же Стивен встретил ее слова молчанием. Его глаза пытались поймать ее взгляд. Амиша поняла, что преступила границу дозволенного, и сделала два шага назад, чувствуя себя униженной.

— Простите, — пробормотала она.

От ее восторга не осталось и следа. Она хотела сказать, что забылась, но он перебил ее:

— Я не давал матери спать до поздней ночи разговорами о всяких пустяках. — Он шагнул к ней, и она наконец подняла на него глаза. — Это помогало мне убить время до возвращения.

Амиша сглотнула и с трудом втянула в себя воздух. Она услышала и те слова, которых он не сказал. Те самые слова, которых она боялась и никогда не решилась бы произнести вслух: о том, что, как ни коротка была их разлука, они скучали друг по другу больше, чем скучают друзья.

Стивен потянулся к ней, и его рука замерла в нескольких дюймах от ее руки. Он помедлил, давая Амише возможность сказать «нет», но она не могла. Ей нестерпимо хотелось ощутить его прикосновение, пусть хоть на миг. Увидев в ее глазах виноватое «да», он понимающе кивнул, стиснул ее руку на одну секунду и тут же выпустил.

Амиша вспомнила, как Чара учила ее в таких случаях сразу уходить. Вот бы досталось ей сейчас от свекрови: та, конечно, кричала бы, что, радуясь обществу Стивена, Амиша позорит себя и свою семью. Амиша мгновенно прикинула, какой у нее выбор. Уйти — это было самое разумное, но ей хотелось хоть раз в жизни поступить по-своему. Самой решить, что хорошо, а что плохо, тем более что никого другого это не касается. Вопросы, никогда раньше не приходившие в голову, мучили ее, но сейчас безопаснее всего было оставить их без ответа.

— С Рождеством, — снова сказал Стивен, нарушив молчание. Он взял стоявший у стены мешок и протянул Амише. — Я привез вам подарок.

— Что? — Радуюсь поводу отвлечься от беспокойных мыслей, Амиша взяла мешок. — Не стоило. — Мешок тяжело оттягивал руку. — Я ведь не праздную Рождество.

Последним подарком, который дарили Амише, были украшения, полученные в качестве приданого.

— Ну так я назад заберу. — Он протянул руку, но Амиша шагнула назад и, улыбаясь, прижала мешок к себе.

— Мое, — прошептала она. — Спасибо. — Амиша достала из ящика стола сверток и нерешительно протянула Стивену свой подарок. — С Рождеством.

В тот раз, рассказав Стивену про Наваратри, она спросила, какой у него любимый праздник. Тот без колебаний ответил — Рождество. Упомянул он и о рождественских подарках, и тогда Амиша решила тоже подарить ему что-нибудь. Она купила на рынке шелковой бумаги, выкрасила ее шафраном и старательно упаковала подарок.

— Это для меня? — У Стивена округлились глаза при виде свертка, который Амиша совала ему в руки.

— Нет, для меня. Обожаю дарить подарки самой себе, — проворчала Амиша. Она снова чувствовала себя со Стивеном легко и свободно.

— Вы сделали мне подарок... — повторил он и взял пакет.

Амиша сама не знала, на какую реакцию рассчитывала, но такого ребяческого восторга определенно не ждала.

— Да, — подтвердила она, радуясь, что послушалась внутреннего голоса.

— По традиции подарок нужно сначала потрясти, а уж потом вскрывать, — сказал Стивен.

Амиша рассмеялась, увидев, что он так и сделал, а затем и сама, по его примеру, встряхнула мешок, тщетно стараясь угадать, что там внутри. Стивен громко рассмеялся:

— Что же вы сейчас-то трясете? Осторожно, не сломайте!

— А когда надо? — Амиша не знала, как полагается принимать подарки в его культуре. Может быть, так же, как принято у них: сразу достать подарок и от души поблагодарить, а может быть, открыть, когда останешься в одиночестве, а потом прислать благодарственное письмо?

— На будущее Рождество, — сказал Стивен. — Вот буду я на фронте, получу ваше письмо и узнаю, понаравился вам мой подарок или нет.

Его слова эхом отозвались у Амиши в голове. Нет, конечно, он просто дразнит ее. Но она уже не могла вытеснить услышанное из сознания. Последние две недели без Стивена дались ей нелегко. Она скучала по нему сильнее, чем могла себе представить. При мысли о том, что она не увидит его больше никогда, земля ушла из-под ног. Амиша вздохнула, но воздух отдавал могильной затхлостью.

Должно быть, Стивен увидел, как изменилось Амишино лицо: его улыбка мгновенно исчезла.

— Я шучу, Амиша, — тихо сказал он. — Никуда я не уеду.

«Как бы ни хотелось», — подумала Амиша, но вслух ничего не сказала. Она всеми силами старалась справиться с бурей эмоций, понимая, что все они написаны у нее на лице. Ее глаза наполнились слезами — и в глазах Стивена тут же отразилась боль. Амиша мысленно выбрала себя за такую несдержанность и поспешно овладела собой. Принужденно улыбнулась, все еще с трудом держась на ногах.

— Ну конечно. — Чувствуя себя глупо, она пробормотала: — Примите мои извинения, пожалуйста. Я просто... — Она замялась, подбирая слова. — На фронте опасно, а вы — мой друг, — проговорила она наконец, надеясь, что такое объяснение прозвучит правдоподобно.

— Откройте же подарок, — тихо попросил он, давая ей возможность уйти от этого разговора.

Она осторожно развязала веревочку и вытащила свой подарок. Из горшка с землей торчал маленький саженец.

— Дерево? — Амиша смотрела на подарок озадаченно.

— Английское, — мягко произнес Стивен. — Это *fagus sylvatica*, он же бук европейский. — Он улыбнулся ей. — Растет в Англии. Считается деревом британской королевы.

— Как же оно сюда к вам попало? — Маленькие ладони Амиши с легкостью обхватили горшок.

— Попросил кое-кого об услуге. — Стивен потрогал толстые листья, похожие по форме на человеческую ладонь. — Его привезли, пока я был в отъезде. Хотел сделать вам сюрприз. — Он помолчал, глядя на дерево, а потом на Амишу. — Мне хотелось привезти вам что-нибудь с моей родины, чтобы у вас здесь на память осталось. Оно живет больше тысячи лет.

— К тому времени уже ни вас, ни меня давно не будет на свете. — Амиша провела пальцем по тому же листу, которого только что касался Стивен. Вгляделась в лицо лейтенанта, ища ответ, который и так уже был известен. Стивен все молчал, и она сказала: — Вы принесли мне чудесный подарок, я у вас в долгу за такую красоту.

— Никаких долгов, а если бы и был долг, вы мне его уже вернули — подарили свой подарок. — Стивен потянул за ленточку и сорвал бумагу.

Внутри оказалась небольшая книжка. Красивым почерком Амиша надписала сверху его имя по-английски, а внизу, мелкими буквами — свое. Он взглянул на нее, но она только улыбнулась и сделала ему знак открыть обложку.

Внутри таким же старательным почерком была записана короткая сказка, действие которой происходило в Англии. Стивен, зачарованный подарком, опустился на стул и стал читать вслух. Слова будто сами слетали со страниц.

«Один молодой человек потерял брата. Безутешный в своей утрате, он стал угрожать небесам бунтом, если ему не позволят повидать брата еще один, последний раз. Не получив ответа, он принялся крушить все, что было дорого богам.

“Довольно! — вскричали боги. — О чем ты хочешь поговорить с ним?”

“Хочу сказать ему то, чего не успел сказать раньше”, — ответил молодой человек. Ему хотелось высказать то, что было у него на сердце. То, о чем его брат наверняка не знал.

“Даем тебе пять минут, — сказали боги. — Но взамен отнимем у тебя голос. Согласен?”

Молодой человек тут же согласился. Покойный брат подошел к нему, и молодой человек открыл было рот, но брат поднял руку, чтобы тот замолчал.

“Я и так знаю, — сказал брат. — Знаю, что ты любил меня. — Он помолчал, опустив голову и стараясь совладать

со своими чувствами. — Я всегда знал, с каким уважением ты ко мне относился. Наши общие воспоминания всегда останутся с тобой”.

Молодой человек смотрел на покойного брата в немом изумлении, и тот пояснил:

“Сердцем. Всегда знал. Мы же братья. Наши сердца — одно целое”.

Так покойный брат сам сказал все то, что собирался сказать молодой человек, и тем самым сберег ему голос. Они крепко обнялись. Когда боги объявили, что их время вышло, покойный брат высвободился из объятий и хотел сказать: “Прощай”. Но теперь уже молодой человек остановил его, подняв руку.

“Нет, не прощай, — сказал он к изумлению брата, которому было так одиноко и страшно. — До свидания”.

После этого он навсегда лишился голоса, но зато подарил брату единственное, что мог подарить, — надежду».

Амиша снова взялась за уборку, но то и дело поглядывала на Стивена, стараясь угадать его реакцию. Наконец он перевернул последнюю страницу, поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Как вы это сделали?!

Эта история пришла к Амише ночью, после того как Стивен рассказал о своем брате. Как раз приближались праздники, и Амиша решила на пробу пера. Ей хотелось сказать Стивену: его брат знал, как сильно Стивен его любит. Несколько недель ушло на то, чтобы записать эту немудрящую историю, но Амиша не сдавалась. Писала

по ночам, когда Дипак засыпал. Она знала, что не делает ничего дурного, и все же чувствовала себя виноватой в том, что тратит время ради подарка другому мужчине.

— Вам понравилось?

— Вы и представить себе не можете, — проговорил Стивен сдавленным голосом, словно задыхаясь.

Амиша ощутила непривычную легкость. Боясь, как бы не сказать что-нибудь неловкое для обоих, она показала рукой на дерево.

— В сравнении с ним — это ничто. — Она взяла горшок и прижала к груди. — Я хочу его посадить. Можно?

— Здесь? — Стивен, кажется, удивился. Провел ладонью по повлажневшим глазам. — Я думал, вы его домой заберете.

— Домой — не могу.

Их взгляды встретились. В первый раз за все время Амиша признала вслух, что ей приходится держать их отношения в тайне. Она увидела в его глазах понимание и испуганно отвела свои.

— Ему место в нашем саду, — проговорила она с притворной веселостью в голосе.

Стивен взял у нее саженец, и они вместе вышли в сад. Амиша искала самое подходящее место и нашла — рядом с их привычной скамейкой. Начала разрывать землю руками, не замечая, как пачкаются в земле ее хлопковые штаны. Она думала только об одном: о том, что подарку Стивена, чтобы пустить корни, нужно идеальное место.

— Дайте-ка я вам помогу.

Стивен отыскал маленькую лопатку и начал копать. Когда ямка стала достаточно глубокой, он встал рядом и, покачиваясь с носка на пятку, стал наблюдать за Амишей. Она бережно вынула саженец из горшка и пересадила в ямку. Стивен забросал ямку землей, а потом они вместе разровняли ее руками, похлопывая, чтобы деревце стояло крепко.

— Готово, — удовлетворенно сказала Амиша. — Теперь у дерева есть дом.

— Да. — Стивен долго смотрел на саженец, только еще начинавший расти. — Место, куда вы будете приходить через много лет и вспоминать то время, что мы провели вместе.

***

— Амиша! — Стивен стоял в дверях пустого класса. — Не могли бы вы зайти ко мне в кабинет, пожалуйста? Пришел отец Нимы, — тихо пояснил он. — Хочет с нами поговорить.

Нима вот уже больше недели не приходила на уроки. Амишу это беспокоило, и она даже заводила об этом разговор со Стивеном, но тот успокоил, мол, от родителей девочки никаких плохих известий не поступало. Амише не терпелось узнать больше, и она торопливо зашагала за Стивеном к кабинету. Он жестом пригласил ее войти в тесную комнатку первой, а сам зашел следом, закрыв за собой дверь.

— Это Амиша, — представил он ее. — Учительница Нимы.

Индиец сложил ладони перед собой.

— Намасте, — сказал он и обратился к Амише: — Как я уже сказал директору, с Нимой произошел несчастный случай.

— Что с ней? — взволнованно спросила Амиша.

— Я пришел сообщить, что моя дочь больше не будет ходить в школу. — На Амишин вопрос отец девочки ничего не ответил, только протянул Стивену деньги: — Это должно покрыть расходы на обучение моего сына до конца года. — Мужчина уже поднялся, чтобы уйти, но остановился. — Она часто рассказывала о ваших уроках, шримати, — сказал он Амише. — Ей очень нравилось у вас учиться.

— У меня осталось ее сочинение, которое я хотела бы с ней обсудить, — сказала Амиша, когда отец Нимы снова двинулся к двери. Она видела, каким строгим сделался взгляд Стивена, но тревога за девочку была сильнее боязни его рассердить. — Можно мне зайти и передать мои пожелания вместе с сочинением?

— В этом нет необходимости, — сразу же откликнулся отец. — Я передам ей ваши добрые слова.

— Спасибо, что зашли, — вмешался Стивен и встал рядом с Амишей. — Сообщите нам, пожалуйста, сможем ли мы что-нибудь сделать для Нимы.

Он проводил отца девочки до дверей и, вернувшись, увидел, что Амиша расхаживает взад-вперед по кабинету. Он хотел что-то сказать, но женщина прервала его:

— Я знаю, вы сердитесь, но я должна была попытаться.

— Мы не имеем права вмешиваться.

Амиша хотела возразить, но он не дал.

— Школа должна действовать очень осторожно, когда имеет дело с семьями учеников. — Он потер затылок, явно расстроенный и самой ситуацией, и всем, что было с ней связано. — Британские власти не могут принудить индийцев посылать детей в наши школы. Если у родителей возникнут подозрения, что мы намерены через детей вмешиваться в их семейные дела, они просто заберут их отсюда.

— И мы на этом успокоимся? — Объяснение звучало вполне разумно, но Амише было страшно.

— Увы... — По лицу Стивена было ясно видно, что он и вправду сожалеет. — Мы ничего не можем сделать.

— Нельзя же это так оставить, — сказала Амиша.

— Придется, — откликнулся Стивен. — Мне жаль. Я же знаю, как вы к ней привязались.

ДЖАЙЯ

26

Когда мне было шестнадцать лет, нашему соседу поставили диагноз — рак. Случай был серьезный, с плохим прогнозом, и борьба предстояла тяжелая. Жена у него как раз недавно родила, а старшему из троих детей не исполнилось еще и пяти лет. Соседи договорились по очереди готовить им еду, и, хотя мои родители едва знали эту семью, мама тоже вызвалась помогать и стала готовить ужины через неделю.

Через пару месяцев энтузиазм соседей угас: все вернулись к своей жизни. Вот тогда-то мама и притащила домой кипу кулинарных книг с рецептами американской кухни. Еще несколько месяцев каждый вечер, кроме выходных, вместо своих обычных блюд она испытывала новый рецепт. Прежде чем накрывать стол к ужину для нас, она всегда отправляла еду той семье — без всякой записки. Дома она никогда об этом не говорила и вообще никому ничего не рассказывала.

В конце концов тот мужчина выздоровел, и его семья устроила большой праздник в честь этого события. Жена соседа произнесла тост за того, кто каждый день присылал им готовые ужины. Она понятия не имела, кто это, и надеялась, что тот человек сам назовет себя. Я взглянула на маму — она сидела опустив глаза в свой бокал.

— Если кто-нибудь знает, кто это, передайте ему, что я очень благодарна, — попросила женщина, не дождавшись ответа.

Позже дома мама пожелала мне спокойной ночи и хотела уже идти в свою комнату.

— Я удивилась, что ты ничего не сказала, — заметила я. — Ты ведь столько работала — могла бы и не скрывать свои заслуги.

В то время мне казалось, что о семье соседей мама заботится больше, чем когда-либо заботилась обо мне. Она научилась готовить то, что могло бы прийти по вкусу этим людям, и нашла способ передавать еду так, чтобы никто ни о чем не догадался. Мне, всю жизнь безнадежно ждавшей от матери хоть какой-то ласки и внимания, казалось, что у меня что-то отняли. Та семья наверняка выразила бы ей уважение и признательность.

— Я делала это не для себя, — тут же ответила мама. Покачала головой и стиснула руки в замок. — Я делала это для них, потому что они в этом нуждались. Вот и все.

Она пошла спать, а я смотрела ей вслед, недоумевая, отчего по ее лицу пробежала тень испуга при мысли о том, что эти люди могут узнать правду.

***

Утром я проснулась с мыслью о Патрике. Пока мы с ним только встречались, а не жили вместе, мы почти никогда не ссорились, а если и случались между нами изредка какие-то разногласия, мы всегда их обсуждали. До сих пор я никогда не вешала трубку посреди разговора. Но те времена остались в прошлом.

Я вытягиваю руку и смотрю, как блестит на солнце золотое кольцо. Когда Патрик надел его мне на палец, мы поклялись, что будем любить друг друга всю жизнь. Я поглаживаю кольцо пальцем и начинаю медленно

стягивать. У самой костяшки оно застревает и дальше не двигается. Тяну сильнее — ничего не выходит. Тогда я с облегчением сдвигаю кольцо на прежнее место и вскакиваю с кровати.

Выйдя из дома, я направляюсь вслед за потоком людей к открытому рынку. Прямо вдоль улиц стоят тележки торговцев и толпятся говорливые покупатели. Обхожу все тележки по очереди, любуюсь, разглядываю все подряд — от свежих продуктов до книг. Останавливаюсь, заинтересовавшись шарфами.

— Я их сама делаю. — Молодая женщина за деревянной тележкой протягивает мне шелковый шарфик. По красному, благородного оттенка фону идут тонкие, замысловатые бледно-зеленые узоры, а каемка у шарфа темно-синяя — индиго. Прекрасный подарок для мамы — будет надевать холодными вечерами. В Америке такой стоил бы больше ста долларов, а здесь всего пять рупий.

Купив сразу три шарфика, перехожу к другой тележке — там мальчик протягивает мне красные и зеленые перцы, перепачканные землей.

— Свежий, без пятнышка.

Под нестриженными ногтями у него черно от грязи, и я думаю — должно быть, сам с утра овощи собирал.

— Берить? Очень хороший.

— Да, беру.

Я решила, что сегодня отплачу Рави за его любезность — приготовленную для меня еду. Разглядываю остальные товары на тележке и выбираю спелые помидоры и лук. Когда я расплачиваюсь за покупки, пожилая женщина за соседней тележкой показывает мне погремушку.

— Для малыш. — Она улыбается мне беззубым ртом. — Хорошие игрушки.

Ее тележка завалена дешевыми пластиковыми игрушками и глиняными кубиками. На каждом кубике ярко нарисована буква индийского алфавита.

— Нет. Нет у меня малышей.

Она начинает меня уговаривать, и я поспешно отхожу.

Другие торговцы такие же настойчивые: каждый машет рукой, приглашая взглянуть на свой товар. Я не в силах устоять: покупаю маме сари, папе — шелковую рубашку и в придачу еще разные безделушки. Было время, когда я принципиально не покупала сувениров и высмеивала подружек, которые покупали. Я всегда говорила: дешевые вещи — деньги на ветер. Теперь же я думаю о Ниме, о моей бабушке, о других людях, которые жили как могли и стремились к лучшему. Сложись обстоятельства иначе, я могла бы оказаться на их месте.

По привычке я начинаю приглядывать рубашку для Патрика и тут же спохватываюсь. Злюсь на свою оплошность и начинаю себя ругать, но тут откуда ни возьмись появляется Роки и прыгает на меня, да так, что чуть не сбивает с ног.

— Либо вам не нравится моя еда, либо вы собираетесь что-то приготовить для меня, — говорит Рави: он стоит в нескольких шагах позади пса.

— Очень нравится, но сегодня моя очередь готовить вам ужин. — Досада моя проходит, я обнимаю Роки, а тот лижет меня всюду, куда только может дотянуться. — Вот, ходила за покупками. — Я с гордостью показываю полную корзину.

— Вижу, хоть я и почти слепой. — Он пересматривает содержимое корзины и спрашивает, сколько я заплатила. Я называю сумму, и он от души хохочет. — Вы обеспечили нашей деревушке безбедную жизнь на ближайшие полгода!

— Это подарки домашним.

Рави улыбается мне.

— У вас такой же упрямый взгляд, как у вашей бабушки. — Он тяжело опирается на палку. — Это и к лучшему, что вы заплатили так много: за подарок от чистого сердца никаких денег не жалко. — Мы проходим мимо остальных торговцев, и Рави выводит меня на окольную тропинку к дому. — Идемте, покажу вам, где я живу. Там можете и ужин мне приготовить.

***

Мы выбираемся с рынка и направляемся туда, где живет Рави. Чем дальше, тем меньше и хуже становятся дома. Мы сворачиваем в узкий переулок — не больше пяти футов в ширину. На обочинах лежат жидкая грязь и коровьи лепешки. Сточные канавы забиты манговой кожурой и кусками роти¹³. Стая бездомных собак роется в куче мусора, в поисках съестного.

С каждым шагом передо мной открывается такая бедность, о какой я раньше знала только понаслышке, но никогда не видела своими глазами. Дети бегают по улицам почти раздетыми. Тела у них худющие, лица недетские: на них уже пролегли горестные морщины. Самой мне в детстве никогда не приходилось тревожиться о том, будет ли у нас что поесть завтра, или о крыше над головой. То, что я принимала как должное, этим ребятишкам показалось бы неслыханной роскошью.

Рави останавливается у дверей лачуги посреди этих трущоб. Его дом лепится вплотную к соседним, стоящим в длинном ряду. Крыша кое-где провалилась, по углам с нее стекает ржавая вода.

— Мой дом. — Рави гордо придерживает передо мной дверь. — Прошу.

---

¹³ Лепешки из пшеничной муки. — *Прим. ред.*

Я поеживаюсь при виде земляного пола и грязных стен, образующих две тесные комнатухи. В третьей — кухня: там на полу стоят керосинка и котел с грязной посудой.

— Рави, это же... — Я пытаюсь подобрать слова помягче, чтобы не обидеть его, но ничего подходящего не нахожу. — Вот здесь вы и живете?

Дом моего детства и квартира в Нью-Йорке в сравнении с этим кажутся настоящими дворцами. Мне больно за Рави, но я стараюсь этого не показывать, чтобы не оскорбить его.

— И вы здесь желанная гостья, — говорит он.

Рави зачерпывает старой чашкой воду из ведра и наливает в миску Роки. Мы оба смотрим, как пес лакает, а потом неторопливо отходит к своей подстилке на полу. Потягивается и укладывается спать.

— Давно он у вас?

— Десять лет, — говорит Рави. — Как-то я гулял по деревне. Ну, и ему оказалось со мной по пути. Вот с тех пор мы вместе.

Я улыбаюсь такому простому началу дружбы. И Рави, и его пес, очевидно, довольны своим скромным жилищем, и все же мне трудно с этим свыкнуться. Я всегда принимала все атрибуты материального достатка как должное, но теперь, при виде того, с какой спокойной гордостью Рави довольствуется тем немногим, что у него есть, я со стыдом признаю себе: не помню, чтобы я когда-нибудь по-настоящему ценила то, что имею. Меня охватывает чувство недовольства собой: до сих пор я была к себе слишком нетребовательна.

— А почему вы не живете в бабушкином доме? — спрашиваю я наконец.

Вдоль тонкой стены пробегает мышь и шмыгает в маленькую норку в углу. Роки просыпается, свирепо рывает на мышь и засыпает снова.

— Он принадлежит вашей семье. Да и друзья тут будут по мне скучать. — Он показывает на нору, куда только что юркнула мышь. — Они ведь привыкли, что я обеспечиваю им пропитание.

— А где ваши родные? — Я припоминаю: в тот день, когда мы познакомились, он говорил что-то о внуке.

— Сын и его жена живут с внуком, в его доме. Это недалеко отсюда. — Рави скидывает сандалии и потирает пятки. — Жена сына мне как дочь. — Он улыбается сам себе. — Судьба была ко мне щедра. Невестка хочет, чтобы я жил с ними, они бы, мол, мне помогали. А я ей каждый раз говорю: «Рано, дочка, рано еще».

— Почему же? — растерянno спрашиваю я. — Они бы о вас заботились.

— Да, но кто тогда позаботится о доме и саде Амиши? — мягко спрашивает он. — Мне и здесь хорошо.

— А ваша жена?

В доме не ощущается присутствия женщины. В углу стоит масляная лампа, матрас на полу накрыт рваным шерстяным покрывалом. Три таких же костюма, какой сейчас надет на Рави, аккуратно сложены стопкой у постели.

Мне трудно вспомнить, сколько одежды я выбросила за свои годы. Вышла из моды, пуговица оторвалась или просто вид уже поношенный — все это были отговорки, чтобы обновить гардероб. Рави же имеет немного, зато с тем, что имеет, обращается бережно.

— Я развеял ее прах над рекой много лет назад. — Рави снимает очки и проводит ладонью по лицу, словно стирая печаль. — А перед этим мы кремировали первого сына: он умер, когда ему было три года.

Он греет руки над масляной лампой.

Солнце стоит высоко, лучи его палят во всю силу, однако по спине у меня пробегает холодок.

— Вам нехорошо?

— На этих костях и кожи уже маловато осталось, как мой сын говорит. — Рави дует на теплые ладони. — Я-то смеюсь, а потом вдруг начинаю зябнуть посреди жаркого дня и думаю — может, он и прав.

— А к доктору вы обращались? — встревоженно спрашиваю я.

Мы знакомы совсем недавно, но у меня такое чувство, будто я знаю его гораздо дольше. Может быть, из-за истории, а может быть, оттого, что мы столько времени проводим вместе, он стал мне небезразличен.

Рави улыбается, и эта улыбка без слов говорит, что он благодарен мне за заботу.

— Я дал слово вашей бабушке. Пока не исполню обещания, никакая болезнь меня не возьмет. — Он смотрит куда-то над моей головой, и глаза его подергиваются блестящей пленкой.

Наверное, думаю я, он снова видит перед собой мою бабушку.

— А потом, когда придет мое время, не спасет никакое здоровье. — Он качает головой. Кажется, ему уже лучше. — Так что сегодня я еще полакомлюсь вашим угощением — а может, и добавки попрошу.

— Повар из меня так себе, — признаюсь я, тронутая таким заявлением.

— Тогда ваша еда порадует меня еще больше, потому что то же самое можно было сказать о вашей бабушке. Значит, вы и правда пошли в нее.

Я мою овощи в старом дуршлагае, а Рави зажигает керосинку. Вымытые овощи я нарезаю кусочками и бросаю в кастрюлю. Рави добавляет к ним по щепотке специй из разных баночек без подписей.

— Что это? — спрашиваю я. Специи похожи на те, что моя мама добавляет в еду много лет.

— Семена горчицы. — Рави набирает горсть маленьких черных семян, а затем показывает на красный

порошок. — А это перец чили, а это... — Он берет желтый порошок, — куркума. — Рави режет на мелкие кусочки дольку чеснока и немного имбиря, бросает, не переставая помешивать, в кастрюлю, а затем добавляет мелко нарезанный лук. Все это начинает шипеть в кастрюле вместе с овощами. Рави, довольный, сообщает: — Скоро будет готово.

— Я рада, что вы позволили мне приготовить еду для вас, — с легкой насмешкой говорю я.

Специи пахнут на всю кухню, и во рту у меня набирается слюна. До сих пор я никогда не задумывалась о таких вещах, как холодильник или чистая вода. А теперь не знаю, смогу ли когда-нибудь смотреть на них по-прежнему.

— Ваша матушка не учила вас стряпать?

В детстве я часто смотрела, как мама готовит. В эти минуты она казалась счастливой как никогда и забывала обо всем, колдуя над едой. Но если я спрашивала, нельзя ли ей помочь, она каждый раз прогоняла меня, находя мне какое-нибудь другое занятие.

— Нет, она любит готовить одна. — Но ведь откуда-то же взялась в ней такая любовь к кулинарии. — Моя мама готовит просто исключительно. Кто ее научил?

Рави долго молчит. Его руки замирают на ручках кастрюли, которую он как раз собирался снять с огня.

— Мачеха, — тихо говорит он. — Она требовала, чтобы ваша мама непременно этому научилась.

— Просто по традиции или?.. — спрашиваю я с надеждой, что он ответит «да».

Рави отрицательно качает головой.

— Она заставляла Лену каждый день готовить завтрак, обед и ужин на всю семью.

— Мама и сейчас готовит каждый день. — Никогда в доме не случалось такого, чтобы еда была не приготовлена и не подана по высшему разряду. Я-то думала,

что маме самой это в радость, а теперь мне становится не по себе.

— А ваш муж готовил? — спрашивает Рави, видя, что я больше не хочу об этом говорить.

— Нет. — Я благодарна ему за попытку сменить тему. — Мой муж... бывший муж... — поправляюсь я и умолкаю. Ерзаю, чувствуя, как начинает посасывать под ложечкой. В первый раз я назвала Патрика бывшим. Я глубоко вздыхаю и потираю переносицу, стараясь вспомнить, какой был вопрос. — Мы обычно ели в кафе и ресторанах, — отвечаю я наконец.

— Вы развелись? — мягко спрашивает Рави, видя мою реакцию.

— Скоро разводимся. — Мне вспоминаются наши последние годы, и у меня начинает болеть голова. — Мы пережили много потерь за время нашего брака. — Тьма уже клубится вокруг. А ведь уже несколько дней у меня не было провалов во времени. Я даже надеялась, что они прекратились. — Обстоятельства оказались сильнее нас.

Я закрываю глаза: больше нет сил держаться.

— Джайя?.. — окликает меня Рави.

Когда я открываю глаза, он стоит передо мной. По его встревоженному лицу я понимаю, что снова выпала из реальности.

— Извините, — шепчу я. Ненавижу терять контроль. Похоже, это случается каждый раз, стоит мне подумать о Патрике или о детях. — Задумалась на минуту.

Он все так же встревоженно смотрит на меня, и я стараюсь его успокоить:

— Со мной все хорошо, честное слово. Кажется, сознание иногда требует передышки.

— А приезд в Индию? — интересуется Рави. — Это помогло вам забыть?

— Может быть. Письмо стало отличным поводом. — Я вспоминаю, что он говорил раньше о моих дядях. — Тогда казалось разумнее уехать, чем остаться.

— Иногда это самое мудрое решение. — Он жестом приглашает меня присесть на пол рядом с собой. — Давайте-ка приниматься за ваш ужин.

27

Чувствуя себя уже совсем местной жительницей, я прохожу мимо обмазанных глиной домов, лепящихся почти вплотную друг к другу. Женщины во дворах заняты делами: колотят мокрое белье или купают в лоханях вопящих младенцев. Птицы вокруг поют, словно вторя поскрипыванию проезжающих телег. Мужчины, почти все без рубашек, погоняют кнутах волон под палящим солнцем. Бродячая собака гавкает на меня, но тут же теряет ко мне интерес, когда какой-то мальчишка бросает на загаженную дорогу сочную кожуру манго.

Я гляжу на все это, удивляясь человеческой натуре и способности обживать свой дом, невзирая на обстоятельства. Эти дети, вынужденные довольствоваться столь немногим, полны такой жизнерадостности, о какой я даже мечтать не могу.

Управление по охране собственности находится через одну деревню от нас. На высокой мачте развеивается индийский флаг. Полуголые ребятишки бегают во дворе под струями поливальной системы, которой здесь и поливать-то почти нечего.

В самой конторе три настольных вентилятора обдувают бумаги, сложенные пачками на столе. Контора тесная, с трудом можно протиснуться. На стене висит черно-белый портрет Махатмы Ганди.

Мужчина в форме и женщина работают с документами. Еще один мужчина, тоже в форме — в коричневой рубашке и шортах, — спрашивает меня, чем он может помочь.

— Я пришла узнать насчет собственности — дома, мельницы и школы. — Протягиваю ему паспорт, чтобы удостоверить мою личность. — Я внука покойного владельца.

Он достает папку и перебирает листы.

— Ваши дяди отказались от прав на дом и мельницу. Единственная владелица — ваша мать, — говорит он, проверив мой паспорт.

Он предоставляет мне официальные бумаги, среди которых письма от всех троих братьев. Я внимательно читаю и письма, и все остальное содержимое папки. Наконец мужчина достает последнее письмо и протягивает мне:

— Его мы получили неделю назад. Ваша мать не заинтересована в этом имуществе.

— Что?.. — Я беру письмо и читаю две фразы, написанные мамой: она отказывается от своих прав на имущество и предоставляет государству делать с ним все что угодно.

— Теперь мы продадим его тому, кто предложит самую высокую цену, — поясняет чиновник, когда я поднимаю на него глаза. — Это хорошие новости. Мельница будет снова молотить зерно. Школу возьмут в аренду местные подрядчики. До сих пор ваш дедушка отказывался от всех предложений. — Мужчина протягивает мне несколько запросов от местных бизнесменов. Я беру их дрожащими руками. — Вы получите недурной доход.

— Почему же дедушка не продал школу? — спрашиваю я в надежде, что этот человек сможет мне что-то объяснить.

— Говорил, что не продает чужое. — Мужчина, очевидно, понимает в этой истории так же мало, как и я. — Она стояла пустая много лет, но он всем отказывал.

Я мысленно вижу перед собой бабушкин сад и ее саму в тот день, когда она впервые увидела это великолепие. А мельница давала и бабушке, и маме средства к существованию, пока они жили в этой деревне. Их истории переплетаются с моей, пусть я и не подозревала об этом до последнего времени.

Я провожу пальцем по стопке писем, обжигающих мне руки, словно огнем. Я до сих пор не имею представления о том, что случилось с моей матерью и что заставило троих ее братьев отказаться от своих прав, но всем своим существом чувствую, что школа и дом сыграли в этой истории такую же важную роль, как люди. Я пока не представляю, что делать с этим имуществом, но точно знаю, что решение возможно только одно.

— Мы передумали. Мы не продаем. Я приехала заявить свои права на имущество, чтобы оно осталось собственностью семьи.

***

— Рави? — Я стучусь в дверь и жду. Я обещала зайти к нему после визита в управление.

Дверь открывает какой-то паренек, ростом повыше меня, в такой же форме, какую я видела на школьниках в деревне: белая рубашка, коричневые шорты и короткие носки. Глубоко посаженные глаза прячутся за очками в тонкой оправе.

— Намасте. — Я заглядываю через его плечо в дом. — А Рави дома?

— Вы прадедушкина гостья, из Америки? — Я киваю, и мальчишеское лицо озаряется улыбкой. — А я — Амит, его правнук. — По-английски мальчик говорит

правильно, четко выговаривая каждое слово. — Прадедушка много рассказывал о вас. Приятно познакомиться.

— Ты ведь живешь за несколько деревень отсюда? — спрашиваю я, припомнив, что Рави как-то говорил об этом.

— Да. — Мальчик делает приглашающий жест. — Позвольте предложить вам воды или сока с тростниковым сахаром? Я могу сбегать на рынок.

— Нет, не надо, пожалуйста. — Я удерживаю его за руку: меня трогает такая заботливость. — Вода прекрасно подойдет, спасибо. — Он берет черпак и наливает в стакан кипяченой воды из кастрюли. — Ты, наверное, только что из школы пришел?

— Да. Я стараюсь заходить почаще, проведать даду, — говорит он.

Я уже знаю, что дада — дедушка на хинди.

Амит садится на пол по-турецки, а мне предлагает складной стульчик. Но я тоже усаживаюсь на пол рядом с ним, поджав ноги. На лице у него отражается удивление, но он ничего не говорит.

— В каком ты классе? — спрашиваю я, потягивая тепловатую воду.

— В восьмом. — По щекам мальчика разливается румянец. — Меня перевели на класс выше, потому что я набрал много баллов на экзамене. — Он теребит бахрому коврика, на котором мы сидим. — Вам нравится Индия?

— Да, очень нравится.

Хотя вначале моя поездка в Индию была просто предлогом, чтобы сбежать от всего, здесь я узнала многое о женщинах, живших до меня. Вникая во все события и детали, из которых складывалась их жизнь, я начала лучше понимать свою.

Как-то раз я брала интервью у гуру «Нью-эйдж», и он говорил о том, как нерешенные проблемы предков могут

отзываться потом через два, а то и три поколения. Какие-то поступки в настоящем могут помочь исправить ошибки прошлого. И даже если полностью исправить их невозможно, нужно хотя бы понять, чтобы не повторять те же ошибки в будущем.

— Твой дада Рави был очень добр ко мне, — говорю я.

— Он как-то сказал мне: люди забывают многое, только не тех, кто сделал им добро.

— Он очень умный человек, — замечаю я, уверенная, что Рави имел в виду мою бабушку. — Может быть, ты в него пошел?

— Я был бы счастлив. — Подолом рубашки мальчик протирает запасные очки Рави. — А у вас много детей?

Напоминание о моей утрате больно ранит, но я не обижаюсь на этот наивный вопрос. В деревне ведь у всех женщин моего возраста уже по трое-четверо детей. Один висит на матери, а другие бегают за ней по пятам.

— Мне не было дано такого счастья, как твоему даде Рави. Ему повезло, что у него такой славный правнук.

— Вы очень добры. — Амит смотрит на маленький циферблат наручных часов и встает. — Мне пора идти. Сестренка у меня... — Он переминается с ноги на ногу. — Ей тяжело самой книжки носить.

Я споласкиваю наши стаканы, пока Амит собирает свои вещи. Потом провожаю его до двери и мысленно делаю заметку: надо бы поподробнее расспросить Рави о его правнуках.

***

— Я решила сохранить имущество. — Я прижимаю трубку к уху.

— Я не хочу, Джайя. Мне оно ни к чему.

Я пытаюсь объяснить, как это важно, но мама говорит:

— Я не хочу, чтобы ты задерживалась там из-за этого.

Я вдруг понимаю. Она послала письмо с отказом от своих прав, чтобы вернуть меня домой. Мне не хочется с ней спорить, и я меняю тему.

— Твоя мама всю жизнь писала разные истории. — До сих пор я никогда не ощущала тяги к беллетристике, но теперь мне нестерпимо хочется почитать Амишины сказки. — Ей во что бы то ни стало хотелось писать по-английски. И она пошла преподавать в английскую школу в обмен на уроки английского, которые ей давал британский офицер.

— Она была... — Мама умолкает, и я будто слышу, как она пытается уложить в голове эту информацию. Я терпеливо жду. — ...счастлива?

То же самое спрашивал Рави о маме.

— Думаю, да. — Насколько можно было понять из Амишиной истории, главной ее радостью были дети. Как ни трудно ей жилось в те времена, она всегда умела видеть главное. — Она была сильной. Ты бы ею гордилась.

Мама громко вздыхает, а затем наступает тишина. Я продолжаю рассказывать маме о ее матери, которую она никогда не знала:

— У нее был сад. Очень красивый. Все цветы, какие только есть на свете, и бук из Англии. Она много времени проводила в этом саду, пока учила английский.

— Зачем он рассказывает тебе эту историю? — шепотом спрашивает мама. — Зачем тебе все это знать?

— Мне кажется, это имеет какое-то отношение к тому, что твой отец хотел передать тебе. — Она снова молчит, и я спрашиваю: — Ты по-прежнему не хочешь знать?

— Никакие рассказы не изменят того, что случилось.

Что-то в ее тоне меня настораживает. Ее голос как будто срыгается, в нем слышится нотка печали, невыразимой словами.

— Что случилось, мама? Мама?! — Я слышу, как она плачет, и сама едва сдерживаю слезы.

— Пожалуйста, возвращайся домой. Есть кое-что, о чем я тебе никогда не рассказывала.

— Так расскажи сейчас, — умоляюще прошу я. Гул голосов в кафе становится тише и наконец совсем пропадает: в голове у меня гудит так, что больше ничего не слышно. — Что ты скрываешь?

— Некоторые тайны, Джайя, — тихо произносит мама, — должны оставаться тайнами.

В голову лезут непрошенные мысли о Патрике. Наш брак казался открытой книгой, пока мы не начали пытаться завести ребенка. В то время решать все самой казалось надежнее, чем опираться на мнение Патрика или советы врачей. Я была уверена, что знаю самые правильные решения, самый верный путь к нашей цели. Я не слышала Патрика, потому что не хотела слышать.

Когда наш брак распался и Патрик потянулся к Стейси, я не сомневалась, что это его вина. Теперь я вспоминаю, сколько всего скрывала от него — свои страхи, боль, пустоту, не оставившую места ни для чего и ни для кого. Казалось, что молчать безопаснее всего. Как я могла донести до него свою отчаянную потребность в ребенке и горечь поражения, когда сама почти не понимала себя?!

— Нет, мама, — говорю я и сама себе удивляюсь, — не лучше. Твои страхи нашептывают тебе то, что ты хочешь услышать, но от этого больше вреда, чем пользы.

— Так вот что ты делаешь в Индии, Джайя, — смотришь в глаза своим страхам? Или бежишь от них? — тихо спрашивает мама.

Я стараюсь слышать не слова, а то, что за ними стоит: горячее желание вернуть меня домой.

— Бегу. Я не знаю, что еще делать. Когда мы с Патриком расстались, у меня было такое чувство, будто от меня ничего не осталось.

По тому, как мама резко выдыхает, я понимаю, что мое признание оказалось неожиданным для нас обеих. Мне хочется сказать, что, когда я слушаю историю ее матери, мне становится легче. Что новый день больше не кажется тяжелой ношей. Бывают даже моменты, когда я, заслушавшись, забываю о боли, навсегда поселившейся во мне.

— Он звонил, спрашивал про тебя, — сообщает мама.

В глубине души мне очень хочется поверить в то, что не выдерживает проверки фактами и логикой. Патрик живет со Стейси, и когда-нибудь мне придется принять это сердцем и разумом. Обручальное кольцо, которое я так и не смогла снять, тяжелеет на пальце.

— Он и мне звонил. — Я не говорю, что Патрик, скорее всего, просто хотел расставить точки над «i». Может быть, Стейси настаивает — чтобы их отношения могли спокойно развиваться дальше. — Мы оба уже живем своей жизнью, — лгу я. Патрик был моей первой любовью, и трудно смириться с тем, что мы никогда больше не будем вместе.

— Тогда почему я слышу горечь в твоем голосе?

— У меня нет выбора, мама. — Я умолкаю, и молчание повисает надолго.

— Я читала твои заметки, — неожиданно меняет она тему. — Очень хорошо написано.

Хоть мама и не одобрила мой выбор профессии, однако не пропускала ни одной моей статьи. Это была непостижимая для меня загадка.

— Почему ты хотела, чтобы я стала врачом? — Я никогда раньше об этом не спрашивала, но теперь, после

того, что я узнала о бабушке, этот вопрос кажется очень важным.

— Потому что твой отец врач, — отвечает мама, видимо считая, что это все объясняет. — Он счастлив, успешен. Я хотела того же для тебя.

Такой простой ответ. Если взглянуть с ее точки зрения, что я сейчас впервые пытаюсь сделать, то, выходит, мать просто хотела лучшего для своего ребенка.

— Я люблю свою работу, мама, — тихо говорю я. — Это то, чем я всегда хотела заниматься.

— Тогда я рада.

— Мама... — Я задумываюсь, осторожно подбирая слова. — Что бы ни открылось мне в этой истории, пожалуйста, знай, что я люблю тебя. Всегда любила.

Я слышу, как она плачет, а потом медленно, растягивая слова, говорит, что тоже меня любит. Еще секунда — и в ушах раздаются гудки. Я вешаю трубку и думаю: может быть, понять маму — это и есть мой ключ к тому, чтобы понять себя? Несколько часов я сижу наедине с этими мыслями. Наконец кафе пустеет, бариста говорит, что они закрываются, и я возвращаюсь к Рави.

АМИША

28

В день праздника Холи Амиша встала рано. Древний праздник красок знаменовал собой приход весны. По всей стране поля были в цвету, и в людях жила надежда на богатый урожай. Праздник собирал вместе людей разных каст и обоих полов — все радовались ярким краскам и веселились. Последователи Кришны чествовали его, подражая ему в озорстве. Согласно легенде, Кришна в детстве немилосердно изводил своими шалостями гопи — пастушых жен и дочерей.

Амиша расчесала волосы до блеска, хотя и знала, что скоро их все равно обольют краской. Взглянула на маленькие настенные часы, которые Дипак привез из города. Это была неслыханная роскошь, однако Дипак настоял, что часы им необходимы.

— Опаздываем. — Амиша в последний раз взглянула в маленькое зеркальце, висевшее на стене, и выбежала из комнаты. Сейчас они всей семьей пойдут к большому костру, а затем будут вместе со всеми гулять по людным улицам, поливать друг друга подкрашенной водой и осыпать красящим порошком. — Все готовы?

Деревенские жители станут смотреть, как ребяташки забираются на крыши, устроенные так, чтобы там можно было ночевать, и осыпают сверху прохожих. Яркие

краски сверкают в небе, словно тающая в воздухе радуга. Люди только смеются, когда разноцветный порошок попадает им на волосы и на одежду. В праздник Холи заботы и предрассудки забываются: все с упоением мажут краской друг друга.

— Выглядите вы безупречно, как всегда. — Амиша крепко обняла обоих старших сыновей и стала поправлять на них одежду.

У дверей мальчики надели сандалии. На обоих были одинаковые длинные рубашки цвета слоновой кости и такие же узкие брючки.

— Мои друзья уже играют, мама. — Джей показал на ребячью компанию, ждущую на улице. Тем временем Самир уже выскользнул за дверь. — Я не хочу выглядеть безупречно. — Джей стал вырываться из заботливых материнских рук. — Я играть хочу.

— Ну играй.

Он уже хотел высвободиться, но Амиша ласково обняла его.

— Но у меня не будет хорошего праздника Холи, если мой самый замечательный средний сын не обнимет меня еще разок. — Она притянула его, упирающегося, к себе, еще крепче обхватила руками, и тогда он сменил гнев на милость и поцеловал ее в плечо.

Амиша стояла в распахнутых дверях и с улыбкой смотрела, как ее мальчики бегут к друзьям.

Дипак вышел из кухни со стаканом пахты в руках. Как и на Джее с Самиром, на нем была длинная светлая рубашка-туника и узкие брюки.

— Убежали?

— Да. Радуются, что папа с ними дома в праздник Холи.

Дипак только вчера вечером приехал поездом. Джей с Парешем сразу же бросились ему на шею, а Самир солидно пожал руку.

На повседневной жизни Амиши частые отлучки мужа по-прежнему мало сказывались. С помощью Рави и Бины она легко управлялась с хозяйством и детьми. Когда Дипак приезжал домой, он все равно почти все время проводил на работе или с другими мужчинами. Их с Амишей беседы были редкими и непродолжительными.

— Пойду за ними. — Дипак поставил стакан. — Викрам вчера говорил, что он и лейтенанта пригласил праздновать Холи вместе со всей деревней, — добавил муж мимоходом, явно не придавая этому особого значения.

Стивен рассказал Амише о приглашении Викрама еще несколько дней назад в школе, но сама она об этом дома не упоминала. Когда-то она пыталась рассказать Дипаку о своих разговорах со Стивеном, но тот высмеял их обоих, недоумевая, о чем вообще его жене говорить с британским офицером. После этого она больше ни разу не заводила с ним речи об этих разговорах и о тех часах, которые они со Стивеном проводили наедине.

Она не признавалась Дипаку, как легко ей разговаривать со Стивеном и как часто она занята мыслями о том, что скажет ему в следующий раз. Не могла она признаться мужу и в том, как не терпится ей увидеть сияющие глаза Стивена, когда тот будет любоваться праздничным зрелищем. Она не сомневалась, что праздник понравится ему так же, как ей. Мечтала быть в это время с ним рядом, разделить праздник с человеком, который стал ей другом — таким другом, о каком она никогда и мечтать не могла.

Ей хотелось самой показать Стивену, как поздней ночью, когда уже и краски у всех кончатся, и руки устанут, все собираются вместе за праздничным столом. Брамины смеются, джайны и представители других высших каст раздают еду. Это единственная ночь, когда людей

не разделяет их положение в обществе. Для Амиши это было самое восхитительное зрелище. Только поэтому, убеждала она себя, ее так радует, что Стивен тоже будет там. Но всякий раз, стоило ей подумать об этом, как она вспоминала, что такие чувства — запретные. Ее желание проводить время с офицером шло вразрез со всеми общественными и культурными нормами.

Сейчас она стояла на крыльце и смотрела, как ее муж идет по деревне вслед за сыновьями. Думать с такой теплотой о Стивене — это предательство по отношению к Дипаку и к тем клятвам, которые она дала перед богом и своей семьей! Повесив голову, Амиша не двигалась с места и присоединилась ко всем, когда празднество уже началось.

Пока мужчины беседовали между собой, Амиша из своего женского кружка наблюдала за Стивеном. Вот он хлопнул какого-то мужчину по спине и рассмеялся в ответ на его слова. Амиша готова была поклясться, что в компании друзей Дипака он все же старается держать едва заметную дистанцию. Сама она, находясь вместе с ним, этой дистанции никогда не чувствовала.

Друзья Дипака в сравнении с большинством деревенских жителей были людьми образованными. У кого-то имелся свой бизнес в деревне, другие вели дела на стороне, пускаясь в какие-то рискованные предприятия. Успех в этой их деятельности и был общей чертой, связывающей их между собой. Они имели огромное влияние на жизнь деревни, поскольку были состоятельнее прочих. Вскоре к ним присоединился сэр Викрам, которого привез личный шофер.

— Лейтенант, — пожал Стивену руку в знак приветствия Викрам, — весьма любезно с вашей стороны прийти на наш праздник.

— Это удовольствие для меня, Викрам, — ответил Стивен. — Было бы обидно пропустить такое веселье.

Мужчины продолжали беседовать о бизнесе и о состоянии местной экономики. Амиша, прислушавшись к их разговорам, вскоре поняла, что они избегают любых тем, касающихся напряженных отношений между британцами и местным населением. Она была только благодарна им за это.

Заметив, что Амиша наблюдает за мужчинами, ее подруга Суджата тоже перевела взгляд на них. Увидев Стивена, Суджата удивленно ахнула и бросила быстрый взгляд на Амишу.

— Офицер из британской администрации — здесь?

— Да. — Амиша оторвала взгляд от Стивена и взглянула на Суджату. — Это лейтенант из школы. — Сама Амиша никогда ни с кем не обсуждала школьные дела, но понимала, что в маленькой деревушке слухи разносятся быстро. — Пришел праздновать Холи вместе с нами.

Суджата бросила на Стивена сердитый взгляд.

— Он не индеец. Нечего ему здесь делать! — с явной неприязнью проговорила она. — Убирались бы эти военные туда, откуда пришли.

— В Англию? — Амиша старалась говорить беззаботным тоном.

— Вот же чума на наши головы!

— Они не все одинаковы. — Амиша старалась не выдать, как ей неприятно слышать такие слова о Стивене. Она оставила свое настоящее мнение при себе и сказала только: — Есть среди них и милосердные люди.

— Ну да, ты же к ним в школу ходишь, так они уже тебе и по душе? Что, своей там надеешься стать?! — Суджата повысила голос, привлекая внимание других женщин. — Глядите-ка, Амиша-то у нас англичанкой заделаться хочет!

Амише приходилось помнить об осторожности. Если начать с ними спорить, обсуждение ее чувств может зайти далеко. А если промолчать — будут донимать, пока

не выведут из себя. Она снова взглянула на Стивена: тот о чем-то беседовал с Дипаком.

— Я не меньше вашего хочу, чтобы военные убрались отсюда. — Ложь сорвалась с губ легко, и Амиша надеялась, что прозвучала она убедительно. Переведя взгляд на подруг, она повернулась к мужчинам спиной. — Но они не уходят. Может быть, если мы у них чему-то научимся, то станем сильнее и тогда сумеем их прогнать?

— Так вот что ты задумала, Амиша? — вмешалась в разговор еще одна подруга, Тара. — Ты, значит, ходишь учиться, чтобы освободить нас от британских властей? Видно, слишком подолгу Дипак-бхай не бывает дома, — Тара назвала Дипака «бхай» — братом: такое обращение было между ними принято, — раз Амиша от безделья начинает с ума сходить. — Тут же она положила руку Амише на плечи, притянула ее к себе и коротко обняла.

Эти женщины были самыми давними Амишиными подругами в этой деревне. Многие из них и замуж вышли примерно в то же время, что и она, и за эти годы они очень сблизились. Но, как ни много было между ними общего, Амишиной страсти к писательству никто из подруг, кажется, не понимал.

Амиша рассмеялась вместе со всеми, радуясь, что опасность миновала.

— Я хожу в школу, чтобы было где от вас отдохнуть.

Женщины перешли на другие темы и, не прекращая разговора, двинулись к накрытым столам. Каждая семья принесла что-то для всех. Женщины начали раздавать угощения детям. Праздник Холи часто растягивался на две ночи подряд, но первая все же была самым ярким моментом праздника.

Амиша оглянулась на Стивена, и глаза их встретились. Его взгляд скользнул по красным и синим пятнам на Амишином сари, а затем — по желтым разводам в волосах.

Он шагнул было к ней, но, видимо, вспомнил, где находится. В горле у Амиши застрял комок сожаления.

Не приближаясь, Стивен лишь слегка поднял руку и помахал Амише. Она хотела ответить ему тем же, но тут увидела Дипака. Это послужило напоминанием о том, где ее место, и ее тут же охватило раскаяние. Низко опустив голову, Амиша не ответила на приветствие.

Кто-то из женщин попросил помочь, и Амиша поспешно отвернулась от мужчин. Начала распаковывать оставшиеся угощения и тут услышала, как Дипак говорит Стивену:

— Моей жене очень нравится ваша школа.

— Мы тоже рады, что она у нас преподает. Это ценное приобретение, — негромко проговорил Стивен.

Амиша расслышала в его голосе нотку скованности и поняла: он обеспокоен ее реакцией.

— Вы слишком великодушны. — Смех Дипака прозвучал легко и естественно, словно они со Стивеном были старыми друзьями, а не недавними знакомыми. — Трудно представить мою жену учительницей в британской школе.

Уязвленная словами Дипака, Амиша пыталась расслышать, что ответит Стивен, но его голос перекрыл слишком громкий звон тарелок. Вскоре мужчины тоже подошли к столу за угощениями. Стивен стоял поодаль и наблюдал за происходящим.

Амиша заняла место за столом и стала раскладывать еду по тарелкам. Внезапно устыдившись, она старалась теперь думать только о том, чтобы хорошенько угостить всех. Стивен знал ее как женщину, которая не хотела уходить после окончания урока и требовала заниматься еще. Женщину, которая учила его танцевать и грозила столкнуть со скамьи, когда он подшучивал над ней. Та женщина, которую знал Стивен, не признавала

ограничений — она рвалась на волю, в мир, созданный ее писательским воображением.

Когда все получили свои угощения и женщины тоже начали есть, Стивен подошел к Амише.

— Все хорошо? — тихо спросил он, остановившись на безопасном расстоянии, чтобы не привлекать внимания.

— Да, — пробормотала она.

Ее взгляд устремился на Дипака, и Стивен проследил за направлением этого взгляда. В его глазах отразилось понимание, а потом виноватость.

— Простите меня. Не стоило мне являться на ваш семейный праздник, — сказал он. — Я лучше уйду.

— Я рада, что вы здесь, — быстро призналась Амиша. Помолчала и добавила: — Вот только радоваться-то мне и нельзя.

Амиша словно увидела себя его глазами: покорную, зависимую от ожиданий окружающих. Теперь, увидев ее в настоящем свете, он, должно быть, жалеет, что тратил время на ее обучение. С тяжелым сердцем она торопливо положила на блюдо орехов с изюмом и пшеничный пудинг с сахаром-сырцом и сливочным маслом.

— Прасад?¹⁴ — негромко предложила она. Стивен нерешительно молчал, и она придвинула блюдо к нему. — Готовила я, но все равно вкусно.

Когда он брал из ее рук блюдо, пальцы их соприкоснулись — всего лишь на миг. Ее глаза встретились с его глазами — смущенными, неуверенными.

— Я рад, что пришел сюда сегодня, — проговорил он тихо, так, чтобы никто не слышал. — Когда я вижу вас такой счастливой в окружении близких, это напоминает о том, какая удача для меня ваша дружба.

---

¹⁴ Освященная еда, приготовленная с любовью к божествам и святым традициям. — *Прим. ред.*

— А для меня ваша, — выдохнула Амиша, благодарная за то, что он дал их отношениям название и обозначил границы. Она облегченно вздохнула и стала с удовольствием смотреть, как он угощается ее прасадом, подбирая с тарелки все до последней крошки.

29

Амиша сидела в пустом классе, когда дверь вдруг открылась. Она подняла глаза и увидела на пороге Ниму, прикрывающую лицо уголком сари. На ней была блуза с длинными рукавами, а юбка, надетая под сари, доходила до лодыжек.

— Нима! — Амиша бросилась к юной девушке и хотела уже стиснуть ее в объятиях, но остановилась. — Я тебя уже несколько месяцев не видела, бети. — Она легонько пожала Ниме руку. — Как ты поживаешь?

Нима поморщилась и отняла руку.

— Хорошо. — Голос у нее был твердым, но в нем больше не слышалось уверенности, как раньше, на уроках. — Папа говорит, вы спрашивали обо мне. — Она отвернулась, по-прежнему пряча лицо. — Я умолила его, чтобы он позволил мне зайти сюда.

— Бети? — Амиша неслышно закрыла дверь в класс. — Что случилось?

Нима покачала головой, но в Амише уже проснулся материнский инстинкт. Она тихонько потянула край сари от лица своей ученицы и вскрикнула от ужаса. Вся правая половина лица Нимы потемнела и сморщилась от ожогов. Амиша провела по ее щеке дрожащей рукой.

— Это неважно. — Нима отстранилась, и Амише пришлось выпустить ее. Девушка тут же обхватила себя руками. Вид у нее был сломленный и удрученный.

— Мне важно, — сказала Амиша. Сердце у нее болело за эту юную душу. — Пожалуйста.

По щекам девочки потекли слезы. Амиша положила руку ей на плечо, пытаясь приободрить. Не сразу, сквозь судорожные вздохи, Нима выговорила:

— Перед молитвой мы всегда зажигаем костер — агни. — Край сари сполз с ее плеча, открыв следы ожогов на шее и на руке.

Амиша сморгнула слезы и стала внимательно слушать.

— Бог Агни представляет всех других богов. Он их посланник. Вестник богов. Когда огонь горит, он связывает нас с высшими божествами.

Да, поэтому перед молитвой всегда зажигали дий, и в храмах десятки дий горели в любое время. Поэтому и тела кремировали после смерти. Огонь служил для человеческих душ вратами на небеса.

— Я хотела, чтобы огонь стал моим мостом. Увел бы меня из этого мира. — Нима плакала, слезы ручьем бежали по девичьему лицу.

У Амиши перехватило дыхание. Сама с трудом сдерживая слезы, она обняла рыдающую девушку.

— Ты подожгла себя? — прошептала она.

— У меня не было другого выхода.

Нима рванула пуговицы на рукавах и показала обе руки. Ожоги на них были еще страшнее, чем на лице. Кожа стала совсем черной и сморщилась до самого плеча. Такие же рубцы и шрамы были на животе.

— Теперь я совсем ничего не стою. — Нима утерла ладонью слезы. — И жениху я больше не нужна. — Она закрыла лицо руками, все еще всхлипывая. — Он решил, что я теперь не годюсь ему в жены.

Амиша прижала ее к себе. Рыдания сотрясали полудетское тело. Амише казалось, что прошли не минуты, а часы, пока девушка изливала горе в ее объятиях. Амиша могла лишь молча обнимать ее, и только молчание заполняло пустоту. Выплакавшись, Нима отстранилась и непослушными пальцами стала застегивать пуговицы.

— Нима... — Амише было больно за эту почти еще девочку, жизнь которой изменилась навсегда. — Бети...

— Когда мое тело охватил огонь, боль была ужасная, — проговорила Нима, и в ее голосе слышалось отвращение к себе. — Моя душа восстала против смерти. Разум велел звать на помощь. И меня нашли. Потому что я умоляла спасти меня. — Она рывком распахнула дверь и уставилась в пустой коридор. — А сердце теперь каждый день спрашивает меня — зачем?

***

Амиша молча шла рядом со Стивеном по пустому саду, не замечая палящего солнца. Стивен стоял перед дверью своего кабинета, когда Нима вышла из класса. Не сказав ни слова, он ждал, пока Амиша усадит девочку в повозку рикши.

— Пройдемся? — тихо спросила Амиша, когда Нима уехала.

Он сразу согласился и вышел вместе с ней в сад.

— Что случилось? — спросил Стивен, как только они остались вдвоем.

— Она подожгла себя. — Голос у Амиши дрогнул, и слезы, которых она не могла пролить при Ниме, покапались по щекам. — Она хотела умереть.

— Боже мой... — В голосе Стивена были печаль и безнадежность.

— Она стала звать на помощь. — Амиша подняла с земли камешек и бросила в ствол дерева. — Поэтому осталась жива, но искалечена. — В ярости она схватила еще один камешек и бросила снова. — Она хотела убежать от своей судьбы. Смерть казалась единственным выходом. — Амиша сложила руки на груди. — Это все сочинение... Это я велела им сделать выбор.

— Амиша, вы тут ни при чем. — Стивен протянул руку, но тут же сжал пальцы в кулак и опустил,

не дотронувшись до нее. Распустившийся галстук болтался у него на шее. — Это не ваша вина.

— Кто-то должен за это ответить, — возразила Амиша. — Кого же винить за то, что с ней случилось? — Стивен молчал, и она добавила: — Я могла что-то предпринять, как-нибудь ее остановить. — Печаль и вина лежали тяжестью на сердце. — Я должна была что-то сделать...

— Что? — Стивен положил руку ей на плечо и сжал. Амиша замерла, но вскоре расслабилась. — Ни вы, ни кто-то другой ничего не смогли бы сделать, чтобы спасти эту девочку. — С удрученным видом он признался: — Если бы вы вмешались, это могло иметь плохие последствия.

Амиша понимала: то, что она попала в эту школу, — большая удача. Она с самого начала знала, что здесь нельзя действовать опрометчиво. В отношениях с учениками она никогда не переступала черту, за которой потребовалось бы вмешательство Стивена. Но сейчас казалось, что все это пустые отговорки. Ей было стыдно за свое бездействие.

— Ее сочинение было криком о помощи, — призналась Амиша. — А я его не услышала.

— Родители Нимы все равно не позволили бы вам ничего сделать, — напомнил Стивен.

Поступок Нимы не был чем-то неслыханным. В этом мире каждому приходилось искать свой путь в жизни и стараться не сбиться с него. Если этот путь не гладкий, возможно, человек останется в одиночестве, когда от него отвернутся другие — те, кто уверен, что лучше знает, куда идти.

— Я могла сказать ей, что есть и другие пути.

— А они есть? — Стивен подобрал камешек, брошенный Амишей. — В детстве я, бывало, целыми часами носился с мечом и щитом. Отец раз спросил, с кем это я воюю. «Готовлюсь к встрече с врагами», — ответил я.

А он сказал, что иногда самые грозные сражения — те, которые человек ведет с самим собой.

— Что он имел в виду?

Стивен задумчиво помолчал, а потом изрек:

— У каждого своя война. Если я здесь чему-то научился за эти годы, так тому, что не всегда можно сразу разглядеть, кто твой враг. Но с каким бы противником ни пришлось столкнуться, если удача будет на твоей стороне, ты выдержишь эту битву достойно. — Стивен протянул Амише камешек. — Нима была в отчаянии. Думаю, она сражалась как умела и это был ее единственный путь.

30

— Зачем он тебе, скажи, пожалуйста?

До сих пор Рави никогда не заговаривал об отпуске. А теперь вдруг попросил целую неделю.

— Ты что, заболел? — Не дожидаясь ответа, Амиша потянулась к нему через гору белья, которое они вместе складывали, и потрогала пальцем лоб. — Жара нет.

— Может быть, это даже хорошо, что вас не отправили учиться в университет. — Он оттолкнул ее руку и передал стопку полотенец Бине, чтобы та убрала в шкаф. — Если бы вы вздумали лечить больных, боюсь, в ваших руках они бы и дня не протянули.

— Ты же сам всегда возмущаешься, когда я до тебя дотрагиваюсь, вот я и не решилась щупать тебе лоб всей ладонью, — возразила Амиша.

— Если соседи увидят, что вы трогаете руками неприкасаемого, для меня это может кончиться внезапной смертью во сне, — заметил Рави. — А если они узнают, что вы угощаете их обедами и сладостями, которые готовил неприкасаемый, то и вас ждет та же участь.

Бина, которая уже успела унести полотенца и вернуться, сказала:

— Благодаря тебе, Рави, шримати считают лучшей поварихой в деревне.

— Когда я буду умирать, то раскрою эту тайну нашим друзьям на смертном одре, — пообещала Амиша.

— Тогда лучше бы вам раньше оглохнуть, — отозвался Рави. — Не то от яростных воплей будет звенеть в ушах.

— Твоя попытка сменить тему не прошла незамеченной и, позволю себе заметить, была довольно искусной, — усмехнулась Амиша. — А теперь отвечай на мой вопрос: зачем тебе отпуск?

— Мне нужно отдохнуть, — уклончиво ответил Рави. — Эта работа меня утомила.

— Врать ты не очень-то умеешь, — заключила Амиша. До сих пор она никогда не слышала, чтобы он говорил неправду. — Говорят, повторение — мать учения. Упражняйся почаще, а я буду отмечать твои успехи.

— Одну неделю, — досадливо вздохнул Рави. — Неужели это так трудно устроить?

— Мы ходим по кругу, у меня уже в глазах мелькает. — Амиша принесла несколько красных перцев и разложила их на подносе — сушиться. Когда они высохнут, их разотрут в порошок. — Скажи мне наконец, в чем дело, чтобы нам больше к этому не возвращаться.

— Жениться он хочет, — ответила за Рави Бина. — Ой! — тут же вскрикнула она: это Рави шлепнул ее полотенцем.

— Жениться?! — У Амиши радостно распахнулись глаза. — Правда?

— Родители настояли, — несмело проговорил Рави. — Благодаря вам у нас теперь есть заработок. Они хотят внуков.

Все время, когда не спал, Рави проводил в этом доме и выполнял любую работу, какая только понадобится. За такую преданность Амиша платила ему тройное жалованье. На эти деньги Рави уже купил дом — себе, родителям, братьям и сестрам. До сих пор у них никогда не было своего жилья. Домик был маленький, но Рави заявил Амише, что это их замок.

— Замечательная новость. Что же ты мне не сказал? — Амиша лихорадочно соображала, какой подарок выбрать. Пир в честь новобрачных и угощение от браминов? И новая мебель в дом понадобится. Надо только его как-то уломать. — Должно быть, она красивая. — Амиша подтолкнула локтем Бину. — Нашему красавцу Рави только самая лучшая невеста под стать. Верно, Бина?

Амише хотелось обнять его, чтобы показать, как она рада его свадьбе. Но она не могла. Стоит любому случайному прохожему возмутиться, и их жизнь будет разрушена. Даже наедине она никогда его не обнимала. Поэтому она ограничилась улыбкой и сложила перед собой руки в знак благодарности за добрую весть.

— Мне повезло, — сказал Рави, лучась радостью.

— Это она счастливица. Заполучить тебя — лучшая награда для женщины.

— Я просил... — Рави помедлил, вдруг смутившись чего-то. — Я просил, чтобы у нее было такое же большое сердце, как у вас, и такая же щедрая душа.

Амиша замерла, уставившись на него. Сердце у нее дрогнуло, и давние слова Чары вновь зазвучали в ушах: «Ищи того, кому можно доверять». Судьба сделала Амише подарок — послала человека, который стал ее близким другом и хранителем секретов.

— Это мне нужно благодарить судьбу, — проговорила Амиша, на этот раз без тени насмешки. — Если в этой жизни у меня есть такой друг, как ты, значит, в прошлой

я наверняка сделала много добрых дел. Мало кому выпадает такое счастье.

***

В тот же день, ближе к вечеру, Амиша сидела и молча слушала, как Суджата, Тара и другие женщины обсуждают последние события в деревне. Амиша с Рави приготовили для гостей качори. Круглые лепешки с желтым мундалом, черным перцем и имбирной пастой пекли всю ночь. Рави подал их с большой миской чевды — смеси жареной чечевицы, арахиса, специй и лапши из нутовой муки.

До вечера обсуждали, где лучше делать покупки, и сравнивали качество шелков. В конце концов все сошлись на том, что за покупками стоит ездить только в большой город.

Тара отпила глоток кокосовой воды.

— Амиша, еда превосходная. Ты сегодня сама себя превзошла.

— Спасибо. — Амиша не призналась подругам, что Рави ей помогал. — Я рада, что вы составили мне компанию. — Она хотела добавить что-то еще, но тут раздался стук в дверь. Она извинилась и пошла открывать. На пороге стояла Нима.

Изумленная, Амиша жестом пригласила ее войти. Прошло уже несколько недель с того дня, когда девушка приходила в школу.

— Ну как ты, бети?

Нима все так же прикрывала лицо краем сари. Увидев других женщин, сказала:

— Извините. Я не хотела вам мешать. Зайду в другой раз.

— Мы уже уходим. — Амишины подруги начали собираться. — Пора детям ужин готовить.

Нима отошла в сторонку, подальше от любопытных глаз, и подождала, пока дом не опустеет. Потом она

достала из сумки дешевенький конверт. На нем идеальным каллиграфическим почерком Нимы было написано Амишино имя. Внутри лежала тисненная золотыми буквами открытка — приглашение на свадьбу в ближайшие выходные.

— Я пришла отдать вам это.

— Ты выходишь замуж?! — потрясенно спросила Амиша.

Нима сцепила пальцы в замок. Обожженная рука резко выделялась на фоне гладкой кожи другой.

— Я играла с огнем как маленькая, — прошептала она. — Теперь я должна нести ответственность как взрослая. — Она хотела сказать что-то еще, но осеклась, дважды сглотнула и только потом договорила: — Мне нашли жениха за три деревни отсюда. Свадьба будет скромная, через два дня, но я надеюсь, вы сможете прийти.

— Чем же он занимается? — Амишины ладони сделались влажными от испуга.

Она знала, что искалеченную девушку захочет взять в жены только тот, кому ее увечья нужны, чтобы разжалобить кого-то. Она и ждала ответа, и боялась его услышать.

— Нищенствует, — ответила Нима, подтвердив Амишины опасения. — Он согласился взять меня в жены за небольшое приданое и содержать, насколько позволят средства.

— Иди работать ко мне. — Амиша лихорадочно искала выход. Она никак не могла смириться с тем, что Ниме осталась только одна дорога — попрошайничать. — Найдем тебе место.

— Не могу. — Нима часто-часто заморгала, сдерживая слезы. — Помните, на самом первом уроке мы рассказывали нам сказку про человека и птицу. — Она уперлась глазами в пол. — У них была только одна

маленькая дырочка, через которую можно было дышать, а мы должны были решить, что делать дальше.

— Помню. — Сердце у Амиши щемило от грусти.

Она знала, что Нима талантлива. Девочка могла бы стать настоящей писательницей, а теперь на всю жизнь останется нищенкой.

— Я была уверена, что этому человеку нужно в первую очередь позаботиться о собственной жизни, — сказала Нима. Почти все ребята тогда написали истории с похожим концом. — Но теперь понимаю, что он был сам виноват. Он должен был взять в руки птицу и дать ей дышать свежим воздухом.

— А как же он сам?

— Его судьба решилась в тот день, когда он построил непрочный дом. Если бы дом не рухнул при землетрясении, то развалился бы в другой раз. Но в последние минуты он должен был спасти невинную птицу, чтобы ей не пришлось расплачиваться за его ошибки.

— Нима... — Амиша пыталась понять связь между этой историей и предложением работы.

— Ваше приглашение очень великодушно, но я не могу его принять, — прошептала Нима. — Если я буду работать здесь и жить с родителями, мое увечье со временем скажется на их положении в обществе. — Нима смахнула слезы. — Все станут считать, что я приношу несчастья. Мой брат еще маленький, у него вся жизнь впереди. Нельзя, чтобы его будущее пострадало из-за моего решения. — Она слабо улыбнулась Амише. — Счастье уже то, что я не буду больше обузой родителям. — Она открыла дверь. — Надеюсь, вы придете на свадьбу.

***

Амиша ворвалась в школу. Стивен уже ждал ее у входа. Ни слова не говоря, он сделал ей знак пройти за ним в его кабинет.

— Что с вами? — спросил он.

— Нима вышла замуж, — ответила Амиша, прибежавшая сюда прямо со скромной свадьбы, которую устроили родители девушки. Там были только ближайшие родственники и пуджари, который и совершил обряд. — Я видела, как она обошла семь раз вокруг костра и ушла с нищим.

Амише хотелось что-нибудь швырнуть или ударить кого-то. Но она только металась взад-вперед по тесному кабинету.

— Никто ни слезинки не уронил. Стояли и смотрели, как она уходит! — выкрикнула она.

— Вы ничего не могли сделать, — мягко сказал Стивен, потирая шею ладонью.

— А британские власти? — Амиша взглянула ему прямо в лицо. Это был их старый спор, но сейчас Амиша не могла сдержаться. Все, кроме боли Нимы и страха за ее будущее, потеряло значение. — Вы что можете сделать?

— Амиша...

— Я знаю, — сказала она, угадав его ответ. — Вы не имеете права. — Стены маленького кабинета сжались вокруг нее, так что нечем стало дышать. От злости ей хотелось рвать и метать. — Меня ждут ученики.

— Может быть, вам лучше взять выходной. Вам сейчас тяжело. — Стивен преградил ей путь к двери. Амиша видела, что он ей сочувствует, но не могла найти в себе отклика.

— Это не мне придется провести остаток жизни на улице. — Амиша вышла мимо него в коридор. Спинай она чувствовала, что он смотрит ей вслед.

В классе все ученики уже расселись по местам и терпеливо ждали.

— Прошу прощения за задержку. — Амиша начала было читать вслух приготовленную тему урока, но судьба Нимы не давала думать ни о чем другом.

Амиша захлопнула блокнот и взглянула на класс.

— Сегодня у нас будет необычный урок, — сказала она. Через заднюю дверь в класс неслышно проскользнул Стивен. Ребята его не заметили. Амиша, не глядя на него, начала развивать мысль, которая только что пришла ей в голову. — Мы — английская колония, которой правят король и королева. Вы все учитесь в английской школе. Но вы — индийцы, и многие ваши обычаи и привычки не такие, как у них.

Амиша украдкой бросила взгляд на Стивена. Тот молча наблюдал.

— Ваша подруга и моя бывшая ученица Нима вчера вышла замуж.

Амиша старалась не давать воли эмоциям, понимая, что ступает по лезвию бритвы. Излишняя горячность вынудит Стивена вмешаться. Но ведь эти ученики — часть будущего. Это они в числе других будут добиваться перемен. Они могут написать для истории Нимы другой конец. Предложить другой выход тем, кто ищет чего-то своего — не того, что предопределено для них заранее.

— Она была рада? — спросила девочка с задней парты.

Амиша закрыла глаза. Почти никто из учеников, а может, и вовсе никто не знал о несчастье, произошедшем с Нимой. Ее брат сохранил это в тайне от своих одноклассников, а сама Нима после случившегося почти не выходила из дома.

— Она приняла эту свадьбу как следующий этап в своей жизни.

— Так какое задание-то? — Парень с первой парты что-то царапал от скуки на листе бумаги.

Амиша подумала.

— Мы будем писать о том, что изменилось бы в нашей стране, если бы во главе ее стояла женщина.

Стивен за рядами парт резко выпрямился, не сводя с нее пристального взгляда. Амиша оставила это без внимания. Тут подняла руку еще одна ученица.

— Да, Гита?

— То есть — если бы правил не король, а королева?

— Нет, не королева. Не британские власти. Женщина, рожденная в Индии, воспитанная в индийских правилах и вере. Вы все должны представить себе индийскую женщину, которая выступает против этих обычаев, против этих норм — и вот она возглавляет страну.

— Как Ганди?

— Ганди борется за нашу независимость, — пояснила Амиша. — А я говорю о той, кто возглавит уже независимую Индию. Вот и расскажите об этой женщине и о том, как она будет нами править.

— А разве это сказка или история? — недоуменно спросил кто-то из старших мальчиков.

— А ты можешь представить себе такое в жизни? — спросила Амиша, и голос ее прозвучал резче, чем ей хотелось. Все затихли. — Вот потому и сказка. Сочинение. Фантазия.

Стивен вышел из класса так же неслышно, как вошел. Амиша продолжала урок. Она убедилась, что все ученики поняли задание, а затем велела приступить.

Когда ребята разошлись, Амиша стала читать их сочинения. Она с гордостью отметила, что все они добросовестно постарались себе представить, что было бы, если бы Индией правила женщина. Их сочинения, пусть иногда забавные, были написаны от души. Амиша сложила их в большой конверт и уже запечатывала его, когда вошел Стивен.

— Женщина во главе Индии? — Он сунул руки в карманы.

— Я не ожидала увидеть вас в классе.

— Я так и думал. Если бы я знал, что вы станете подстрекать к бунту, я бы не предложил вам место учительницы.

— Вы боитесь увидеть женщину во главе страны? — спросила Амиша. Она сама не заметила, что затаила дыхание, пока, услышав его ответ, не вздохнула с облегчением.

— Нет. — Стивен внимательно смотрел на нее. — Но я не могу быть спокоен, когда кто-то из моих учителей продвигает в классе идеи об индийском правлении.

— Я ничего не продвигала. — На миг Амиша умолкла в досаде. — Я вообще не говорила о политике. Это для Нимы. — Она показала Стивену конверт. Внутри у нее все кипело от гнева. — Я хотела сделать ей подарок, который убедит ее не сдаваться. Покажет, что надежда есть всегда.

— И вы решили, что сочинения ребят в этом помогут? — спросил Стивен.

Вопрос прозвучал без осуждения, и все же Амиша сразу почувствовала себя маленькой и глупой.

— Нелепая мысль. — Она бросила конверт на стол.

— Вовсе нет. — Стивен взял конверт и написал на нем имя Нимы. — Я pošлю курьера, пусть отнесет это в ее новый дом.

— Спасибо. — Амишу удивила его заботливость.

Стивен наклонился, чтобы легче было смотреть ей прямо в глаза.

— Амиша, мне очень жаль, что с ней случилось такое. Что бы я ни говорил раньше — пожалуйста, знайте!

— Это несправедливо. — Амиша уронила голову, ее глаза наполнились слезами. — Она заслуживала лучшего.

Но история Нимы мало отличалась от других, происшедших в их время и в их стране. Как ни хотелось Амише

поддержать и ободрить Ниму, будущее девочки слишком мало зависело от нее самой.

— Я знаю, — тихо произнес Стивен, глядя на нее.

31

Со свадьбы Нимы прошло уже несколько дней, а Амиша все никак не могла отделаться от мыслей об этой девушке. Ей делалось больно всякий раз, когда она думала о ней. Со Стивеном они часами говорили в саду обо всем и ни о чем. Он словно понимал, как хочется Амише говорить о пустяках, чтобы отвлечься, забыть о девушке, которой она не смогла помочь.

— А ваш брат? — спросила как-то Амиша во время прогулки. С тех пор, как Стивен рассказал ей о брате, Амишу так и тянуло расспрашивать о нем еще и еще. — Вы с ним много времени проводили вместе?

Стивен ответил не сразу, и Амиша даже подумала, не слишком ли тяжело ему еще разговаривать на эту тему. Она уже хотела сказать, что он может не отвечать, если не хочет, но лейтенант заговорил:

— Мы были друзьями, и это много для нас значило. — Уйдя в воспоминания о доме, Стивен, казалось, забыл обо всем. — В детстве дрались, как все мальчишки. Прощение обид сопровождалось ловкой подножкой и тумаками по чувствительным местам. — Но, став взрослыми, по словам Стивена, они сблизились, и оказалось, что между ними много общего, помимо кровного родства. — Я рад, что так вышло.

— А думали, что будет по-другому?

— Мои родители никогда не говорили о своих чувствах, — ответил Стивен. — Я полагал, что и мы с братом пойдем в них.

— И теперь вы рады, что ошиблись, — заключила Амиша. Она чувствовала, с какой любовью Стивен говорит

о человеке, которого потерял. — Семья, родные люди — это очень важно. — Она вспомнила слова Стивена об отце. — Вот и ваш отец добился, чтобы вас отправили в Индию, а не на фронт. Должно быть, он очень вас любит.

— Офицером в Индию! — Стивен даже не пытался скрыть свое возмущение. — Чего он хотел? Сделать из меня еще одного сторожа краденого королевского сокровища?

— Вы действительно так думаете? Что мы заслуживаем свободы? — переспросила Амиша.

В первый раз за все время Стивен признал, что Индия не по праву принадлежит его стране.

— Если я скажу «да», то предам свой народ. А если скажу «нет», то предам вас? — спросил он, и Амиша растерянно примолкла.

— Нет, — ответила она наконец. — Свобода Индии — еще не гарантия, что мы все будем свободны.

Оба, судя по всему, понимали, что она имеет в виду Ниму.

— А вы этого хотите? — спросил Стивен. — Свободы?

— Да что я с ней буду делать? — Амиша попыталась отмахнуться от своих же слов. — Болтаю что попало.

И пока он не успел ничего добавить и не начал настаивать на серьезном ответе, поспешно сменила тему:

— А вы жалеете, что оказались здесь?

— Теперь уже нет. — Стивен проговорил это, глядя прямо ей в глаза. — Но я скучаю по друзьям, а бывает, и по родным... — подмигнул он, — по тем, кто остался дома. — Он помолчал. — Вы ведь не часто видитесь со своими родными, правда?

В одном из многочисленных разговоров они успели поделиться своими семейными историями.

— Нет, — ответила Амиша. — Когда женщина выходит замуж, ей уже незачем с ними видеться. — Она уже

привыкла подавлять чувство горечи всякий раз, когда думала о родных. Родители ведь были для нее всем, пока не отдали замуж и не забыли о ней.

— Они далеко живут? — спросил Стив.

— Если ехать поездом, то недалеко. Но дело не в расстоянии. Просто не до того.

С детьми на руках, при том что Дипака никогда нет дома, не так легко было бы проделать такой путь. И, как ни тосковала Амиша по матери, которая ее родила, чтобы потом отдать чужим людям, она понимала: мать никогда не знала ее по-настоящему. Ее мечты, ее стремления всегда были тайной за семью печатями.

— Это сама женщина решает? — уточнил Стивен.

— Нет, традиция такая, — ответила Амиша. Ее удивило искреннее недоумение на его лице. — А в вашей стране не так?

— Нет, — ответил Стивен.

Амиша вспомнила, как он рассказывал, что его бабушка с дедушкой живут неподалеку от дома, где он вырос.

— Зачем же отрывать женщину от семьи после свадьбы? — пожал плечами он.

Когда-то, еще девочкой, Амиша видела, как ее подруг одну за другой отдают в чужие семьи. Девушки всего на пару лет, а то и месяцев старше самой Амиши плакали и умоляли, чтобы их не выдавали замуж. Чтобы позволили остаться с родителями, с братьями и сестрами в знакомом и привычном мире.

— Чтобы женщина рожала детей, при этом лучше сыновей.

Чем старше была девушка, тем больше за ней запрашивали приданого. Молодая невестка могла сразу начать производить на свет сыновей. В тесных домишках ютились вместе большие семьи. Сыновья с женами и детьми жили вместе с родителями, и там же — их братья и сестры, которые еще не обзавелись семьями.

— А сыновья помогают отцу, — сказал Стивен. Он уже давно жил в Индии и был знаком с обычаями. — Содержат семью.

— Главное — выйти замуж и родить сыновей, остальное не имеет значения. — Страх развода или изгнания всегда висел над молодой женой, если ей не удавалось выполнить эти общепризнанные обязанности. — Родная семья женщины ничем ей тут не поможет. Только трата времени и работе помеха. — Амиша старалась не выдавать своего отношения к этим обычаям, но, заметив сочувствие на лице Стивена, поняла, что он видит ее насквозь.

— Мне жаль... — Стивен шагнул было к ней, но остановился.

— Так уж заведено. — Амиша дорожила своей культурой и ее традициями, требовавшими безоглядной любви к детям и другим родственникам, но и недостатков не могла не замечать. — Этому должно быть какое-то объяснение, верно? — спросила она, но ответа дожидаться не стала. — Все традиции откуда-то взялись. Может быть, в то время так было для чего-то нужно.

— Очень философский подход, — пошутил Стивен, однако Амиша заметила, что он смотрит на нее с восхищением. — Звучит разумно. Рожать ведь могут только женщины, значит, мужчинам остается обеспечивать семью.

— А когда в этих ролях уже нет нужды? — спросила Амиша. С Дипаком такой разговор был бы совершенно невозможен, и каждое слово в нем было для нее драгоценно. — Что, если традиция — это только предлог, чтобы ничего не менять?

— Вы говорите о Рави и Бине? — спросил Стивен, словно прочитав ее мысли. Амиша часто упоминала о том, как ей обидно, что ее слуг так притесняют. — Их по-прежнему не пускают в храм?

— И не только в храм. — Амиша знала, что многим неприкасаемым приходится опасаться за свою жизнь. Они не смели вызвать малейшего недовольства деревенских жителей, иначе им грозила расправа. — Иногда кажется, что все это — только оправдание для жестокости. Может быть, когда все так делают, это кажется нормальным?

— Если общество не осуждает такое поведение, оно остается практически безнаказанным, — согласился Стивен.

— Нужно быть великим человеком, чтобы восстать против общего мнения. — Амиша вновь подумала о Ганди с его неизменными речами о свободе. — Ваши король с королевой, кажется, нашли для себя подходящие оправдания, чтобы контролировать Индию. Может быть, они ничем не отличаются от остальных.

— А я их верный солдат, — к изумлению Амиши, произнес Стивен. — Выходит, я использую свое положение, чтобы держать индийцев в узде? — спросил он словно бы сам себя.

Когда Амиша открыла рот, чтобы ответить, он добавил:

— А что изменили бы вы, окажись на моем месте?

Амиша представила, что было бы, если бы он отказался ехать в Индию, и от этой мысли у нее сжалось сердце.

— Ничего. Говорить-то легко, но один человек... — она чуть замялась, — хоть мужчина, хоть женщина, не может заставить всех думать по-другому. — Она с трудом подбирала слова, стараясь как можно точнее выразить свою мысль. — Я не хотела сказать, что вы напрасно сюда приехали. — Она перевела дыхание и бросила на него взгляд украдкой, надеясь, что он уловил настоящий смысл ее слов. Но он молчал, и она продолжила: — Я бы предпочла, чтобы все осталось как есть, только чтобы вы тоже остались здесь. — После этого признания она умолкла, вновь испугавшись, что

заговорила слишком смело или преступила невидимую черту.

— Готовы пожертвовать свободой Индии ради частных уроков? — Стивен попытался шуткой разрядить обстановку. — Ваш народ отречется от вас.

— Мой народ сражается за то, что должно всем даваться без боя — за свободу быть собой. — Амиша знала, что такой ответ слишком упрощает дело. Пока Стивен не успел указать ей на это, она сама добавила: — Но злоба и ненависть мешают увидеть то хорошее, что идет рука об руку с плохим.

— Тогда зачем бороться? — спросил Стивен. Он показал на сад, на школу. — Мы даем вам все, что можем. Хорошие дороги, школы. Раньше в Индии ничего этого не было.

Амиша понимала: он не спорит с ней, а, скорее, испытывает ее мнение на прочность. У нее радостно заколотилось сердце.

— Но какой ценой? — Она вспомнила о возмущениях, о которых читала в газетах, о том, какую подавленность и безысходность ощущали даже самые стойкие из индийцев. — Мы не можем знать, кто мы, пока кто-то другой определяет это за нас.

— Мы определяем? — переспросил Стивен. Помолчал, раздумывая. — Мы заставляем индийцев быть теми, кем хотим их видеть?

Амиша не успела ответить ни да, ни нет — он заговорил снова:

— А свобода даст вам право быть собой? И с Рави станут обращаться как с равным, а не как с неприкасаемым?

— Нет, — честно ответила Амиша. Как ни хотелось ей верить, что независимость Индии принесет независимость всем и каждому, она понимала, что это маловероятно. — Но нужно же с чего-то начинать, верно?

Над ними, оглашая небо криками, пролетела птичья стая.

— Когда человека втоптывают в грязь, у него два выхода: лежать тихо или подняться и спросить, почему ему не дают распрямиться.

— Как вы? — спросил Стивен. Видя ее недоумение, пояснил: — Когда вы хотели записаться в школу, вы сказали, что хотите большего. — Склонив голову набок, он пристально посмотрел на нее. — Вы всегда пытаетесь добиться того, чего хотите?

Амиша взглянула на него: ее удивляло и радовало, что он запомнил ее слова, которые она и сама-то уже забыла.

— По-моему, глупо не пытаться, хотя иногда это не самый разумный шаг. Особенно если последствия могут ранить тех, кого ты любишь. Нима пыталась как могла и заплатила за это такую цену, какую она себе и вообразить не могла.

— Не везде так, — тихо произнес Стивен. — Выбор есть.

— Не везде? — Амиша знала о больших городах, где женщины и неприкасаемые пользовались более широкими правами. Но из ее маленькой деревеньки этот мир казался таким далеким... — А где он есть? В Англии?

— Англия еще далека от идеала, но в повседневной жизни мужчины и женщины считаются равными. — Стивен сцепил пальцы вместе и потянулся. — Хотя нельзя сказать, что среди нас нет мужчин, которые предпочли бы такое положение, как здесь. Женщина в полном распоряжении мужчины — это же мечта, — шутливо добавил он.

— Ваша мечта? — с вызовом спросила Амиша.

— Я никогда об этом не думал. Женитьба мне пока представляется каким-то отдаленным будущим, но, когда придет время, думаю, я предпочту равную. — Стивен все

так же неотрывно смотрел на нее. — Женщину, которая будет мне другом, которой можно будет доверять.

— Звучит прекрасно, — признала Амиша. Она не решалась слишком допытываться, но все же уточнила: — Она будет англичанкой? — Не успели у нее вырваться эти слова, как тут же захотелось взять их назад, но было поздно.

Вопрос повис в воздухе.

— Да, наверное, — пробормотал наконец Стивен, явно смущенный. — Англичанин и индианка?..

— Нет, из этого ничего хорошего не выйдет, верно? — Такое и впрямь было неслыханно. Представители британских властей пришли сюда для того, чтобы нести цивилизацию, а не смешиваться с индийцами. — И родители ваши не одобрили бы.

— Нет. — Голос Стивена оборвался. Он провел рукой по волосам, стараясь не смотреть Амише в глаза. — А чего хотели бы вы? Если бы могли выбирать?

— Я... я не знаю. — Амиша отвернулась. Она не могла себе представить романтические отношения, мужчину, который ценил бы в ней нечто большее, чем способность рожать детей и работать по дому.

— Не знаете?

Они уже ступили на опасную почву. Между ними лежала невидимая граница. Оба являлись людьми своей культуры. У Амиши не было выбора: она вынуждена была подчиняться нормам, принятым в обществе. Лишь некоторые запреты она все же преступала, когда могла надеяться, что расплаты удастся избежать.

— Я хотела бы встретить человека, который поверит в меня, — ответила наконец Амиша.

— И только?

— Это уже гораздо больше того, на что я могу надеяться. Но еще сильнее я хотела бы этого для своей дочери, если она у меня появится.

— Для дочери? Хм... — поднял брови Стивен.

— Но если все будет так, как сейчас, — неуверенно проговорила Амиша, — не знаю даже, подходящее ли это место для нее...

Стивен, кажется, опешил.

— Вы не хотите, чтобы она жила в Индии?

— Если Индия станет страной, где моя дочь сможет сама выбирать свой путь, тогда — да, я хочу, чтобы она жила здесь. Здесь у нее будет родной дом. Будет... — Она слегка замялась, подумав о Дипаке. — Будет семья. — Амиша вновь задумалась о том, каков ее мир сейчас. О выборе, которого нет. — Но мне хотелось бы, чтобы у нее было то, чего нет у меня.

— А именно? — спросил Стивен, давая понять, что слушает внимательно.

— Такое место, где она могла бы быть кем захочет, — произнесла Амиша. — Где мечты могли бы унести ее куда угодно, и чтобы ее не ограничивали никакие правила, кроме тех, которые она примет по своей воле. — Она задумалась. — Вы знаете такое место?

— Англия... — сказал и тут же умолк Стивен: они оба помнили, что он говорил об этом только что.

— Там она будет черномазой, — повторила Амиша обычное выражение британцев.

Стивен поморщился, но поправлять не стал.

— Может быть, Америка? — предположил он.

Амиша взглянула вопросительно, и Стивен пожал плечами:

— Я сам там никогда не был. Но мой брат... Он взял с меня слово, что когда-нибудь я туда съезжу.

— Вот побываете и мне расскажете, что там и как, — улыбнулась Амиша. — Та ли это страна, где моя дочь сможет быть счастливой.

— Обещаю.

Ни он, ни она не стали говорить о том, что если уж Стивен уедет из Индии, то вряд ли вновь сюда вернется.

ДЖАЙЯ

32

Рави отбирает цветы и фрукты для храма и тщательно раскладывает на подносе. Вчера он спросил, не хочу ли я побывать в том самом храме, куда ходила моя бабушка. По обычаю, его полагалось посещать перед праздником Холи. Мне очень хотелось посмотреть, где молилась бабушка, и я сразу же согласилась.

— А вы верите в Бога? — вырывается у меня.

Сама я не религиозна: моя вера, и без того слабая, пошатнулась после бесконечных выкидышей. Трудно было принять такую жестокость милосердного Бога. А теперь, после историй Рави, это стало еще труднее.

— Я пришел в этот мир неверующим. Да и как могло быть иначе? — тихо говорит он. — Таких, как я, любой встречный мог осудить и приговорить к наказанию за любой проступок, даже не нарушающий законы. — Он опускает голову, и я вижу, как трудно ему сдерживать свою боль. — Прошрое, может, уже и забылось бы, если бы не постоянные напоминания в настоящем. — Задумавшись, он долго молчит, а затем добавляет: — Но я встретился с людским милосердием, и это заставило меня поверить: только что-то или кто-то могущественный мог создать такое совершенство на земле.

— Вы говорите о моей бабушке?

— О ее сердце, — уточняет он. — Как человек она была несовершенна, подобно всем смертным. Но ее сердце всегда стремилось делать добро другим, даже если она не всегда делала добро самой себе. В этом и заключалось ее совершенство.

— Ей посчастливилось иметь друга, который был о ней такого высокого мнения, — говорю я, тронутая его словами.

— Благодаря ей я живу так, как никогда и не мечтал. Это мне посчастливилось встретить ее, — произносит он и надолго умолкает.

Я пытаюсь расспросить его еще о чем-то, но он смотрит мимо меня. Глаза у него стекленеют — совсем как тогда, когда он, по его словам, видел Амишу. Лицо делается виноватым, извиняющимся. Он качает головой и приходит в себя. В считанные секунды ему удается справиться с эмоциями, и вот уже на его лице нельзя прочесть ничего. Он идет дальше, и Роки бежит за ним по пятам.

— Когда я была студенткой, я видела эксгумацию тела, захороненного несколько поколений назад, — прерываю я молчание. — На том кладбище белых хоронили отдельно от черных. Все надписи на могильных камнях говорили об одном: о том, как любили этих людей их близкие, и о том, какова была их роль в жизни — отец, мать, сын, дочь, дедушка, бабушка... О цвете кожи никто не упоминал.

Рави внимательно слушает, не сбавляя шага.

— После смерти это уже неважно, — говорит он.

— Неважно. От человека остаются одни кости, такие же, как у всех. — Знали ли сами эти люди, что в конечном счете мы все одинаковы — от всех остается только тело, и только наши дела и чужие воспоминания определяют, кто мы. — То, что разделяет нас в жизни, после смерти не имеет значения.

— Ваша бабушка как-то написала стихи о том, что после смерти нам остается только одно: люди, в чьей жизни мы оставили след. Все прочее — только оболочка. — Он резко останавливается и смотрит на меня. — Думаю, ваша бабушка очень гордилась бы вами. — В его словах слышится непонятная мне смесь радости и сожаления.

— Спасибо, — говорю я с искренней благодарностью. Забираю у Рави из рук поднос, чтобы ему легче было опираться на палку. — А моя мама вас не помнит. Как же так?

Рави долго молчит, а потом сбивчиво начинает объяснять.

— Меня не было рядом с вашей матушкой, когда она росла. Вскоре после смерти Амиши на мое место в этот дом пришли другие слуги. — На миг лицо Рави каменеет и шаг ускоряется. Он не смотрит мне в лицо и быстро меняет тему. — А ваше детство... каким оно было?

Я удерживаюсь от дальнейших расспросов.

— Папа все время работал... — И это значило, что большую часть времени мы проводили с мамой вдвоем. В детстве я объясняла ее отстраненность равнодушием, но теперь, уже узнав кое-что, начинаю сомневаться в своих выводах. — У меня была хорошая жизнь. — По сравнению с детьми, которых я вижу здесь на улицах, я была просто счастливицей. — Обо мне всегда заботились.

— Вы говорили, что Лена счастлива? — раздумчиво переспрашивает Рави.

Мне вновь делается любопытно, чем вызван этот вопрос. Я стараюсь отвечать по возможности честно:

— Ее нельзя назвать несчастной. Мой папа очень ее любит. — И не сразу, но добавляю: — Мы с ней не слишком близки.

Рави слушает внимательно, с напряженным лицом.

— Почему же? — тихо спрашивает он.

— Не знаю, — сознаюсь я. — Она никогда не была со мной жестокой, просто отчужденной.

— Очень жаль. — Рави вздыхает.

— Не стоит жалеть. — Я улыбаюсь, чтобы поднять ему настроение. — Если это путешествие меня чему-то научило, так это тому, что мне в жизни очень повезло. Не уверена, что я раньше это понимала.

Рави кивает: видимо, его устраивает ответ.

— А вы хорошая журналистка? — спрашивает он, и я смеюсь.

— Когда как, — отвечаю со всей возможной честностью. — Мне важно делать свое дело как можно лучше. — Работа всегда приносила мне удовлетворение и придавала жизни смысл. Только после истории с выкидышами я стала задумываться о своем месте в мире. — Но сейчас мне нужно отдохнуть. Поездка сюда оказалась как нельзя кстати.

— Вы упоминали о какой-то утрате.

— У меня было три выкидыша. — Я торопливо смахиваю слезы, уже готовые выкатиться из глаз. Мрачная тень тех дней все еще висит надо мной, хотя теперь это уже не так мучительно. — Я хотела родить. Хотела быть матерью. — В то время я ничего другого не желала. Попытки забеременеть затмили все остальное, что было в нашей жизни. — А оказалось, что я не могу, и это разбило мне сердце.

— А ваш муж?

— Патрик? Он нашел способ залечить раны...

После первого выкидыша Патрик сразу же включился в работу, а я работала кое-как, через силу. Вначале я завидовала его умению переносить утрату, а потом начала злиться за то, что ему удастся забыться в работе и повседневных делах. Мне и в голову не приходило задуматься о том, каково ему рядом со мной, целиком ушедшей в свое горе.

— А у меня сил не хватало, — продолжаю я. — С каждой потерей ребенка я теряла себя. И теперь не могу найти снова, сколько бы ни старалась.

Каждый раз, стоит мне увидеть ребенка, я вспоминаю, как сильно Патрик хотел иметь настоящую семью. Ничуть не меньше, чем я сама, просто я не видела его боли — ее заслоняла моя собственная. Оглядываясь назад, я пытаюсь представить себе, что можно было бы сделать, чтобы предотвратить печальный исход. Я всегда была так уверена в нашем браке и в нашей жизни... А теперь вот думаю о жизни без Патрика, и она кажется мне пустой.

— Мы расстались, — тихо говорю я. — Когда я вернусь, мы, наверное, подадим на развод.

— Вот и пришли, — бормочет Рави еле слышно. Замедляет шаги и показывает рукой вперед.

При виде великолепного строения у меня захватывает дух. Десять круглых колонн старинного мрамора поднимаются к пирамидальной крыше, украшенной затейливой резьбой исключительной красоты. Колонны стоят на одинаковом расстоянии друг от друга, а стен нет вовсе, и в воздухе беспрепятственно плывет густой запах жасминового ладана. Несколько рядов маленьких павильонов ведут к куполообразному святилищу, где висят сотни колокольчиков. Храм поднят высоко над землей — к открытому, без дверей, входу ведет лестница в сорок ступеней.

— Вот это... — Не находя слов, я молча смотрю на чудесное строение. Чувствуется, что храм древний. Мне даже кажется, что дуновение ветра доносит до нас шепот молитв из далекого прошлого. Призраки мужей и жен, юной любви и стариковских утрат проплывают в воздухе. — Когда он построен?

— Много сотен лет назад. — Рави смотрит на храм так, словно впервые его видит.

— А вы часто сюда приходите?

Странно, что он не привел меня в этот храм раньше.

— Было время, когда меня сюда не пускали, — откровенно делится он. — В первый раз я пришел перед самой смертью вашей бабушки. Тогда я стоял поодаль и насмеялся над этим фальшивым и надменным величием. А потом пришел еще раз, чтобы прокричать о своей ярости и тоске. К тому времени, как нас стали сюда допускать, я уже сам не хотел видеть это святилище, раз оно не помогло спасти моего друга.

— Вы просили Бога спасти ее?

— Умолял, — поправляет он. — Но мои молитвы остались без ответа. В то время я был уверен, что Богу нет дела до наших желаний и до нашей боли.

— А почему сюда стали допускать неприкасаемых? — спрашиваю я.

— Увидели, как неодобрительно весь остальной мир смотрит на нашу кастовую систему, и устыдились. Пришлось принимать новые законы и делать нас из низших равными. — Он бросает взгляд на храм, а затем снова на меня. — Но законы не могут разом изменить то, что у людей внутри...

Целая семья спускается вниз по ступенькам...

— Идемте, здороваемся, — предлагает Рави.

Вслед за ним я снимаю туфли у подножия лестницы. Там же в беспорядке разбросаны десятки других пар.

— И зачем это? — спрашиваю я, указывая на снятую обувь.

— Считается, что медитативная энергия течет от ступней вверх. Только босыми ногами можно ощутить Бога в себе. — Мы поднимаемся по мраморным ступеням, и Рави добавляет: — И только когда все босые, видно, кто сегодня мылся, а кто нет, правда?

Толпы людей поднимаются и спускаются по лестнице. Женщины крепко прижимают к себе малышей,

а детишки постарше скачут сами по себе. Рави подводит меня к статуям божеств, стоящим у стены. С потолка свисает небольшой латунный колокол и такого же латунного цвета шнурок.

— Позвоните-ка в колокольчик, дитя мое. Моим-то стариковским рукам до неба уже не дотянуться.

Я берусь за шнурок, привязанный к язычку с кулак величиной, и ударяю по стенке колокола. В ушах отдается оглушительный звон. Рави снимает фрукты и цветы с серебряного подноса и раскладывает их перед статуей бога Шивы. Брамин-пуджари, старик в оранжевом сари, принимает подношение Рави, коротко кивнув. Как полагается всем пуджари, этот человек отрекся от всех земных удовольствий ради высшего призвания.

Колокол звенит на весь храм, отголоски этого звона разносятся по деревне. Безупречно выдерживая ритм, священник начинает что-то читать нараспев. Рави садится там, где стоял, и жестом предлагает мне сделать то же самое.

Я оборачиваю подол платья вокруг ног и сажусь. Женщины и мужчины начинают подпевать священнику. Все вместе поют о любви и молятся о том, чтобы будущее было добрым к ним и к тем, кого они любят. Слова песни успокаивают меня, я закрываю глаза и всем существом отдаюсь напеву.

***

— Прасад. — Рави протягивает мне блюдо с едой, которой угощаются все собравшиеся. — Вы должны попробовать.

Я вспоминаю ту часть истории, где Амиша предлагает Стивену прасад после праздника Холи, и беру протянутое мне угощение. Оно тает на языке. Я быстро очищаю все блюдо.

— А пуджа¹⁵ всегда проходит одинаково?

Рави показывает на горящие свечи.

— Сначала зажигают их, а потом ладан.

Пуджари, а за ним и все остальные поют песни хвалы и благодарности.

— Проявлений божественного миллионы. — Рави подводит меня к какой-то позолоченной статуе в глубине храма. — Каждый сам выбирает, какому божеству молиться, у всех свои обряды и традиции. Говорят, что у каждого бога своя задача, своя сила... — Он старается подыскать точное слово.

— Как в греческой мифологии, — замечаю я.

— Вот этого не знаю, — просто признается Рави. — Я в школе не учился.

В дальнем углу я вижу бронзовую фигуру. Она стоит на одной ноге, словно танцует, а во все стороны тянутся несколько пар рук.

— Кто это?

Ее белые кристаллические глаза завораживают.

— Хорошую богиню вы выбрали, — говорит Рави. — Ее имя Дурга. — Он бросает взгляд на меня. — Индусы верят, что она — источник силы, энергии и творческого начала.

Стоя рядом со мной, он разглядывает скульптуру.

— Она потрясающая. — Я потихоньку беру один цветок с подноса и кладу у ее ног.

— Да, — соглашается Рави, наблюдая за мной. — А еще это была любимая богиня вашей бабушки. — Я молчу, и он добавляет: — Ваша бабушка была очень сильной женщиной. Я верю, что и вы, ее внучка, найдете в себе скрытые силы. — Он улыбается мне. — А теперь давайте праздновать Холи, как праздновала ваша бабушка.

---

¹⁵ Один из главных обрядов поклонения и почитания в индуизме. — *Прим. ред.*

***

После пуджи мы вместе с толпой людей идем к деревенской площади. Вчера вечером Рави упомянул о празднике Холи. Он полагал, что мне должны понравиться яркие краски и веселая суматоха ежегодного праздника, которому радуются и дети, и взрослые. Любой прохожий считается законной мишенью. Смех раздается на улицах еще несколько часов после заката. А затем, по многолетнему обычаю, все деревенские жители, без различия каст, собираются вместе за праздничным столом.

Мы с Рави набрали две корзины воздушных шариков с жидкой краской, чтобы бросать в прохожих. Когда мы подходим к площади, толпа разбивается и становится в два круга лицом друг к другу. На женщинах — белые юбки и блузы, на мужчинах — белые брюки и длинные хлопковые рубашки. Почти все уже в разводах краски. Собравшиеся держат в руках по две палочки и соприкасаются ими в синхронном ритме, после чего переходят к следующему партнеру по кругу. Темп музыки нарастает, танцоры двигаются все быстрее, пока по лицам не начинает струиться пот.

— Дандия раас. — Рави смотрит на меня. — Тот самый танец, которому ваша бабушка учила лейтенанта.

Танцоры смеются, начинают промахиваться и один за другим выбывают из круга. Подходят другие жители деревни и начинают кидаться шариками с краской. Вскоре танец прекращается, и завязывается побоище: все обливают краской друг друга.

— А еще танцевать будут? — с надеждой спрашиваю я.

— Ночью, после угощения. Хотите с ними?

Я думаю о бабушке и о том, как она пыталась научить Стивена этому танцу. Представляю, как он повторял движения в уединенном саду с ветками вместо палочек. Если бы бабушка была жива, может, она бы и меня

научила? И мама не отвергала бы тогда свою культуру, а приняла ее в свою жизнь?

— Да. Очень хочу.

Рави кивает, кажется довольный моим ответом. Я хочу сказать еще что-то, но тут замечаю в отдалении Амита. Он идет к нам, крепко держа за руку маленькую девочку. Над ушами у девочки свисают две косички. Волосы у нее черные как смоль, а кожа — цвета темного дерева. На обеих ногах металлические скобы, а выше все тело охватывает металлический корсет, заканчивающийся на шее.

— Кто это? — спрашиваю я.

Рави молчит.

— Рави?..

— Моя правнучка, Миша.

— Миша — в честь Амиши?

Он улыбается:

— Да. Это первая девочка, которая родилась в нашей семье. Ей посчастливилось носить имя в честь вашей бабушки.

Я молчу, не высказывая вслух своей благодарности за то, что он так чтит бабушкину память.

— Ей восемь лет. — Рави машет в ответ Амиту: тот нас заметил. — Моя невестка много лет не могла иметь детей. После многих постов и полнолуний боги благословили ее Амитом. О втором ребенке мы не смели и просить: разве можно повторить совершенство? — Голос у него дрожит от волнения. — Но потом у нас появилась Миша, и мы убедились, что были неправы.

Дети подходят к нам, и Рави обнимает их обоих. Представляет мне правнучку, не сводящую с меня пристального взгляда:

— Познакомьтесь с моей красавицей правнучкой Мишей.

Я наклоняюсь, чтобы глаза девочки оказались напротив моих, и протягиваю руку. Девочка оглядывается

на Амита, тот кивает в знак одобрения. Когда ее маленькая ладошка оказывается в моей руке, я говорю:

— Приятно познакомиться, Миша. Ты и правда красива, как твой прадедушка говорит.

Миша вся сияет от моего комплимента.

— Спасибо. — Она показывает на мою корзинку, полную шариков с краской: — Вы будете играть?

В ее корзинке всего несколько шариков.

— Нет, детка. — Я заглядываю в ее корзинку. — Мы с твоим прадедушкой приготовили это для тебя и твоего брата. — Я протягиваю девочке корзинки, она смущенно смотрит на них. Я мягко сую их ей в руки: — Возьми, пожалуйста.

Я с трудом сдерживаю слезы. Миша такая худенькая — другой такой худенькой девочки ее возраста я еще не видела. Со дня приезда я успела повидать немало детей, когда гуляла по деревне. Были среди них и маленькие попрошайки, которым я давала деньги, но никогда не расспрашивала ни о чем. Я ведь все равно ничего не могла изменить в их жизни, а значит, лучше и не знать. Но эта девочка — плоть и кровь Рави, будущее его семьи, а Рави мой друг. Он обращается со мной так, словно мы уже сто лет знакомы, а ведь на самом деле мы совсем недавно встретились.

— Не забудь с братом поделиться, — говорю я.

— Спасибо. — Амит смотрит на сестренку. — Вы ей настоящий праздник устроили.

Мы с Рави смотрим, как Амит с Мишей бегут к другим детям и вступают в игру.

— Ну вот, раздали весь свой арсенал, — говорит он. — А сами как играть будете?

— И почему я раньше с вами не встретилась, Рави? — говорю я, не обращая внимания на его подтрунивание.

Я смотрю ему в лицо — лицо человека, который часами рассказывает мне историю моих предков, а свою

скрывает завесой тайны. Мне неловко за свой эгоцентризм, за то, что я так мало интересовалась его жизнью, полностью сосредоточившись на своей.

— Расскажите мне о своей семье, — умоляюще прошу я. — Пожалуйста.

Он отвечает не сразу.

— Сын у меня работающий, и жена у него хорошая. Внук — помощник портного. Работать он умеет, весь в отца, и человек добрый, о семье заботится. — Рави то и дело останавливается, чтобы поздороваться с кем-то из односельчан. — А правнуки играют — с легким сердцем и свободной душой. — Помолчав, он добавляет: — Я рад, что им это дано.

— А почему вы мне не рассказывали про Мишу?

— Вы и так целыми днями со мной сидите, слушаете историю о женщине, которую никогда не знали. Плачете и смеетесь вместе со своей бабушкой, когда она с таким трудом ищет свое место в жизни...

Радостный ребячий визг прерывает нашу беседу. Дети швыряются шариками с краской, расцвечивая друг друга всеми цветами радуги.

— Мне не хотелось, чтобы Мишина история заслонила собой историю вашей семьи.

— Почему же она должна заслонить?

Рави улыбается, но лицо у него грустное.

— Потому что вы внучка своей бабушки.

Я смотрю, как Миша старается угнаться за братом. Из-за своих металлических скоб она то и дело спотыкается. Амит, видя, что сестренке тяжело, останавливается, подходит к ней и помогает удержаться на ногах.

— Что с ней? — спрашиваю я.

— Полиомиелит, — отвечает Рави: он смотрит туда же, куда и я. — Нам сказали — хорошо уже то, что она может ходить. Есть ведь и те, кого эта болезнь совсем обездвижила.

Я перевожу взгляд на него, и он добавляет:

— Такие люди на всю жизнь прикованы к инвалидному креслу, если только в состоянии его купить.

— Я могу чем-нибудь помочь?

— Достаточно уже того, что вы спросили. Спасибо.

Мы оба умолкаем, а дети все так же неумоимо кидаются краской друг в друга. Вскоре к ним присоединяются взрослые, и разноцветный порошок клубами висит в воздухе.

— Мне жаль, что вам не пришлось поиграть.

Я слышу его сетование, но отмалчиваюсь. Мои дети, если бы они родились, с детства пользовались бы множеством привилегий. Такие болезни, как полиомиелит, не представляли бы для них угрозы. Все их заботы сводились бы к школьным делам, отношениям с друзьями, подготовке к выпускному вечеру и выбору, куда поехать на весенние каникулы. Я испытываю одновременно стыд и облегчение при мысли, что всегда жила тепличной жизнью, не подозревая и не задумываясь о том, с какими бедами приходится сталкиваться другим.

***

— Джайя, а в Америке есть неприкасаемые? — спрашивает Амит, покачиваясь в гамаке на крыльце. Сначала он обращался ко мне «шримати», но я настояла, чтобы он звал меня по имени.

После праздника Холи Амит с Мишей остались ночевать в этом доме, вместе со мной и Рави. Миша долго упрашивала родителей, и те согласились, когда я сказала, что ничего не имею против. Утром Миша с Рави исчезли, сказав, что им нужно собраться, а мы с Амитом остались их ждать. Мы смотрим, как мимо дома течет людской поток. В деревне все еще ощущается атмосфера всеобщего счастья после праздника, продолжавшегося до поздней ночи.

Я отвечаю не сразу, опасаясь, как бы ненароком его не обидеть.

— Нет, неприкасаемых у нас нет.

— Значит, у вас ко всем относятся одинаково? — В его глазах вспыхивает зависть.

— Если бы... — Я думаю об Америке и о наших проблемах с неравенством. О множестве примеров в истории, когда с другими обращались как с низшими. — Есть люди, к которым и у нас относятся не так, как к другим. Незаслуженно.

Амит словно бы удивлен такой информацией, и я про себя гадаю, какое у него до сих пор было представление об Америке.

— А как в Америке определяют людей низшего сорта?

От этого вопроса у меня мороз пробегает по коже. Он так спрашивает, словно не сомневается, что люди низшего сорта есть везде. Что не все имеют право на справедливое отношение.

— По закону у нас все равны, но есть те, кому иногда приходится чувствовать себя людьми низшего сорта.

— Кому?

— Существуют целые группы, которые отличаются от других, и к ним могут относиться предвзято. Люди часто боятся того, чего не знают. Случается, когда это связано с цветом кожи или с тем, кого ты любишь. Бывает, зависит от того, сколько у тебя денег. Разные бывают причины.

— А к вам когда-нибудь относились предвзято?

Я задумываюсь о правах и привилегиях, которые всегда принимала как должное. О жизни, полной разнообразных возможностей, каких никогда не было у моей бабушки. Или у Рави.

— Нет, мне очень повезло. Со мной всегда обращались так же, как с другими.

— Да, вам повезло. — Амит болтает ногами, и гамак раскачивается из стороны в сторону. При этом движении легкий ветерок развеивает мальчику волосы.

— А с тобой... — Я не сразу решаюсь об этом спрашивать: боюсь услышать его ответ. Хоть и не хочется верить, что правнуку Рави тоже приходится сталкиваться с предубеждениями, я понимаю, что это глупая надежда. — С тобой когда-нибудь обращались не так, как с другими?

— Я же неприкасаемый, — говорит Амит, словно это уже сам по себе ответ. — Дома-то со мной и с Мишей обращаются как со всеми. А вот в других местах... — Он умолкает.

— Тебя это задевает?

На долю секунды он поднимает на меня глаза и тут же отводит их. Все мускулы у него напрягаются, лицо твердеет. Должно быть, думаю я, жизнь в такой обстановке приучила его к сдержанности.

— Дада Рави работал на семью, которая занимала высокое положение, — говорит Амит, и глаза у него делаются задумчивыми. — Из-за этого и к нам относятся немного уважительнее. Мы с сестрой ходим в самую лучшую школу. Дада Рави говорит, что нам повезло. — Он держится прямо и говорит с достоинством.

Я могу только завидовать душевной стойкости этого двенадцатилетнего паренька.

— Но я знаю, что не всем везет так, как нам, и благодарен за то, что мы имеем. Этого уже достаточно. — Он улыбается, но на лице его словно застыла маска, за которой нельзя разглядеть, о чем он думает.

— Готовы? — спрашивает Рави, выходя на крыльцо. — Пора поливать и подрезать цветы в саду.

Амит идет позади, а Миша всю дорогу болтает, развлекая нас разными вопросами и историями, случившимися

с ней за вчерашний день. В школе Амит и Рави сразу идут в классы, а мы с Мишей — в сад.

Миша ходит за мной с лейкой, пока я подрезаю розы. Ее дыхание становится напряженным и сбивчивым: ей трудно за мной угнаться. Я стараюсь двигаться помедленнее, маленькими шажками. Но девочка все так же тяжело дышит, и тогда я предлагаю сделать перерыв. Не дожидаясь ее согласия, усаживаюсь на скамью.

Миша устраивается рядом со мной и болтает ногами — ее скобы так и колотят по скамейке. Она показывает на розовый куст:

— Дада Рави, когда приносит нам цветы, всегда сначала шипы обрезает.

— Правильно делает. — Я не мешаю ей развивать эту тему — сижу рядом и с удовольствием слушаю.

— Розам нужны шипы — иначе они были бы слишком идеальными. — Оттолкнувшись от скамейки ладонями, Миша соскакивает с нее, покачивается на ногах, не сразу поймав равновесие, и шагает к розовому кусту. Наклоняется, насколько позволяет корсет, и срезает цветок, стараясь не задеть шипы. Прежде чем отдать цветок мне, вдыхает его аромат. — Дада Рави говорит, если что-то будет слишком идеальным, Бог не захочет с этим расстаться.

— Похоже на правду.

Перед моими глазами снова всплывают лица детей, которых я не смогла выносить. В материнской гордыне я представляю их совершенными во всех отношениях. Но даже если бы это было не так, я все равно любила бы их такими, какие они есть, как Амиша любила своих детей, как Рави любит своих правнуков.

— Вот я, например. — Миша нюхает еще одну розу и морщит нос: лепестки щекочут ей лицо. Она обрывает лепестки один за другим, бросает, и они дождем

осыпаются на землю. — Дада Рави говорит — вот почему у меня скобы.

У меня перехватывает дыхание. С каким нерассуждающим доверием она приняла объяснение Рави! Я тут же вспоминаю свои младенческие снимки: на всех у меня на виске — большая черная точка. Мама как-то объяснила мне, что черная отметина — лучшая защита ребенка от Божьих глаз. Если Бог увидит на земле что-то совершенное (а любой младенец — совершенство), то может призвать дитя обратно на небо. Черная точка и была тем несовершенством, которое меня оберегало.

— По-моему, дада Рави абсолютно прав. — Я смарываю подступающие слезы.

— И по-моему — тоже.

Переполненная кипучей энергией, Миша начинает расхаживать по саду. Металлические скобы звякают одна о другую. Я беру лейку, доливаю в нее воды, и мы вместе заканчиваем поливать и подрезать цветы в саду.

***

«Вчера я узнала, как танцуют дандия раас. Это традиционный танец, которым отмечают индуистские праздники. Люди берут в руки по две палочки, выстраиваются в два больших круга и становятся друг к другу лицом. Каждый делает пять определенных движений, а потом переходит к следующему партнеру и повторяет то же самое с ним. Так люди часами ходят по кругу, двигаясь в такт музыке. Этот танец прекрасен своей простотой и тем, что собирает вместе множество людей. Двигаясь в лад, дети, мужчины, женщины

на несколько часов забывают обо всем на свете.

Я уже несколько лет не танцевала. В последний раз на своей свадьбе — тогда мне хотелось, чтобы музыка никогда не смолкала. До этого я танцевала в клубах и на вечеринках и даже устраивала импровизированные вечера джазовой музыки у себя в гостиной. Но с годами собственные мысли стали мне мешать: за ними я не слышала слов песни и теряла ритм.

Здесь, в Индии, я провела много времени с человеком, который стал моим близким другом. Сегодня я познакомилась с его правнучкой. Эти люди родились неприкасаемыми — им выпала плохая карта еще до того, как они научились играть. Их считают отребьем, обузой для общества. Но даже при самых тяжких обстоятельствах мой друг держится прямо и учит своих правнуков ценить то, что другие принимают как должное.

Как видно из истории, иногда мы развешиваем ярлыки для того, чтобы определить свое место в жизни. Сотни лет подряд люди относили других к низшему сорту, чтобы самим почувствовать себя выше. Цвет кожи, гендер, класс, религия, физические недостатки, сексуальная ориентация, родословная — вот далеко не полный перечень признаков, по которым людей разделяют на группы. Если кто-то стоит выше, значит, кто-то другой должен быть ниже.

Но если мы принижаем других ради собственной выгоды — что это говорит о нас, о человечестве? Служит ли это какой-то определенной цели или просто раз установленный порядок потом уже невозможно изменить?

Что, если бы мы все были равны в глазах друг друга и гордились тем, кто мы есть? Я говорю об утопии, и, возможно, меня осмеют, но, сидя в деревне, за тысячи миль от цивилизации, можно и рискнуть. Может быть, мы могли бы хоть на один день забыть о наших различиях и найти то, что нас объединяет. В этот день мы могли бы увидеть, что, при всем разнообразии, мы все очень похожи: у нас одни и те же надежды, мечты, страхи, достоинства и слабости. На один день мы могли бы встать плечом к плечу, не сторониться друг друга и относиться к другим так, как хотели бы, чтобы другие относились к нам.

Уроки истории убеждают, что такой день никогда не наступит. Наши различия заставляют нас стремиться к чему-то — когда к добру, а когда к злу. Кто-то из всех сил стремится стать выше, кто-то принижает тех, кто вызывает страх.

Еще не забыв свою давнюю любовь к танцам, я воображаю себе мир, где наше “я” будет определять музыка. Замедляющийся или нарастающий темп будет подсказывать нам движения, и наши сердца и умы вольются в ритм.

У каждого будет свое место на сцене, и каждый голос будет слышен. Мелодия поможет нам преодолеть наши различия и радостно почувствовать, сколько между нами общего. В конце концов, всем станет лучше, если мы научимся танцевать вместе.

С годами приходит мудрость и понимание, что всю жизнь не протанцуешь. Но я надеюсь найти свой путь, на котором ярлыки — дочь, журналистка, жена, а в скором будущем бывшая жена — не будут определять мое “я”. Встреча с каждым новым человеком станет новой возможностью для роста, и я без смущения сделаю первый шаг. Может быть, в смирении я обрету силу и в конце этого путешествия, надеюсь, научусь в нужный момент делаться меньше ростом, чтобы другие могли почувствовать себя высокими».

АМИША

33

Дипак подвинулся, давая Стивену место на диване рядом с собой.

— Очень любезно с вашей стороны, что вы приняли приглашение поужинать в нашем доме. — Он хлопнул Стивена по плечу.

Когда муж сказал, что пригласил Стивена в гости, встретившись с ним в доме Викрама, Амиша так и обмерла. По словам Дипака, лейтенант вежливо принял приглашение, но сейчас Амиша могла только гадать, насколько удобно тот себя здесь чувствует.

Все утро она вместе со слугами убирала дом перед Ракша Бандхан — праздником братьев и сестер. Джанна в сари из жоржета и золотых браслетах тихонько расспрашивала ребятишек о школе и обмахивалась веером. Младшая из сестер Дипака никогда не водила дружбы с Амишей. Но она вышла замуж за человека, жившего всего через одну деревню отсюда, и несколько раз в году они встречались.

— Этим веером она, должно быть, мух отгоняет, — шепнул Амише Рави, пока они разогревали еду. Поскольку Дипак настоял на том, что ни Рави, ни Бина не должны подавать еду гостям, они сидели на кухне и помогали готовить. — Мухи всегда к дерьму липнут.

Амиша со смехом шикнула на него:

— Гляди, еще услышит!

Он умолк, но улыбка с лица не пропала. Рави всегда недолюбливал Джанну. После того как его наняли в слуги, он не раз предостерегал Амишу, что ее невестка коварна и мстительна. Быстро и ловко, на зависть Амише, Рави разложил овощи и разлил суп. Сбрызнул лимонным соком и имбирной водой — для улучшения пищеварения.

— Ужин готов, — крикнула Амиша из кухни. Дипак жестом предложил Стивену садиться первым, и они оба расположились на твердом полу. Амиша принесла три тарелки, стараясь держать осторожно, чтобы не уронить. Бросила взгляд на Стивена. Дипак, занятый беседой с зятем о выращивании какой-то новой культуры, почти не замечал ее. Она шагнула к ним, запуталась ногой в поболе сари и едва не упала вместе с едой. Стивен тут же стал приподниматься, чтобы помочь. Амиша коротко, но резко мотнула головой, давая ему знак сидеть на месте. Если он придет ей на помощь, это будет расценено как оскорбление для Дипака. Стивен понял и остался сидеть, но по-прежнему глядел ей прямо в глаза.

Амиша положила овощи с карри на тарелку сначала Дипаку, а потом Стивену. Протянула зятю горку наанов, а тот передал остальным мужчинам. Затем Амиша подала каждому по смоченной водой салфетке, чтобы вытереть руки после ужина.

— Столовых приборов у нас нет, — сказала Амиша Стивену. — Извините.

— Амиша, ты напрасно беспокоишься. Наш друг будет есть, как едят индийцы. — Дипак оторвал пальцами кусочек лепешки и зачерпнул ею сах — овощное блюдо.

Стивен непринужденно последовал его примеру.

— У вас в стране такой еды не найти. Верно ведь? — спросил Дипак, проглотив первый кусок.

— Верно, Дипак. В нашей стране нет Амиши с ее блистательными кулинарными талантами. — Только таким образом, переиначив на свой лад слова Дипака, лейтенант мог поблагодарить Амишу за еду.

Он опустил голову, чтобы отхлебнуть супа, но тут же снова поднял, встретился глазами с Амишей и оторвал взгляд от ее лица только тогда, когда в комнату вошла Джанна.

— Вы что же, в первый раз пробуете Амишину стряпню, лейтенант? Вот странно, — проговорила Джанна с язвительной ноткой в голосе. Она остановилась в дверях, прислонившись к косяку и все так же обмахиваясь веером. — Амиша ведь много времени проводит в школе, разве нет?

Амиша внутренне сжалась. Украдкой бросила быстрый взгляд на Дипака, но тот продолжал есть как ни в чем не бывало.

— Джанна, — строго проговорила она, — я хожу в школу учить и учиться, а не готовить.

— Да, нам всем очень повезло, что у нас есть Амиша. — Стивен перестал есть и взглянул Джанне в лицо.

Та смущенно отвела взгляд.

— Хотя жаль, что только она одна готова тратить свое время, чтобы чему-то научить детей. Но вы в любое время можете прийти и помочь ей.

— Сплетни, лейтенант, — вмешался муж Джанны. Не замечая, как горят от злости щеки жены, он добавил: — Джанна слишком занята сплетнями, ей не до школы. Твое счастье, Дипак, что Амиша нашла себе какое-то занятие. Тебя хоть не мучают пересказами всех деревенских склок изо дня в день.

После ужина все собрались в гостиной. Амиша зажгла дию и прочитала молитву перед статуэткой бога Ганеши. Все остальные стояли молча, сложив перед собой ладони.

— Бога Ганешу сотворил его отец, — стал рассказывать Стивену муж Джанны. Стоя рядом с Амишей, он показал на статуэтки в домашнем алтаре.

Амиша жестом пригласила Дипака с Джанной подойти поближе.

— Я об этом уже где-то слышал, — сказал Стивен, улыбаясь Амише.

Дипак начал читать молитву, в которой пожелал своей младшей сестре счастья и процветания до конца жизни. Молитва заканчивалась обещанием защищать ее, если возникнет такая необходимость. Джанна тоже прочитала молитву и пообещала всегда любить брата.

— Пусть боги даруют тебе много-много счастья — столько, сколько ты заслуживаешь, бхай, — сказала она. Обмакнула палец в красный порошок киновари и прижала ко лбу Дипака.

Затем Джанна взяла ракхи — священную красно-золотую нить, поданную ей Амишей, — и повязала Дипаку на запястье. Когда узел был затянут, Дипак подарил Джанне пачку рупий и поблагодарил, завершив тем самым обряд.

— Что вы думаете о наших традициях, лейтенант? Одобрят ли их британские власти? — спросил Дипак, пока Амиша разносила всем свежий чай с молоком и специями.

Дипак сделал большой глоток в ожидании ответа Стивена. Слышно было, как дети за окном забавляются, гоня семейство бродячих кур.

Во время обряда Стивен стоял у дальней стены. Кивком поблагодарив Амишу, взял у нее чашку с горячим чаем.

— Думаю, это хорошо, что у вас есть повод открыто выразить свою любовь к близким, — дипломатично ответил он. — У нас такая искренняя привязанность между братьями и сестрами встречается нечасто, так

что, вероятно, подобную традицию в любом случае постигла бы скорая смерть, — пошутил Стивен и был вознагражден общим смехом.

— А у вас есть сестра, лейтенант? — вклинилась в разговор Джанна.

— Нет, я не такой счастливчик, как Дипак, — ответил Стивен. Украдкой взглянул на Амишу — та закашлялась, чтобы скрыть смех. — У меня нет сестры.

— Вот жаль. — Джанна повернулась к Амише. — Лейтенант проявил большую любезность, когда позволил женщине из такой простой семьи, как у нас, учиться в своей замечательной школе. Тебе не мешало бы как-то его отблагодарить.

— Сестра, — подал голос Дипак, — что ты говоришь такое?

Амиша видела, что Дипак еле сдержал досадливый вздох. Она знала: он никогда не был в восторге от выходов сестры, пока она жила с ним вместе. Как самой младшей, Джанне прощалось больше, чем другим сестрам, и она время от времени переступала грань между благонаравием и озорством. Например, перед самой свадьбой старшей сестры принялась жаловаться, что наряд у нее недостаточно модный. А когда ее жалобы оставили без внимания, облила все платье красной хной, и пришлось родителям покупать ей новое.

— Лейтенант, — не отставала Джанна, будто не слыша Дипака, — у индусов есть такой обычай: когда мужчина проявляет по отношению к женщине особенное великодушие, он становится ее названным братом. Когда же вам и скрепить свои узы, как не в день Ракша Бандхан!

— Сестра, — вмешалась Амиша. Нервы у нее были натянуты, но голос не дрожал. — Ни к чему навязывать лейтенанту наши обряды. Он в нашем доме гость, его дело смотреть, а не участвовать. — Она не сводила взгляда с Джанны, стараясь унять колотящееся сердце.

— Я уверена, лейтенант будет польщен, — ответила Джанна. — Правда ведь, брат? — обратилась она к Дипаку.

Дипак не стал отвечать сестре: он повернулся к Стивену.

— Вы были очень добры, когда позволили моей жене учиться в школе. — Он поставил пустую чашку на стол: слуги потом уберут. — Мы будем рады, лейтенант, если вы окажете нам такую честь и побратаетесь с нашим скромным семейством.

Амиша беспомощно смотрела, как Стивен обводит взглядом комнату. Она ждала и боялась его ответа.

— Сочту за честь принять такое предложение, — сказал Стивен.

Потрясенная Амиша уставилась на него, на миг забыв, что они здесь не одни. Она чувствовала на себе взгляд Стивена: тот пытался угадать ее реакцию.

— Не знаю, найдется ли у нас еще ракхи, — пробормотала Амиша. — Я ведь только одну купила в храме.

— Можно взять просто красную нитку. — Джанна подошла к шкафчику, где Чара всегда хранила свои припасы, и отыскала маленькую катушку. Подняла ее над головой, словно завоеванный кубок. — Тонкая, но ничего, сойдет.

Амиша взяла нитку, чувствуя, как пальцы сами норовят отдернуться. Медленно двинулась к Стивену, но застыла в нескольких шагах от него и очнулась только тогда, когда Дипак окликнул ее по имени. Она подняла глаза: муж смотрел на нее с любопытством.

— Амиша... — повторил он, потирая лоб.

— Да, конечно. — Последние шаги к Стивену дались ей так, словно она ступала по раскаленным углям. Она бы предпочла, чтобы так и было. — Руку?.. — шепнула она, подойдя ближе.

Неотрывно глядя ей в глаза, Стивен расстегнул манжет и закатал рукав, обнажив запястье. Амиша видела в его глазах тревогу и понимала, что он не может ее успокоить — здесь, при всех. Дрожащими руками она дважды обмотала ниткой его руку. Пригладила несколько волосков, чтобы не попали в узел. Амиша слышала, как Стивен резко втянул в себя воздух, и у нее самой вспотели ладони. Связывая концы тонкой нитки, она незаметно чиркнула по ней ногтем, надеясь, что та порвется.

Стивен поморщился: Амиша нечаянно царапнула его.

— Извините, — выговорила она одними губами, вся поглощенная своей двойной задачей.

Сделав вид, что хочет помочь завязать узел, Стивен протянул к запястью свободную руку. Амиша была уверена, что он помешает ее маневру, но, к ее удивлению, он подцепил нитку пальцем и оборвал. Как раз в тот момент, когда Амиша уже завязывала узел, разорванная нитка осталась у нее в руке. С притворным огорчением Амиша показала ее всем.

— Нитка слишком слабая, сестра. Жаль, что ты не удосужилась зайти в храм и купить ракхи для брата. Тогда у нас было бы две. — Амиша выдохнула, стараясь не смотреть в глаза Дипаку.

— Ничего, — проговорил Стивен, не сводя с Амиши взгляда. — Все равно я вам в братья не гожусь.

34

Рави прибывал обшивку дома, готовясь к сезону дождей. В прошлом году вода протекла внутрь, и доски покособились. Рави с Амишей несколько часов собирали воду — и тряпками, и полотенцами, и старыми сари, а мальчишки веселились, скользя на подошвах по мокрому полу.

В этом году Рави купил у местного плотника гвоздей. Плотник добавил еще несколько штук бесплатно — использованных, правда, но еще хороших. Рави принялся за дело сразу же, как только пришел, надеясь к вечеру закончить.

Днем Амиша вышла к нему и стала уговаривать отдохнуть и пообедать. Обед был у них самой сытной трапезой за весь день. После обеда индийцы обычно ложатся вздремнуть, пока солнце стоит высоко над горизонтом.

— Рави, ты же молоток в руках не удержишь, если начнешь плавиться от жары. Поешь, а потом работать будешь. — Амиша стояла на крыльце, прикрывая глаза ладонью от солнца.

— Я скоро приду, шримати. — Рави продолжал стучать молотком. — Вот-вот дождь польет, тогда сами пожалеете, что я не успел доделать.

— Ну ладно. — Амиша схватила второй молоток и принялась колотить по доскам.

— Что вы делаете? — Рави пытался выхватить у нее молоток — так, чтобы не коснуться ее. Она спрятала молоток за спину, и началась игра — кто перетянет.

— Помогаю. Вот-вот дождь польет, — передразнила она.

Рави посмотрел на нее недовольно. Он не мог допустить, чтобы она делала тяжелую работу на жаре. Пришлось ему отложить гвозди и идти в дом. С тихой улыбкой Амиша положила молоток к остальным инструментам и двинулась следом.

Дождь начался, когда они дремали после обеда, и к вечеру превратился в потоп. Рави ничего не сказал, только посмотрел на Амишу так, что другая съежилась бы. Амиша только подмигнула в ответ и похвалила его за то, что так предусмотрительно начал работу с утра.

— От дождя дерево мягче станет, — Амиша взглянула в окно на потемневшее небо. — Легче будет прибивать.

— Вот спасибо. — Каждое слово Рави сочилось сарказмом. — Может, тогда уж до конца сезона дождей подождать: когда весь дом затопит по самую крышу, доски нам вообще не понадобятся. Будем плавать себе по комнатам, как рыбки.

Он стал обматывать голову пластиковой пленкой от дождя.

— Сердишься? — спросила Амиша.

Она выглянула за дверь, где хлестал ливень. В сердце кольнула тревога, и она до крови закусил губу.

— На вас? Никогда, шримати. — Привязав пленку, Рави двинулся к двери. — Дождь уже слабеет. Мне там на какой-нибудь час работы осталось.

— Рави... — Амише хотелось его остановить: было страшно отпускать работать под дождем, почти в полной темноте. Но она понимала: он не уступит. Она слышала, как он пообещал Дипаку закончить работу до его возвращения. — Темно там, а из-за дождя и вовсе ничего не видно.

— Шримати, пожалуйста, не мешайте мне делать свое дело. — Рави вздохнул и прибавил: — Это мой долг.

Амиша молча кивнула. Дипак-то не стал бы сердиться из-за задержки, но сам Рави никогда не простит себе, если нарушит данное слово.

Амиша закрыла за ним дверь, и мягкое постукивание дождевых капель приглушило укоры совести за то, что не дала ему закончить работу вовремя.

Громкий крик, а за ним стоны нестерпимой боли заставили Амишу выбежать из дома. Рави работал уже не первый час. Дождь к тому времени прекратился, оставив после себя только лужи. Дети уснули, завернувшись в шерстяные одеяла: по дому бродил зябкий холодок. Другие слуги уже разошлись по домам.

Перед этим Амиша зажгла две масляные лампы и отнесла Рави. Заварила ему свежего чая, чтобы согрелся,

и поставила термос у его ног. Они не сказали друг другу ни слова, но Амиша знала, что Рави не остановится, пока работа не будет выполнена. И оба понимали: она не заснет, пока он не закончит и не пойдет спать.

Амиша слетела с крыльца и бросилась к Рави. Он держался за ногу. Кровь из открытой раны на бедре сочилась сквозь пальцы на землю, натекла уже целая лужа.

— Рави! — вскричала Амиша. — Что случилось?!

— Нож... — Окровавленный нож валялся рядом на земле. — Хотел щепку отколоть, а он сорвался. — Рави говорил прерывисто и тяжело дышал.

Амиша торопливо откромсала ножом полоску ткани от подола своей блузы. Положила ногу Рави к себе на колени и стала обматывать, надеясь остановить кровотечение.

— Не прикасайтесь ко мне, шримати. — Рави попытался убрать ногу. — Моя кровь на вас...

— Помолчи, Рави. — Она затянула узел, отчаянно пытаясь остановить хлещущую кровь, но уже через несколько секунд все сари на ней было мокрым и липким. — Придется доктора звать.

— Никакой доктор в такой час никуда не пойдет, — простонал Рави, поморгал и закрыл глаза. За короткое время он потерял слишком много крови.

Рави не стал говорить о том, что было хорошо известно им обоим: никакой доктор не возьмется лечить неприкасаемого. Чувство долга иногда могло заставить врачей дать им лекарство, но не более.

— Я должна попытаться. — Амиша не могла допустить, чтобы Рави истек кровью. Она бросилась в спальню и достала все деньги, которые Дипак хранил в ящике письменного стола.

— Не трудитесь зря, шримати, — сказал Рави, когда Амиша вернулась с пачкой денег в руке. — Он будет

смотреть, как я умираю, но в моей крови пачкаться не станет.

Амиша знала, что Рави прав: никакие деньги не убедят деревенского доктора переступить через свои предрассудки и оказать помощь неприкасаемому. Рави из последних сил старался держать глаза открытыми. Скоро сознание померкнет и избавит его от боли. Амиша оторвала от рубашки еще одну полоску и перевязала рану ту же.

— Не смей умирать, Рави! — велела она. Банкноты упали в лужу крови и тут же промокли насквозь. Амиша с трудом сдерживала слезы. — Слышишь меня? — проговорила она умоляюще, но Рави молчал.

Не зная, что делать, подгоняемая отчаянием, она вскочила и бросилась бежать — к единственному человеку, на которого могла надеяться. Она не знала, чем тот может помочь и станет ли пытаться, но выбора у нее не было. Если понадобится, она будет умолять, в ногах валяться станет!

Подбежав, Амиша заколотила в дверь кулаками и закричала во весь голос, стараясь перекрыть вой ветра:

— Стивен!

— Амиша? — Стивен распахнул дверь, и при виде ее на его лице отразилась тревога. Он схватил ее за руку и попытался втащить в дом. — Что случилось?

Амиша вытерла слезы. Ветер швырял растрепавшиеся волосы ей в лицо. В каждом ее слове звенел страх.

— Пожалуйста, помогите! — выкрикнула она. Ее рука беспомощно обмякла в его ладони. — Рави ранен, и я не знаю...

У нее подкосились ноги, и она навалилась всем телом на дверной косяк. Глупо было идти сюда, поняла она. Что же теперь остается делать? Только взглянуть в лицо правде: ее друг умирает, если уже не умер. Все ее деньги,

все ее влияние ничего не значат: они не могут заставить доктора лечить неприкасаемого.

— Одну минуту. — Стивен метнулся в дом. Уже через несколько секунд он вновь стоял на пороге с ключами в руке. — Идемте.

Оба бросились к его маленькому автомобилю. Амиша вскочила на пассажирское сиденье, а Стивен уже включил зажигание.

— К вам? — спросил он.

— Да.

Они молча летели на полной скорости по темным улицам — только «дворники» шуршали в тишине. Не успела машина остановиться, как оба выскочили и бросились к Рави, лежащему на земле. Амиша добежала первой.

— Жив пока. — Она положила руку Рави на грудь и почувствовала, как та вздымается и опускается.

— Давайте-ка перенесем его в машину. — Стивен взял Рави на руки и усадил на заднее сиденье. Затем снял ремень, перетянул им Рави ногу, как жгутом, и снова бросился к водительскому сиденью.

— Куда мы едем? — спросила Амиша, открывая дверцу с другой стороны.

— Повезу его в военный госпиталь. — И, глядя на нее поверх крыши автомобиля, добавил: — А вот вы никуда не поедете.

— Поеду. — Изумленная тем, что он ждал от нее чего-то другого, Амиша бросила: — Я должна быть с ним.

— Ехать придется через три деревни. Что скажет Дипак, если кто-то увидит вас со мной в машине? — Дождь, ненадолго стихший, хлынул снова. Раньше, чем Амиша успела ответить, Стивен добавил: — А дети ваши как же?

На это Амише нечего было возразить, и она неохотно отступила. Если час Рави пробил — ей не хотелось,

чтобы он умирал в одиночестве. Но обстоятельства не оставляли ей выбора.

— Позаботьтесь о нем, — сказала она, опустив голову.

***

Шаги Амиши становились медленнее по мере того, как она приближалась к храму. Ночное небо низко нависало над ней, и тень повторяла каждое движение. Она попросила соседку присмотреть за детьми, пока сходит помолиться. Раньше ей не очень верилось, что удар судьбы можно отвести молитвами. Но сейчас она была готова на что угодно, лишь бы изменить ее предначертание. Ее друг на пороге смерти, и кто знает, под силу ли кому-то из людей, даже Стивену, спасти ему жизнь.

Только голые стены смотрели на Амишу, когда она вошла в святилище. Она взялась за шнур и била в колокол, пока звон не разнесся по всему ночному небу. Птицы на деревьях проснулись и подняли возмущенный гвалт, но Амише было не до них. Она думала только о Рави и о том, что он должен выжить.

Амиша зажгла несколько жасминовых ароматических палочек и опустилась на колени перед статуей. Дымный аромат заструился вокруг. Глаза щипало — Амиша не знала, от дыма или от слез.

— Жизнь — не ставка в игре, — проговорила она, дерзко глядя прямо в лица всемогущим богам.

Амиша шла умолять, а теперь вдруг заговорила повелительным тоном. Речь шла о жизни ее друга, и здесь не было места компромиссам. Она не хотела думать ни о роке, ни о судьбе, ни о череде перерождений. В этой битве она будет драться беспощадно. Рави обязан жить, потому что должна же быть справедливость на свете.

— Я не смирюсь с его смертью, — с угрозой проговорила она. — Ты не имеешь права забирать его. Сейчас, когда жизнь только-только обрела для него какой-то смысл. — Она вспомнила о назначенной свадьбе Рави. — Ты не имеешь права отнимать у него счастье.

Она думала о его будущей жене и детях. О брате и сестре, которых он обеспечивал своим трудом. Обо всех, кто любит его таким, какой он есть.

Амиша яростно вытерла заплаканное лицо.

— Пусть человеческая жизнь для тебя ничто, но я не уступлю. Он ни в чем не виноват, он никому не делал зла, он довольствуется крохами, которые ты ему посылаешь. — Амиша поднялась с колен, выпрямилась и взглянула в лицо своему создателю. — Рави не одинок в этой битве. Считай, что это предупреждение. Я встану с ним рядом, плечом к плечу — если хочешь забрать его душу, сначала придется отнять мою.

Не сказав больше ни слова, Амиша вышла из храма. У нее не было сомнений, что Бог услышал.

35

Амиша раскачивалась взад-вперед на качелях, почти не осознавая, что делает. Уставившись неподвижным взглядом в темноту, она считала минуты, пока они не стали сливаться в одно целое и чувство времени не пропало совсем. Стук в дверь раздался, когда она уже думала, что вот-вот лишится чувств от страха и тревоги. Она бросилась к двери мимо спящих на полу детей, распахнула ее и увидела на пороге Стивена.

— Он жив?! — Ее рука стиснула кромку двери с такой силой, что пальцы онемели от боли.

— Жив. — Стивен провел рукой по усталому, изможденному лицу. — Пару дней еще поболит, конечно, но ничего неизлечимого нет.

— Спасибо. — Амиша пыталась проглотить подступивший комок слез, но он засел в горле намертво.

Услышав, что мама плачет, Джей беспокойно заворочался и что-то неразборчиво пробормотал во сне. Амиша сделала Стивену знак, и они вышли в дальнюю комнату, чтобы не тревожить детей.

Стивен сразу занял собой всю тесную комнатку. Он закрыл дверь, на короткий миг задержался взглядом на кровати и отвел глаза. От тусклого света настольной лампы на стене плясали тени.

— Не знаю, как вас и благодарить. — В маленькой спальне они оказались лицом к лицу. Амиша часто моргала, стараясь прогнать ощущение паутины в голове. — Ужас, что могло бы быть, если бы не вы...

— И вовсе не нужно меня благодарить. — Стивен взгляделся в ее лицо со следами слез на щеках. Взял ладонью за подбородок и стер влажную дорожку большим пальцем. — Я же знаю, как много он для вас значит.

Амиша закрыла глаза. Измученная событиями этой ночи, она не могла найти в себе сил сказать ему, что так нельзя. Вместо этого накрыла его ладонь своей и прижала крепче к лицу, чувствуя, как от одного лишь прикосновения уходит тревога.

— Я знала... — с трудом выдавила она и смолкла.

Стивен ждал, и его терпеливое молчание было как бальзам после всех страхов, пережитых за вечер. Наконец Амиша нашла в себе силы договорить:

— Я знала, что вы ему поможете. Вы откликнулись на чужую боль, как на свою, и спасли моего друга.

Стивен придвинулся ближе, так близко друг к другу они еще не были никогда. Амиша читала нерешительность на его лице. Он был уверен, что она его остановит, скажет, что они не должны этого делать. Она и сама понимала: так нельзя, это может причинить боль другим, если они узнают. Но сейчас ничто на свете не имело значения.

Амиша уткнулась ему в грудь и наконец-то дала волю рыданиям, всю ночь рвавшимся из груди. Рубашка Стивена тут же намокла от слез. Все ее тело сотрясилось от плача.

— Ш-ш-ш. — Стивен успокаивающе провел рукой по ее волосам, а затем по плечу. — Он обязательно поправится.

Амиша плакала, пока не иссякли слезы. Уже выплавившись, она продолжала прижиматься к Стивену, чувствуя его руки у себя на талии. Эта ночь началась для нее с опустошенности и страха. Но благодаря Стивену Рави выстоял в жестокой схватке со смертью. Вне себя от нахлынувших эмоций, Амиша робко обняла Стивена. Он был так нужен ей сегодня — и он пришел. Ответным объятием он крепко прижал Амишу к себе.

Она чувствовала, как бьется его сердце. Приложив к его груди раскрытую ладонь, Амиша прижала ее с такой силой, словно хотела проникнуть прямо в душу. Дыхание у них обоих участилось. Стивен медленно провел рукой по ее спине и стиснул в пальцах ткань длинной юбки. Подождал, давая Амише возможность возразить. Она глубоко вздохнула. Все, что было ей дорого, сейчас оказалось под угрозой. Она замужем, у нее трое детей. Она обязана чтить Дипака и их союз. Ее место — рядом с мужем, а не со Стивеном, и так будет всегда. Но при одной мысли о том, чтобы оттолкнуть его, становилось еще больнее. Ее неудержимо влекло к нему. Это открытие встряхнуло ее внезапным толчком, и все преграды рухнули.

Рука Стивена скользнула под хлопковую юбку, потянув ее вниз. Даже сквозь несколько слоев ткани чувствовалось, какие горячие у него ладони. Он притянул Амишу к себе, и их тела сплелись в жарком объятии. Его пальцы прошли по ее груди, а потом вниз по животу. Другая рука скользила сзади под Амишиной рубашкой, лаская голую кожу.

— Амиша... — прошептал Стивен ей на ухо.

— Стивен?.. — Она почувствовала, как напряглось его тело.

Раньше Амиша ничего не знала о тех чувствах, что сейчас бурлили в ней, о желании, от которого она слабела, и ей хотелось только одного — не останавливаться.

— Все хорошо. — Стивен, прижимая Амишу к себе все крепче, прислонил ее к стене.

Амиша чувствовала, что вся дрожит, и совсем перестала понимать, что происходит. Лежа в постели с Дипаком, она видела, как твердеет его лицо, как за несколько секунд до разрядки напрягается тело. Но ее собственное тело никогда не отзывалось на прикосновения мужа так, как сейчас.

Стивен всем своим телом прижал ее к голой стене. Амиша подалась к нему, их губы встретились и открылись навстречу поцелуям. Он целовал ее губы, щеки, шею... Амиша слышала, как часто он дышит, а сама уже и вздохнуть не могла. Она вцепилась ему в плечи, закрыла глаза, и все погрузилось в жаркую черноту.

Когда тело наконец утолило свою жажду, Амиша уронила голову Стивену на плечо. Она чувствовала себя голой — как будто Стивен раздел ее донага. Не вполне осознавая, что произошло, она пыталась как-то объяснить для себя свой поступок. Они не отдались друг другу полностью, и все же такой страсти, какую Амиша испытала сейчас со Стивеном, она никогда не знала с Дипаком. Устыдившись, она выпустила Стивена из объятий и уронила голову.

— Не надо, — сдавленным голосом попросил Стивен. — Не прячься от меня.

— То, что сейчас было... — Амиша неуверенно смолкла.

— Случилось потому, что нас влечет друг к другу чувство.

— Вы же говорили — дружба...

— Я сказал то, что тебе хотелось услышать. Пытался помочь тебе найти оправдание для наших чувств.

— Но я сама не знаю, что я чувствую.

Амиша была уверена, что сумеет убедить и его, и себя. Спальня вдруг стала совсем маленькой. Амиша шагнула в сторону, высвобождаясь из рук Стивена.

— Неправда, — мягко возразил он. Лицо у него было понимающим, и на нем читалась такая же боль, как у нее. — Мы уже очень давно скрываем наши чувства от самих себя.

— Я замужем. Я не имею права ни на какие чувства к вам. — От стыда Амиша даже не могла вполне осознать свое положение. — То, что было между нами... — Она осеклась, не находя слов.

— Мы с тобой...

— Нет. — Амиша не могла позволить ему закончить фразу. Боги услышат, и тогда она станет правдой. Амиша была не готова к этому. — Пожалуйста. Я не могу.

Стивен напряженно вглядывался в ее лицо. Наконец взял его в ладони и нежно поцеловал.

— Хорошо.

Амиша видела, как он расстроен, и ее саму грызла совесть. Эмоциональная встряска этой ночи совсем обессилила ее, как ни старалась она вернуть себе здравый смысл и благоразумие.

— Спокойной ночи, — пробормотал Стивен, последний раз приныкая к ее губам. Затем он вышел, а Амиша так и осталась стоять, глядя на дверь.

***

Рави явился на работу с заднего крыльца. С тех пор, как он поранил ногу, прошло всего два дня. Амиша с детьми навещали его. Семья Рави приняла ее с такими церемониями, будто особу королевской крови. Она только смеялась,

глядя, как они изо всех сил стараются ей угодить, и наконец сказала — это она должна о них, стариках, заботиться, а не они о ней. Отдала им пачку рупий — на случай, если Рави понадобятся какие-нибудь лекарства.

— Я пришел работать, — заявил Рави, как только Амиша его заметила.

— Тебе лежать надо, — с упреком покачала головой она и помогла ему переступить через порог.

Он опирался на длинную палку вместо трости.

— Лежать и в потолок пялиться? — Рави закатил глаза.

— Поправляться, — строго сказала Амиша и кивнула в сторону качелей, чтобы он присел.

Но Рави, не глядя на нее, прошел в кухню и тотчас же принялся мыть посуду.

— Иди-ка ты домой.

— Нет. Я уже здоров.

— Чуть до смерти кровью не истек, а теперь уже здоров? — Амиша вышла на кухню следом за ним.

Бина вместе с другой служанкой понесла стирать белье на речку, и Амиша была дома одна.

— Да, это чудо. — Рави взялся за грязную сковородку.

— Чудо будет, если ты пойдешь домой спать. — Амиша вырвала у него из рук сковородку, но он тут же схватил другую.

— Я спать буду, а работать кто? — Он подтянул штаны, уселся на корточки и принялся на совесть оттирать пригоревший жир.

— И другие слуги есть.

— Но никто из них не справляется с работой так хорошо, как я. К тому же я должен отработать те деньги, что вы дали моим родным.

Отчистив сковородку, он принялся разбирать посуду: тарелки отдельно, кастрюли отдельно. У Амиши не было

времени на мытье, и грязной посуды набралась целая гора.

— Ну ладно. Хочешь работать — работай. Но если нога разболится, мне потом не жалуйся, — озабоченно нахмурилась Амиша.

— Буду страдать молча, — отозвался Рави. На губах у него играла усмешка.

— Да хоть на весь дом страдай, я и бровью не поведу, — заявила Амиша.

— Вот и отлично.

Все утро Рави работал вместе с другими слугами, а Амиша им помогала. Покормила сыновей, выстирала им школьную форму на завтра. Потом дети убежали играть и вернулись домой, только когда пришла пора ложиться спать. К вечеру все слуги, кроме Рави, разошлись — готовить ужин своим домашним.

— Спасибо, — сказал Рави. Он трудился весь день без передышки, пока не закончил все дела.

— За то, что позволила тебе работать? — спросила Амиша.

Рави схватился рукой за поджившую рану. По тому, как скривилось у него лицо, Амиша поняла, что нога все еще болит.

— За то, что спасли мне жизнь.

— Ну нет. — Амиша отвернулась, не желая слушать. — Это ты брось.

Рави, хромая, приблизился и взглянул ей в лицо.

— Если бы не вы... меня бы сейчас здесь не было. — Он сложил ладони перед собой. — Благодарю от всего сердца.

— Ну, знаешь ли, сейчас тебе здесь и делать нечего. А будешь глупости болтать, я тебе добавлю.

Амиша до сих пор помнила в мельчайших подробностях и ту ночь, и весь ужас, что ей пришлось пережить,

пока она не знала, что с Рави. Теперь она прежде всего радовалась, что он жив и может препираться с ней.

— То, что вы для меня сделали... — Рави умолк, не в силах совладать с собой.

— Ты же мой друг, — будничным тоном произнесла Амиша, давая понять, что других объяснений не требуется.

— Мало ли у человека друзей...

— У меня мало. — Амиша пожала плечами, а Рави все не сводил с нее глаз.

Больше он ничего не сказал, и Амиша начала складывать белье. Собственные слова взволновали ее до глубины души. Она ощущала в душе пустоту и неуверенность.

— Ваш лейтенант не дал мне умереть, — сказал наконец Рави. — Велел жить, и точка.

— Никакой он не мой, — ответила Амиша, но при этих словах по телу неожиданно разлилось тепло. Воспоминание о том, что между ними произошло, вставало перед ней снова и снова, как она ни старалась его отогнать.

— А почему он? Когда вы убежали, я думал, вы за доктором.

— Доктор бы не пришел. — Амиша не хотела ему лгать. — А я не могла допустить, чтобы ты умер. За то время, что я знаю лейтенанта, он уже доказал свое равнодушие к людям.

— Должно быть, это к вам он равнодушен, если сделал такое для меня.

— Он бы для кого угодно это сделал.

— Шримати, — признался Рави, — когда мы приехали в больницу, я слышал, как там с ним спорили. Говорили — эта больница только для британской администрации, а не для кого попало с улицы. А лейтенант стал грозить, что позвонит высшему командованию и тогда им прикажут оказать помощь. Эта угроза их убедила, и мне помогли.

Амиша слушала с каменным лицом, тщетно стараясь скрыть свои чувства.

— Я не знала, — сказала она.

— Мое счастье, что вы называли меня другом. А он, видно, — ваше счастье.

36

Голова Амиши лежала на подушке, а рука теребила одеяло. Каждый раз, когда она пыталась прилечь, желудок начинал урчать, требуя еды. Она пробовала писать, но слова не шли на ум. От голода даже самые простые домашние дела казались непосильными.

— Вы уже три дня ничего не едите. — Рави без стука вошел в спальню. Он все еще хромал, но нога уже зажила. — Он не приходил.

— Придет, — сказала Амиша. Они со Стивеном не виделись с той самой ночи, когда с Рави случилось несчастье. Школа закрылась на каникулы, так что Амише не пришлось пропускать занятия. — А как малыш? — спросила она, беспокоясь о Пареше. Амиша уже знала, что Бине сегодня пришлось его купать и переодевать.

— Он у нас теперь не малыш. Бина брала его с собой на рынок за покупками. — Рави уселся на стул и повертел в руках листы бумаги, на которых Амиша безуспешно пыталась что-то написать. — За руку идти отказался: он, мол, уже большой, совсем как братя. А через пять минут сам сказал, что ему надо переодеться: молоком облился.

— Больно уж быстро он растет, — улыбнулась Амиша. — Все мои малыши быстро растут. — Она стала думать о своих детях и об их отце. Улыбка тут же пропала. — От Дипака не было телеграммы? — спросила Амиша, с тревогой ожидая ответа.

— Нет, шримати. — Рави не сводил с нее внимательного взгляда. — Мне кажется, он и не помнит о празднике.

Амиша с облегчением кивнула:

— Оно и к лучшему.

Она снова легла, и на лице Рави отразилось беспокойство.

— Может, мне сходить в школу? — спросил он.

После рассказа Рави о том, как Стивен вел себя в клинике, Амиша призналась ему, что они со Стивеном стали еще ближе друг к другу, чем до сих пор. Рави выслушал без осуждения. Когда она рассказала ему о своих планах на сегодня, в праздник Карва-чаутх, он поддержал ее как мог.

Этот праздник женщины по всей стране отмечали не притрагиваясь ни к еде, ни к воде. При первом появлении луны женщине полагалось принять первый глоток воды из рук мужчины, ради которого она постилась. В награду за такую жертву можно попросить у богов долгой жизни и здоровья для этого человека.

— Нет. — Амиша не хотела позволить Рави облегчить задачу. — Он должен сам прийти.

— Вы ни разу не были в школе после того несчастного случая. — Рави смотрел с недоумением. — Как он догадается прийти?

— Если не догадается — значит, я дурочка. — В голове у Амиши крутились воспоминания о том, что произошло в ту ночь. Она перебирала их сотни раз, гадая, правильно ли поступила. — Но мне так не кажется.

Не успела Амиша договорить, как раздался стук в дверь. Рави тут же вскочил. Они услышали, как Бина открывает. По негромкому приветствию оба поняли, что это Стивен, и Амишу охватило чувство облегчения и счастья. При всей запутанности их отношений она все же не ошиблась в нем.

Бина проводила Стивена в спальню, и он остановился в дверях. Бросив тревожный взгляд на Амишу, обернулся к Рави.

— Намасте, сэр, — поклонился Рави, сложив ладони перед собой.

— Намасте. — Стивен взглянул на ногу Рави и явно остался доволен тем, что тот уже ходит. — Как ты?

— На ногах, за что должен благодарить вас, сэр, — ответил Рави. Рядом со Стивеном он казался маленьким. — Я ваш должник.

— Никаких долгов, — не раздумывая, отозвался Стивен. — Главное, будь здоров и, пожалуйста, не играй больше со смертью. — Он взглянул на Амишу. — Не то Амиша, чего доброго, этого не переживет.

— Постараюсь, сэр. — Рави жестом пригласил его в комнату.

— Викрам говорил, Дипак в Бомбее? — спросил Стивен, не обращаясь ни к кому в отдельности.

— Он в Бомбее с того дня, как со мной случилось несчастье, сэр, — ответил Рави раньше, чем Амиша успела вставить слово. — Только на будущей неделе вернется.

— Ясно. — Стивен шагнул в комнату и сразу двинулся к Амишиной кровати. Глядя ей в глаза, спросил: — Что с вами? — Оба едва заметили, как Рави вышел за дверь. — Врач нужен?

— Нет, я здорова. — Она надеялась, что он придет — рассчитывала на это. Голос у нее после трех дней без еды и воды был хриплым и слабым. — Вы пришли... — Амиша теребила край одеяла, стараясь не давать воли эмоциям.

— В школе сейчас каникулы, но я надеялся, что вы придете ко мне на урок. Однако не получил от вас никакой весточки и стал волноваться. После той ночи... — Он запнулся и попытался заглянуть ей в глаза. — Я думал о вас, но не знал, захотите ли вы меня видеть.

Тронутая его заботой, она заверила:

— Значит, мы с вами оба проживем до ста лет, если верить нашему индийскому мифу: я тоже думала о вас. — Амиша не знала, стоит ли играть в эту игру, и не могла решить, сказать ли ему настоящую причину, почему она лежит в постели. Она поставила все на одну карту: на то, что он придет без зова. — Я вас не видела с... — Амиша тут же осеклась, не в силах говорить о той ночи.

Сутками напролет она думала только об одном. Она убедила себя, что их поступок в ту ночь был вызван потрясением. Но дни шли за днями, а воспоминание все так же грело душу, и тоска по Стивену только усиливалась, и в конце концов пришлось взглянуть в глаза правде, которую Амиша до сих пор не хотела признавать. Этот человек стал ей дороже самой себя.

Со Стивеном она была счастлива — такого счастья она до сих пор никогда не испытывала. Она боролась со своими чувствами, но уже не могла с ними совладать. В конце концов, питая чувства к Стивену, она ни в чем не обделяла мужа. Дипаку она нужна, чтобы было кому вести хозяйство и растить детей. Вот она и делает и то и другое — без жалоб и протестов.

— У меня есть к вам просьба, — сказала Амиша.

— Ваша еда, шримати. — Рави вошел в спальню с подносом. На нем стояла наполненная тарелка и стакан с кокосовой водой. — Не будете ли вы так любезны, сэр? — Рави протянул поднос Стивену, избегая Амишиного грозного взгляда. — Она три дня ничего не ела. Было бы замечательно, если бы вы помогли ее напоить, а я пока за рисом посмотрю.

Успокоенный кивком Стивена, Рави вышел.

Стивен взял с подноса стакан с водой, а остальное поставил на стол. Сел на кровать рядом с Амишей.

— Что происходит, Амиша?

Она не могла объяснить так сразу: стыд мешал. Со Стивеном она все время балансировала на грани между его и своими представлениями о жизни. Согласно всему, чему ее учили, ее поведение со Стивеном в ту ночь, когда с Рави случилось несчастье, было недопустимым.

И все же она не могла убедить себя, что делает что-то дурное. Напротив, при каждой встрече со Стивеном ощущала, что только теперь живет по-настоящему. Ее выдали за Дипака, не оставив выбора, и она стала строить свою жизнь с ним, потому что больше ей ничего не оставалось. А Стивен — это был ее первый выбор, сделанный сердцем. То, что она чувствовала к нему, было ее и только ее. И, когда пришел день Карва-чаутх, она уже твердо знала, что делать.

Амиша постилась для Дипака с самого начала их совместной жизни. Когда пост заканчивался, Дипак подавал ей воду и еду и тут же спешил на мельницу. До сих пор Амишу это не обижало: она убеждала себя, что ее жертва в любом случае не напрасна. Никакое равнодушие Дипака не могло поколебать того, во имя чего приносилась эта жертва.

В этом году Дипак не приехал на праздник и даже не удосужился поинтересоваться, как тут Амиша. Каждый день поста Рави исправно готовил еду, но Амиша кормила только детей. Когда Рави спросил, в чем дело, она ответила, что постится и в этом году тоже. Но не для Дипака.

— Шримати?... — вопросительно проговорил Рави. Луна уже взошла на небо, и женщины в деревне наконец-то начали есть — в первый раз за сутки. — Что вы задумали?

— Буду ждать, пока он не придет. — Амиша твердо верила в это.

— А если не придет?

— Тогда я умру от голода, — сказала Амиша, хотя на самом деле не сомневалась, что Стивен будет здесь.

Рано или поздно он придет справиться о ней, и тогда она подарит ему долголетие. Но теперь, когда Стивен сидел рядом, ей стало неловко и страшно: а вдруг до него не дойдет смысл ритуала, который так много значит для нее?

— Амиша?.. — повторил Стивен, не дождавшись ее ответа.

— У индийских женщин есть такой обычай. Раз в году женщина целый день и целую ночь голодает в надежде, что в награду боги подарят долгую и счастливую жизнь тому мужчине, ради которого она постится — обычно мужу. После восхода луны женщина ждет, что этот мужчина даст ей первый кусок еды и первый глоток воды, — как могла, объяснила Амиша смысл праздника и стала ждать, что ответит Стивен.

— И вы ничего не ели?

— Нет. — Она смотрела на стоящую на столе еду голодными глазами.

— Три дня?

— Я ждала, когда меня накормят.

— А Дипак не накормил?

— Я не для него постилась, — ответила Амиша. Только так она могла выразить свои чувства к нему.

Она с тревогой ждала его ответа. Все пережитые до сих пор страхи и сомнения не могли сравниться с неопределенностью, мучившей ее в эту минуту. Ведь данный поступок должен был сказать Стивену о том, как он ей дорог. О том, что он значит для нее не меньше, чем Дипак, — а может быть, и больше. Если Амиша неправильно истолковала его поступок в ту ночь, то, выдав свои чувства, она окажется в глупом положении.

— А если бы я не пришел? — На лбу Стивена пролегли озабоченные морщинки.

— Но вы же здесь, — медленно проговорила Амиша, все еще стараясь угадать его реакцию. — И я жду.

Стивен придвинулся ближе. Убрал с ее лица пряди волос. Поймал взгляд, и она увидела, как в его глазах отразились ее тревоги и сомнения. Он медлил, и она отвернулась, уже уверившись, что напрасно открылась ему. Тогда он взял ее за подбородок, медленно повернул лицом к себе и погладил большим пальцем по щеке.

Стивен бережно поднес стакан к Амишиным губам и смотрел, как она осушила его в считанные секунды. Стер ладонью сладкую каплю, повисшую на подбородке. Потом оторвал кусок наана, обмакнул в чечевичный суп и поднес к Амишиному рту. Его пальцы задержались возле ее губ.

— Спасибо, — прошептал он так, словно ему сдавило горло, — за вашу жертву.

— Теперь вы будете жить сто лет, — облегченно выдохнула Амиша.

Пускай сейчас они зависли в неопределенном положении: перешли границу дружбы, зная, что никогда не смогут быть вместе. Все равно она была счастлива, что подарила ему долгую жизнь. Без слов дала понять, как много он значит для нее.

— Так чем же я могу вам отплатить? — спросил Стивен, прервав затянувшееся молчание.

— Не умирайте никогда, — ответила Амиша, а затем снова опустилась на подушку и не стала больше противиться убаюкивающему ощущению сытости в желудке.

ДЖАЙЯ

37

После первого выкидыша я не вставала с постели двое суток. Еще чуть погода начала винить себя: неужели я не могла сделать что-нибудь, ну хоть что-нибудь, чтобы все исправить? Для начала я стала читать все, что могла найти, о выкидышах и о том, как их предотвратить. Расспрашивала друзей-медиков, вступила в группу поддержки. Я была полна решимости сделать все возможное, лишь бы в этот раз все прошло как надо.

Патрик поддерживал меня во всем: он, кажется, понимал, что мне необходим контроль над ситуацией. Я молчаливо предполагала, что он и со своей стороны предпринимает какие-то шаги, и как-то вечером, дочитывая очередную книгу о женщинах и женском организме, спросила его, какие именно.

— Никаких, — ответил он. — Все получится, когда придет время.

Этот ответ не давал мне покоя несколько дней. Не знаю, о чем я думала. О том, что ему, выходит, не так уж хочется иметь ребенка, если он ничего для этого не делает, или о том, что такое бездействие — предательство по отношению ко мне и к моей боли. Как бы то ни было, я стала отдаляться от него. Теперь, услышав о жертве, которую принесла моя бабушка в день Карва-чаутх, о том, как она

стремилась выразить свою любовь к Стивену без всяких гарантий на будущее, я невольно думаю: когда все потеряно, когда вопросы остаются без ответов, вера — наш самый надежный союзник. Может быть, для Патрика это было единственное, на что он мог положиться?

Я стучусь в дверь Рави и жду. Амишина история переплетается в голове с моей собственной. Я вижу, как часто у моей бабушки не было выбора, и всякий раз вспоминаю, что у меня-то он был. Слушаю об Амишиных горестях и вспоминаю, сколько раз говорила себе: «Ну и пусть!» Начинаю понимать, какой она была, и думаю о том, как мне до нее далеко.

Миша открывает дверь и улыбается мне во весь рот. Половина ее волос заплетена в косичку, а другая висит распущенная за плечом. В руке у нее щетка для волос.

— Здравствуй, бети. — Я рада ее видеть. Обнимаю за плечи и притягиваю к себе.

Рави, судя по звукам, возится на кухне. Я окликаю его:

— А вы и не сказали, что ваша красавица правнучка сегодня здесь.

Рави выходит к нам с кухонной тряпкой в руке.

— Моя красавица правнучка сегодня здесь.

Миша хихикает, и Рави улыбается.

Миша снова идет к зеркалу и начинает с натугой расчесывать волосы. Я осторожно беру у нее щетку:

— Можно мне? — Она кивает, и я начинаю разбирать спутанные узелки волос — потихоньку, стараясь не дергать. Потом заплетаю пряди в косу. — Так что, какие у нас планы на сегодня?

Рави вчера говорил, что хочет устроить выходной и показать мне еще кое-что в деревне и окрестностях. Я охотно согласилась.

— Ашрам. — Видя мое недоумение, Рави поясняет: — Сиротский приют. Мы с Мишей часто туда ходим. Она хочет вам показать.

***

— Когда я вырасту, я буду учительницей, — объявляет Миша.

Мы с ней сидим рядышком на заднем сиденье авто-рикши, а Рави — впереди. Когда машину подбрасывает на камнях, девчушка хватается меня за руку.

— Замечательно, — откликаюсь я. — А какой учительницей?

— Доброй.

Я смеюсь, и она недоуменно поднимает бровь:

— Наш учитель бьет нас линейкой по ладони, если мы неправильно отвечаем. А когда правильно, дает конфеты, поэтому я всегда отвечаю правильно.

В ужасе от таких средневековых методов я бросаю взгляд на Рави, но тот невозмутимо произносит:

— У них линейка из поролона. Чтобы такой больно ударить, нужна божественная сила, не меньше.

Остаток пути Миша болтает, то и дело перескакивая с одной темы на другую. Рассказывает 'в подробностях обо всем — от первых кулинарных опытов до игр с подружками. К тому времени, как мы выходим из машины, я уже знаю уйму историй из ее жизни начиная с трехлетнего возраста.

Вслед за Рави и Мишей я поднимаюсь на крыльцо самого обычного, с виду ничем не примечательного здания. В нем всего один этаж. На фоне покрытых облупившейся белой краской деревянных стен — грязные стекла окон. За массивной дверью открывается тесная захламленная прихожая, а за ней — огромная комната. Ничто из того, что я видела на улицах и читала в книгах, не могло подготовить меня к такому зрелищу. Пол застелен простынями поверх ковра. Дети — и совсем младенцы, и постарше, лет двух-трех, — лежат тут одни без всякого присмотра. В комнате стоит плач и зловоние — пахнет мочой и калом. Я прикрываю ладонью рот, стараясь подавить тошноту.

— Рави? — Я шарю глазами по комнате в поисках хоть одного взрослого. — Это и есть приют?

— Да, — тихо отвечает он, очевидно понимая мое состояние. — Для многих детей — единственный дом.

Помимо этой, большой, в здании имеются еще три комнаты, одна меньше другой. В кухне хранятся запасы чечевицы и риса — основной рацион детей. На подтаявших кусках льда стоят стеклянные банки с молоком. Холодильник здесь только один, маленький, вроде того, что стоял у меня в комнате, когда я жила в студенческом общежитии.

В самой дальней комнатке хранятся принадлежности для уборки и одежда, пожертвованная местными жителями. Все это свалено в коробки как попало. Спящие дети укрыты истрепанными одеялами, плачущие малыши жмутся друг к другу — у них ведь тут нет плюшевых мишек. Ни подушек, ни матрасов тоже нет, вся постель — простыня на ковре.

— Где же воспитатели? — тихо спрашиваю я.

— Храм оплатил только две ставки. — Рави смотрит на Мишу: та уже нашла себе приятелей, с которыми можно поиграть. — Родители, которые не могут или не хотят растить своих детей, оставляют их тут. Среди них много изуродованных и калек.

Плач одного из самых маленьких привлекает мое внимание. Я сбрасываю туфли и ласково беру ревущего малыша на руки. У него плоское личико и короткая шея — явные признаки синдрома Дауна. Качая мальчика на руках, я замечаю в дальнем углу двоих ребятишек без рук и еще множество других с теми или иными особыми отличиями.

— Работницы целыми днями готовят еду и купают детей, когда успевают, — говорит Рави. — Тех, кто доживет до шести лет, отдают в другой приют, в соседней деревне. Воды здесь не хватает. По распоряжению

правительства водопровод почти весь день не работает. Иногда в воду попадают бактерии, и тогда у детей начинается расстройство желудка или какая-нибудь непонятная сыпь. — Он качает головой. — В такие дни бывает труднее всего.

Несколько часов подряд мы помогаем работницам приюта купать и кормить детей. Потом я развлекаю малышей и пою им песенки. Учю их играть в «утка, утка, гусь», хотя почти все они воспринимают это просто как игру в догонялки. Под конец я чувствую себя совершенно обессиленной. Мне просто необходимо перевести дух, и я иду искать Рави. Нахожу его в дальней комнате: он отдыхает, сидя на складном стульчике.

Я опускаюсь на пол и прислоняюсь к стене.

— И всего двое взрослых! Как же так?

— Кто-то в Индии ведет царскую жизнь, — просто говорит Рави. — Но есть и другие, и они выживают как могут.

В комнату забредает малыш, и Рави играет с ним тростью, пока тот не убегает, заливаясь смехом.

— Думаю, и в вашей стране дело обстоит примерно так же, правда?

— А зачем вы сюда ходите? — спрашиваю я.

Он прав: каждому приходится пробивать свою дорогу в жизни, и у всех свои обстоятельства.

Рави заглядывает в большую комнату в поисках Миши. Она увлечена игрой вместе со стайкой ребятишек.

— Миша очень старается жить без оглядки на свою болезнь. Но однажды пришла ко мне и спросила: «Дада, а почему Бог сделал меня слабее других детей?» Вот мы с ней и пришли сюда. Я подумал — пусть увидит, что она еще не самая слабая. Что есть и другие, которым приходится куда труднее.

Не сводя глаз с Миши и играющих ребятишек, я говорю:

— Вот почему вы сказали, что это Бог дал ей скобы. Потому что без них она была бы слишком идеальной.

— А вы разве не согласны, что моя правнучка — совершенство? — отвечает Рави. Он окликает Мишу и говорит ей, что пора прощаться. — Если верить индийским мифам, когда луна закрывает солнце, тьма набирает силу и может поглотить чью-то жизнь целиком. — Он медленно направляется к выходу. — Но не одно только солнце может светить. В самую темную ночь мы смотрим на звезды. Их свет тоже имеет свою силу.

— Зачем вы меня сюда привели, Рави?

Он грустно улыбается.

— Вы сказали, что приехали в Индию, чтобы убежать от своей боли. И я подумал — а что сказала бы на это ваша бабушка, если бы была с нами? — Он опускает голову. — Я никогда не осмелился бы говорить за нее, но...

— Но? — переспрашиваю я.

Он обводит рукой вокруг:

— Может быть, сегодня, когда вы помогли облегчить чужую боль, и ваша тоже немного утихла?

Я улыбаюсь, понимая, что он прав. За те несколько часов, что мы провели здесь, рядом с трагедией этих детей, моя собственная и вправду стала меньше.

***

— Ваш билет, пожалуйста. — Женщина, стоящая на подножке автобуса, одета в шорты цвета хаки и белую рубашку. Волосы убраны под шляпу с широкими полями. Я протягиваю билет, она дружелюбно улыбается мне и говорит на безупречном английском:

— Прошу. Выбирайте, пожалуйста, любое сиденье в салоне. Через несколько минут будем раздавать напитки.

Когда я упомянула о том, что мне очень хочется посмотреть на окрестности, Рави посоветовал отправиться на экскурсию к живописным водопадам Мадхья-Прадеш.

В экскурсионном автобусе с кондиционером я сажусь в одном из первых рядов. Заняв место, смотрю, как другие пассажиры рассаживаются по местам, пока не занимают почти все сиденья. Они беседуют между собой, и я с любопытством вслушиваюсь в разнообразные говоры и диалекты.

— Добро пожаловать. — Та женщина, что проверяла билеты, поднимается в салон и становится впереди. — Я — Мона, а это, — она показывает на водителя, — Зейн, сокращенно от Зева. — Мона улыбается в ответ на общий смех. — Сегодня я буду вашим гидом. Поездка займет около трех часов. — Она перечисляет напитки и закуски, которые фирма предлагает туристам. — Наша первая остановка — у водопада Дхуандхар в районе Джабалпур.

Автобус катит по автостраде, а я смотрю в окно. Дорога пробегает мимо современных строений и уходит в густые джунгли. Полчаса езды от центра города — и воздух делается влажным, запотевшие окна покрываются тонкой непрозрачной пленкой.

Мона начинает рассказывать в микрофон историю штата — сначала на хинди, а потом на английском.

— Мадхья Прадеш прозвали сердцем Индии из-за его географического положения. Штат насчитывает больше семидесяти миллионов населения — мы на пятом месте в стране. — Автобус взбирается все выше, и Мона продолжает: — Во время британской оккупации эту территорию включили в состав Центральных провинций и Берара и Агентства Центральной Индии. Штат Мадхья Прадеш был создан после того, как Индия получила независимость. — Мона повышает голос, чтобы перекрыть слышимый откуда-то издали шум воды. — Штат богат полезными ископаемыми и имеет крупнейшие в Индии залежи алмазов и меди. Более тридцати процентов его территории покрывают леса.

Автобус останавливается, и Мона объявляет:

— Мы прибыли к одному из самых удивительных водопадов, какие вы только увидите в своей жизни. Источник воды — река Нармада, которая протекает по знаменитым на весь мир Мраморным скалам, а затем ее русло сужается, и она переходит в водопад, известный под названием Дхуандхар.

Вместе с другими пассажирами я выхожу из автобуса. Мона добавляет:

— Поток воды, падающий с высоты ста футов, образует вокруг гигантское облако тумана, и водопад столь могуч, что его рев можно услышать за несколько верст.

Сверкающая вода бежит вниз по камням и собирается в искрящееся озеро. Над вершиной нависающей скалы мерцает радуга. Брызги от водопада осыпают нас словно легким дождем. Взрослые рассаживаются на мягкой траве, а дети швыряют в водопад камешки и пытаются поймать сплывающих в воде рыбок.

— Это место так отличается от деревни, — бормочу я вслух.

— Индия — огромная страна с разнообразной топографией, — услышав, говорит Мона. По просьбе пары туристов она делает им несколько снимков на фоне водопада и отдает фотоаппарат. — Как и Америка.

Встретив мой удивленный взгляд, она улыбается:

— Я изучала бизнес в Университете Чикаго.

Заинтересованно спрашиваю:

— Не скучаете по Соединенным Штатам?

— Кое по чему скучаю. — Она фотографирует еще одну семью из Англии. — Но Индия — мой дом. И к тому же мне не терпелось открыть собственное дело.

— Так это ваш бизнес?

— Да, и уже второй собственный автобус, — с достоинством заявляет она. — На первый я брала кредит в банке. А этот купила на заработанные.

— Потрясающе! — Я не скрываю восхищения ее деловой хваткой. — Вам есть чем гордиться!

— Моя семья жила в деревне неподалеку от маленького городка. — Взгляд у нее делается задумчивым. — Отец был фермером, а мать — поденной работницей. Приятно видеть их счастливыми.

— Ну и каково это — открывать бизнес с нуля? — Я надеюсь, что не слишком вторгаюсь в личные дела. Просто мне интересно сравнить современных женщин с поколением моей бабушки.

— Трудно, — отвечает Мона и тут же смущенно смеется. — Если бы я знала, что так будет, может, и не взялась бы. Сказать честно? — Она дожидается моего кивка и продолжает: — Школа бизнеса в Америке мне больше всего помогла, но и сильнее всего помешала. Образование там было, можно сказать, никакое, но оно дало ложное представление о моих способностях. Я была уверена, что мне все на свете по плечу.

— Насколько я могу судить, вы не так уж и ошиблись, — вежливо замечаю я.

— У меня есть подруги, которые не раз терпели неудачи в своих начинаниях. — Она обводит рукой вокруг. — Индия — страна, где многие хотят побывать. Наш штат богат природными красотами. — Она улыбается. — Мне повезло оказаться в нужном месте в нужное время.

Во мне просыпается журналистка, которой не терпится выведать подробности.

— Как вам кажется, женщине здесь легче открыть свое дело, чем мужчине?

— Не легче. — Мона какое-то время раздумывает, а потом произносит: — Индия — страна, которая старается не отставать от всего остального прозападного мира. Поэтому сейчас у нас стремятся открыть пути развития для каждого, без различия пола. Это страна

возможностей. Я воспользовалась этими возможностями, вот и все.

Мона улыбается и отходит к другим туристам, отвечать на их вопросы. Я наблюдаю за тем, как она общается с пассажирами, — профессионально, стараясь, чтобы это было и весело, и познавательно. Представляю, как гордилась бы Амиша, если бы увидела, какой путь проделала ее страна за годы своей независимости. Я улыбаюсь и весь остаток дня уже только фотографирую и слушаю шум воды, бьющейся о каменные скалы.

***

Семейство Рави пригласило меня на ужин, и я с благодарностью приняла приглашение: очень хотелось повидать их всех. По такому случаю приобретен традиционный индийский костюм — длинная шелковая блуза и облегающие брюки. Бледно-желтая ткань красиво контрастирует с моими темными волосами.

Закончив сборы, беру пакет с подарками, стоящий у кровати, и выхожу в гостиную, к Рави. Он тут же забирает у меня пакет и заглядывает внутрь.

— Это мне? — спрашивает он. — Очень мило, но я уже вырос из игрушек.

— Надо было их к себе на ужин пригласить, а не самой навязываться, — сетую я.

— Вы забываете, что я уже видел, какой из вас повар, — улыбается Рави. — К тому же сын говорит — у Миши дома все разговоры только о вас. Вы окажете им любезность хотя бы тем, что при вас Миша на какое-то время притихнет.

Авторикша везет нас в деревню. Асфальт вскоре пропадает, начинается немошенная дорога. В стороне от хижин побольше сбились в кучку тесные лачужки. Возле них громоздятся горы мусора. Домишки лепятся друг к другу тесно, почти вплотную. Женщины стоят

в длинной очереди за водой к колонке. У каждой в руках по два ведра. В ожидании они переговариваются и смеются. Дети носятся по улицам без присмотра, и от их беготни в воздух поднимаются клубы пыли.

Рави ведет меня к маленьким хижинам.

— Здесь жилье подешевле. — Вместо двери вход прикрывает занавеска. Рави отодвигает ее и объявляет: — Вот мы и пришли.

Тут же к нам выходят двое мужчин. Они одеты в традиционные одежды и оба складывают ладони перед собой.

— Намасте. Добро пожаловать, — говорит сын Рави.

Он вылитый отец, только моложе, а внук Рави похож на Амита.

Внук с трудом выговаривает по-английски:

— Спасибо, что пришли.

— Спасибо, что пригласили. — Я смотрю на сына Рави и представляю себе Рави тех времен, когда была жива моя бабушка.

Складываю руки перед собой и слегка кланяюсь двум женщинам — они стоят позади и смотрят на нас.

— Намасте. У вас прекрасный дом.

Стены хижины сложены из глиняных кирпичей, а сверху ее покрывает соломенная крыша. Твердый цементный пол застелен рванными простынями и потертым ковром. Низкая стенка разделяет кухню и гостиную. Рядом с единственным стулом на полу раскидано несколько подушек. Узкий проход ведет в коридор, в конце которого смотрят друг на друга еще две маленькие комнатухи.

— Дада Рави очень хорошо говорит о вас, — говорит бабушка Миши и Амита. Ее невестка молчит. — Ваш приход для нас большая честь.

С радостным визгом из дальней комнаты вылетает Миша, а следом появляется Амит. Девчушка с разбега бросается ко мне в объятия. Я крепко обнимаю ее,

тронутая тем, что она так рада меня видеть, и сама тоже радуюсь встрече.

— Мы вас весь день ждем! — восклицает Миша.

Я еще крепче прижимаю ее к себе и глажу по голове.

— И я помогала маме с бабушкой готовить ужин!

— Мне уже не терпится попробовать, что ты приготовила. — Не выпуская Мишу из объятий, я перевожу взгляд на Амита, молча стоящего рядом. — Намасте, бета.

— Добро пожаловать, — отвечает он на своем превосходном английском. — Показать вам дом?

Я беру Мишу за руку, и Амит проводит меня по своему скромному жилищу, трем маленьким комнаткам и кухне. Экскурсия заканчивается в гостиной, где в углу составлено больше дюжины керамических ваз. На стене висит вышитый ковер с изображением истории Кришны.

— Это моя невестка делает, — поясняет Рави, замечая, что я люблюсь вазами.

— Можно?.. — Она кивает, и я глажу руками керамику. — Восхитительно!

Все вазы расписаны в темно-синих и фиолетовых тонах. Невестка Рави смотрит, как я переставляю их, любясь тонкими цветовыми переходами.

— Это гхары, — говорит она, показывая на вазы, которые я разглядываю. — Кувшины — сурахи, а лейки — гамалы.

На каждом сосуде свой узор: слоны, птицы, змеи.

— Так она помогает семье платить за жилье и продукты, — сообщает Рави. — Отличная художница, правда?

— Да, — соглашаюсь я. — Замечательная работа.

Невестка Рави выбирает самую красивую вазу и протягивает мне.

— Возьмись себе, — говорит она.

— Нет-нет, я не могу. — Хочу вернуть вазу, но женщина снова сует ее мне в руки. Я оглядываюсь на Рави, ища помощи.

— Это подарок, — произносит Рави с довольным видом. — До сих пор она их никому не дарила. Можете считать, что заслужили особую привилегию.

— Спасибо. Я буду ее беречь. — Подхожу к женщине и обнимаю ее. Она медлит, словно бы в замешательстве, но потом тоже обнимает меня в ответ.

Я иду вслед за хозяйками на кухню, где горит маленькая керосинка. Сын Рави курит самокрутку из какого-то зеленого листа, набитого табаком. Все берут в руки тарелки с едой, и я спрашиваю, нельзя ли мне помочь их перенести.

— Вы гостя, — улыбается невестка Рави. — Пожалуйста, только угощаться.

— А после ужина я могу показать вам окрестности, — предлагает вошедший в кухню Амит. — Тут есть на что посмотреть.

Все принимают носить тарелки, и я все-таки вызываюсь помочь. Миша берет блюдо с закусками и осторожно идет с ним в гостиную. Дважды спотыкается, но, когда Амит пытается ее поддержать, мотает головой. И мама, и бабушка внимательно следят за девочкой, пока та не добирается до цели.

— Она красавица, — говорю я.

— Спасибо, — откликается бабушка, и пока Миша ее не слышит, добавляет: — Она — ангел, посланный нам Богом. — Бабушка улыбается. — Идемте ужинать.

В гостиной на простыне расставлены тарелки и блюда. Мужчины сидят по-турецки. Для Миши ставят маленький стульчик. Я сажусь рядом с ней — по-турецки, как все, — а Амит устраивается рядом с Рави.

Мать Амита подает еду, и все раскладывают ее себе по тарелкам. В чашках — мятная и имбирная вода. Тут же стоит сковородка с разными овощами, обжаренными в сливочном соусе, и блюдо с теплыми наанами.

Я отламываю кусок наана и зачерпываю овощи, наслаждаясь пряным вкусом.

— Домашней пахты? — Невестка Рави протягивает мне стакан с густой белой жидкостью.

— Спасибо. — Я запиваю глотком пахты острую еду. — Очень вкусно... как и все остальное. Я от души благодарна, что вы пригласили меня в гости.

— Это честь для нас. — Сын Рави лохматит волосы Амиту. — Мой внук говорит, вы — журналистка.

— Да. — Я подмигиваю Мише, и она украдкой берет меня за руку. — Я уже знаю, что Миша планирует стать учительницей. А ты, Амит? — спрашиваю с улыбкой.

— А он будет журналистом, — отвечает за брата Миша, — как вы. — На ее лице написано неприкрытое восхищение.

Все смеются.

— Я еще не решил, — бурчит Амит, умолкает и замыкается в себе.

Рави бросает на него быстрый взгляд, но ничего не говорит.

— Он всегда хотел быть доктором. — Лицо матери Амита светится любовью. — Хочет помогать таким детям, как его сестра.

— Нет, мама, — качает головой Амит. — Это невозможно.

В комнате повисает тишина. Отец Амита опускает голову и делает вид, что озабочен только едой.

— Почему же ты не можешь быть доктором, Амит? — спрашиваю я.

— Учится-то он отлично, но поступить в университет не всегда легко, — отвечает за Амита мать.

— Я могу выбрать что-нибудь другое, мама. — Амит тербит салфетку и отодвигает от себя тарелку с недоеденным ужином. — Найду еще какое-нибудь занятие.

Я вспоминаю молодую женщину, гида, которую встретила на экскурсии. Рассказываю ее историю и молча жду. Мой незаданный вопрос повисает в воздухе.

— Индия — большая страна, — объясняет Рави. — У каждого человека, мужчины или женщины, свой опыт. Мы с каждым днем продвигаемся все дальше. Это все-ляет в меня надежду.

Но, когда Рави переводит взгляд на Амита, я вижу в его глазах тревогу и яснее ясного понимаю, как он мечтает о лучшем будущем для любимого правнука.

— Что же ты выберешь? — спрашиваю я Амита, когда все смолкают.

— Может быть, журналистику?.. — отвечает он, и все улыбаются.

Напряжение спадает.

Я вспоминаю тот день, когда объявила дома, что хочу быть журналисткой. Мама тогда скептически отнеслась к моему выбору, однако исправно платила за учебу и радовалась каждому моему успеху. До истории с выкидышами мне почти ни за что в жизни не приходилось бороться, а если и случалось столкнуться с неудачей, родители всегда стояли рядом молчаливой опорой. После маминого признания, что она хотела лишь одного — чтобы я была счастлива, я начала понемногу понимать, что это значит — мечтать о лучшей доле для своего ребенка. Не зная, что сказать, я молча доедаю свой ужин.

АМИША

38

— Папа приехал! — радостно закричал Пареш, когда они подошли к дому и увидели в окнах свет. Дожди ненадолго прекратились, и Амиша с Биной ходили с мальчиками за кульфи. Джей с Самиром вслед за братишкой бросились в дом.

Амиша давно не видела Дипака — он уехал перед тем, как с Рави случилось несчастье. Она вновь ощутила укоры совести из-за того, что произошло между ней и Стивеном. Но как невозможно прекратить дожди, которые льют каждый год, так невозможно погасить ее чувство к Стивену. Выбора у нее не было, и решение оставалось только одно: любить Стивена и по-прежнему исполнять свой долг по отношению к Дипаку.

Она поправила рубашку, стараясь этим простым жестом вернуть себе присутствие духа. Подняла голову и вошла в дом следом за детьми.

— А еще мы играли с Самиром в крикет, и я выиграл! — Пареш сидел у отца на руках и рассказывал ему обо всем, что произошло, пока тот отсутствовал. Джей с Самиром стояли рядом и улыбались.

— С приездом. — Амиша не сводила глаз с мужа, словно видела его впервые.

В те короткие минуты со Стивеном она успела почувствовать себя женщиной. С ним она ощутила в себе силу и достоинство и хотя бы на миг поверила, что ее жизнь имеет смысл.

А теперь, с возвращением Дипака, она не знала, сумеет ли вернуться к реальности, в которой от нее требовалось прежде всего знать свое место. Амиша попыталась представить — что, если она откажется, если скажет, что, будь ее воля, выбрала бы другое... Но тут Самир прикрикнул на брата, и его голос вырвал мать из задумчивости. Глядя на детей, она понимала: у нее не хватит решимости что-либо изменить в своей жизни.

— Приготовить тебе ужин? — спросила Амиша, безупречно входя в роль заботливой хозяйки.

— Я в поезде поужинал, — негромко отозвался Дипак, пристально глядя на жену. — Где ты была? — В его тоне проскользнула жесткая нотка, до сих пор незнакомая Амише.

Язык у нее словно онемел, и по груди побежала струйка пота. Неужели он узнал о том, что случилось? Не может быть. Стивен никогда ее не предаст.

— Водила детей за угощениями.

Он взял с дивана пакет и бросил ей:

— Это тебе.

Удивленная Амиша развернула упаковку и достала аккуратно сложенное очень дорогое сари — такие она до сих пор видела только в кино.

— Какое красивое! А по какому поводу? — Голос ее дрогнул.

Дипак, не ответив, стал раздавать подарки мальчикам. Амиша смотрела на него и чувствовала: что-то не так. Быстро оглядев дом, она убедилась, что все в порядке. Бина только плечами пожала в ответ на Амишин вопросительный взгляд.

— Как прошла поездка? — неуверенно спросила Амиша. — Ты подарки привез, значит, есть что праздновать?

— А мне разве нужна какая-то особая причина, чтобы тратить деньги на свою семью? — недовольно бросил Дипак.

— Мы очень благодарны. — Никогда еще Амиша не видела его таким. Она встревоженно обняла детей. — Правда, мальчики?

— Бина, присмотри за детьми, — сказал Дипак, не дав сыновьям ответить. — Амиша, пойдем в другую комнату, поговорим.

Амиша успокаивающе улыbnулась мальчикам, а затем вышла вслед за мужем в спальню и закрыла дверь. Дипак взял с письменного стола лист бумаги и протянул ей.

— Так вот чем ты занимаешься в школе? Учишь детей о смерти мечтать?

Это было последнее сочинение Нимы о выборе, которое Амиша перечитывала перед уходом и оставила на столе. В ужасе она смотрела, как Дипак рвет работу на мелкие клочки и бросает к ее ногам.

— Что ты наделал?! — крикнула она и бросилась подбирать обрывки.

— Если родители узнают, что ты вбиваешь детям в головы такую дичь, нам нельзя будет на людях показаться! — В гневе он повысил голос. — Ты хоть представляешь, что натворила?!

Голоса играющих детей за дверью стихли: до них донесся грозный рык отца. Амиша собрала все клочки до единого и сложила на стол.

— Эта девочка мучилась из-за назначенной свадьбы. Она просто хотела поиграть со словами.

— Что за девочка? — строго спросил Дипак.

Амиша старалась подавить внезапный приступ тошноты.

— Нима.

Лицо мужа вспыхнуло гневом.

— А, та, что подожгла себя? — До него наверняка дошли какие-то сплетни. Он отвел взгляд и провозгласил свой вердикт: — Ты больше не будешь учить детей в школе!

— Что?! — Амиша схватилась за живот: ее точно пронзило острой болью. — Но ученики ждут. Пожалуй-ста, я должна...

— Все. Решено. — Он сгреб обрывки сочинения со стола и бросил в мусорное ведро. — Я не позволю тебе ставить под удар семью.

В ту ночь Амиша почти не спала. Все ее мысли были о Стивене, о школе, обо всем, чего она лишилась из-за нескольких слов Дипака. Утром она накормила детей завтраком и уже провожала их в школу, когда пришел Рави.

— Вы сегодня рано управились, — заметил он. — Обычно бегаєте по всему дому и кричите, что все опаздывают, а дети над вами хохочут.

— Обычно я бы сказала, куда тебе засунуть свои замечания, но после того, как ты чуть не умер, я все еще радуюсь, что ты вообще можешь говорить.

Амиша не стала ему рассказывать о том, что не спала всю ночь, думая о решении Дипака. И о том, как тяжело делалось на сердце при мысли, что она никогда больше не будет учить детей и не увидится со Стивеном.

Рави подал Дипаку куртку и пакет с завтраком. Хозяин надел туфли и вышел, не попрощавшись с женой. Рави, заметив это, дождался, когда дверь за Дипаком захлопнется, и повернулся к Амише:

— Почему вы сегодня не в школе?

— Он нашел сочинение Нимы. Теперь мне больше нельзя учить детей, — шепотом ответила Амиша.

— Шримати... А уговорить его нельзя?

Амиша услышала в голосе друга печаль, которую всеми силами гнала от себя.

— Нет.

Затем она торопливо нацарапала записку, где подробно расписала задания для класса. Положила в сумку вместе с проверенными сочинениями и протянула Рави:

— Отнеси это Стивену, пожалуйста.

— А как ему объяснить, почему вас сегодня нет?

Амиша не видела Стивена уже три дня, с тех пор, как тот подал ей еду после поста. Теперь она могла только гадать, когда же они снова встретятся.

— Скажи ему... — Слова не шли на язык. Если уж говорить правду, пришлось бы сказать Стивену то, что он и так уже знает: она принадлежит другому. — Скажи, что Дипак вернулся, и я нужна дома.

— А если он спросит, когда вы вернетесь? — В глазах Рави светилось сочувствие.

— Скажи, вернусь, когда смогу, — ответила Амиша, зная, что решение всецело зависит от мужа.

Амиша стояла на крыльце и смотрела, как Рави идет к школе. Когда он скрылся из вида, она вернулась в дом и затворила дверь.

***

Рави вернулся с запиской от Стивена. Дрожащими руками Амиша развернула ее.

«Амиша,

Рави передал мне вашу новость, но, боюсь, о чем-то умолчал. Пока я не знаю всего, придется довольствоваться тем, что мне известно. Дети будут скучать по своей учительнице, а я — по нашим занятиям. Уже сейчас сад словно опустел

без вашей улыбки и смеха, которые были его украшением. Когда вы сможете вернуться, класс будет ждать вас, и я тоже буду ждать.

Стивен».

Амиша перечитала письмо раз десять и только потом села писать ответ. С болью в сердце она решилась открыть Стивену настоящую причину, высказав на бумаге то, чего не смогла бы сказать лично. В конце она добавила, что он и представить себе не может, как она будет скучать по своим ученикам и по его урокам английского.

Рави тут же отнес письмо, и с этих пор они со Стивеном две недели подряд писали друг другу ежедневно, а Рави исполнял роль посыльного. Письма становились все длиннее и откровеннее. Конечно, они не могли заменить разговоры, но все же это было утешение для Амиши в ее одиночестве.

Она скучала по возлюбленному. Пустота, заполонившая душу, превратилась в глубокую пропасть. Но если письма — единственное, что может донести до нее его голос, его мысли, — она будет принимать их с благодарностью.

Чтобы не сидеть без дела, Амиша стала каждый день гулять с Парешем. Через две недели после того, как Дипак объявил свое решение, Амиша, проходя по деревне, услышала, что поднялась какая-то суматоха. Женщины бежали к околице. Мужчины кричали, созывая куда-то людей.

— Что такое? — спросила Амиша одного из пробежавших мимо — он спешил догнать остальных.

— Британцы кого-то арестовали.

Амиша подхватила Пареша на руки и двинулась к окраине селá вслед за остальными. Там, в центре огромной

толпы, она заметила Стивена и вздрогнула. Жители деревни обступила его и других британских военных со всех сторон. В центре стояли несколько мужчин-индийцев, скованных друг с другом наручниками.

— Именем закона Британской империи вы арестованы. — Стивен крепко держал щуплого индийца. Его товарищи охраняли остальных.

— Вам в этой стране не место, — огрызнулся индеец. Надеясь распалить толпу, он крикнул: — Они меня арестовали за нарушение их законов — в нашей стране!

Среди собравшихся прокатился ропот — быстрый и громкий. В толпе начали выкрикивать протесты. Какие-то подростки набрали камней и стали швырять в британцев. Когда один из них попал в Стивена, Амиша вскрикнула, словно от боли.

— Что случилось? — спросила она стоявшую рядом женщину. Сердце у нее колотилось: подростки продолжали швырять камни в офицеров.

— Вон тот человек, — ответила женщина, показывая на щуплого индийца, — начал пересказывать речь Ганди о свободе. Собралась толпа. Офицер велел ему прекратить. Мужчина не послушался, и его арестовали.

— Его били?

Лоб у мужчины был в крови.

— Он сопротивлялся, — объяснила женщина. — Вот офицер и ударил его дубинкой.

Амиша не стала спрашивать, кто был этот офицер. Она понимала, что Стивен выполнял свой долг, но предпочитала не знать, он или кто-то другой поднял руку на ее односельчанина.

Офицеры стали хватать подростков и заковывать в наручники. Родители начали возмущаться и оказывать сопротивление, а британцы — сыпать ударами во все стороны в попытках усмирить толпу: доставалось и женщинам, и мужчинам.

— Нет... — Амиша в ужасе прикрыла рот ладонью. Прижала к себе Пареша, стараясь заслонить своим телом. Когда началась уже настоящая свалка, Амиша подхватила Пареша на руки. И тут их со Стивеном глаза встретились. Она увидела в его взгляде растерянность и безмолвный вопрос. Но ответа у нее не было, она молча смотрела на него еще несколько секунд, прежде чем уйти.

39

— Вы с ним уже несколько недель не виделись, — сказал Рави.

Амиша чинила ребячью одежду, а Бина только что принесла ведро с водой — для стирки.

— Поэтому у вас письма такие толстые стали? Я скоро спину сломаю — такую тяжесть таскать.

— Ну, если у тебя спина такая слабая, что ее письмами сломать можно, так туда ей и дорога. — Амиша ткнула иголкой мимо и уколола палец. Сунула его в рот. — Если я сама пойду в школу — кто знает, что Дипак на это скажет. — Она отложила свою работу. — Но каждый день, когда я не могу поговорить со Стивеном, мне ужасно одиноко, хотя вокруг родные и друзья.

— Он вам дорог, — не спросил, а просто сказал Рави.

— Слишком дорог.

Амиша не виделась со Стивеном со дня бунта. От других деревенских жителей она слышала, что в тот день арестовали больше дюжины мужчин и подростков. Она всегда знала, что Стивен — военный, и все же увидеть его в этой роли было нелегко. Амиша скучала по тому Стивену, каким он был с ней в саду. В письмах, написанных после бунта, Стивен много рассуждал о месте британцев в этой стране и об их миссии. Он не стал извиняться за свои действия, однако Амиша уловила в его словах сожаление и растерянность.

— Когда я выходила замуж, мне только и твердили о том, что я должна. — Она пожала плечами и стала смотреть в окно. — Может быть, кроме долга, мне больше ничего и не дозволено.

— А на что вы надеетесь?

— Если бы я была ребенком, то мечтала бы о будущем, — задумчиво призналась Амиша. — Но я же не маленькая. И не такая глупая, чтобы рассчитывать изменить то, что назначено судьбой. — Она сжала пальцы в замок. — Дипак — вот мое будущее, другого мне не видать.

Рави не успел ответить: Дипак вернулся со своей прогулки по деревне. Амиша дождалась, пока все слуги, кроме Рави, уйдут на кухню, а затем постаралась подобрать нужные слова.

— Я уже несколько недель не хожу в школу. Пора мне возвращаться.

— Зачем это? — рассеянно спросил Дипак. — Викрам сказал, что лейтенант уезжает. Ну а новый директор уж как-нибудь найдет другого учителя для твоего класса.

— Что?.. — Голос у Амиши оборвался, руки задрожали. Нет, не может быть, она наверняка ослышалась. — Когда уезжает?

— Прямо сейчас. — Дипак взял газету и пробежал глазами новости. — Кажется, получил приказ о переводе. Уезжает на передовую.

Сердце у Амиши замерло. Она видела, какой взгляд бросил на нее Рави, и поняла: он ясно видит и ее боль, и ужас, хотя она почти ничем не выдала себя.

Дипак, не замечая, что ней происходит, добавил:

— Мне давно пора возвращаться к делам. Сегодня же и уеду вечерним поездом. Может, заодно и ты с детьми заехала бы к своим родителям?

— К родителям?! — изумленно переспросила Амиша. — Нет. — Она непременно должна была увидеть Стивена и расспросить о том, что случилось. — Я не могу.

— Почему это?

— Да просто... ну... — запнулась она, не зная, что сказать.

— Мальчики собирались сегодня к нам в гости с ночевкой, — вмешался Рави, пока Дипак не успел ничего заподозрить. — Ждут не дождутся — там ведь моя жена и родители балуют их без удержу.

Родители Рави вот уже много лет заменяли мальчикам бабушку с дедушкой.

— Ну что ж, тогда в другой раз. — Дипак взглянул на часы. — Надо бы мне поторопиться, не то опоздаю на поезд.

Когда вещи были уложены, Амиша проводила мужа до двери, а потом стояла и смотрела, как его увозит рикша.

— Я заберу детей на ночь к себе, — тихо проговорил Рави.

— Рави?.. — неуверенно переспросила Амиша.

— Идите, узнайте у него, в чем дело, — все так же тихо сказал Рави. — Иначе вам покоя не будет.

***

Рави увел детей, и Амиша осталась одна в пустом доме. У нее сосало под ложечкой. В голове теснились мысли, одна беспокойнее другой. Кажется, только вчера она вымаливала у Дипака позволение преподавать в школе. Теперь ее тогдашнее отчаяние казалось пустяком. Тогда она отстаивала свой разум, а теперь боялась потерять душу.

В пустоте вокруг чудилась насмешка. Спальня напоминала о коротком свидании со Стивеном. И на кухне, где он когда-то ужинал с ее семьей, Амиша видела его

перед собой, как сейчас. Куда ни повернись — везде он. Она старалась не думать о том, что он уходит на фронт. Если его жизнь оборвется в бою, что же ей тогда делать со своей?

Амиша дождалась темноты, чтобы никто не мог ее увидеть, и только тогда вышла из дома. Нужно умолить его не уезжать! Она пустилась бегом и только у двери его дома остановилась, чтобы перевести дух. В прошлый раз, когда она стояла у Стивена на пороге, она думала только о том, чтобы спасти жизнь друга. А теперь пришла, чтобы спасти свою. Амиша постучалась и почувствовала, как все внутри сжалось. Она окликнула Стивена по имени, и в тот же миг дверь распахнулась.

— Амиша? Что вы здесь делаете? — Он увидел ее страдающие глаза и озабоченно нахмурился.

— Можно войти? — Смахнув слезы, она шагнула мимо Стивена через порог небольшого домика.

Дом построили всего на несколько месяцев раньше, чем школу, и он был оснащен многими современными удобствами.

— Амиша, скажите же, что случилось? — Голос Стивена был мягок.

Она увидела у него в руках полотенце.

— Вы в ванную собирались?

Ей отчаянно хотелось болтать о всяких пустяках. О чем угодно, лишь бы не заводить разговор, который вынудит его сказать правду. Ведь, как только он это скажет, все пути назад будут отрезаны. Ее разбитое сердце уже не склеить заново.

Большую часть жизни Амиша провела в тени. Свою мечту о писательстве она скрывала, словно постыдное проклятие. Она рожала Дипаку сыновей и удовлетворяла его нужды. Но истории, живущие в ее душе, не умирали. С ними она переносилась туда, где открывала себя настоящую — такую, какой ей никогда не стать.

А потом в ее жизнь вошел Стивен. Он дал ей свободу, о которой она раньше и помыслить не могла. Этот англичанин прислушивался к ее словам, хотел слышать ее голос. Всю жизнь, с самого детства, она делала то, чего от нее ожидали. А он дал ей выбор. И она выбрала: он стал ей дорог. В ту ночь, когда Рави поранил ногу, она призналась себе, что Стивен нужен ей. Но теперь ей нечего было дать ему, нечем убедить остаться, нечем выразить свою любовь.

Стивен бросил полотенце на стул и провел руками по волосам, а затем сцепил пальцы на затылке. Амиша видела, как он мучается, и от этого ей самой становилось вдвое тяжелее.

— А я уж думал, ваш голос мне почудился.

Амиша шагнула ближе.

— Мне сказали, что вы уезжаете.

Стивен закрыл глаза и отступил, чтобы не смотреть ей в лицо.

— Я должен, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Почему?

— Индия... — Он помолчал и сглотнул комок в горле. — Мне здесь не место. Это не моя война.

В день бунта Амиша видела его растерянность и отвлечение к тому, что происходит. Его народ — против ее народа. Она понимала, что у них со Стивеном не может так продолжаться, — письма, случайные встречи... Он молод и заслуживает настоящей жизни. А ей нечего ему предложить.

— Вы собирались мне сказать? — прошептала Амиша.

— Вот вам-то я и не знал, как сказать, — ответил он сдавленным голосом. — Мы ведь больше не видимся... — Он покачал головой, и Амиша почувствовала, как ему больно. — Я скучал по вас. — Он помолчал. — Но мы оба знаем: выбора нет.

— Вас могут убить, — всхлипнула она.

— Нет. — Он протянул руку — хотел коснуться ее, но остановился. — Не убьют, обещаю вам.

Амиша поверила ему сразу, безоговорочно и ухватилась за это обещание, как утопающий за соломинку. Но она уже знала, что жизнь не всегда справедлива, и понимала: возможно, они видятся в последний раз. Отмахнуться от своих чувств — значило оскорбить и его, и то, чем они стали друг для друга. Она больше не могла жить в тех тесных рамках, в которые ее загнали.

Амиша схватила край сари на груди и дернула. Шелк заструился на пол. Она осталась в одной рубашке и нижней юбке.

— Стивен...

Глаза у него расширились. Амиша стояла перед ним открытая, незащищенная и звала, как только она одна и умела звать.

— Нет, — попытался сопротивляться он. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

— Что же мне, умолять? — Ее руки безвольно упали вдоль тела как плети.

И Стивен не выдержал, шагнул к ней, закрыл ее рот ладонью, нежно провел рукой по шее, пользуясь свободой, которую Амиша дала ему. Она застонала, и тогда он рывком прижал ее к себе. Их тела сплелись так, словно были созданы друг для друга, а губы слились в бесконечном поцелуе. Дрожащими руками Амиша начала расстегивать пуговицы на его рубашке — ей нестерпимо хотелось прижаться к нему еще ближе — кожа к коже. Инстинктивно она понимала, что Стивен жаждет того же самого. Впервые коснувшись руками его обнаженной кожи, она чуть не заплакала от нежности при виде волосков у него на груди. Они были такие жесткие и в то же время мягкие, и Амиша потянулась к ним губами.

— Больно? — Она слегка отстранилась, услышав, как Стивен сквозь зубы втянул в себя воздух.

— Ничуть. — Он вновь прижал ее к себе.

Амиша дарила ему те ласки, о которых мечтала сама. Она чувствовала, как у него обрывается дыхание, когда ее пальцы пробегают по его животу. Она наслаждалась его крепкими руками и мягкими ладонями. Наконец потянулась к ремню на его брюках, но остановилась в смущении. Он взял ее за руки, поднес их к губам и стал целовать. Затем расстегнул на ней рубашку, лифчик, и ее грудь легла ему в ладони. Амиша чувствовала, как слезы застилают глаза, и видела, что его глаза под сомкнутыми веками тоже наполняются слезами. Продолжая целовать, он медленно раздевал ее, и наконец она осталась перед ним полностью нагая.

— Теперь можно?.. — Он поднял ее на руки, готовясь нести в спальню.

— Да, — решительно кивнула Амиша.

Сейчас она отказывалась принадлежать тем, кто считал ее своей собственностью. Ни отцу, ни матери, которая ее родила и за нее решила, с кем ей предстоит жить до конца дней. Ни мужу, которому она нужна, чтобы рожать детей и работать по дому. Ни чужим ожиданиям, въевшимся в нее за эти годы. Сегодня одну-единственную ночь она будет принадлежать самой себе и Стивену.

Полностью обнаженный, он уложил ее на постель, и она призывно распахнула руки навстречу своей любви. Он раздвинул ее бедра коленями, а она обхватила его за талию. И когда он, забыв обо всем на свете, перешел последний рубеж, тени перед ней развеялись, и впереди наконец засиял свет.

Остаток ночи Амиша со Стивеном провели вместе. До рассвета он овладел ею еще дважды, а рано утром она

разбудила его поцелуями. Он притянул ее к себе и уложил сверху, давая понять, что готов к экспериментам. Но она стеснялась показывать ему свое тело в утреннем свете, и тогда он стал гладить пальцем ее растяжки на животе — следы трех беременностей.

Затем Амиша пошла в ванную, радуясь возможности принять душ прямо в доме. Пока она одевалась, Стивен приготовил завтрак, но она почти не прикоснулась к еде.

— Амиша... — Стивен сел рядом с ней.

— Это прощание? — спросила Амиша, и слезы заструились по ее щекам.

Усталый, измученный, не видя перед собой выбора, он ответил:

— Я постараюсь вернуться после войны.

— И что тогда? — спросила Амиша. Ей было страшно и за него, и за себя. — Я ведь все равно буду замужем.

— Я знаю, — мягко ответил он.

Ей больше нечего было сказать, и она нежно поцеловала его. Он ответил страстным поцелуем и долго не хотел выпускать ее из объятий. Наконец она ушла, оставив его одного, вернулась домой и стала ждать детей.

40

Каждый новый день высасывал из Амиши все силы без остатка. После отъезда Стивена ей сообщили, что школа больше не нуждается в ее услугах. Дни бежали за днями, складываясь в недели, и Амиша все больше времени проводила в кровати. Рави с Биной по очереди сидели рядом с ней, приносили еду и лекарства от деревенского врача. Через шесть недель после той ночи со Стивеном ее начало тошнить. Она вскочила с постели, и ее долго рвало за домом, пока желудок не опустел. Рави протянул ей стакан воды и полотенце.

— Шримати? — Рави со смущенным видом наклонился ближе. — Пришло время праздновать?

— Праздновать? — Догадавшись, что он имеет в виду, Амиша прислонилась к стене, чтобы не упасть. — У меня будет ребенок... — прохрипела она, держась за живот. Все симптомы внезапно нашли объяснение. Теперь она сама не могла поверить, что пропустила знакомые признаки — это после трех-то родов!

— Сахиб будет рад? — спросил Рави.

Этот вопрос обжег ее, словно огнем. Амиша уставилась на Рави долгим взглядом. Только он один знал о ее чувствах к Стивену.

— Это не его ребенок. — В душе разливалось ощущение счастья. Пусть она потеряла Стивена, но у нее будет ребенок от него, а значит, его частичка останется с ней навсегда. — Когда ты увел детей к себе... — Теперь ей казалось, что в ту ночь она отдалась Стивену уже не в первый раз. Сначала отдала ему сердце, а потом, много дней спустя — тело.

— Лягте, — настойчиво проговорил Рави. К его чести, он ни слова не сказал в ответ на ее признание, но Амиша знала: он сохранит ее тайну. — Вам нужно думать о ребенке.

— Я должна... — Амиша умолкла. Она подумала о мальчиках и вдруг осознала весь ужас своего положения.

— Шримати?... — Рави растерялся, увидев, как мертво побледнело ее лицо.

— Дипак не должен узнать. — Амиша смотрела на него широко распахнутыми, полными отчаяния глазами. — Дети... что же я наделала?..

Она рухнула на землю, обеими руками прикрывая еще не рожденного ребенка.

К приезду Дипака Амиша готовилась тщательно. С каждым шагом на нее все сильнее давила тяжесть обмана. Однако и выбора особого не было. Если Дипак узнает о ее поступке, то вышвырнет на улицу, несмотря на беременность.

Где бы ни был сейчас Стивен, она все равно любила его. Только этим можно было объяснить ту невыносимую боль, что терзала ее всякий раз при мысли о нем. Но прежде всего она была и оставалась матерью. Предать детей — значило предать единственный долг, возложенный на нее небесами. Она не могла этого допустить и стала ждать возвращения Дипака, чтобы осуществить свой замысел. Через два дня, когда он приехал домой, она была готова.

— Что-то ты больно деловитая сегодня, — заметил Дипак, когда Амиша вошла в спальню. Она уложила мальчиков пораньше, а слуг, в том числе и Рави, отправила по домам сразу после ужина.

— Что же, и порадоваться нельзя, когда муж домой вернулся? — Амиша стала приглаживать волосы щеткой перед маленьким зеркальцем.

— Можно. — Дипак смотрел на нее с давно забытым восхищением. Как она и надеялась, он понял тонкий намек, подошел к ней и отнял у нее щетку. — Слуги говорят, ты тут прихворнула?

— Слуги слишком беспокоятся из-за пустяков, — ответила Амиша.

Дипак закрыл дверь и погасил масляную лампу. Потом он раздел ее и, улегшись в кровать, жестом подозвал к себе. Амиша старалась заглушить в себе воспоминания о своей последней ночи со Стивеном. Память о его объятиях она загнала в самый дальний уголок сознания и приготавливалась принимать ласки Дипака. Еще не рожденный

ребенок был ее подарком, памятью о той ночи, что она провела с любимым.

Амиша скользнула в постель и ощутила холодное тело Дипака рядом со своим, теплым. Когда его рука двинулась от ее груди ниже, она мягко вернула ее обратно. Нельзя было, чтобы Дипак заметил, что живот уже начал расти. Но он если и заметил, то ничего не сказал. Через несколько секунд он был готов, и Амиша оказалась под ним.

— Время пришло, — прошептала Амиша, когда он уже готовился войти.

— Для чего? — спросил он, остановившись.

— Для ребенка. Мальчики ждут не дождутся малыша, а то дразнить некого. — Затаив дыхание, она ждала его ответа.

Дипак с усмешкой кивнул, вошел в ее сухое лоно, причинив боль. Мысленно она обратилась с молитвой к небесам: когда его сперма оказалась внутри, она молилась, чтобы семя прошло сквозь воды, окружающие младенца. Пусть оно преодолеет защитный слой, окружающий зародыш в матке, пусть ребеночек возьмет что-то и от Дипака, чтобы тот признал его, когда он появится на свет. Пусть малыш считает родным отцом Дипака, пусть у него не останется ни памяти о настоящем отце, который никогда не узнает о его существовании, ни тоски по нему.

41

На седьмом месяце беременности усталость начала давать себя знать. Сегодня утром Амишу уже дважды рвало. Она едва откусила сухого печенья и выпила немного имбирной воды, надеясь усмирить тошноту. Теперь она сидела на качелях и раскачивалась взад-вперед, отталкиваясь одной ногой от пола.

Дипак уехал поездом три дня назад. В течение беременности жены он редко бывал дома — впрочем, Амиша почти не замечала его отсутствия.

— Мальчики сегодня рано ушли в школу. Все ли в порядке? — спросила она Рави.

— Рано проснулись — услышали, как вас мутит, и оделись быстро, как никогда, — ответил Рави, подливая ей воды. — Боюсь, понятие сострадания им еще не знакомо.

Амиша выдавила из себя улыбку, и тут же на нее накатил новая волна тошноты. Она поморщилась и погладила свой еще небольшой живот.

— Может быть, это мне наказание за измену.

— Вы и правда верите, что это наказание? — Рави поставил перед ней тазик — на случай, если ее опять вырвет.

Амиша стала думать о Стивене и об их общем ребенке. Силы их любви хватило на то, чтобы создать новую жизнь, и теперь эта жизнь связала их навеки.

— Если и так, я приму это. За встречу с ним я готова платить любую цену.

— Тогда вы счастливица, шримати, — сказал Рави. — Мало кто знает цену тому, что нам дано. — Он собрал грязную одежду и бросил в корзину. — Если понадобится — я на заднем дворе.

— Спасибо, Рави. — Амиша уронила голову на подушки.

Бина и вторая служанка сегодня приболели и не пришли, и поэтому, когда раздался стук в дверь, открыть, кроме нее самой, было некому.

— Минутку! — отозвалась Амиша — погромче, чтобы ее услышали. Страхнула с рук крошки и пошла открывать дверь.

При виде Стивена ноги у нее подкосились и глаза наполнились слезами. Она схватилась за грудь: все тело пронзило болью.

— Ты пришел... — Уверенная, что это ей только чудится, Амиша потянулась к нему и схватила за руку.

Они молча смотрели друг на друга. Волосы у Стивена отросли длиннее, чем раньше, лицо заострилось. Но глаза, неотрывно глядевшие на нее, были прежними.

— Пришел... — Стивен шагнул в дом и закрыл за собой дверь. — Дипак в отъезде? — Он все так же неотрывно смотрел ей в глаза.

— Да. — Амиша никак не могла на него наглядеться. Приходилось убеждать себя, что это не галлюцинация. Что мозг не соткал Стивена из пустоты, чтобы спасти Амишу от безысходного горя, охватившего ее после его отъезда. — Это ты. Нет, не может быть.

— Я здесь, Амиша. — Стивен ласково взял Амишу за плечи, не сводя взгляда с ее лица. — Дома кто-нибудь есть?

Амиша отрицательно покачала головой, и тогда он притянул ее к себе, а она уронила голову ему на грудь. Душа жаждала избавления от той тяжести, что давила на нее с самого его отъезда. Одной рукой Стивен придерживал Амишин затылок, а другую опустил на талию. Звук его часто колотящегося сердца отдавался у нее в ушах. Она и сама пыталась унять сердцебиение. Наконец первые слезинки закапали ему на рубашку, и вскоре Амиша уже вся содрогалась от рыданий, которые держала в себе с того самого дня, как он уехал.

— Ш-ш-ш. — Стивен пытался успокоить Амишу, но что бы он ни говорил, это не приносило облегчения.

Она тревожилась о нем все дни напролет, а ночами он снился ей — где-то далеко-далеко.

— Ты меня бросил, — сквозь слезы выговорила она. Воспоминания не отпускали. — Я не могу без тебя.

— Амиша... — начал было он и тут почувствовал сквозь сари ее округлившийся живот. — Что такое?.. — Вопросительно глядя на нее, он начал разматывать сари.

— Нет. — Амиша хотела отстраниться, но он держал ее крепко.

Было ясно: он заметил, как изменилась ее фигура с той ночи, когда они были вместе.

— Чей? — Стивен смотрел на ее живот.

Амиша стояла на развилке, но знала, что из двух путей для нее возможен только один. Стивен — единственный, кого она любит и всегда будет любить. До встречи с ним она готова была мириться с тем, как проходит ее жизнь, но он подарил ей мечту. Он был ее душой — и сейчас эту душу ей предстояло разорвать надвое.

— Дипака.

— Нет. — Стивен отвернулся.

— Прости. — Амиша плакала — за себя и за него. — Ребенок...

— Должен расти с отцом, — удрученно договорил Стивен.

— Я люблю тебя, — призналась Амиша.

— Моя любовь к тебе ничего не меняет.

— Твоя любовь — мое спасение, — выдохнула Амиша сквозь застрявший в горле комок слез.

Ребенок, которого она носила, был даром их союза, будущей частичкой Стивена — и он же обрекал ее на жизнь в разлуке с ним.

— Я должен уехать. — Стивен сделал шаг назад.

Только что Амиша именно этого и хотела, но теперь было поздно.

— Куда? — Амиша должна была знать, куда он уходит от нее.

— Не знаю. Домой. — Его взгляд вновь упал на Амишин живот. — Я ведь приехал только затем, чтобы повидать тебя.

Стивен повернулся к двери и стал вслепую нащаривать ручку.

— Погоди. — Амиша вытерла слезы и бросилась в спальню.

Вытащила из-под кровати пачку своих историй. Все, что она написала за свою жизнь, до последнего слова, лежало в этой аккуратной стопке. Все сказки, рожденные в ее сердце — и на английском, и на хинди. Остановившись в дверях спальни, она смотрела на Стивена. Она знала, что никогда больше его не увидит, и хотела сохранить в памяти всего, до последней черточки. Медленными шагами, стараясь оттянуть неизбежное, она подошла к Стивену и протянула ему листы.

— Что это? — Он смотрел на пачку бумаги повлажневшими глазами.

— Мои истории.

— Нет. — Он хотел отдать их обратно, но Амиша не взяла.

— Они твои, Стивен, — настойчиво проговорила она. — Я ничего не написала с того дня, как ты уехал. Ни слова. Слова меня покинули, как только я поняла, что тебя больше не будет рядом. — Она замолчала, переводя дыхание.

— Тогда поедem со мной! — взмолился он. — Будь моей семьей.

— Мой мир здесь. — Она обвела рукой вокруг. — Здесь дом моих детей, и мой тоже. Мы обманывали себя — и я, и ты. Растили розы в нашем саду, но у роз есть шипы, а они ранят. Капли крови — вот и все, что осталось от наших фантазий.

Стивен опустил голову, не в силах возразить.

— Для тебя это просто деревня, в которой тебя ничто не держит, — проговорила Амиша, видя, что ему так же больно, как и ей.

— Амиша, — выговорил он с тоской в голосе, — мы можем построить новую жизнь вместе.

— Где? — спросила Амиша. — В твоей стране я буду «черномазой». В моей — тебя будут ненавидеть. Нам нигде нет места.

Он хотел ответить, но Амиша перебила:

— Пожалуйста, дай мне сказать, пока я еще могу говорить. — Она положила руки ему на плечи, надеясь вобрать в себя его силу, потому что своей у нее не осталось. — Я бы очень хотела жить с тобой. Без тебя мне никогда не будет счастья.

— Со мной тебе не надо будет ничего бояться, даю тебе слово.

— Но мне придется уйти без детей, а я не могу оставить их ради тебя. Я должна покориться, но, клянусь тебе и богам, — я снова начну писать, только если мы когда-нибудь снова будем вместе. Боги привели меня в этот мир, значит, в нем мне и жить, — произнесла Амиша свой обет, — больше ей ничего не оставалось.

— Ты не можешь принести такую жертву.

— Мое сердце отдано тебе, Стивен, — всхлипнула она, — а без него и историй не будет.

Амиша больше не чувствовала под собой опоры: ее мир пошатнулся. Чувство утраты оказалось сильнее недавнего счастья. Это в историях можно было придумывать любые чудеса и заканчивать их по своему усмотрению. А у этой сказки финал мог быть только один, и не в силах Амиши было его переписать, изменить то, что предрешено заранее. Судьба позволила им испытать огромное счастье, а теперь предъявила свой счет. Им осталась только память об их любви — такой, какой им больше никогда не встретить.

Стивен погладил Амишу по щеке и прижал к себе. Положил ладонь ей на живот.

— Я бы все на свете отдал, чтобы этот ребенок был мой, — прошептал он. — Но пусть даже не мой, все

равно он — часть тебя, и я желаю ему самого большого счастья, какое только бывает на свете.

Он наклонился к ней и коснулся губами ее губ. Затем выпустил из объятий и вышел, не оглянувшись и не увидев, как она тяжело осела на пол — сломленная, одинокая, обнимая будущего ребенка — единственную частичку любимого, которая осталась с ней.

ДЖАЙЯ

42

Рави заканчивает свой рассказ, и я вытираю слезы. Мы с ним идем по берегу реки.

— Она так его любила...

— Да, — тихо говорит Рави. — Это была настоящая любовь.

— А моя мать знает? — спрашиваю я, хоть и догадываюсь об ответе. — Знает, что ее настоящий отец — Стивен?

— Ей никогда об этом не говорили, — тихо отвечает Рави.

— Но почему? — Ее любили всем сердцем, а она за всю жизнь так и не узнала, каким желанным ребенком была. — Зачем было ждать так долго?

— Я не мог сказать, — медленно говорит Рави. — До недавнего времени.

— Из-за дедушки?

— Да.

— Она имела право знать. — Я злюсь на обстоятельства, сложившиеся задолго до моего рождения, и до сих пор жалею, что маме не досталось родительской любви и поддержки. — Она имела право знать своего отца.

Тайны маминого прошлого оставались тайнами на протяжении двух поколений. Тот, кого она считала от-

цом, никогда не хотел ее, зато настоящий отец, о существовании которого она и не подозревала, любил бы ее беззаветно. Мне горько думать о том решении, которое вынуждена была принять бабушка, и о тайне, которая так и не открылась маме.

У меня в душе пусто оттого, что я никогда не смогу иметь детей, а у мамы — оттого, что у нее никогда не было отца. Эти потери связывают нас — меня и маму, которую я только сейчас начинаю понимать.

— Стивен был бы хорошим отцом, — говорит Рави, и голос у него дрожит. — Он был на редкость добрым человеком.

— Он жив? — с надеждой спрашиваю я.

— Нет, — шепотом отвечает Рави к моему горькому разочарованию. — Его уже нет. Я думаю, они просто не могли жить друг без друга.

Я с трудом сдерживаю рыдания. Какое же глубокое чувство их связывало!

— Когда я ехала в Индию, я никак не ожидала услышать такую историю.

— А может, вы за этим и приехали? Ваша бабушка надеялась, что я расскажу эту историю ее дочери, но, может быть, на самом деле она предназначалась вам? А?

— Может быть, — говорю я. — Кое-что я и маме рассказываю, по частям.

— А об этом расскажете? — спрашивает он.

— Пока нет. — Лучше, чтобы папа был рядом, когда она узнает о своем происхождении. — Вот вернусь и расскажу все.

Поодаль по бедра в реке стоят женщины и стирают белье. Рядом играют дети — плещутся в теплой воде, обдают друг друга брызгами. Мужчины ведут коров на водопой. Рави сегодня все утро рассказывал свою историю, а потом предложил пройтись.

— Осторожно. — Он уводит меня от берега подальше на траву. — Здесь могут прятаться змеи.

— Что? — Я останавливаюсь и оглядываюсь кругом, высматривая ползучих гадов. — Змеи?!

— Да. — Не выказывая ни малейшей тревоги, Рави по пути небрежно переворачивает камни.

— А все стоят в воде. — Я показываю на людей. — Кого-нибудь укусят.

— Если к этим женщинам подплывет змея, они просто отбросят ее в сторону. — Взгляд Рави падает на детей, и уголки его губ опускаются. — Вот дети, боюсь, могут начать забавляться с такой «игрушкой».

— А не лучше ли ее убить? — Голос у меня чуть заметно подрагивает. — Она же, наверное, ядовитая.

— Ну да. Но разве мы им не мешаем жить? — Он показывает тростью на реку. — Кто скажет, кому эта земля принадлежит? Змеи сказали бы, что это их дом, а мы пришли сюда их тревожить. Может быть, яд — их единственная защита.

И тут, как по сигналу, в тишине разносится детский крик. Один из мальчишек поднимает в руке небольшую змею, как какой-нибудь ценный трофей, а потом запускает ее в приятели.

— Терпеть не могу змей и не хочу, чтобы они ползали рядом. — Я обхватываю себя за плечи: по спине пробегает холодок.

— То есть вы считаете, что ваши права важнее?

— Да, считаю.

Я смотрю на него сердито, с вызовом — пусть попробует возразить!

— Тогда я бы на вашем месте отошел подальше от воды и вернулся в деревню. Боюсь, если мы набредем на змею, она может и не признать ваше превосходство — придется удрать со всех ног.

***

Когда мы с Рави снова входим в деревню, нас встречают громкая болливудская музыка и смех. Там собралась большая компания: парни в джинсах и рубашках, девушки в юбках до колена и блузках. Шум в толпе смолкает, когда молодой человек в красной вышитой свадебной рубашке и кремовых брюках въезжает в деревню верхом на слоненке.

— Что это? — удивляюсь я.

Мужчины снимают наездника и несут на плечах к столу у шатра. Женщины берутся за руки и становятся стеной, не давая ему приблизиться к девушке, сидящей за столом.

— Обряд мехенди, — поясняет Рави. — Этот человек, — Рави показывает на мужчину, только что сидевшего на слоне, — жених. А девушка за столом — невеста.

Тем временем жених изо всех сил старается прорваться к невесте, но женщины стоят на страже и пресекают все его попытки дотронуться до нареченной. Каждый раз, когда его попытки вновь терпят неудачу, раздаются хохот и насмешки.

— Это священная часть свадебной церемонии, — продолжает Рави. — Хотя свадьба и предполагает физическую близость, главной считается духовная сторона.

На своей свадьбе я была в традиционном белом платье, а сама свадьба проходила на берегу моря. Мысль об индийской свадьбе никогда не приходила мне в голову.

— А почему этот обряд считается священным?

— Они разрисовывают себе руки хной. Замысловатые узоры символизируют силу любви, которую муж будет питать к жене после свадьбы.

Я наблюдаю, как подружки невесты, сидящие рядом с ней, действительно расписывают ей руки и ноги. Жених

предпринимает еще одну шутливую попытку добраться до нее, а друзья стоят рядом и смеются.

— Художник искусно вплетает в узор их имена. В брачную ночь жених не может вступить в свои права, пока не найдет эти имена и не прочтает. — Рави улыбается. — Часто ходят рассказы о том, как жених искал до самого утра.

Подружки невесты запевают песню на хинди, а вскоре и мужчины подхватывают. Они, кажется, не замечают жары, хотя все спины у них мокрые от пота.

— О чем они поют? — Кое-какие слова я еще могу разобрать, но смысл песни от меня ускользает.

— Дразнят невесту: насмеваются над ее мужем и будущими свояками. Поют, что он растолстеет, а потом однажды заснет прямо на ней и придавит к кровати. Предупреждают, чтобы она не слишком старалась на кухне.

Вокруг собирается большая толпа. Подходят родители молодых, и праздник продолжается.

— Кто все эти люди?

— Индийские свадьбы бывают скромными — всего-то человек двести гостей, а бывает и до шестисот.

Над маленьким костром пуджари разрезает пополам кокосовый орех и кладет внутрь свежие цветы и сырой рис.

— Кокос символизирует плодovitость, — поясняет Рави. — Цветы — это красота, а рис — достаток.

Священник подливает в костер расплавленное масло, чтобы тот не погас.

Солнце клонится к закату, а веселье только разгорается. Музыка делается громче, и все начинают танцевать. Невеста подходит к жениху. Он что-то говорит ей, она запрокидывает голову и хохочет.

Я завидую их счастью. У них впереди вся жизнь и бесконечное море возможностей. В день своей свадьбы

я была уверена, что нас с Патриком ничто не сможет разлучить. Боль и страдание казались чем-то невыносимым — так хорошо и радостно нам было вместе. Потом мои мысли перескакивают на Амишу и ее выбор, и, глядя на молодых, я ощущаю невольную благодарность. За то время, что мы с Патриком были вместе, я узнала настоящее счастье. Сколько бы горя ни пришлось пережить после, я любила Патрика и, может быть, всегда буду любить.

43

Через два дня, проснувшись утром, я вспоминаю, что сегодня годовщина моего первого выкидыша. Надеваю один из нарядов, купленных на рынке, и выхожу из дома, не переставая думать на каждом шагу, правильно ли я решила.

В храме я сбрасываю туфли и поднимаюсь по ступеням.

— Намасте.

Здесь тихо: кроме меня в храме всего несколько семей.

— Добро пожаловать. — Брамин принимает у меня поднос с фруктами и цветами. — Спасибо. Вас ждет долгая и счастливая жизнь.

— Я рада.

Вглядываюсь в лица богов и богинь. Все, как один, смотрят завораживающе.

— Вы что-то ищете? — спрашивает брамин.

— Просто пришла спросить... — Я запинаясь, подбирая нужные слова. — То есть не спросить... но, может быть, получить ответы. Это ведь богиня Парвати?

— Да, а это — Дурга. — Он показывает на статую рядом. — Обе очень могущественные.

Я опускаюсь на колени перед двумя богинями, стоящими рядом, как гармоничная пара. Глаза у них — кристаллы

цвета лаванды, руки покрыты позолотой. Я закрываю глаза и представляю себе, как играют мои дети, как их смех льется бальзамом на мои раны, которые все никак не хотят затягиваться. Я бы обнимала и утешала их, когда заплачут, а когда засмеются — смеялась бы с ними вместе. Я отдавала бы им себя так щедро, как никому другому до сих пор.

— Моя бабушка ходила в этот храм, — говорю я безмолвным статуям. — Я не знала ее, но уверена — она была сильной, такой сильной, какой мне никогда не стать. — В эту минуту я сама себе кажусь не по годам юной и наивной. — Но я пришла просить о ребенке, — шепотом говорю я. Слезы катятся из глаз, печаль не хочет отпускать меня. Я утыкаюсь лицом в колени, пряча его от брамина и от глаз богинь. Прячусь от всего мира, прячусь от самой себя. Я все еще не могу понять, где мое место.

— Джайя? — Амит подходит ко мне с обеспокоенным видом.

Я торопливо вытираю слезы. Прошел уже не один час, на статуи богинь легла тень.

— Амит? Как у тебя дела, бета?

— Хорошо. — В руках у Амита поднос с цветами и фруктами. Он замечает мое заплаканное лицо. — У вас что-то случилось?

— Твой прадедушка говорит, что в храмах сосредоточена мощная энергия. — Я в последний раз провожу ладонью по лицу, надеясь стереть следы слез. — Может быть, это она на меня так подействовала. — Я обнимаю мальчика за плечи. — Не ожидала увидеть тебя здесь днем. У тебя что, занятий в школе нет?

— Нас сегодня раньше отпустили. — Он отводит взгляд. — Можно у вас кое-что спросить?

— Ну конечно. Что хочешь. — Я увожу его в дальний конец храма, где нам никто не помешает.

— Вы верите в чудеса? — спрашивает он нерешительно, но, кажется, с нетерпением ждет ответа. — Вы ведь, судя по всему, очень умная. — На лице у него написано искреннее восхищение.

— Во-первых, — улыбаюсь я, — если верить твоему даде Рави, в математике мне с тобой уж точно не тягаться. Как никак, ты — первый ученик в классе, насколько я знаю. — От моего комплимента лицо мальчика заливается краской. — А во-вторых, неважно, во что верю я. — Мне хочется отвечать на его вопрос прямо. — Важно, во что веришь ты сам. Ты-то веришь в чудеса?

— Миша... — С минуту Амит колеблется, но затем договаривает: — Ее полиомиелит... его ведь ничем не вылечишь. — Он упирается взглядом в мраморную колонну. — Вот я и прихожу сюда каждый день с подношениями — надеюсь, что Бог ее исцелит. — Он снова умолкает: спазм сжимает ему горло. — Тогда она тоже будет бегать и играть, как все.

Я смотрю на мальчика, стоящего передо мной. Он уже мужчина, хоть и не вышел еще из детских лет. Даже не верится, что одна семья, один род смогли дать миру столько любви и преданности.

— А твой дада Рави знает? — спрашиваю я.

— Я не хочу, чтобы он узнал, что я тешу себя пустыми надеждами. — Амит смотрит куда-то в пустоту. — А в Америке вы видели, чтобы молитвы творили чудеса?

— Чудеса случаются каждый день, — говорю я, хотя сама никогда не видела ничего подобного, а в чудеса перестала верить после выкидышей. — Так ты хочешь чуда для своей сестры?

— Да, — отвечает он и показывает рукой на статую: — Я ведь ничего не могу сделать, только молиться.

***

В тот же день вечером я отправляюсь в знакомое кафе и там, в телефонной будке, набираю номер, который помню наизусть. Далекие гудки делаются громче, и у меня перехватывает дыхание.

— Алло?

Голос Патрика доносится до меня — точно такой же, как в последний раз, когда мы с ним разговаривали. Я вдруг вспоминаю, что у него там уже почти полночь. Чувствую себя глупо — вдруг он там не один?

— Привет, — говорю наконец, когда он повторяет свое «алло». — Это я.

Не ожидала, что звук его голоса так на меня подействует. Когда мы только начали встречаться, мы говорили часами, до глубокой ночи. Вскоре этот голос стал для меня спасительным штилем среди душевных бурь, опорой во всех моих стремлениях. Только потом, потеряв себя в своем горе, я забыла, как он мне нужен.

— Джайя? — Я слышу треск в трубке и представляю, как он перекладывает подушки повыше, под спину. — Не ожидал тебя услышать. Все в порядке?

— Да, — быстро отвечаю я. — Уже поздно, я понимаю. Сначала набрала номер и только потом сообразила, который час. — Я начинаю заговариваться, но не могу остановиться: — Если ты там со Стейси, мне очень жаль, что я...

— Стейси здесь нет, — мягко прерывает меня Патрик. — Мы больше не встречались с тех пор, как я тебе о ней рассказал.

— А-а-а... — Я ведь не сомневалась, что Стейси — последняя точка в нашем браке, не выдержавшем испытания горем. Озадаченная, в недоумении хочу расспросить подробнее, но сдерживаюсь. То время, когда он доверял мне свои тайны, давно прошло. — Извини.

— Как у тебя дела? — Голос Патрика делается тише, и даже на расстоянии я чувствую его замешательство. — Я пытался тебе звонить, но звонок сорвался.

— Я тебя слышала, а ты меня нет. Потом я тебе перезвонила, но... — Голос у меня срывается.

Кажется, что после того звонка прошло много-много лет. Тогда я еще только начала слушать историю моей бабушки и совершенно не представляла, чем она закончится.

— Ты повесила трубку. Из-за Стейси, — произносит Патрик в наступившей тишине, а я не говорю ни нет ни да: он и так знает ответ.

— Хочу поблагодарить тебя за то, что находился рядом, когда у меня были выкидыши, — отчаянно бухаю я. — Сегодня годовщина первого. — Я слышу, как он вздыхает, сдерживаю рвущиеся из горла всхлипы и молюсь, чтобы у меня хватило сил договорить, не расплакавшись. — Ты старался меня поддержать. Тогда я этого не видела, а теперь вижу.

— Я скучаю по тебе, — к моему изумлению, признается он.

Меньше всего я ожидала от него таких слов. Я слышу, как Патрик перекладывает трубку в другую руку, и догадываюсь, что он только что включил прикроватную лампу.

— Я и тогда по тебе скучал... Очень.

В сердце вкрадывается непрошенная надежда. Мне так его не хватает! Амишина история показала, какая это драгоценность — любовь. Я принимала нашу любовь как должное, а когда стало трудно, отступилась, решив, что одна буду сильнее. Но любовь к Патрику не была обузой, хоть и даром небес тоже не являлась. Просто два человека изо всех сил любили друг друга и строили совместную жизнь. С ним я могла дышать, с ним я была счастлива.

— Я потеряла себя, — прошептал, подтягиваю колени к груди и обхватываю их свободной рукой. — Но от горя стала видеть кругом одну только черноту.

— Мне очень жаль, что я не смог тебе помочь.

Боль, сжимавшая мне сердце, немного отпускает.

— Я хотел, но не знал как.

Рыдание наконец вырывается у меня из груди, я слышу, как Патрик на том конце тяжело вздыхает, и понимаю, что он тоже борется с эмоциями.

— Спасибо за попытку, — говорю я. — Прости, что не говорила тебе об этом.

— Мы муж и жена, — произносит он, словно забыв, что теперь это уже не самые подходящие для нас слова. — Это был мой долг.

Я молчу, и он добавляет:

— Я читал твои записи в блоге. Это потрясающе!

Патрик всегда говорил про мои работы, что они замечательные, сколько бы черновиков мне ни пришлось переписывать.

— Рада слышать. — Я смеюсь сквозь слезы. — А ты все еще не снял свои розовые очки, да?

Его смех откликается будто эхом, и мы оба замолкаем. Я столько всего хочу ему сказать, но теперь уже не имею права. Он не обязан выслушивать мои идеи и откровения. Решившись отпустить наш брак, я потеряла и лучшего друга, и свою любовь.

— Я скучаю по тебе, — тихонько говорю я. — Даже не думала, что буду так сильно скучать.

Когда мои друзья объявляли, что подают на развод, я всегда удивлялась — как могут близкие люди стать настолько чужими друг другу, чтобы забыть о любви? Когда мы с Патриком расстались, я думала только о том, что же нас разлучило, и совсем не вспоминала о том, что свело нас вместе. Теперь же слабый росток надежды

расцветает во мне, но здравый рассудок предостерегает: осторожно, не спеши.

— Когда ты возвращаешься? — спрашивает Патрик после долгого молчания.

— Не знаю. — Редактор уже прислал несколько заданий, но их можно выполнить и удаленно. Я рада, что у меня есть работа помимо записей в блоге. — Здесь... — Я думаю об Амишиной истории и о ее пути. — Кажется, тут мне легче заживить свои раны.

— Я рад. — Он долго молчит, и я думаю — может быть, он тоже не решается пока слишком откровенничать со мной. — Я спрашивал о тебе у твоих родителей, — к моему удивлению, признается он и добавляет, предупреждая мое недовольство: — Просил их ничего тебе не говорить. Просто хотел убедиться, что у тебя все в порядке.

— Патрик... — начинаю я и умолкаю. Хочется тщательнее подобрать слова, но они сами рвутся наружу: — Как было бы хорошо, если бы этих выкидышей не было! — Здравый смысл требует держать данные размышления при себе, но я уже устала скрывать свои чувства. — Мне так хотелось, чтобы у нас с тобой была настоящая семья. Хотелось, чтобы мы стали родителями.

— Знаю, милая. — В его голосе слышится боль. — Я тоже этого хотел — больше всего на свете.

Я уже не могу выговорить ни слова из-за слез, но он слушает, как я плачу, и не кладет трубку. Через страны и океаны он подставляет мне плечо, и в первый раз с тех пор, как пришла эта боль, я позволяю себе опереться на него.

44

Я прихожу в приют поздно ночью. Мысли о разговоре с Патриком лишили меня сна. Мы проговорили

несколько часов — вспоминали прошлое и ту боль, что казалась непреодолимой. Потом я начала пересказывать ему обрывки истории Рави. Вначале с опаской, но его интерес меня ободрил. В эти часы у меня было такое чувство, будто мы с ним никогда не расставались.

Я поднимаюсь на крыльцо, чувствуя себя нелепо: явилась, когда дети наверняка уже спят. Стучу в дверь — один раз, тихонечко. Если сразу не отзовутся, пойду домой.

— Да? — Дверь открывает работница приюта, которую я видела здесь в прошлый раз. — Что вы здесь делаете, шримати? — Она жестом приглашает меня войти.

В комнатах темно, только в самой дальней мигает тусклая лампочка. Почти все дети спят, но некоторые беспокойно ворочаются.

— Извините за столь поздний визит. Я не знала, во сколько детей укладывают, ну и решила зайти... — Виновато пожимаю плечами и засовываю руки в карманы капри. — Думала, нельзя ли мне побыть с ними немного.

Если воспитательница и принимает меня за чудачку, она ничем этого не выдает.

— Все время кто-нибудь не спит — не один, так другой проголодается и проснется. — В маленькой кухоньке на плите греется молоко в кастрюльке. — Хотите разлить по бутылочкам?

— Ну конечно. — Чистые бутылочки сушатся рядом на салфетке. — И вы с ними всю ночь не спите?

— Та женщина, что обычно подменяет нас на ночь, заболела, вот мы теперь и дежури́м по очереди.

Воспитательница работает быстро и ловко. Одежда на ней вся в пятнах от молока и еще какой-то еды. Волосы она собрала сзади в тугой узел, только несколько выбившихся прядей висят вдоль лица.

Я заканчиваю разливать молоко как раз в том момент, когда на весь дом раздается детский плач. Воспитательница хочет подойти к ребенку, но я опережаю:

— Можно мне?

Она кивает в знак согласия.

Я беру малыша на руки и даю ему бутылочку. Стоя спиной к стене, медленно опускаюсь на пол и сажусь, держа ребенка на коленях. Он жадно сосет, пока не выпивает почти все молоко до дна. Другой малыш, лежащий рядом, придвигается ко мне поближе: ночь прохладная, и ему хочется тепла. У меня перехватывает горло от счастья.

— А вы молодец. — Воспитательница рядом кормит еще одного ребенка.

— Это он голодный. Ради еды и такую неуклюжую няньку готов терпеть.

Молока в бутылочке уже не осталось, а мальчуган все пытается сосать. Я осторожно отнимаю у него бутылочку, чтобы не наглотался воздуха. Глажу его пальцем по щеке, вытираю капли молока на подбородке. Затем поднимаю малыша вертикально и прижимаю к плечу, ласково похлопывая по спинке. Вскоре он обмякает, и я кладу его, сонного, на его подстилку.

— А почему вы выбрали такую работу? — спрашиваю женщину. — Ухаживать за этими детьми.

— Я тоже выросла в приюте. — Она качает все еще плачущего ребенка, пытается успокоить, но плач становится все громче. — Эта работа сама меня нашла. А у вас своих детишек нет?

— Как вы догадались? — спрашиваю после долгой паузы. Я предпочла бы перевести разговор на другое: не хочется рассказывать о том, как пыталась и не смогла стать матерью.

— Ребенка держите, как совсем молодая мать. Неуверенно, но с радостью, — поясняет она.

Я невольно замыкаюсь. Сколько книг мне довелось перечитать обо всем, что связано с детьми, — от рецептов, как успокоить плачущего, до советов, как вырастить счастливым. Но одно дело — теория, а другое — забота о настоящем младенце. Даже здесь, в этой комнате, полной малышей, чувствую себя по-прежнему одинокой. Перевожу дыхание, чтобы успокоиться, и спрашиваю:

— А у вас дети есть?

— Вот они, мои дети. — Женщина зевает, явно измученная бессонной ночью. — Меня тоже когда-то родители бросили, в точности, как и их. — Она с любовью поглядывает на своих подопечных. — У меня никого нет, кроме них, а у них — никого, кроме меня.

— Им повезло, что у них есть вы!

— В такие ночи, как сегодня, я и сама начинаю так думать. — Она смеется, стараясь подавить зевоту. — Так что же привело вас сюда среди ночи?

— Думала о детях, которых у меня нет, и неожиданно для себя оказалась здесь, — отвечаю я честнее, чем намеревалась.

— Хотите усыновить кого-то?

— Что?

Патрик тоже говорил об усыновлении, но всерьез мы этого никогда не обсуждали. Когда я мечтала о ребенке, то всегда представляла себе родного малыша, копию Патрика или мою. Усыновить — значило сдаться, а я не готова была признать поражение.

— Нет, об этом я никогда не думала.

— Извините. Значит, я неправильно вас поняла.

— А часто детей усыновляют?

— В хороший год могут и нескольких ребятишек взять...

Женщина тихонько окликает девочку из старших: та проснулась и хнычет. Девчушка подбегает и забирается к ней на колени.

— Приезжают люди одинокие, — продолжает она, — а уходит семья. Вот если бы сюда приходили не только те, кого привело отчаяние, может, и другие поняли бы, какое это счастье — забрать ребенка домой.

— Что вы имеете в виду?

— Все ведь хотят иметь непременно своего ребенка. Растить отражение себя самих. Сюда приходят те, кому пришлось признать, что их мечта умерла. Пережить отчаяние и прийти к смирению. Своего ребенка нет и не будет, а пустота в сердце не дает покоя. Вот тогда люди входят в эту дверь и протягивают руки к малышу.

— Но этот ребенок — не их отражение, не продолжение их рода.

— Все так, но он помогает им создать настоящую семью. И его новые родители понимают, что возможность стать отцом и матерью — это дар, а способ не так уж важен. — Она укладывает уснувшую девочку на прежнее место. — Жаль, что почти никто, кроме тех, кто выбрал этот путь вынужденно, так и не узнает, какая это драгоценная награда — отдать сердце ребенку, рожденному не тобой.

Я ждала чуда от своего тела, но чуда не случилось. Эти дети тоже ждут своего чуда — ждут, что судьба подарит им тех, кого они будут любить. Я представляю, что было бы, если бы кто-то из этих детей стал моим, и вдруг на сердце у меня становится легче и душа успокаивается. Я остаюсь в приюте и помогаю воспитательнице, пока солнце не поднимается и не приводит с собой новый день.

АМИША

45

Схватки у Амиши начались в новолуние, через девять месяцев и два дня после ночи со Стивеном. Все это время она по-прежнему заботилась о детях и о доме, но внутренне жизнь утратила для нее всякий смысл. Роды, как ни странно, принесли облегчение: режущая боль в животе вывела ее из состояния бесчувствия, длившегося несколько месяцев. На те несколько часов, что ребенок пробивался на свет, можно было забыть о своей утрате.

Плач новорожденного прервал Амишины мысли. Она с радостным волнением смотрела, как повитуха вытягивает из нее окровавленное тельце и перерезает пуповину.

— Дочка. — Повитуха зачерпнула ладонью воды из ведра и смыла кровь. — В ночь Амавасы? — Она проворно очистила от слизи ротик малышки и завернула ее в шерстяное одеяльце. — Проклятие на вас легло.

Это было широко известное поверье: родить девочку в новолуние — к несчастью.

Амиша только головой покачала. Она была так измучена, что не осталось сил спорить, и к тому же ей не терпелось поглядеть на дочь. Амиша протянула к ней руки и ахнула: на нее смотрела копия Стивена. Она прижала малышку к себе и расцеловала со всей силой любви и тоски по ее отцу.

— Ты не проклятие, ты подарок, — шепнула она в крохотное ушко и мысленно обратилась к Стивену: «Наша дочь уже здесь, со мной». Больше всего на свете ей хотелось, чтобы Стивен в этот момент был рядом. — Спасибо тебе за нее, — проговорила она сквозь слезы.

С позволения повитухи в комнату вошел Рави. Остановился возле кровати и стал смотреть на малютку, громким криком требующую материнского молока.

— Она — красавица.

— Вылитый отец, — не задумываясь, ответила Амиша. — Назовем ее Леной.

Расплатившись с повитухой, в спальню шагнул Дипак. Рави поспешно отошел от кровати и принялся за уборку. Дипак смотрел на дочь, уже сосущую Амишину грудь, с почти нескрываемым изумлением.

— Что у нее с кожей? Смотри, какая бледная — светлее, чем у брамина.

— Это — божий дар. — Амиша старалась подыскать правдоподобное объяснение. — Твоя мать как-то сказала мне, что ребенок со светлой кожей — дитя богини, которое она доверила нам хранить.

Дипак долго и все так же пристально смотрел на ребенка, а потом перевел взгляд на Амишу. Она беспокойно ждала. Наконец он согласно кивнул.

— За такой белокожей женихи в очередь выстроятся, чтобы просить ее руки. — Светлая кожа в Индии была признаком высокого статуса. И уже с улыбкой заключил: — Вот и отлично — можно будет сэкономить на приданом.

— Она должна уехать в Америку. — Амиша собралась с силами и заговорила громче: — Ей нужно будет найти американского жениха.

Только так она могла искупить свою вину перед дочерью за то, что отняла у нее возможность жить с отцом в Англии. Теперь она должна дать Лене те возможности,

которых до сих пор не могла добиться для себя. Это будет Амишин подарок дочери и ее отцу, которого девочка никогда не увидит.

— Амиша! — Такое неожиданное требование привело Дипака в замешательство. — У нас еще много лет впереди, успеем решить. Мы же не знаем...

Амиша вскинула руку.

— Дипак, я помню, где мое место и где твое, но тут молчать не могу. Дай мне слово, прямо сейчас, при ребенке, которого только что послали нам небеса. Ты не отдашь ее руку первому попавшемуся. Она должна уехать в Америку.

Амиша знала, что Дипак преспокойно может уговориться о Лениной свадьбе, не интересуясь мнением жены и самой дочери. Такие решения часто принимались между делом, за сигаретой или в храме: обсудили между собой и ударили по рукам. Потом отец и муж приходил домой и объявлял семье, что свадьба уже назначена и скоро состоится обмен коричневым сахаром, символизирующий помолвку.

— Амиша... — снова начал Дипак, глядя на девочку, лежащую на руках жены.

— Обещай мне, Дипак. — Амиша прикрыла дочь простыней от любопытного взгляда мужа. — Пожалуйста.

Наконец он кивнул:

— Даю тебе слово, Амиша.

— Спасибо. — Амиша успокоенно закрыла глаза и провалилась в сон, прижимая к себе новорожденную дочь.

***

Неделя за неделей после рождения Лены шли мирно. По ночам малышка сосала грудь. Глаза у нее вскоре

из светло-карих сделались зелеными — как у Стивена. Застав однажды Дипака пристально вглядывающимся в эти глаза, Амиша схватила дочь на руки и вышла из комнаты. Они продолжали жить как жили и играть свои роли: Дипак — добытчика, Амиша — матери и хозяйки.

— В Америку? — спросил как-то Рави — уже через несколько месяцев, когда они остались одни. — Но почему в Америку, шримати?

— Если ничего не изменится, здесь она не сможет быть кем захочет, — ответила Амиша. Рави смотрел на нее все так же недоуменно, и она постаралась объяснить: — Что мы с тобой в этой жизни? У нас нет никаких прав, нам некуда идти — только туда, куда назначено судьбой.

— Это лейтенант вам так сказал? — спросил Рави.

— Да, — призналась Амиша. Она до сих пор помнила их разговор во всех подробностях. — В Америке, — повторила она слова Стивена, — у всех ее потомков будет выбор. У Лены появится право голоса, Рави. Ей суждено быть свободной.

— Но это же на другом конце света? — не отставал Рави. — Ваша дочь будет жить так далеко от вас?

— Вот увидишь. — Амиша улыбнулась: мысль о будущем дочери уже кружила ей голову. — Она вернется, эта девочка. — Амиша поцеловала ребенка в макушку.

— А как же ваш лейтенант? Вдруг он приедет — что вы тогда делать будете?

Рави принялся мести пол. Дождь лил день и ночь напролет, улицы затопило, и даже в доме на полу стояли лужицы.

— Не приедет, — ответила Амиша, помрачнев.

Они со Стивеном простились навсегда. Ни дня, ни ночи не проходило, чтобы она не думала, где он сейчас и что

с ним. В душе она была уверена, что он тоже хранит воспоминания о тех временах, когда они были вместе, и без конца размышляла о том, как бы они жили с ним, если бы это было возможно.

— Думаете, он вернулся с войны? — спросил Рави.

Война уже закончилась, и с ее окончанием пришла надежда на освобождение Индии от колониализма.

— Да. — Амиша знала: Стивен жив.

Она не могла представить себе мир без него. Только это и спасало: пусть обстоятельства сложились так, что они не могут быть вместе, но все же они живут на одной земле. Засыпают и просыпаются под одним и тем же небом, под одними и теми же звездами. Их согревают одни и те же лучи солнца, а ночью им светит одна и та же луна.

— Если бы он погиб, я бы знала.

— Да, — согласился Рави. — Я своими глазами видел, сколько горя вам принесли любовь и разлука. — Он взглянул на Лену и улыбнулся. — И видел рождение ребенка, с которым в вашу жизнь снова пришел свет. Хотя бы поэтому англичанин должен жить, — сказал и пошел на кухню помогать готовить ужин.

46

Как и обещала, Амиша ничего не писала больше года после рождения Лены. Куда-то пропало умение связывать слова, и герои историй больше не приходили по ночам в ее сны. Теперь все сны были только о Стивене.

Сезон дождей закончился, и, как и ожидалось, после бурных ливней тучами налетела мошкара. Лужи и сточные канавы были для нее отличной питательной средой. Но в стране, где бездомные умирали на улицах и никто ничего не мог с этим поделать, комары могли считаться не более чем мелкой неприятностью.

Рави натянул москитную сетку над постелью на полу. Но утром и после захода солнца от укусов спасения не было. Дети то и дело расчесывали себе кожу до крови.

— Хотите, я за доктором схожу?

Рави рвал старое сари на тряпки. Амиша тащила в дом ведро воды, чтобы сделать Лене холодное обтирание: ей казалось, что у девочки жар.

— Посмотрим, как ночь пройдет. Простудилась, должно быть: утром кашляла. — Амиша хлопнула себя по голой руке: — Ой!

Ведро с водой закачалось.

— Что такое? — обернулся Рави.

— Да комар дурацкий. — Виножник упал на пол, и Амиша наступила на него ногой.

— Рука распухает. — Рави показал на небольшую опухоль.

— Отлично. Поделом мне за то, что убила несчастную мошку, — рассмеялась Амиша.

Она понесла ведро в дом, и вода плескалась ей на ноги.

***

Руку начало дергать через три дня после укуса. Среди ночи на Амишу вдруг навалились жар и дурнота. Она встала и едва успела доковылять до заднего крыльца, как ее вырвало. Все тело трясло, зубы стучали.

— Самир! — закричала она, кое-как вползая обратно в дом. — Самир!

— Мама? — Полусонный мальчик искал ее глазами. Увидев, что она лежит на полу, подбежал, чтобы помочь подняться. — Мама, что с тобой?

— Позови Рави, пожалуйста, — прошептала она.

Самир послушно кинулся за Рави. Вновь накатила тошнота, и опять Амиша едва успела выбраться за дверь.

Ее вырвало желчью, а когда в желудке уже ничего не осталось, еще долго сотрясало рвотными позывами.

— Шримати! — вскричал Рави, увидев ее. Волосы у нее были взлохмачены, и она все еще была в ночной сорочке. — Что случилось?!

Ее снова замутило. Рави убрал волосы с ее лица и велел Самиру принести воды. Старший сын тут же вернулся с полным стаканом. Рави, бережно придерживая Амише голову, поднес стакан к губам.

— Маленькими глоточками, — предупредил он.

Амиша оттолкнула стакан, но Рави осторожно поднес его снова:

— Вы должны попить, шримати.

Она выпила половину — остальное стекло по подбородку. Рави вытер ей лицо рукавом.

— Что-то неладное со мной... — Амиша ухватила за него. — Все тело ноет... — Вспышки боли рвали каждый нерв. Голова налилась тяжестью, перед глазами все плыло.

— Пройдет, — сказал Рави, кажется пытаюсь успокоить не только ее, но и себя. — Вы хорошая мать — взяли на себя Ленину хворь, вот вам самой и стало вдвое хуже.

Вдвоем с Самиром они перенесли Амишу в дом мимо младших, спавших на полу. Уложив ее на кровать, Рави велел Самиру:

— Нужен доктор. Сейчас же.

Тщательно осмотрев Амишу, доктор достал из сумки дюжину маленьких пилюлек и протянул Самиру.

— Вирусная инфекция. Давайте ей по одной таблетке от жара каждые четыре часа.

— Сколько она проболит? — спросил Рави, стоя поодаль, у стены.

Амиша лежала на кровати почти без чувств.

— Через день-другой должно пройти, — ответил доктор. — Ей нужно пить много жидкости. Сам вирус ей серьезно не повредит, а вот обезвоживание — может.

Рави пересчитал деньги в ящике буфета и передал их Самиру, а тот — доктору.

— Если станет хуже, зовите меня, — сказал доктор, улыбнувшись при виде солидной пачки. — В любое время.

— Спи, бета, — обратился Рави к Самиру, когда доктор ушел. — Я здесь, а утром твоему отцу телеграмму пошлем.

Самир было заспорил, но Рави был непреклонен.

— Я тебя разбужу, бета, если ей что-нибудь понадобится. — Он положил руку на голову юноши, стараясь успокоить его. — Спи. Шримати будет недовольна, если ты завтра проспишь школу.

— Правда разбудишь? — Самир потер усталые глаза.

Рави кивнул, и на лице Самира промелькнула улыбка облегчения. Он забрался в постель между младшими братьями — на то место, где обычно спала Амиша — и подтянул их поближе к себе. Под ровный ритм их дыхания он наконец заснул, а Рави остался сидеть у постели Амиши.

***

Дипак приехал через два дня, когда Амиша уже едва могла сидеть на стуле. Рави то и дело поил ее лимонным шербетом.

Дипак схватил жену за плечо:

— Амиша!..

— Она очень слаба, — почтительно предупредил Рави.

— Амиша! — Дипак встряхнул ее.

Веки у женщины дрогнули и приподнялись. Облегченно вздохнув, Дипак взял стакан с шербетом и настойчиво поднес к ее губам:

— Тебе нужно пить.

Капли шербета стекали у нее по подбородку и падали на платье. Амиша медленно открыла глаза и уставилась на Рави с Дипаком невидящим взглядом.

— Ты пришел... — прошептала она: ей привиделся Стивен.

Она сделала большой глоток шербета и заулыбалась, радуясь, что ее любимый так близко. Что-то тяжело давило на голову, и она пыталась стряхнуть эту тяжесть, чтобы не потерять сознание в такую минуту.

— А я думала, никогда больше тебя не увижу...

— Я приехал, как только получил телеграмму, — сказал Дипак.

— Ты видел нашу дочь? — Ей не терпелось показать Стивену чудесное дитя, их общее творение, и она стала искать Лену глазами. — Каждый день я мечтала только об одном — чтобы ты ее увидел. — Так и не найдя Лену, она взмолилась: — Рави, принеси же ребенка, прошу тебя! — Она схватила Дипака за руку: — У нее твоя улыбка.

— Шримати... — Рави принужденно улыбнулся и заговорил громче, чтобы заглушить ее слова: — Сахиб и так знает, какая красивая у вас дочь. Но сейчас он беспокоится о вас. — Он шагнул к Амише и взял стакан с шербетом. — Я позабочусь, чтобы она выпила до дна, сахиб.

— Что сказал доктор? — спросил Дипак.

Амиша уже снова впала в забытие.

— Вирус. Дал ей лекарства от жара и обещал, что она непременно поправится. — Рави показал пилюли. — Я их растолок и высыпал в шербет.

Когда Дипак услышал диагноз, его встревоженное лицо снова стало спокойным.

— Смотри, чтобы она допила, — сказал он. — Я буду на мельнице. Если что-то изменится, пошлешь за мной кого-нибудь.

47

Прошло три дня, а состояние Амиши почти не менялось. Рави с Биной занимались детьми и домом, Дипак ходил на работу. Вечером третьего дня он возник в дверях, когда Рави кормил Амишу нааном с картошкой.

— Ест? — спросил Дипак.

— Понемножку, — ответил Рави. — Раньше совсем не ела, так что это хорошая новость.

— Амиша... — Дипак сел на кровать рядом с женой.

Амиша тоже сидела, однако глаза у нее были полузакрыты.

— У меня есть кое-что для тебя, — громко проговорил Дипак, стараясь привлечь ее внимание. Под глазами у него лежали темные круги и на скулах ходили желваки.

Как-то Амиша призналась Рави: ее беспокоит, что мальчики, кажется, видят в Дипаке не столько отца, сколько любимого дядюшку. Да, в их жилах течет его кровь, и они искренне радуются, когда отец приезжает домой, но он же их совсем не знает. Чего они боятся, как с этими страхами справляются — для него тайна за семью печатями. Он ничего не знает об их стремлениях, о том, намерены ли они продолжать его дело, как он продолжил дело своего отца. Однако теперь, когда он был дома, мальчики стали временами обращаться к отцу за советом, и он старался помогать как мог.

Амиша наконец повернула к нему лицо. Нижняя губа у нее отвисла, взгляд был блуждающим. От нее

остались кожа да кости: она похудела почти на десять фунтов. Дипак разжал ее пальцы и вложил в ладонь ключи. Амиша непонимающе уставилась на них, а затем на Дипака.

— Что это? — с трудом выговорила она.

— Ключи от школы. — Дипак смотрел в изумленные глаза Амиши. Бросил быстрый взгляд на Рави, помолчал, подыскивая нужные слова. — Я знаю, как это было важно для тебя, вот и решил тебя порадовать.

— Ты купил школу? — Она потрогала ключи, которые Стивен раньше всегда носил с собой. После ухода британцев школу закрыли. — Как?

— Викрам сказал, что государству эта школа больше не нужна, и я подумал — вдруг тебе легче станет. — Дипак покачал головой, очевидно не представляя, почему это здание так дорого его жене. — Ты ведь, кажется, была счастлива, когда ходила туда.

— Ты заметил? — прошептала Амиша.

Дипак пожал плечами. Ей очень хотелось спросить — почему же тогда он не пускал ее туда? В последние недели, когда он запретил ей работать, она была уверена, что ненавидит собственного мужа.

— И тебе было не все равно?

— Да вот сейчас смотрю на тебя, еле живую от этого вируса, и думаю: я бы все на свете отдал, чтобы вернуть тебя прежнюю, — честно ответил Дипак. — Такую, какой ты была, когда ходила в школу.

Амиша с трудом сдерживала слезы. В первый раз Дипак потратил столько слов, чтобы сказать, что любит ее. Она и думать о нем забыла в то время, когда все ее мысли были заняты Стивеном. А теперь, хотя они по-прежнему чужие люди, он все-таки старается сделать для нее что-то хорошее.

— На это приобретение ушла немалая часть наших денег, — шутливо проговорил Дипак в ответ на ее

молчание. — Было бы разумнее воздержаться от крупных покупок, пока дети не вырастут.

— Спасибо, — прошептала наконец Амиша.

Она проводила мужа глазами и уснула, положив ключи рядом с собой.

***

Только через несколько дней Амиша собралась с силами, чтобы дойти до школы. Рави шагал рядом. С начала болезни прошло восемь дней. Каждый новый день понемногу отнимал энергию, и Амиша все больше и больше слабела. Она медленно поднялась на крыльцо школы, которая когда-то навсегда изменила ее жизнь. Дрожащими руками вставила ключ в замок...

После отъезда Стивена Амиша ни разу не переступала этого порога. Она считала, что все уже в прошлом, и, хотя школа была всего в одном квартале от дома, не сомневалась, что распростилась с ней навсегда. А теперь она здесь хозяйка — может сколько угодно бродить по пустым коридорам, приходить в сад без страха: никто не прогонит, не спросит, что ей здесь нужно. Это все ее — подарок мужа, которого она предала.

Они вошли, и Амиша погрузилась мыслями в прошлое. Она заглядывала в пустые классы, и воспоминания бежали за ней по пятам. Их шаги эхом разносились в тишине, словно до них никто никогда не ходил по этим пустым коридорам. Но для Амиши школа не была пустой: со всех сторон ее обступали призраки. Она слышала смех учеников, строгие голоса наставников, в которых за этой строгостью скрывалось искреннее желание чему-то научить детей. Амиша гладила руками классные доски и губки для мела, а потом повела Рави к той двери, что выходила в сад.

— Это все настоящее? — воскликнул Рави, когда она распахнула дверь.

— Рай на земле в маленькой деревушке, друг мой.

Подошвы ее сандалий оставляли в мягкой земле глубокие следы. Здесь, под пышными цветами, среди корней деревьев, были погребены ее воспоминания о Стивене. Здесь призраки не преследовали ее, а манили, звали забыть горечь утраты и радоваться тому, что она когда-то была любима. Нестерпимо хотелось вернуться в то время, когда они со Стивеном были рядом, хоть и не вместе. Вот здесь, в этом саду, они танцевали под неслышную музыку.

— Мне нехорошо, Рави. — Амиша повернулась к нему. Она стояла в тени своего подросшего бука, и его веточки нависали над голой землей. Амиша прислонилась к деревцу и наконец призналась себе в том, чего до сих пор не могла принять душой. — Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал.

— Шримати! — протестующе воскликнул Рави.

— Выслушай меня, — велела Амиша. Она опасалась самого худшего. Тело совсем обессилело, мысли путались: прошлое переплеталось с настоящим. Даже имена мальчиков она начинала путать и перестала различать их лица. Она боялась непонятного. Тело ее было еще живо, а сознание угасало. — Когда я умру, ты должен рассказать дочери мою историю.

— Амиша, не говорите так. — В первый раз в жизни Рави назвал ее по имени. Он должен был убедить ее, что ничего ужасного не происходит. Перед ней — еще целая жизнь, и их дружба будет продолжаться вечно. — Не нужно, чтобы небеса такое слышали. Еще поверят, чего доброго.

— Небеса уже протянули ко мне свою темную руку, хоть солнце и светит по-прежнему, — сквозь слезы проговорила Амиша. — Как мне поверить в завтрашний день, если сегодня я чувствую себя такой потерянной? — Слезы бежали по ее щекам. — Ты сделаешь для меня

больше, чем любое лекарство, если пообещаешь мне. Пожалуйста, Рави, — взмолилась она, сложив перед собой ладони.

— Даю вам слово, шримати. — Рави взял ее за руки и крепко сжал.

— Спасибо, — сказала Амиша. Она всегда знала, что он сделает для нее что угодно, — стоит только попросить. Ее сознание уже начало меркнуть.

— Рави?.. — Голос у нее дрожал. В отчаянии она прислонилась к дереву, ища опоры.

— Хотите, я пошлю за доктором? — настойчиво спросил Рави.

— Нет. — Амиша покачала головой.

Голова стала тяжелой, и эту тяжесть было не стряхнуть, как ни старайся. Амиша стала тереть кожу под волосами, а потом потянула за волосы, чтобы избавиться от этой давящей боли. Она тянула все яростнее, пока клок волос не остался у нее в руке.

— Довольно, шримати, довольно! — Рави попытался удержать ее руки.

— Уйди! — истошно выкрикнула Амиша, вырываясь и уже не видя Рави.

Мука была нестерпимой, а боль от вырванных волос хоть немного заглушала ее. Амиша пыталась собраться с мыслями, вспомнить, кто он такой, но не узнавала его. Отбиваясь, ударила Рави по голове, потом в живот. Она слышала крик, но не осознавала, что кричит сама, и была все сильнее и сильнее...

Теперь Амиша уже смеялась: ей стало казаться, что все это — игра.

— Я пишу историю, — пробормотала она. — Дети играют...

Ее мальчики, все трое, уже бросали ей мяч, и она радостно улыбалась: день был чудесный, солнце сияло, и все было хорошо.

— Стивен... — Амиша протянула вперед руки и обняла воздух. — У тебя есть дочь. — Она весело хлопнула в ладоши. Покрутила головой, ища глазами мальчиков, и наконец увидела их. — Самир, Джей, идите сюда, ребятки. И братишку ведите. — Ее лицо сияло счастьем. — Стивен здесь, он поможет мне, как помог тебе, Рави, — проговорила Амиша, глядя перед собой блуждающим взглядом. Шепнула Стивену: — Прости, что прогнала тебя тогда.

Затем голова вновь отяжелела, и голос пропал. Амиша хотела ощупать рукой язык, но давящая боль становилась невыносимой. Глаза у нее были открыты, но она ничего не видела. Попыталась поднять руки — они отказывались повиноваться. Тогда она хотела закричать, чтобы они поняли, что с ней творится что-то неладное.

— Не уходи! — выкрикнула она.

Но Стивен уже шагал прочь, и Лена была с ним. Мальчики вновь затеяли игру, но вскоре куда-то пропали из виду. Амиша хотела ухватиться за Рави, но не могла до него дотянуться. Уже темнело, а она осталась здесь совсем одна! Она пыталась нашарить рукой ветку, но все вокруг шаталось и плыло. Еще секунда, и она рухнула на землю под сенью своего бука.

РАВИ

48

— Брамины говорят, это темная энергия. — Дипак только что вернулся из храма, где беседовал с пуджари. — Демоны вселились в тело и играют с ее разумом. — Доктор уже умыл руки, сказав Дипаку, что теперь только Бог может ее спасти. Взгляд Дипака упал на Амишу, лежавшую в глубоком забытии. Ее запястья и лодыжки были привязаны к кровати, чтобы она не поранила себя. — Они будут проводить обряд. Детям при этом быть не нужно.

— Бина сейчас же отвезет их к вашей сестре, — отозвался Рави. Нервы у него были натянуты.

Рави с Биной вывели детей из дома и стали искать рикшу.

— Я не поеду, — уперся Самир. Остальные дети смотрели на него. С тех пор, как Амиша заболела, Самир единственный то и дело подходил узнать, как мама себя чувствует. — Здесь останусь. — Подбородок у него задрожал.

— Брамины помогут ее вылечить. — Рави пытался успокоить мальчика: тот и так уже слишком многого насмотрелся. Он, Рави, должен уберечь сына Амиши от тяжкого зрелища. О демонах он упоминать не хотел и сказал только: — Они будут молиться за нее.

— Тогда и я буду молиться вместе с ними. — Самир скрестил руки на худенькой груди.

Рави понимал: мальчику, как и ему самому, хочется помочь хоть чем-нибудь. Он взял его руку в обе ладони.

— Бог прислушается к молитвам сына шримати скорее, чем к любым другим. Но твой отец просил освободить дом, чтобы брамины могли сделать свое дело. Пожалуйста.

В детстве Рави учили, что смерть — лишь дело времени, ее не нужно бояться, не нужно противиться ей. Жизнь — наказание, а время, проведенное на земле, — суровое испытание. Для неприкасаемого смерть — избавление от земных несчастий, долгожданное возвращение в небытие.

Рави не знал, означает ли смерть встречу с Богом. На один вопрос он никак не мог найти ответа: если Бог существует, почему же на свете есть неприкасаемые? В детстве Рави видел, как его тети и дяди тихо угасали прямо на улице. Ему сказали: они просто крепко засыпают. Когда он спит, в темноте мир делается добрее. Вот так и они будут спать.

Смерть была для них драгоценным даром — ведь мертвым не нужно больше бояться жизни. Смерть избавляла от издевательств детей, швырявших в них камни ради забавы. Не нужно будет драться за еду с бродячими собаками, а в случае победы получать в награду колотушки. Смерть становилась освобождением. Никогда не следует пытаться отвести руку смерти — напротив, ее нужно встречать с радостью, как спасительницу.

Но теперь, глядя, как угасает Амиша, Рави больше не мог верить в то, чему его учили. Нет, ее болезнь не была ни радостью, ни желанной гостьей. Ее смерть невозможно было принять как дар свыше. И он, Рави, сделает все, чтобы спасти ее.

Наконец Самир кивнул. Бина стала усаживать детей в повозку рикши. Рави стоял и смотрел вслед, пока Амишины дети не скрылись из виду. Только после этого он вернулся в ее дом.

***

Стоя у стены, Рави смотрел, как священники разливают в тридцать чаш топленое масло и зажигают хлопковые фитили. От горящих ароматических палочек, торчащих в маленьких латунных подставках, комната была полна дыма.

Один из священников, тот, что помоложе, зазвонил в колокольчики, а старший начал читать молитву. Они призывали богов, и пламя плясало в чашах, заволакивая дымом все вокруг. Рави с болью в сердце смотрел, как священники стоят над Амишей и трезвонят у нее над головой. Они читали нараспев молитву все громче и громче, пока пение не перешло в истошный крик: они надеялись, что шум прогонит демонов.

Амиша вдохнула дым в ослабевшие легкие и закашлялась.

— Воды, — простонала она. — Пожалуйста...

Рави рванулся на зов, но Дипак вскинул руку, без слов приказывая ему остаться на месте. Рави не посмел послушаться. Когда одна ароматическая палочка догорала, вместо нее зажигали три новых, пока в комнате не стало нечем дышать. Амиша уже кричала от нестерпимой муки, а священники делали свое дело, не обращая внимания на ее крики. Рави инстинктивно подался вперед: он уже готов был силой оттащить их от Амиши. Должен же он хоть как-то защитить ее, спасти!

— Назад! — велел Дипак.

— Нет никаких демонов! — выпалил Рави. Сердце у него разрывалось от Амишиных криков. — Пожалуйста, скажите им, чтобы прекратили!

— Может быть, ты можешь ее вылечить?! — злобно бросил Дипак.

Рави ничего не ответил, и Дипак кивнул:

— Я так и думал.

Рави отвернулся: он не мог больше на это смотреть. Амишины крики становились все громче, и тогда он выскочил из дома. Ему так хотелось поскорее сбежать, что в спешке он запнулся, упал и сразу вспомнил, как Амиша впервые ввела его в этот дом. Он поник головой, тяжело дыша: ему не хватало воздуха. Когда-то, когда существование казалось ему бессмысленным, Амиша позволила ему войти в ее жизнь и в жизнь ее детей, и это впервые пробудило в нем чувство самоуважения.

Рави поднялся и снова бросился бежать со всех ног. Слезы застилали глаза, но он бежал все быстрее: ему не терпелось оказаться как можно дальше отсюда. Амиша дала ему все, а теперь, когда у нее уже ничего не осталось, он ничего не мог для нее сделать — только сбежать.

49

В руке у Дипака была кожаная плеть с деревянной ручкой.

— Священники в храме считают, что это последнее средство. Ее поглотила темная энергия, и мы должны эту энергию из нее выбить, — торопливо проговорил он.

Рави ошеломленно смотрел на него: он уже не узнавал этого человека.

— И вы согласились ее бить?! — Он даже не пытался скрыть своего возмущения. — Она же больная, беспомощная!

— Без разговоров! — прикрикнул Дипак. — Это единственный способ. Иначе она умрет. Ты этого хочешь?

— Она этого не заслужила, — возразил Рави, сам удивляясь своей дерзости. Но сейчас ему было все равно. Пусть Дипак бьет его, пусть рассчитает — все равно. Он не позволит так с ней поступить.

— Это я не заслужил... вот этого вот... видеть ее в таком состоянии, — сказал Дипак. В неподвижном воздухе ему отозвалось эхо, словно в насмешку над ними обоими. — Дети не заслужили того, чтобы остаться без матери. Что мы будем делать без нее? Ты, наверное, лучше знаешь. Считаешь, что я неправ — ну так скажи мне, что делать. Что ты предлагаешь?

— Она поправится, — не уступал Рави, хотя в душе и сам не верил в это.

— Так я и думал — сказать тебе нечего. — Дипак бросил плетъ в Рави. Та ударилась ему в грудь и упала к его ногам на пол. — Священники привяжут ее к буку в саду и совершат обряд. А потом ты поработаешь плетью. Они сказали — один раз ночью и один раз утром. Обещают, что это ненадолго — всего несколько дней.

Рави с ужасом уставился на Дипака.

— Вы думаете, я на это соглашусь?!

Дипак ответил не сразу: вначале он долго смотрел на воду.

— А ты как думаешь, кого бы она выбрала? — Он заморгал, и Рави видел, что хозяин пытается справиться с эмоциями. — Она мне как-то сказала, что готова доверить тебе свою жизнь.

— Я не смогу... — Рави дрожал всем телом.

— Отлично, тогда я найму кого-нибудь. На мельнице. — Дипак с презрением отвернулся.

— Нет. — Рави не мог такого допустить. Не хватало еще, чтобы ее били, как скотину. — Я сам. — Он протянул руку.

Дипак поднял плетъ с земли и подал ему:

— Она скоро будет готова.

***

Рави смотрел на Дипака, а тот не сводил глаз с женщины, которая родила ему четверых детей и была ему опорой во всем, пока он крепко не встал на ноги. В школьном саду брамины крепко привязали ее за руки и за ноги к стволу бука, обнажив плечи и живот. Голова у нее беспомощно повисла, глаза были закрыты, и все тело казалось безжизненным.

— Вы останетесь здесь? — спросил Дипака Рави. Руки у него дрожали, и весь он обливался потом на жарком солнце.

Дипак покачал головой, и Рави отрезал с непривычной для него дерзостью:

— Ну так уходите. Дайте мне спокойно делать то, что приказали.

Дипак вздрогнул при этих словах. Они смотрели на женщину, которую оба любили. На женщину, которая сделала жизнь обоих лучше, а теперь боролась за свою. Дипаку больше нечего было сказать. Он вышел из сада и зашагал прочь от школы.

Рави опустил перед Амишей на колени и коснулся ее ступней ладонями — жест, который она запретила ему много лет назад.

— Пожалуйста, простите меня, — прошептал он. Его слезы закапали ей на ноги, и он вытер капли, стыдясь, что позволил им коснуться ее.

Он медленно снял рубашку и остался обнаженным по пояс. Взял плеть — одной рукой за рукоятку, другой за кожаный ремень. Щелкнув ею в воздухе, полоснул по собственной ладони — до крови. Затем рассчитанным движением поднял другую руку и взмахнул плетью так, чтобы она ударила его самого по спине. Наконец снова отвел руку, намеренно ослабив замах, и плеть хлестнула Амишу по животу. Она вскрикнула, не понимая, откуда взялась эта жгучая боль.

Рави несколько раз повторил этот маневр, каждый раз рассекая себе спину до крови. Каждый удар по собственному телу облегчал душевную боль, когда он хлестал Амишу. Спина горела огнем и покрывалась рубцами. Амиша при каждом ударе вскрикивала так, что кровь стыла в жилах.

Не видя своего мучителя, она просила перестать, сжалиться над ней. Сквозь стон кричала, что виновата, умоляла простить ей прегрешение, которое навлекло на нее такую кару. В ответ на ее мольбы Рави хлестал сам себя все сильнее и сильнее, ничего не видя перед собой из-за слез. Остановился лишь тогда, когда уже стоял в луже собственной крови, а руки онемели.

Лицо у Амиши обмякло: сознание наконец-то покинуло ее. Рави упал к ее ногам и вжался лицом в землю. Все его тело содрогалось от нестерпимой муки.

— Простите меня, — всхлипывал он. — Простите, шримати.

Он умолял простить его за то, что поднял на нее ту самую руку, которую она когда-то дружески сжимала в своей ладони. Что он, тот, кому она верила, кем дорожила, кого признала своим, — пролил ее кровь. Эта кровь смешалась на земле с его собственной, и тогда Рави поднял глаза к небу, к Богу, к которому до сих пор еще не обращался ни разу, и стал просить, чтобы его самому близкому другу даровали смерть.

***

Избитая Амиша два дня простояла привязанной к дереву. Священники все еще не оставляли надежды, что демонам это надоест и они уйдут мучить кого-нибудь другого. Когда Дипак приказал повторить «лечение», Рави заявил:

— Я скорее руки себе отрежу, чем пойду на такое снова.

— Это единственное средство, — не отступал Дипак. — Если ты откажешься, я найду кого-нибудь другого.

— Тогда ведите сразу двоих, потому что я закрою ее собой, и тем, кого вы наймете, придется сначала убить меня, — сказал Рави. Он больше не мог молчать. Хотя бы голос он должен был поднять в защиту Амиши, когда она не может говорить сама. — Ей уже недолго осталось на этой земле. Дайте ей умереть спокойно. Она заслужила.

Дипак ушел на мельницу. На другой день Рави послал за ним и сказал, что нужно вызвать врача. Тот пощупал пульс Амиши, безжизненно висевшей на дереве. Она была мертва.

Приготовили место для кремации. Рави помогал развязывать веревки, впившиеся в тело Амиши. Ее бережно уложили на деревянные носилки и отнесли к погребальному костру. Сложили высокую кучу дров, а сверху положили Амишу, уже одетую в белоснежное сари. Самир, как старший сын, вместе с Дипаком взял горящую ветку и поджег костер. Все собравшиеся смотрели, как тело охватывают пляшущие языки пламени.

Когда от Амиши не осталось ничего, кроме пепла, Дипак раскрыл урну, развеял в воздухе прах, и тот стал медленно оседать на землю вокруг. Отдельные частички пепла, те, что были легче других, летели дальше, на волю, поднимались выше облаков и пропадали за горизонтом, наконец-то унося Амишу в дальние дали, о которых она до сих пор могла лишь мечтать.

ДЖАЙЯ

50

Мы сидим на крыльце, а деревня вокруг оживает в лучах рассветного солнца. По лицу у меня текут слезы: Рави только что закончил свой рассказ об Амишиной смерти.

— Что с ней было? — шепотом спрашиваю я.

— Энцефалит — от того комара, что ее укусил. — Рави несколько раз сглатывает, чтобы совладать с эмоциями.

Я тоже стараюсь взять себя в руки.

— Опухоль мозга часто вызывает галлюцинации.

— От комара? — недоверчиво переспрашиваю я.

— Если вас это хоть немного утешит, ваша бабушка раздавила его, и его яд никому больше не повредил. — Рави поднимает с земли трость.

— А как вы узнали про энцефалит?

— Через несколько лет у нас началась эпидемия этой болезни. Люди стали умирать один за другим, и тогда уже власти зашевелились. — Тихим голосом Рави добавляет: — Нас стали предупреждать, чтобы не выходили на улицу или надевали закрытую одежду после сезона дождей. — Он гневно качает головой. — Симптомы были те же.

— А мама ничего об этом не знает...

Мне горько думать о том, сколько всего от нее скрывали. Она имела право знать о своем прошлом — ведь оно определило ее будущее.

— Не знает, — подтверждает Рави. — После этого ваш дедушка почти не говорил о вашей бабушке. — Он сцепляет в замок руки, лежащие на коленях. — Это была наша тайна — то, как мы обошлись с ней в ее последние дни.

— Но зачем же было бить ее? И окуривать дымом? — Я стараюсь говорить сдержанно, но боль все равно прорывается.

— Время было другое, Джайя, — произносит Рави, но в его голосе слышатся горечь и раскаяние. — Выбирать не приходилось. С тех пор, как мы стали свободными, наша страна за короткий срок прошла большой путь.

— Как жаль, что я ее не знала. — Меня охватывает тоска по бабушке, которую я никогда не видела. Я горюю о ее смерти и о том, как ей пришлось умереть.

— Ваша бабушка гордилась бы вами, — говорит Рави.

Я поднимаю на него глаза, и он добавляет:

— Но, думаю, она может спать спокойно, зная, что ее жертва оказалась не напрасной. Вы ведь пользуетесь всеми возможностями, верно?

— Но их ведь не было у моей мамы? — спрашиваю я. — Ее горести начались, когда она осталась без матери.

— Да, — задумчиво говорит Рави. — После смерти вашей бабушки Лена едва не потеряла все.

— Рави... — начинаю я: мне не терпится узнать, что было дальше, но он предостерегающе поднимает руку.

— Позвольте мне сегодня взять передышку. — Морщинистыми руками он вытирает с лица слезы. — Я и не думал, что после ее смерти смогу еще горевать о чем-то. — Он удрученно вздыхает. — Боюсь, что я ошибся.

Он гладит меня по плечу и уходит домой, а я остаюсь сидеть на крыльце.

***

Взволнованная, не находя себе покоя, я брожу по деревенским улицам и думаю на каждом шагу — может быть, здесь когда-то проходили бабушка и мама? Так я незаметно оказываюсь на окраине деревни, а вскоре уже не замечаю, куда бреду, и теряю счет пройденным милям.

Сколько я себя помню, мама занималась медитацией. Мне всегда казалось, что это ее самые счастливые минуты — когда она закрывает глаза и погружается в свои мысли. Она говорила, что начала медитировать еще в детстве. Видя, как она любит это занятие, я тоже пробовала, и не раз. Но мне никак не удавалось отделаться от посторонних мыслей, крутившихся в голове. О работе, о беременности, обо всем понемножку — разнообразные события дня не давали сознанию расслабиться. Когда я спросила маму, в чем тут секрет, она сказала: «Чтобы обрести покой, нужно отпустить контроль над жизнью». Тогда я не поняла, что это значит, а теперь думаю — может быть, для нее, перенесшей в юные годы столько тяжких утрат, это был единственный способ выжить.

Открытия последних недель оказались ошеломляющими. Я приехала в Индию, чтобы сбежать от сложностей, с которыми мне пришлось столкнуться, и найти способ пережить свою потерю. А теперь не могу даже представить, как же мои бабушка и мама пережили то, что выпало на их долю.

История Амиши перенесла меня в чужой, незнакомый мир, но он был частью маминой жизни, а значит, и моей, как и наша кровная связь с Амишей. Как ни далека я от того времени, в котором жила бабушка, без

этой деревни, без ее мрачной и таинственной истории я никогда не стала бы той, кто я сейчас.

Неожиданно для себя я оказываюсь у дверей школы. Достая ключ из тайника Рави и открываю замок. Хотя мы с Рави уже не раз проходили по этим пустым коридорам, теперь, одна, я вижу их другими глазами. Я выхожу в сад и представляю себе Амишу — как она ищет себя, а находит Стивена.

Моя бабушка никогда не верила ни в свое право любить и быть любимой, ни в то, что ее могут ценить за ее писательский талант. А мне удалось найти и любовь, и признание, и никогда не приходилось жертвовать ни тем, ни другим. Когда Амише пришлось выбирать, она не захотела оставить сыновей, которые нуждались в ней. Но, принеся эту жертву и оставшись в Индии, она добилась от мужа обещания отправить мою мать в Америку. Мне горько от того, что я никогда не знала свою бабушку. Я тоскую по этой женщине, чья кровь течет в моих жилах. Но та сила, что кипела в крови Амиши, до сих пор была для меня чем-то недоступным.

Слова воспитательницы из приюта эхом отдаются в голове. История, которую рассказал мне Рави, вновь и вновь звучит в ушах, заглушая другие звуки. Я смотрю на сад и думаю о том, что я могу сделать в память об Амише и как попытаться дотянуться до заданной ею высоты.

***

Вечером я возвращаюсь домой и вижу, что у дома стоит авторикша. С любопытством подхожу ближе — как раз в тот момент, когда пассажир выходит и протягивает водителю деньги. Он поворачивается ко мне, и у меня перехватывает дыхание.

— Патрик! — восклицаю я. На лице у него вчерашняя щетина. Джинсы и рубашка измяты. На одном

плече — большой рюкзак, на другом — сумка с ноутбуком. — Что ты здесь делаешь?!

В несколько шагов я оказываюсь прямо перед ним. Протягиваю руки, чтобы обнять, и тут же, растерявшись, делаю шаг назад. После нашего разговора я ощущаю, что мы стали ближе, чем были до выкидышей, но после всего того, что произошло между нами, все же не чувствую полной уверенности.

— Приехал тебя провести. — Патрик хватает меня за руку, и через мгновение я оказываюсь в его объятиях.

Он крепко держит меня за талию и прижимает к себе. На мне туфли без каблуков, и я приподнимаюсь на цыпочки, чтобы положить голову ему на плечо. Любовь и желание окутывают меня, будто облаком, напоминая о том, кем мы были еще недавно.

— Надеюсь, у тебя все в порядке, — говорит Патрик, щекоча мне волосы дыханием.

— Да. — Я отстраняюсь и смотрю на него, все еще не веря своим глазам. — Более чем.

Надежда стремительно затягивает меня в свой водоворот, но я напоминаю себе: одним разговором невозможно отменить боль стольких лет. Я сжимаю пальцы в кулак, борясь с желанием провести ими по заросшей щеке Патрика, а потом по груди.

— Здесь можно где-нибудь поговорить наедине? — Чуть дрогнувший голос выдает его усталость и волнение.

— Да, конечно. — Я жестом приглашаю его в дом. — Идем.

Патрик поднимается за мной на крыльцо и ждет, пока я открою дверь. Ставит сумки на пол в коридоре и оглядывается вокруг.

— Это и есть дом, где выросла твоя мама?

— Да. — Я чувствую небывалую гордость за это скромное жилище. — И здесь моя бабушка писала свои истории.

Я пытаюсь увидеть дом глазами Патрика, вспоминаю, как разглядывала его сама, когда только приехала. Теперь-то я знаю: то, что казалось тогда мелким и незначительным, стало колыбелью событий, предопределивших судьбу моего рода.

— А я начинаю понимать, кем являюсь.

— И кем же? — Патрик подходит ближе, становится рядом, заглядывает мне в глаза и ждет ответа.

— Той, кому пришлось заново собирать себя по кусочкам. Я должна была многое узнать... о себе, о маме. Какую бы роль еще ни предстояло сыграть в жизни, мне нужно точно знать, кто я. — Он понимающе кивает, и я наконец спрашиваю: — Почему ты здесь, Патрик?

Мне необходимо услышать правду — знать, что у него на сердце, хотя бы для того, чтобы понять, что на сердце у меня.

Он отводит взгляд, но потом снова смотрит мне в глаза.

— Не ты одна потеряла себя после этих выкидышей. Мне тогда дышать было нечем, — признается он. Проводит по шее рукой, а потом прячет ее в карман джинсов. — Я хотел спасти тебя, спасти нас, но уйти оказалось проще.

— Стейси, — говорю я, и он кивает.

— Я думал, она поможет мне забыть. Вот дурак. — Он протягивает руку, чтобы коснуться моей щеки, но останавливается, словно спохватившись. — Ты — все, что у меня есть. Все, что мне нужно. — Он сглатывает комок, и глаза у него влажнеют. — Мне так жаль, что я ушел от тебя.

— Что с тобой произошло? — спрашиваю я, все еще боясь поверить.

— Мне не стало легче без тебя, — медленно произносит он. — Казалось, что под конец у нас уже не осталось ничего, кроме боли, но когда я ушел, мне все время тебя не хватало. Твоей улыбки, твоего смеха, твоей

одержимости, с которой ты по сто раз переписываешь свои статьи, пока они не станут идеальными до последнего слова. — Он тяжело вздыхает. — Мне не хватало моего лучшего друга. Моей жены.

После этих слов последние клочки тьмы развеиваются. Я думаю о бабушке, о том, как в этом самом доме ей пришлось выбирать между любовью и всей своей жизнью. Такой выбор никогда не должен стоять перед человеком, но она сделала его достойно — так, как подсказывало сердце, которое всегда думало прежде всего о других.

Патрик — тот, кого я всегда любила. Даже когда мое сердце было разбито, и тогда оно принадлежало ему. Потеряв себя, я была уверена, что потеряла и его. И вот он стоит рядом, готовый раскрыть мне свои объятия и душу. Непрошенные слезы наворачиваются на глаза, и мое сердце замирает от счастья.

— Это слезы радости? — Он стирает капли кончиком большого пальца.

— Да. — Так долго пробыв одна, я теперь не могу поверить, что он снова со мной. — Я люблю тебя, — шепчу и чувствую давно забытую легкость. — Всегда любила. Даже если не всегда помнила об этом.

— Милая... — Его губы прижимаются к моим, и я открываюсь перед ним — для памяти, для смеха, для боли, для любви. — Я люблю тебя. — Его слезы смешиваются с моими. Мне нестерпимо хочется коснуться его, и я поднимаю на нем рубашку. Глажу по груди ладонями. Он пытается расстегнуть пуговицу у меня на спине, а я смеюсь: он так долго бьется с непривычной застежкой.

— Ты такая красивая, — говорит Патрик, когда я сама протягиваю руку за спину, чтобы расстегнуть пуговицу. Он оглаживает руками мою простую длинную хлопковую блузу — из тех, что носят здесь деревенские женщины. — Никогда не видел тебя в такой одежде.

Покончив с застежкой, я поднимаю руки, и Патрик стягивает с меня блузу через голову. Мы медленно раздеваемся, любуясь друг другом. Он проводит ладонью по моему животу, в котором я так недолго носила наших детей. Я накрываю его ладонь своей, утыкаюсь лбом в его лоб и горюю вместе с ним. Наши губы снова встречаются.

Мы попали в шторм, и на какое-то время стихия оказалась сильнее нас обоих. Наши паруса не выстояли против свирепого ветра, и волны едва не потопили нас. Но, когда я уже уверилась, что мне не выплыть к берегу на свет маяка, я услышала бабушкину историю. Ее борьба, ее решимость научили меня тому, как неповторим и дорог каждый день, а еще тому, что любовь нужно беречь как бесценное сокровище, которое лишь немногим счастливицам удастся найти и сохранить.

Патрик поднимает меня на руки, несет на диван, и наше перешептывание становится бальзамом для ран, напоминанием о нашей любви. Когда мы наконец сплетаемся в единое целое, я закрываю глаза и крепко обнимаю своего мужа, радуясь, что он снова со мной.

РАВИ

51

Два месяца и два дня Дипак искал себе новую жену. Дал знать в окрестных деревнях, что готов отказаться от приданого. Джанна помогала ему перебирать предложения отцов девушек, но Дипак отказал всем до одного. Недовольная Джанна пригрозила, что больше не станет помогать.

— Амиша умерла, — отрезала она. — Чем раньше ты с этим смиришься, тем скорее у детей будет новая мама.

Рави играл с Леной, пока Бина готовила обед. Он ничего не сказал. Они с Биной взяли на себя воспитание детей, пока Дипак был занят своими поисками.

— Выбери кого-нибудь сама, — сказал наконец Дипак. — Кого хочешь. Только чтобы... — Он умолк, глядя на Лену: та как раз ударила ложкой по горшку. — Чтобы она готова была полюбить детей.

Джанна выбрала женщину из состоятельной семьи, но сердце у той было холодное. Оми, новая жена Дипака, не слишком заботилась о детях, доставшихся ей в придачу к мужу. Она то и дело жаловалась — куда ни ткнись, вся деревня только и говорит о том, какой заботливой и любящей матерью была Амиша!

— Я живу в тени мученицы! — кричала Оми уже через несколько месяцев после свадьбы. — Эта семья должна бы радоваться, что у них есть я.

Лена, пугавшаяся ее криков, плакала.

— Ну-ка, тихо! — прикрикивала Оми.

Лена была для нее отражением предшественницы. Девочка не могла сразу успокоиться, и однажды Оми ударила ее по щеке. Лена упала на землю и зашлась в крике. Рави бросился утешать девочку.

— А ну, не трогай! — рывкнула Оми, и Рави застыл на месте. — Только прикоснись, я ей тогда еще добавлю.

— Не надо, пожалуйста! — взмолился Рави.

Малышка ведь еще не могла сама просить за себя.

— За кого ты заступаешься — за ребенка, который убил твою шримати?

— Что? — Рави решил, что он ослышался. — Лена убила шримати?!

— Она же родилась в ночь Амавасья.

Считалось, что рождение дочери в ночь новолуния, когда луна полностью скрыта в тени, приносит несчастье в семью. Но это же Лена! Малютка, которую Амиша любила всем сердцем.

— Этого не может быть.

— Ребенок родился под покровом тьмы, и демоны убили ее мать, — сказала Оми. — Кому же ее и защищать, как не тебе.

Оми толкнула Лену с такой силой, что та ударилась о стену и снова расплакалась от страха.

Так начались Ленины мытарства. Оми била ее за малейшие проступки, и вскоре Лена уже всхлипывала и дрожала при одном ее виде. Мальчики были старше, они могли скрыться от мачехи в школе, могли убежать на улицу к ребятам. А Лене деваться было некуда.

Рави не раз пытался встать между этой женщиной и Амишиной дочерью. Дважды она побила вместо

девочки его самого, но это ему было нипочем. Все-таки Лене на два раза меньше досталось! Наконец, придя в отчаяние, в один из тех редких вечеров, когда Дипак был в деревне, Рави отправился к нему на мельницу.

— Она обижает Лену, — с порога сказал Рави Дипаку.

После новой женитьбы Дипак стал еще реже появляться дома — иногда его не было месяцами.

— Уймите ее как-нибудь, умоляю вас! — добавил Рави, видя, что Дипак принял эту весть почти равнодушно. — Это же дочь шримати.

— И лейтенанта, — ответил Дипак, и Рави ошеломленно умолк. Дипак взглянул ему в глаза и покачал головой. — Ты знал. — Он коротко, сдавленно хохотнул. — Ну конечно. Ты же хранил все ее тайны. Оми нашла письма, которые Амиша с лейтенантом писали друг другу. Любовные письма. — Дипак провел ладонью по усталым глазам. — Моя жена была изменницей. Лгуньей.

— Нет, она... — Рави пытался и не мог найти слова, чтобы все объяснить. Он совсем забыл о письмах. Даже перед смертью Амиша ни разу не упомянула о них, и Рави решил, что их уже нет в доме. — Она была хорошим человеком. Письма ничего не значат.

— Не ври мне! — проревел Дипак. — Амиша мне изменяла. — Он грозно выкатил глаза, губы у него изогнулись в гримасе отвращения. — Оми растит незаконнорожденного ребенка. Я должен быть ей благодарен по меньшей мере.

— Лена еще маленькая. Она достойна лучшего! — взмолился Рави. — Вы не знаете, каково это — смотреть, как она плачет.

— Так не смотри. — В каждом слове Дипака кипела ярость. В глубокой задумчивости он долго смотрел на Рави и наконец принял решение. — Оми часто жалуется, что ты слишком по-свойски держишься. Для такой,

как Амиша, это, может быть, и годилось, а Оми достойна лучшего, — мстительно повторил он слова Рави.

— Что вы хотите сказать? — прошептал Рави.

— Я больше не могу держать тебя в доме. — Дипак стал перебирать бумаги на столе. — Сегодня ты работаешь последний день. Что там с Леной, тебя больше не касается.

Рави потрясенно уставился на него.

— Прошу вас, сахиб! — взмолился он. — Я не хотел вас оскорбить. Я сделаю все что угодно. Дети...

— Не твоя забота, — оборвал его Дипак. — Ты уволен.

Рави вновь принялся умолять, но Дипак отрезал:

— И еще одно. Если ты кому-нибудь хоть словом обмолвишься о том, кто Ленин настоящий отец, я увезу ее в город, сдам в приют и забуду, как ее звали. Я должен заботиться о своей репутации. — Он встал и рывком распахнул дверь. — Ты же у нас мастер хранить секреты, вот и сохранишь еще один.

Рави сделал последнюю попытку:

— Лейтенант... Он может забрать ребенка. Напиши-те ему, прошу вас.

Дипак покачал головой:

— Лейтенант погиб. Несчастный случай. Викраму сообщили об этом несколько недель назад.

Рави едва сдержал горестный вскрик. Он помнил слова Амиши о ее единственном утешении — что они живут под одним небом. Она еще сказала тогда — если бы он умер, она бы знала. Может быть, подумал Рави, лейтенант тоже каким-то образом узнал о ее смерти. Значит, родители Лены оба мертвы, и она осталась совсем одна. Онемев от горя, Рави сумел только кивнуть и вышел.

Он устроился на работу в городе — собирать на улицах помет, оставленный бродячими животными. Все эти

годы он каждую неделю виделся с Амишиными мальчиками, расспрашивал, как они живут, как Лена. Дрожащими голосами они рассказывали, что бить Лену Оми хоть и перестала, зато называет ее не иначе как «апа-сакуна», что значит «дурное предзнаменование». Лена старалась поменьше попадаться мачехе на глаза и не вызывать на себя ее гнев. Дипак по-прежнему проводил время в разъездах, а когда бывал дома, то с Леной почти не разговаривал.

Каждую неделю Рави с тяжелым сердцем выслушивал эти новости. Он напоминал мальчикам, чтобы учились как следует, носил им сласти на день рождения или в подарок за школьные успехи. Поддерживать связь с мальчиками было нетрудно, а вот Лене предоставлялось так мало свободы, что никакой возможности увидеться с ней не было.

Шли годы. Самир с Джеем, получив стипендии, уехали учиться в Англию — вопреки воле Дипака. Пареш тоже готовился уезжать — в Австралию, и тоже против отцовской воли. Однажды он сам разыскал Рави.

— Для Лены нашлись два жениха, — сказал Пареш. Лицом он очень походил на Дипака, да и голос был отцовский. — Один — парень из соседнего штата, из семьи портных. Оми хочет, чтобы ее увезли подальше отсюда.

Он помолчал, и Рави спросил:

— А второй?

— Этот парень собирается ехать в Америку, учиться на врача. — Пареш потер рукой затылок. — А больше нет никого.

Еще когда Лена была маленькой, Оми пустила слух, что она приносит несчастье. Предупреждала всех односельчан, чтобы держались от нее подальше — для их же блага. Она винила девочку в смерти ее матери и регулярно проводила пуджу, чтобы очистить дом от темной энергии. Распускала сплетни о Лениных странностях,

хотя Лена всегда была очень славной девочкой. Вскоре деревенские жители поверили рассказам Оми и стали сторониться Лены, оберегая от нее своих детей и родных. Оми страдания девочки, судя по всему, доставляли странное удовольствие.

— Лена говорит, что хочет выйти за того, который будет врачом, но... — Пареш умолк.

— Но?

— Оми не согласна. Там приданое большое требуют. За этого парня многих с радостью отдадут — он же будет доктором в Америке.

Рави видел, что Пареш ищет способ помочь сестре.

— Лена плакала. Они с этим парнем как-то встретились случайно и понравились друг другу. Она умоляла папу, но он и слушать не хочет. И я тоже пытался. — ничего не вышло.

Все более долгие отлучки Дипака после смерти Амиши не прошли даром: между отцом и сыновьями прошла трещина, а его потворство мачехиному обращению с Леной только ухудшило отношения.

Рави был рад, что мальчики до сих пор, после стольких лет, не утратили доверия к нему. Самир с Джем хорошо помнили Рави, часто вспоминали о том, как дорожила Амиша его дружбой, и Пареш, по примеру старших братьев, тоже крепко к нему привязался.

— Папа хочет объявить о помолвке через несколько дней. — Пареш рассеянно глядел на улицу, на толпу прохожих. — Если Лене придется до конца своих дней жить с этим портняжкой... — Он умолк и проглотил комок. — Она заслуживает счастья.

***

Рави принял душ в пристройке, которую его семья делила с десятью другими. Одним куском мыла отмыл и тело, и волосы после грязной работы. Торопливо

переделся в свежую рубашку и брюки, разодрал ломаной расческой колтуны в волосах.

Сунув ноги в сандалии, он зашагал к мельнице. Когда здание показалось впереди, в голове всплыло утешительное воспоминание об их первой встрече с Амишей.

— Если вы слышите меня, шримати, — прошептал Рави, — помогите мне добиться справедливости для вашей дочери.

Он вошел, и над дверью звякнул колокольчик. Управляющий был уже другой, не тот, что много лет назад.

— Сахиб здесь? — спросил Рави.

В ожидании он вытирал о штаны вспотевшие ладони. Когда через пять минут Дипак вышел к нему, Рави уставился на него с нескрываемым изумлением. Волосы у бывшего хозяина поседели, глубокие морщины покрывали лицо. Он сильно исхудал — одежда висела мешком на его костлявом теле.

— А, Рави... — сказал Дипак. Теперь на его лице не было и следа той враждебности, что пятнадцать лет назад. Оно было просто изможденным. — Много лет мы с тобой не виделись. — Он жестом пригласил Рави пройти за ним в кабинет и кивнул на кресло для посетителей. — Как вы там с Биной?

— Хорошо. — Рави не стал рассказывать, как дня не проходит, чтобы Бина не вспомнила о детях, которых любила, как родных. Он вздохнул, набираясь храбрости, и сказал: — Я слышал отличную новость — вы готовитесь к Лениной свадьбе. — Эти слова он сто раз репетировал у себя в голове. — Пареш говорит, что его сестра хочет выйти замуж за будущего врача.

— Ты говорил с моим сыном? — переспросил Дипак, но настоящего гнева в нем не было, только усталость. — Ты все ему рассказал?

— Нет, — поспешно заверил Рави. — Я обещал сахибу, и я не сказал ни слова. — Он испугался, не

испортил ли все дело, и постарался поправиться: — Он просто случайно обмолвился. Беспокойтесь за сестру.

— С врачом ничего не выйдет, — сказал Дипак, кажется поверив его объяснению. — Оми считает, что портной лучше.

— Амиша хотела, чтобы Лена жила в Америке, — напомнил Рави — резче, чем намеревался. — В ту ночь, когда она родилась, вы дали Амише слово. Помните? — В глазах Дипака мелькнула искра, и Рави убедился, что помнит.

— Сам того не зная, я пообещал жене послать в Америку чужого ребенка. — Лицо Дипака вспыхнуло негодованием, уголки рта опустились. — Я был болваном. Ребенок с каштановыми волосами, белой кожей и зелеными глазами. И я поверил Амише, что Лена — моя дочь! Да и что мне было думать? — Он покачал головой с видимым отвращением. — Я не считаю себя обязанным выполнять это обещание. Лена выйдет замуж за портного. — Он встал, давая понять, что разговор окончен.

— Он приезжал за ней, — в отчаянии проговорил Рави. Дипак, уже шагнувший к двери, замер и непонимающе уставился на него. — Лейтенант любил Амишу. Он хотел, чтобы она уехала с ним в Англию. Обещал вырастить мальчиков, как своих.

— С индианкой? — Дипак тяжело оперся о стол. — Офицер из британской администрации?

— Да. — Рави мысленно молил небо подсказать ему нужные слова. — Амиша отказалась, — медленно проговорил он, стараясь, чтобы сказанное им дошло до сознания Дипака. — Знала, что носит его ребенка, и все равно отказалась.

— Почему? — спросил Дипак хрипло. — Если она знала, что ребенок не мой, зачем же она меня обманывала?

— Потому что любила вас, — солгал Рави. Он должен был любой ценой помочь Лене. — Она хотела быть только с вами. — Наконец Рави нашел единственные слова, которыми мог надеяться достучаться до Дипака: — Шримати могла родить свою дочь в Англии, но она верила, что вы вырастите Лену. Что будете добры к ней. И она заплатила за свою верность жизнью...

Рави стоял позади редкой толпы гостей. Оми не хотела тратить на свадьбу ни рупии сверх самого необходимого. Церемонию она назначила меньше чем через три дня и разослала приглашения только ближайшим родственникам. Пареш позвал на свадьбу и Рави, но предупредил, что Оми об этом знать не должна. Рави пообещал держаться поодаль. Но он хотел своими глазами увидеть, как Амишина дочь выходит замуж.

Пуджари произнес на хинди слова, навеки связывающие Лену с ее мужем, осыпал молодых розовыми лепестками и окропил святой водой. Затем пуджари связал край Лениного сари с одеждой жениха и попросил обоих произнести друг перед другом семь обетов, прежде чем обойти вокруг костра.

Когда церемония завершилась, раздались слабые аплодисменты. Рави закрыл глаза, горюя про себя о том, что его подруги нет здесь, и она не может видеть свадьбу дочери. Лена подошла сначала к Парешу — тот крепко обнял ее, поцеловал в макушку и пожелал счастья. Свадьба была назначена так поспешно, что ни Самир, ни Джей приехать не успели. Затем Лена согнулась в поклоне и в знак почтения коснулась пальцами ноги Оми. Оми только кивнула и тут же отстранилась: обнять нелюбимую падчерицу она не пожелала. Наконец Лена подошла к Дипаку и таким же почтительным жестом коснулась его ноги.

— Будь счастлива, — сказал он дочери, которая не была ему дочерью по крови. — В память о твоей родной матери.

Лена подняла глаза, и Рави увидел слезы у нее в глазах. Она отрывисто кивнула.

— Буду, папа. — Лена бросила взгляд на мужа, молча стоявшего рядом, и снова повернулась к отцу. — Спасибо, — выдохнула она. — За эту свадьбу. — Она долго смотрела в лицо человеку, который ее вырастил. Подбородок у нее задрожал, и она прошептала: — За то, что позволил мне выйти за того, за кого я хотела.

Рави видел, как муж взял Лену за руку, коротко пожал и тут же выпустил. Он улыбнулся: еще в прошлом поколении такой поступок вызвал бы всеобщее неодобрение. Зато Амишино сердце затрепетало бы от счастья при виде этого проявления нежности и заботы.

Дипак кивнул. Рави видел, что он тоже борется с эмоциями. Повернувшись к зятю, Дипак сказал:

— Заботься о ней там, в Америке. Теперь она твоя.

— Да, отец. — Такое обращение было знаком уважения. — Обещаю.

Обняв Лену за талию, муж повел ее к ожидающему рядом автомобилю, который заказала на свадьбу его семья. Открыл дверцу и знаком пригласил Лену садиться первой. Когда она уже пригнула голову, чтобы сесть в машину, ее глаза встретились с глазами Рави. Она на миг остановилась, увидев, что по его щекам текут слезы, и на лице ее мелькнуло недоумение. Рави поднял руку — в знак поздравления и прощания одновременно. Лена, очевидно, не помнила его, но все же помахала рукой в ответ. Ее муж сказал что-то — Рави не расслышал. Кивнув, Лена отвела глаза от лица Рави и стала садиться в машину.

Муж уселся рядом с ней, и через несколько секунд автомобиль тронулся. Рави провожал его глазами, пока тот

не скрылся из вида. Уже повернувшись, чтобы уйти, он заметил, что Дипак смотрит на него. Рави медленно сложил перед собой ладони и отвесил легкий благодарственный поклон, а затем, не дожидаясь ответа, повернулся и пошел домой со спокойным сердцем.

То, чего желала Амиша для своей дочери, исполнилось.

ДЖАЙЯ

52

Жара уже спала, а в тени от дерева еще прохладнее. В саду тихо, словно даже его обитатели почуяли смутную тревогу. Цветы свернули лепестки, листья на деревьях повисли безжизненно, будто в трауре.

— Моя мама считалась дурным предзнаменованием, — шепчу я, выслушав от Рави окончание истории. — Так значит, мачеха винила ее в смерти Амиши? — Я с трудом сдерживаюсь, чтобы не всхлипнуть. Теперь все становится понятным. И то, с какой скрупулезностью мама всегда следовала любым правилам, чтобы ни в коем случае нигде не оступиться. И то, как она терзалась, когда я теряла детей. И то, как старалась никого не подпускать близко: она боялась, что ее «темная энергия» может принести кому-то беду. Ее приучили к мысли, что все плохое в ее жизни, в жизни ее матери, а потом и в моей — ее вина. — Она думает, что приносит несчастье.

— Да. — Лицо у Рави усталое и измученное. Он смотрит отсутствующим взглядом куда-то мимо меня. — Ее мачеха предупреждала всех мужчин, которые хотели на ней жениться, что на их жизнь и на жизнь их детей ляжет проклятие. С детства и до самой свадьбы вашей маме твердили, что она была проклятием. И Дипак тоже никогда ее не разубеждал, вот она в конце концов

и поверила. — Плечи у него поникают. — А я не мог сказать ей правду.

Работая журналисткой, я насмотрелась и наслушалась разного: каких только жестокостей не творили люди друг с другом. Нас учили эмоционально дистанцироваться и излагать читателю факты. Поначалу это было нелегко, но я быстро приновилась. Вскоре я уже была известна своим умением рассказывать истории с завидной беспристрастностью.

Но теперь, услышав о том, как обращались с моей матерью, я не могу оставаться безучастной. Меня трясет от негодования. Если бы это зависело от меня, я добилась бы, чтобы ее жизнь пошла по другому пути. Но я бессильна: прошлого не изменишь. Такая ей выпала судьба: всю жизнь носить в себе то, о чем она не хотела мне рассказывать. Может быть, пока ее несчастье оставалось тайной, это позволяло хоть как-то примириться с ним.

— Почему же Дипак попросил ее никогда не приезжать домой?

— Не знаю, — признается Рави, по-видимому в замешательстве. — Разные могли быть причины. Может, Оми так хотела, или сам Дипак боялся погубить свою репутацию, если эта история выплывет наружу. — Голос у него срывается. — Он никогда не говорил мне, что взял с нее такое обещание.

— Но он же звал ее перед смертью? — спрашиваю я, пытаюсь понять поступки своего деда.

— Может быть, надеялся под конец загладить вину... — Рави долго молчит, а потом произносит: — Дипак любил Амишу и, кажется, так до конца и не оправился ни от ее измены, ни от ее смерти. — Он тяжело вздыхает. — Винить Лену было легче всего.

— Она живет хорошо, — тихо говорю я. — С моим папой. — Всю жизнь, сколько я себя помню, мою мать

терзали демоны, но все же я понимаю: по сравнению с тем, как могла бы повернуться ее жизнь, ей еще очень повезло. — И все это благодаря вам.

Я хочу сказать Рави еще многое, например, как я благодарна ему за то, что он пришел маме на помощь и переломил ее судьбу, но он качает головой.

— Это не конец истории. Я еще не все вам рассказывал. — Он крепко сжимает в руке трость. — Всю жизнь я ждал, когда смогу сбросить этот груз с души, а теперь время пришло, но боюсь сказать правду.

Рави поднимает на меня глаза, и я отшатываюсь, видя в них страх. Хочу спросить, в чем дело, но он опережает меня:

— Я обманул ее.

— Кого? — недоуменно переспрашиваю я.

— Он приезжал. — Слова Рави едва слышны за шорохом листвы под легким ветерком, который заставляет цветы негодуяще качать головками. — После того, как Амиша прогнала лейтенанта, он приезжал за ней еще раз.

— Стивен? — В изумлении, ничего не понимая, я пытаюсь вникнуть в смысл его слов. — И она опять отказала ему?

— Она не знала. — Рави дрожит всем телом. — Лейтенант пришел к ней за три дня до того, как ее укусил комар. Она ушла на реку, я был дома один. И я сказал ему... — Рави с трудом переводит дыхание. — Я стал умолять его уйти. Сказал, что она счастлива. Он поверил мне и пообещал, что больше не вернется.

— Ничего не понимаю, — шепчу я, чувствуя, как щемит сердце. — Зачем же вы это сделали?

— Если бы он увидел малышку, он бы догадался, — с трудом произносит Рави. — Захотел бы, чтобы дочь жила с ним, и тогда Амише пришлось бы выбирать между мальчиками и Леной. — Слезы душат его и мешают разобрать слова. — Я хотел уберечь ее от страданий.

А вышло так, что обрек на смерть. — Он поднимает голову и смотрит мне в глаза. — Я не принес вашей семье ничего, кроме горя. Простите меня, — просит он сквозь слезы. — Если бы не я, она, может, и до сих пор была бы жива.

Ошеломленная, я смотрю на этого человека, столько лет несущего на себе бремя вины. Медленно, запинаясь, говорю ему:

— Вы же не знали, что так случится. — Не сдерживая слез, накрываю его ладонь своей. Перед моей бабушкой стоял выбор, который ни перед кем стоять не должен — выбор между детьми и любимым человеком. — Это было невозможное решение. — Я не хочу осуждать Рави. Он прожил достойную жизнь и всегда поддерживал своего друга без слова упрека. — Ее смерть — это трагедия, а не вина.

Я склоняю голову под тяжестью горя. Но не могу винить того, кто хотел только добра. Мои выкидыши, приезд в Индию, примирение с Патриком — все это помогло мне понять, что в жизни всего не предусмотреть.

В первый раз с тех пор, как Рави начал рассказывать мне эту историю, я слышу бабушкин шепот. Затихаю и вслушиваюсь: у меня нет никаких сомнений, что это ее голос. Я смотрю, как клонятся к цветам ветки бука, и верю: это Амиша стоит рядом и тихонько подсказывает мне, как утешить Рави.

— Вы были ее другом. — Я беру его за руку и крепко сжимаю. — Амиша любила вас и верила вам. Если бы она знала, что вы вините себя, это разбило бы ей сердце. Вы ни в чем не виноваты. И моя мама тоже ни в чем не виновата.

— Амиша была нужна своим детям и лейтенанту. Они любили ее и потеряли навеки. — Он прикладывает ладонь к моей щеке. — И вы потеряли бабушку, которая любила бы вас всегда, несмотря ни на что. — Не желая

принимать мое прощение, он добавляет: — И эту вину мне за одну жизнь не искупить.

Рави тяжело встает, опираясь на палку, и уходит по дороге к дому. Я смотрю ему вслед, пока он не скрывается из виду.

Остаток дня я молча созерцаю Амишин сад и прокручиваю в голове все подробности этой истории. Патрик сегодня пошел бродить по окрестностям, чтобы дать мне дослушать рассказ Рави. Наконец солнце садится, и я покидаю бабушкин цветущий рай. Ловлю первого попавшегося авторикшу и прошу отвезти меня в соседний городок. Там направляюсь напрямик в знакомое кафе, набираю номер и жду, когда на другом континенте раздастся звонок.

— Алло. — Голос у мамы хриплый со сна. Там ведь уже глубокая ночь.

— Мама... — говорю я и умолкаю. Когда-нибудь я расскажу ей о ее родителях и обо всем, что с ними произошло. Но сейчас я должна сказать ей о том, что чувствую. — Я люблю тебя.

— Джайя? — откликается мама, мгновенно проснувшись. Я слышу, как она садится на кровати, и как папа рядом спрашивает, что случилось. — Бети?

— Я так тебе благодарна. За все, что ты мне дала, — говорю я, и меня душат слезы.

Судьба произнесла свой приговор уже при маминном рождении. Ей пришлось расти без материнского тепла и совета. Но, хотя печаль никогда не оставляла ее, она несла свое бремя молча. Она считала себя проклятием и держалась в стороне от всех. Она любила меня как умела, а сама жила под грузом стыда.

Мне горько думать о том, что мама вынуждена была скрывать историю своего детства. Но если бы не это, я бы не попала сюда, на другой конец света, в этот незнакомый, но родной дом. А ведь здесь, в Индии, среди

смеющихся прохожих и уличных попрошаек с израненными душами, среди величественной красоты и печали, мне открылась настоящая история моих мамы и бабушки. Тех, кто меня создал. Никакой путеводитель не подскажет, куда повернет дорога жизни, но если я возьму с собой в этот путь столько же милосердия и сердечного тепла, как те женщины, что жили до меня, то проживу свою жизнь достойно.

***

«Бог посылает нам лишь те испытания, которые мы в силах вынести». Это поверье распространено во многих культурах. Как-то, еще начинающей журналисткой, я писала о похоронах любимого горожанами мэра маленького городка. Он провел на своем посту двадцать лет и оставил после себя множество преданных избирателей и маленького сына. Устав слушать, как пришедшие почтить его память вновь и вновь повторяют эту фразу, вдова повернулась к подруге и спросила: «А если сил не хватит?» Хороший вопрос... на который нет ответа.

Моя бабушка полюбила другого человека, не мужа, и родила от него дочь, но так и не призналась, что ребенок его. Рождение этой девочки и вся связанная с ним история, о которой я до сих пор не имела никакого представления, — все это сформировало мое будущее. Эти события определили мою жизнь: что-то отняли у меня, но и открыли какие-то возможности.

Бабушка была еще молодой, когда судьба прервала ее путь, и она умерла, не прожив свою жизнь до конца. Ее тайна оставалась тайной до недавнего времени. Человек, которого она считала своим лучшим другом, хранил секрет даже после ее смерти. Но вместе с этой историей он носил в себе груз вины: он считал себя виновным в ее безвременной гибели. Решение, принятое в надежде уберечь ее, привело, как он считал, к трагическому концу. Что бы мы ни говорили теперь, это не снимет с него вины. И сам собой напрашивается вопрос: его ли решение толкнуло ее на этот путь, или же это и есть рука судьбы, которую никто не мог бы отвести?

У меня было три выкидыша. Разумеется, я никогда не желала такого исхода. Время шло, я делала все, что только было в моих силах, чтобы побороть обстоятельства, но судьба оказалась сильнее. Это горе — неспособность выносить ребенка — лежит на мне тяжким грузом, а вместе с ним и трудный вопрос: возможно ли найти какое-то решение, которое изменит мою судьбу?

Жизнь похожа на пазл, только его кусочки то и дело меняют форму, и картинка тоже меняется. Как часто я была уверена в своем решении, а в итоге выбирала совсем другой путь. Родственная душа, которую я встретила в шестнадцать лет, к семнадцати превратилась в навязчивого преследователя. (Шучу...

впрочем, не совсем.) Приемная комиссия колледжа, который, как я считала, будет счастлив заполучить меня в студентки, решила, что я им не подхожу, и пришлось мне поступать в другой. Какие-то повороты я выбирала сама, а какие-то были вынужденным решением. И все вместе они привели меня туда, где я нахожусь сейчас.

Это моя последняя заметка из Индии. Я готова вернуться домой. Это значит — взглянуть в лицо отчаянию, от которого бежала. Я возвращаюсь, обретая новый смысл в жизни и новое представление о ней. Может быть, жизнь — это и есть череда выборов, которые подкидывает нам судьба. Может быть, смириться с невозможностью чего-то — значит открыть другую дверь. А может быть, это значит, что в самые трудные времена нужно держаться изо всех сил. Тьма, окружавшая меня, не исчезла, но потихоньку рассеивается. С благодарностью за все, что имею, с проблеском надежды на то, чем могу стать, я отпускаю свое прошлое и смотрю в будущее».

— Что это ты пишешь? — спрашивает Патрик, заглядывая мне через плечо.

Я оборачиваюсь и вижу его — с пакетами сувениров из деревенских магазинчиков.

— Ты ходил за покупками?

— Да, — смущенно отвечает он. Протягивает мне пакеты. — Ребятишки тут умеют уговаривать.

— Развели тебя на покупки? — поддразниваю я, но голос у меня усталый.

Патрик чувствует это и тут же ставит пакеты на пол.

— Все хорошо? — Он касается ладонью моей щеки. — Ты дослушала свою историю?

Я накрываю его руку своей и киваю.

— Историю о моей маме и о том, что с ней случилось здесь.

Вчера вечером я познакомила Патрика с Рави и его правнуками. Как я и предполагала, он просто влюбился в них, а они — в него. Когда он затеял на улице игру в кикбол с Амитом, Мишей и соседскими ребятами, я смотрела на них и ощущала себя такой счастливой, какой не бывала уже давно. Рави, видя, как я сияю, наклонился к моему уху и прошептал: «Он хороший человек, да? — Я кивнула, и тогда Рави сказал: — Ему очень повезло, что вы его любите». — «И мне повезло, что он любит меня», — шепотом ответила я.

— Ее детство... все, что ей пришлось пережить... — начинаю я и на миг умолкаю, чтобы перевести дух. — Это очень многое объясняет. — Она боялась подпускать меня к себе слишком близко, потому что была уверена: все плохое в моей жизни случается по ее вине. Ее отстраненность была попыткой защитить меня. — Рави рассказал о том, какой выбор ему пришлось сделать однажды. Теперь он живет с этим много лет. — Я киваю на экран ноутбука: — Это о выборе. О судьбе и о наших собственных решениях.

— А сейчас ты подошла бы к этому иначе? — спрашивает Патрик, пробежав глазами текст.

— Не знаю. Я никогда не согласилась бы терять детей по доброй воле, но, если бы можно было начать все сначала, может, я бы и не стала пытаться забеременеть. — Я вспоминаю все свои многолетние надежды

и их крушение. — Но если бы я не попыталась, то так и думала бы все время: а что, если бы... — Только теперь у меня наконец хватает духу признаться себе, что от меня ничего не зависело. — А ты?

Патрик долго молчит, а потом наконец отвечает:

— Может быть. Когда после всех этих потерь мы потеряли и себя, это было тяжело. — Он гладит меня по щеке, а я кладу ладонь на его руку, радуясь прикосновению. — Что это с тобой было — тогда, в той квартире? — Он спрашивает о тех приступах, когда меня внезапно накрывала темнота, — о провалах во времени.

Я видела, что это и в тот раз его встревожило, но, если бы он спросил тогда, я бы не смогла ему ответить.

— Это, должно быть, от горя. Я не знала, как с ним справиться, и легче всего было просто отключиться. — В другое время такие симптомы меня испугали бы, но тогда я едва замечала, что со мной происходит. — Здесь мне сразу стало лучше, а потом приступы и вовсе прекратились. — Я показываю на экран компьютера: — Кажется, это будет мой последний репортаж отсюда.

Он смотрит мне в глаза.

— Ты готова уехать?

— Да, готова вернуться домой. — Я беру его за руку. — А еще хотела бы обсудить с тобой кое-какие свои мысли. — Патрик кивает, и я целый час расписываю ему идеи и планы, связанные с Амитом и Мишей, а заканчиваю рассказом о приюте и своим главным желанием: — Я хочу усыновить ребенка. Конечно, это длительный процесс, но... — Я умолкаю в ожидании его реакции.

Патрик улыбается, и на сердце у меня становится легче. Он обнимает меня и прижимает к себе.

— Да, — тихо говорит мой муж. — Пусть у нас будет ребенок.

Рави приходит рано утром. Патрик решил сегодня провести день с Мишей и Амитом: они хотели познакомить его со своими родителями. Я открываю дверь, и Рави с порога кажется мне как будто постаревшим и усталым. Он протягивает пачку бумаг.

— Как и обещал — вот то, что ваш дедушка хотел отдать вашей матери. Вот почему я попросил вас остаться и выслушать мою историю.

Я перебираю листы и изумленно поднимаю глаза:

— Письма Стивена Амише?

— Ваш дедушка хотел, чтобы ваша мама поняла: ее любили и ждали. — Голос у него обрывается. — Он знал, что она в это не верит.

Я сдерживаю слезы и прижимаю письма к груди.

— Зачем он их хранил?

— Думаю, поначалу это было что-то вроде самоистязания. Напоминание об Амишиной измене. — Рави долго молчит, глядя в пол, и глаза у него затуманиваются. — А потом хранил для вашей матери. Перед смертью он сказал мне, что не может отменить ошибки прошлого, но надеется, что эти письма станут первым шагом к тому, чтобы что-то исправить.

Я пробегаю глазами письма Стивена — в них слова безоглядной поддержки и глубокой тоски. Эти слова не оставляют сомнений, что Стивен с Амишей любили друг друга — в то время, когда считались еще просто друзьями. Именно в разлуке это стало очевидно, как никогда.

— Я передам их маме. — Я вытираю непрошенные слезы. — Спасибо.

Кажется, только вчера Рави ввел меня в этот дом, но с той поры столько всего успело случиться. Вместе с этой историей Рави подарил мне правду о моем происхождении и возможность избавления для мамы. Я в долгу перед ним за это до конца жизни.

— Что такое, бети? — спрашивает Рави, видя, как я пытаюсь справиться с собой.

— Я уезжаю. — На его лице отражается грусть и смирение. — Мне давно уже пора домой.

— Вместе с мужем, — договаривает он за меня и понимающе улыбается. — С тех пор, как он приехал, вы стали счастливой.

— Да, — соглашаюсь я. — Мне повезло встретить настоящую любовь, а теперь, когда вы рассказали мне вашу историю, историю моей бабушки, я понимаю, как важно любовь хранить.

— Значит, история сделала свое дело, — ласково говорит он и спрашивает: — Когда?

— Через пару дней. Но сначала вы должны кое-что сделать для меня. Этот дом... — Я умолкаю и окидываю взглядом скромное жилище, подыскивая подходящие слова. Люди, которые жили здесь, были простыми смертными, но их история, их дух пережили их самих. Они изменили меня, и я навсегда благодарна им за это. — Я хочу, чтобы вы с семьей переехали сюда.

— Нет, Джайя, — Рави протестующе поднимает руку и качает головой.

— Послушайте, — говорю я, решившись не отступать. — Я уже переписала дом, школу и мельницу на ваше имя. — Поскольку я уже имела на руках письма всех родственников с отказом от прав собственности, эта операция обошлась мне всего в несколько сотен долларов. — Вы выполнили свои обещания, Рави. А теперь, будьте добры, примите то, что моя бабушка сама отдала бы вам, если бы могла.

— После того, что я вам рассказал? — Рави ошеломленно смотрит на бумаги. — Как вы можете мне это предлагать?

— Однажды вы сказали, что моя бабушка была не идеальной, но ее сердце всегда стремилось делать

добро другим. Думаю, она могла бы сказать то же самое о вас. Вы просто хотели уберечь ее. Она бы поняла.

— Когда она была жива, этот дом был полон счастья и радости. — Рави оглядывается вокруг, и в его голо-се слышится глубокая печаль. — А потом превратился в мавзолей.

— Все это время вы с заботой и любовью ухаживали за ним. Это ваш дом по праву, — киваю я.

Он опять пытается возразить, но я не даю.

— Не кровь определяет родство. Только любовь. — Я беру его за руку. — Если бы сегодня мою бабушку спросили, кто такой Рави, она сказала бы — член семьи.

Рави сглатывает комок.

— Можете сдать школу в аренду для коммерческого использования и даже мельницу снова открыть. Пожалуйста, Рави, ради нее, ради ваших родных — не отказывайтесь. Она сама хотела бы, чтобы все это досталось вам.

— Вы сделали нам большой подарок, — шепчет Рави. Складывает ладони перед собой и кланяется. — Спасибо.

— И еще кое-что... — тихо произношу я. — Хочу предложить вам... но не потому, что я... — Умолкаю, боясь, как бы нечаянно не оскорбить его и его понятия о жизни.

— Говори, бети.

Я осторожно подбираю слова.

— У меня огромная квартира в Нью-Йорке. Патрик — чудесный человек. — Я вспоминаю свое прошлое и все те шаги, которые в итоге привели меня сюда. В первый раз за долгое время я смотрю в будущее с надеждой. — Я не знаю, можно ли что-то сделать, но хотела бы попробовать помочь. — Я думаю о моей маме, о моем детстве, и это дает мне силы продолжать: — Мама научила меня, что самое важное для ребенка — это

любовь и поддержка. И я обещаю, что буду любить их от всего сердца.

— Кого? — непонимающе переспрашивает Рави.

— Ваших правнуков! — выпаливаю я. — Отпустите Мишу с Амитом в Америку. Миша там будет лечиться, и оба получают образование. Я с огромной радостью дам им все это.

— Джайя?.. — Рави пристально смотрит на меня.

— Бабушкин писательский дар открывал ей дверь в мир, где она была счастлива. И там, в этом мире, она встретила Стивена и свою настоящую любовь. — Теперь я знаю, что никогда больше не буду принимать дары жизни как должное. — Ваша история научила меня кое-чему. В жизни не всегда можно стать тем, кем хочешь, — значит, нужно быть кем можешь. У Амита с Мишей есть семья, где их любят, здесь их дом, но для меня была бы большая честь подарить им другой мир, пусть и ненадолго.

— Хотите открыть им дверь? — спрашивает Рави.

— Нет, — задумчиво отвечаю я. — Думаю, это они откроют дверь для меня.

ЭПИЛОГ

РАВИ

Рави закрывает буклет и чувствует, что его сердце распирает от гордости. Затуманившимися от слез глазами он смотрит, как его правнуки танцуют с Роки, а тот дружески тявкает. Вскоре дети отправляются в Америку. Джайя уже прислала билеты обоим — и Амиту, и Мише, и в придачу буклет о детской больнице рядом с ее домом, специализирующейся на ортопедии и лечении полиомиелита.

Рави прижимает глянцевые страницы к груди и тихо плетется в дальнюю комнату. Открывает дверь, и на него тут же накатывают воспоминания. Та самая комната, где Амиша столько лет сочиняла свои истории, манит его к себе. Рави шагает неторопливо: спешить ему некуда. Закрывает за собой дверь — пусть все остальные празднуют.

— Спасибо, — говорит ему Амиша. Она стоит в ногах кровати.

Рави смотрит на нее. Он видел ее уже столько раз, но никогда еще — так ясно, как живую.

— Тебе бы самой рассказать эту историю, — тихо говорит Рави, вновь, как всегда, жалея, что она не может этого сделать.

— Ты уже рассказал так, как я никогда бы не сумела, — заверяет Амиша, все так же улыбаясь, и глаза

у нее тоже начинают искриться смехом. — Себя-то героем выставил, не удержался?

— Это ты для меня всегда была героиней, — признается Рави. На сердце у него легко: с души наконец-то свалилась тяжесть, давившая все эти годы. — Как ты там?

— Счастлива, — говорит она, заметив на его глазах слезы.

— А Стивен? — При виде ее улыбки в нем расцветает надежда.

— Тоже. — Этот простой ответ означает, что теперь она снова вместе со своей настоящей любовью. — Я тут еще кое-что написала. — Она протягивает ему руку. — Хочешь почитать?

— Конечно. — Рави вкладывает свою ладонь в Амишину. Она сжимает ее, и Рави, делая шаг навстречу своему верному другу, понимает: он наконец свободен.

ДЖАЙЯ

За две недели до приезда Амита и Миши я получаю письмо, где говорится, что все планы окончательно утверждены, дети уже собрали вещи и готовы лететь. В самом конце письма внук Рави сообщает о его смерти. Рави умер вскоре после того, как получил от нас с Патриком фотографии нашего дома и школы, которую мои родители помогли найти для его правнуков. Сын Рави пишет, что отец с улыбкой листал буклет с фотографиями школы и больницы, потом пошел спать, а утром в постели нашли его бездыханное тело.

Я не оплакиваю его кончину. Тот Рави, которого я знала, жил ради того, чтобы выполнить обещание, данное другу много лет назад. Он рассказал мне Амишину историю и убедился, что ее наследие не пропало даром. Благодаря ему мы с мамой нашли путь друг к другу.

Когда я пересказывала маме эту историю, мы с ней вместе радовались и вместе скорбели о короткой любви, которая успела дать ей жизнь. А когда я поделилась нашими планами усыновить ребенка из приюта, мама со слезами обняла меня и сказала, что с нетерпением ждет встречи с внуком или внучкой.

Выполнив свою миссию, Рави наконец позволил себе спокойно уснуть. Я верю, что он встретился там с Амишей: она ведь так долго ждала своего самого преданного друга.

Благодарности

Марк Готлиб, я никогда не забуду тот день, когда началось наше сотрудничество. Ты — бесценное сокровище, и я рада, что мне выпало счастье работать с тобой. Я верю, что у нас впереди еще много лет дружбы и много совместных книг.

Даниэль Маршалл, ты каждый раз превращаешь издательскую работу в удовольствие. Благодаря тебе я поверила в эту историю. Спасибо за мудрые слова и поддержку.

Гейб и «Author Team», спасибо за все, что вы делаете, включая всю невидимую работу, благодаря которой издательский процесс идет как по маслу. Я глубоко признательна вам за это.

Деннел Кэтлетт, большое спасибо за всю работу, которую вы делаете, чтобы книги дошли до читателей. Я от души благодарна.

Таня Фаррелл, я очень рада, что буду работать с вами. Заранее спасибо за все.

Саралу К. — спасибо, подруга, за то, что ты все понимаешь и всегда рядом, что бы ни случилось. Ты — голос спокойствия и здравого смысла, звучащий именно в тот момент, когда он мне особенно нужен. Я люблю тебя как сестру, но вот что касается безумных каникул — давай-ка все-таки без меня.

Тиффани И. Мартин, ваши идеи относительно этой книги были очень полезны. Вы всегда умеете сделать

историю лучше. Спасибо за то, что с вами так приятно работать.

Николь Померой, Сара Аддикотт, Джейн Стил и Николь Бруггер-Детмерс, большое спасибо за все ваши труды, идеи и поправки, помогавшие довести книгу до окончательного блеска. Благодаря вам она стала значительно лучше.

Читатели, спасибо вам за то, что прочитали. Мою глубочайшую благодарность невозможно выразить никакими словами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	6
ДЖАЙЯ	13
АМИША	57
ДЖАЙЯ	133
АМИША	147
ДЖАЙЯ	178
АМИША	191
ДЖАЙЯ	201
АМИША	220
ДЖАЙЯ	251
АМИША	271
ДЖАЙЯ	299
АМИША	314
ДЖАЙЯ	338
АМИША	354
РАВИ	369
ДЖАЙЯ	377
РАВИ	385
ДЖАЙЯ	396
ЭПИЛОГ	410
РАВИ	410
ДЖАЙЯ	411
Благодарности	413

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

Седжал Бадани
КАЧЕЛИ СУДЬБЫ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Елена Ступненкова*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 09.11.2020.
Формат издания 84×108¹/₃₂. Печ. л. 13,0. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Дата изготовления 09.12.2020. Заказ № 2012660.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Срок годности не ограничен
Произведено в Российской Федерации

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labirint.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labirint.ru

16+

ЗНАК ИНФОРМАЦИОННОЙ ПРОДУКЦИИ

